

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

В. А. Толочек

СТИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ресурсный подход

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2015

УДК 159.9
ББК 88
Т 52

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Толочек В. А.

Т 52 Стили деятельности: ресурсный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 366 с.

ISBN 978-5-9270-0299-3

УДК 159.9
ББК 88

В книге анализируются результаты исследования стилей деятельности в спорте высших достижений (на примере спортивной борьбы дзюдо, вольной, классической борьбы). Анализируются эффекты спонтанного и направленного формирования стиля деятельности, роль тренера в становлении стиля спортсмена, динамика и генез стилей, факторы успешности деятельности спортсмена. Разрабатывается концепция «стилей профессиональной деятельности». Вводятся понятия «среда», «пространство деятельности», «ресурсы», «диада» и «триада», «психологическая ниша» и др.

Российский
научный
фонд

*Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 14-28-00087*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

ISBN 978-5-9270-0299-3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

Глава 1

Теоретико-методологическое обоснование исследований стилей: ресурсный подход 13

1.1. Предпосылки изучения феномена «стиль» в психологии. 15

1.2. Адаптация человека к среде и в среде:
типологический, функциональный, стилевой
и экологический подходы в психологии 27

1.3. Стиль, способности и ментальные ресурсы человека. 37

1.4. Становление концепции
«индивидуальный стиль деятельности» 52

1.4. Индивидуальный стиль в структуре
индивидуальности человека 64

Глава 2

Совместная деятельность и стили 74

2.1. Совместная деятельность и взаимодействия субъектов:
распределения функций и ролей как ресурсы
социальной успешности. 74

2.2. Спорт высших достижений и феномен стилей 87

2.3. Стили совместной деятельности и ресурсы:
задачи исследования. 100

Глава 3

Стили деятельности в спорте 111

3.1. Феноменология стилей деятельности
в спортивной борьбе: ресурсы и ограничения 111

3.2. Организация деятельности спортсмена:
стиль и пространство деятельности 139

3.3. Стили деятельности и психологические ниши	162
3.4. Стили и психические состояния субъекта	176

Глава 4

Совместная деятельность субъектов в спортивных единоборствах.	184
--	------------

4.1. Роль тренера в становлении стиля и успешности деятельности спортсмена	184
4.2. Эффекты направленного формирования стиля	196
4.3. Взаимодействия стилей и индивидуальностей субъектов совместной деятельности: факты, обобщения, предположения	221
4.4. Дискуссионные вопросы	233

Глава 5

Проблема стилей: перспективы исследований	237
--	------------

5.1. Структуры в эволюции и функционировании психологических систем	237
5.2. Задачи и организация исследования	240
5.3. Структуры стилей как фактор успешности спортсменов (борцов-дзюдоистов)	250
5.4. Феномен стиля: подобие структур стиля и его подсистем (борцов-вольников)	262
5.5. Структурно-функциональная организация стиля и пространство деятельности	275
5.6. Психологические механизмы становления, развития, функционирования стилей	282
5.6. Открытые вопросы и перспективы исследований стилей в спорте	287

Заключение	311
----------------------	-----

Литература	326
----------------------	-----

Приложение 1	349
------------------------	-----

Приложение 2	352
------------------------	-----

*Посвящается Е. А. Климову –
первому отечественному ученому, описавшему стили
как психологические системы адаптации человеком
своей индивидуальности к окружению (условиям
профессиональной, учебной и спортивной деятельности)*

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие, а точнее, диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук.

Б. Ф. Ломов

Цель книги – не в «реабилитации» проблемы стилей в психологии. Активное и широкое изучение проблемы стилей с середины 1950-х годов и такое же резкое снижение интереса к ним к 1990-м годам, увы, может и должно быть принято как данность. Но за более чем полувековой период учеными накоплен колоссальный эмпирический материал, были обоснованы и подтверждены важные методологические и мировоззренческие основания, выработаны и прошли огранку критикой методы исследования, осмыслен опыт практического применения научных знаний в социальной практике. Исследования стилей создавали конструктивную оппозицию исторически первому, «общему», подходу к пониманию проблем адаптации человека к среде, факторов успешности человека в разных видах деятельности и др. Снижение интереса к проблемам дифференциальной психологии, дифференциальной психофизиологии, а затем и к проблеме стиля можно расценивать как утрату «многополярности» научных позиций, что едва ли способствует конструктивному развитию психологии как научной дисциплины.

Цель книги – в интеграции методологии, теоретических исследований и практически-прикладных работ, освоенных психологами во второй половине XX в., в том числе, на примерах изучения, коррекции и направленного формирования стилей. В конце 1970-х годов Б. Ф. Ломов, выдающийся ученый и организатор науки, четко сформулировал методологические приоритеты, которые долж-

ны определять развитие отечественной психологии: «...взаимодействие, а точнее, диалектическое единство теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук...Общественная практика существенно определяет проблематику психологии, подходы к ее разработке и используемые методы. Психологическая теория развивается на базе тех данных, которые накапливаются в экспериментальных и прикладных исследованиях. Являясь для теории неиссякаемым источником информации, они служат и средством проверки ее истинности» (Ломов, 1999, с. 39).

К сожалению, исторически так сложилось, что эти приоритеты до настоящего времени не стали руководящими принципами. Вместе с тем в исследованиях проблемы стилей в психологии, по своей философии и методологии прямо ориентированной на активную социальную практику, на помощь и психологическое сопровождение обучения и деятельности каждого конкретного человека, эти пожелания Б. Ф. Ломова действительно воплощались. Это определяется содержанием самой проблемы, самой организации научного поиска, характерной для ее изучения, регулярного использования формирующих экспериментов.

В настоящей книге разрабатывались темы *ресурсов и структур стилей (меры структурированности систем, связей структурированности и успешности субъекта, подобия структур системы и подсистем)* как главных научных задач. Стили рассматривались как психологические системы, обеспечивающие субъектам актуализацию необходимых им ресурсов.

Представление ученых о функциях в системах структуры и структур заметно изменялось и обогащалось на протяжении второй половины XX в. В 1960–1970-х годах ученые единодушно констатировали, что именно в структуре – совокупности наиболее устойчивых элементов и связей системы – представлены атрибуты системы, ее сущностные свойства; что системы сохраняют свои свойства, пока сохраняются их структуры, если изменения не выходят за границы, нарушающие эти структуры. На рубеже 2000-х годов в исследованиях психических и психологических систем постулировалось, что именно структуры несут в себе, сохраняют и основные функции данных систем, и историю эволюции систем. В 1990–2000-х годах отмечалось, что именно характер связей между компонентами (например, профессионально важными качествами) определяет профессионализм и успешность субъектов, что именно такие изменения

исходных отношений компонентов есть принципиальный признак профессиональной эволюции субъекта.

Парадоксально, что даже при наличии в научной литературе множества косвенных констатаций тема *психологических структур* все еще не становится центральной темой в стилевой проблематике. Обобщая в отношении предмета нашего исследования богатый литературный материал, отметим, что не столько состав деятельности субъектов, не столько мера выраженности составляющих деятельности, сколько именно особенности их организации, их структуры, могут быть определяющими факторами успешности субъекта.

Авторская концепция стилей является дальнейшим развитием представлений Е. А. Климова–В. С. Мерлина. При этом она имеет ряд важных отличий. Выделим принципиальные особенности нашего подхода. 1. Исходной для нас выступает деятельность совместная, а не индивидуальная. 2. Единицей анализа совместной деятельности субъектов выступают не отдельные субъекты, а профессионально-психологические группы – «триады» и «диады». 3. Стили в видах деятельности с вариативно-изменчивыми условиями (в спортивных единоборствах, в управленческой деятельности) понимаются как вариативно-изменчивые системы. 4. Обсуждаются вопросы структурно-функциональной организации и генезиса стилей; разделяются феномены типовых и индивидуальных стилей. 5. Феномен стиля рассматривается на примерах не массовых профессий, а видов деятельности с высокой планкой, с дифференцированной шкалой профессионализма. 6. Стили понимаются нами как множество включенных друг в друга психологических систем, актуализируемых в зависимости от ситуации (поэтому мы предпочитаем использовать понятие «стили», т. е. множественное число, а не традиционное «стиль» как единичное явление). 7. Множество стилей мы рассматриваем в «цепочке» отношений «человек – среда (окружение)»: «индивидуальные стили деятельности < стили профессиональной деятельности < стили деятельности < стили жизни < стили человека», или *ИСД < СПД < СД < СЖ < СЧ*. 8. Многообразие форм адаптации человека к среде и в среде рассматривается в аспекте проблемы стиля.

Оперирование в наших исследованиях понятиями «типологический» стиль, психофизиологически обусловленный стиль и т. п. есть дань научной традиции, есть исходный пункт наших исследований, отражение научной преемственности. Но принципиально важным в наших работах стало выделение «внутренних» связей

между компонентами деятельности и закономерностей их изменений. Такие отношения мы и раскрываем через понятия «структура», «структуры», «структурированность», «пространство», «психологические ниши» и др.

В монографии рассматривается и план научно-практических работ по проблеме стиля: теория и практика управления человеческими ресурсами в сфере обучения, трудовой деятельности, спорта и др. До настоящего времени сохраняется довольно низкий КПД деятельности тренера, учителя, преподавателя, руководителя, что едва ли можно считать адекватным тому колоссальному приросту общественного производства, который обеспечен машинами и автоматизацией. Этот дисбаланс, это своеобразное преломление «человеческого фактора» едва ли можно считать второстепенным.

Проблема стилей в монографии рассматривается на модели *спорта высших достижений* (СВД). В СВД мы можем выделять многое из тех проявлений социальных отношений людей, которые в других сферах сглажены, присутствуют латентно, отсрочены по времени. В определенном смысле *спорт высших достижений есть будущее эволюции многих видов профессиональной деятельности*. Именно в СВД проявляются многие социальные тенденции и апробируются социальные технологии, которые позже транслируются в другие виды трудовой и учебной деятельности. Именно в спорте первоначально заявили о себе такие явления, как историческое возрастание интенсивности работы, расширение форм профессиональной подготовки и переподготовки, включенность обучения в сам процесс профессиональной подготовки субъекта, научное планирование режимов и объема работы, возрастание социальной ответственности человека за результаты деятельности, обособление и спецификация форм профессионального восстановления и реабилитации, актуализация «профессионального здоровья», «профессионального долголетия», планирование профессиональной карьеры и пр.

Начало обсуждения проблемы стилей в психологии было положено в нашей первой монографии (Толочек, 2013). В ней решалось несколько важных задач: 1) анализа и оценки истории исследований по проблеме стилей; 2) критического анализа сложившихся на протяжении XX в. научных подходов; 3) выделения основных проблемных и ключевых моментов исследований, без которых дальнейшие исследования стиля едва ли могут быть продуктивными; 4) отражения сильных отечественных научных традиций, мало представ-

ленных в отечественных обзорах и игнорируемых в зарубежных, равно как и методологических ограничений проведенных исследований; 5) метаанализа методологии исследований стилей в разных научных традициях; 6) выявления спектра смежных проблем современной психологии; 7) оценки возможных перспектив дальнейшего изучения стиля в психологии: разработка возможных подходов к дальнейшему изучению стиля, привлечение новых идей для объяснения получаемого материала.

Структура и задачи настоящей книги

В первой главе, «Теоретико-методологическое обоснование исследований стилей: ресурсный подход», обсуждаются общие предпосылки и первые исторически сложившиеся подходы к изучению стиля, обсуждаются методологические границы научных исследований и сопряженные вопросы (психология адаптации, стиль, способности, ресурсы человека). Стили рассматриваются как психологические системы, способствующие актуализации и интеграции субъектом ресурсов разной природы.

Во второй главе, «Совместная деятельность и стили», проводится критический анализ вопросов изучения «индивидуальной» и совместной деятельности и взаимодействия субъектов, обосновывается правомерность выделения профессионально-функциональных и социально-психологических групп взаимодействующих субъектов («триад») как единиц изучения стиля. Анализируются проявления феномена «стилей» в спорте высших достижений.

В третьей главе, «Стили деятельности в спорте», рассматриваются и анализируются особенности стилей в спортивных единоборствах (борьбе дзюдо, вольной и классической) на основе данных, собранных в 1980–2000-х годах. Ключевые темы – динамичность условий деятельности и изменчивость проявлений стилей, организация вследствие активности субъектов «пространства деятельности», ресурсов успешности, феномена «психологические ниши».

В четвертой главе, «Совместная деятельность субъектов в спортивных единоборствах», обсуждается научно-практический опыт: результаты, прямые и косвенные, непосредственные и отдаленные по времени (на 10–25 лет) эффекта направленного формирования стиля у спортсменов (начинающих, юношей-разрядников, квалифицированных спортсменов), динамика профессиональных достижений тренеров – участников экспериментальных программ. Ана-

лизируется роль тренера в становлении стиля его воспитанников. Глава завершается дискуссионными вопросами.

В заключительной, пятой, главе, «Проблема стилей: перспективы исследований», обосновывается представление о единстве, целостности феномена «стиль» и многообразии его проявлений, аргументируются представления о структурно-функциональной организации стилей. Анализируются психологические механизмы становления, развития, функционирования стилей; перспективы дальнейшего изучения проблемы; предлагаются новые методологические подходы и принципы объяснения феномена «стиль»; обосновывается необходимость обращения к экологической парадигме, введения системы новых понятий («пространство», «триады», «ниши» и др.). Обсуждается эвристический потенциал концепции стилей профессиональной деятельности в связи с перспективами дальнейшего продвижения в познании феномена.

«Заключение» выполняет функции подведения итогов и определения перспектив на будущее.

Хочу выразить глубокую признательность и искреннюю благодарность известным ученым – Е. А. Климову, К. М. Гуревичу, Е. П. Ильину, которые с большим вниманием, доброжелательностью и теплотой относились к молодому коллеге. Хочу выразить благодарность моим преподавателям и первым наставникам в науке – Г. Б. Горской, Е. К. Ермоленко, В. А. Якобашвили, внимание и забота которых сыграли решающую роль в моем профессиональном становлении.

Всегда с теплотой и благодарностью вспоминаю о замечательных тренерах и спортсменах – А. Г. Боголюбове, Г. И. Богданове, С. М. Вайцеховском, М. Ф. Евтушове, Г. К. Лоханском, А. В. Маликове, Е. А. Погорелове, В. В. Лизенко, Н. Л. Медведеве, В. М. Невзорове, Я. К. Коблеве, В. И. Силине, Г. М. Слесареве, А. А. Хмелеве, В. И. Федяеве, Н. Л. Медведеве, В. Н. Тяпочкине и других, доброжелательно, открыто и деятельно поддерживавших первые опыты студента, позже аспиранта.

С особенной благодарностью хочу назвать ученых, периодически выступающих как в роли оппонентов, так и в качестве консультантов, – А. Л. Журавлева и М. А. Холодную.

02.02.2015

В. А. Толочек

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТИЛЕЙ: РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

Проблема стиля... это проблема мастерства и его формирования, это проблема наивысших достижений в деле каждого.

Е. А. Климов

Едва ли не любое одностороннее освещение механизмов адаптации человека к среде можно представить как изучение стилей. Последние вообще часто отождествляют с индивидуальными особенностями человека (психофизиологическими, личностными, профессионально важными качествами), с типовыми стратегиями поведения (соперничества, компромисса, приспособления и пр.). Множество разных описаний стилей, сделанных представителями разных научных подходов, крайне затрудняют выделение общих особенностей рассматриваемого феномена и его атрибутивных свойств, в своей совокупности и целостности и характеризующих феномен стиля.

Если рассматривать феномен «стиль» в более широких научных контекстах, а именно – как одну из психологических систем адаптации человека к среде, как проблему ресурсов, можно предполагать, что поддержание устойчивых отношений человека с внешней физической и социальной средой обеспечивается даже при частичной адаптации, часто – при неполноте нужных ресурсов, всегда – как ситуативное вовлечение разных ресурсов в процесс достижения целей жизнедеятельности. Чаще будет выделяться ограниченное число эффективных вариантов.

Принимая во внимание историческую эволюцию представлений об адаптации, целостный анализ этого феномена должен включать рассмотрение взаимодействий в системе «субъект–объект–среда

(окружение, пространство)–ресурсы (интра-, интер-, внесубъектные)–время (прошлое–настоящее–будущее)». В наибольшей степени ориентирован на разработку «длинных цепочек» составляющих адаптации человека в среде с учетом фактора времени и фактора ресурсов экологический подход, становление которого происходит в последние десятилетия. Стилль является одним из звеньев таких цепочек.

Взгляд на проблему стилия с учетом более широких научных контекстов сразу же обнаруживает несколько принципиальных моментов – открытых вопросов, не получивших достаточное освещение при разработке проблемы стилия. Обобщая сложившиеся во второй половине XX в. представления о стилие в психологии, можно выделить следующие принципиальные моменты, определяющие особенности и ограничения в понимании данного феномена:

1. Локальность проводимых исследований. Как правило, они всегда опирались на методически ограниченный инструментарий, признанный как достаточный в данной научной школе.
2. Исследования стилией всегда проводились на количественно ограниченных выборках (20–30–40 чел.) представителей определенной профессии (чаще всего лиц, занимающих сравнительно невысокие должностные и квалификационные позиции).
3. Тесная зависимость результатов и выводов исследователей о сущности стилия от постулируемой методологии и используемого методического инструментария. Эти аспекты научного исследования констатируются в философии и методологии науки как роль парадигм, традиций, типов рациональности (Мамардашвили, 1984, 1992; Степин, 2000).
4. Методологическая несогласованность разных концепций стилия. Остается крайне сложной и задача их интеграции.
5. Зависимость от исторических контекстов научного изучения стилия, от исторических особенностей «социального запроса».

Ввиду того, что более полувека исследования стилией проходили в определенных парадигмальных рамках, сложившихся в разных научных школах, можно выделить как дискуссионные, так и оставшиеся вообще без какого-либо ответа «открытые вопросы».

1. Позволяет ли традиционный методический инструментарий «схватывать» сущностные или же лишь случайные свойства феномена стилия? Исследования стилия, выполненные в рамках

одной научной традиции, отражают стилевые универсалии, или же результаты таких исследований несопоставимы?

2. Сходны ли структурно и функционально стили у субъектов с разным уровнем профессионализма, занимающих разные должностные позиции и занятых в разных сферах деятельности?
3. Стиль – это единый феномен или множественный? Имеет ли место «каскад» разных стилей, находящихся в определенных отношениях друг к другу («суперсистема»)?
4. Позволит ли критическая рефлексия исторически сложившейся методологии расширить научные горизонты и определить новые задачи изучения проблемы стилей?
5. Позволит ли анализ количественных характеристик расширить представления о стиле?
6. Возможно ли через призму стиля четкое различие психологических механизмов становления и использования человеком собственных, интрасубъектных, ресурсов, а также внесубъектных и интерсубъектных ресурсов, формирующихся в процессах взаимодействия людей?

Появление новых социальных задач, эволюция социальных объектов, развитие методологии дисциплины требует переосмысления содержания ранее изучавшихся вопросов, требует от психологии не только продолжения научных традиций, но и готовности к новому видению новых исторических реалий жизнедеятельности людей.

1.1. Предпосылки изучения феномена «стиль» в психологии

Проблема стиля в психологии вызревала в разных научных подходах и школах – в психоанализе, в дифференциальной психологии, в гештальтпсихологии, в дифференциальной психофизиологии и др. Постановка проблемы психологических основ индивидуальных различий В. Штерном (Stern, 1911), решение вопроса о компенсациях ограничений А. Адлером (Adler, 1927), проблемы управления и стилей руководства К. Левиным (Levin u. a., 1939), проблемы устойчивых различий в анализе информации и решении когнитивных задач (Gardner, Loherenz, Shoen, 1968; Gardner et al, 1959; Klein, Gardner, Schlesinger, 1962; Klein, 1970; Witkin, 1954; Witkin, Dyk et al, 1974; Witkin, Godenough, 1977), вопросов устойчивых особенностей человека как «диспозиций» и произвольного поведения Г. Олпортом (Allport, 1937), Р. Стагнером (Stagner, 1962) и др. побуждали к после-

довательному изучению механизмов адаптации человека к среде (окружению), механизмов регуляции своего поведения, механизмов согласования индивидуальных особенностей и их интеграции в достижении жизненных целей. В отечественной психологии становление проблематики индивидуальных стилей деятельности закладывалось в русле дифференциальной психофизиологии (изучающей биологические основы индивидуально-психологических различий), согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева (1975).

В середине XX в. интерес и к собственно стиливым проявлениям индивидуальности заметно возрос и отразился в последовательном их изучении в разных научных школах, причем независимо от друг от друга. Во второй половине XX в. количество разновидностей изучаемого феномена увеличилось. Наряду с традиционными, устоявшимися понятиями (когнитивный стиль, индивидуальный стиль, стиль) появлялись новые термины: стили общения (Вяткин, 2005; Мерлин, 1986), эмоциональные стили (Додонов, 1978, 1981; Дорфман, 1989, 1992, 1993), стили активности (Волочков, 2007; Вяткин, 1992, 2005; и др.), стили деятельности (Толочек, 1991, 1992); делались попытки классификации выделенных и описанных стилей: когнитивно-аффективные, аффективные, рациональные, эмпирические, метафорические стили (Wardell, Royce, 1978), стили элементарной активности, индивидуальные стили деятельности, стили общения (Мерлин, 1986) и др.

В процессе решения задач в русле того или иного направления, с одной стороны, накапливались факты о функциях стиля как психологической системы, с другой – появлялись основания для разной интерпретации сущности стиля как психологического феномена, для разных оценок его возможностей в обеспечении адаптации человека к среде. Так, например, результаты решения прямых задач дифференциальной психофизиологии (изучения биологических основ индивидуально-психологических различий, выделения свойств человека, определяющих его социальную успешность, механизмов, объединяющих свойства индивида и личности и др.) могли интерпретироваться и в пользу признания колоссальных возможностей стилей как психологических механизмов, обеспечивающих успешность адаптации людей с разными индивидуальными биологически обусловленными особенностями к требованиям среды, профессиональной деятельности в том числе, (Климов, 1959, 1969; Мерлин, 1982 и др.), и в пользу признания ограниченных возможностей стиля (Гуревич, 1970; Ильин, 1984; и др.).

В ряде исследований раскрывались принципиальные возможности, позволяющие человеку использовать особенности его биологической организации посредством формирования адекватного индивидуальности стиля (Вяткин, 1978, 2000; Климов, 1959, 1969; Мерлин, 1982; Теплов, 1961; и др.). Ключом к использованию особенностей психофизиологии человека как ресурса является *индивидуальный стиль деятельности (ИСД)* – «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49). Сам феномен ИСД понимался как путь решения «проблемы мастерства и его формирования, проблемы наивысших достижений в деятельности каждого» (там же, с. 49).

С другой стороны, биологически обусловленные свойства человека рассматривались как непреодолимые *ограничения* возможностей адаптации его к среде. В масштабе общества, отдельной организации средством решения таких задач виделся *профессиональный отбор* (например, в профессиях «первого рода», предъявляющих высокие требования к скоростным качествам, к эмоциональной устойчивости и др.: летчики, операторы энергосистем и т. п.); допускалась возможность успешной адаптации лиц с разными природными задатками лишь в массовых профессиях, профессиях «второго рода» (рабочие-станочники, водители и т. д.), часто не требующих высокого мастерства, не сопряженных с жесткими условиями, не имеющих выраженной профессиональной иерархии и т. п. (Гуревич, 1970; и др.).

Вместе с тем переход от формулирования алгоритмов решения тривиальных задач (подбор персонала, обеспечение среднестатистической эффективности труда работников, управление успешностью трудовой деятельности человека как *ординарного исполнителя ординарных трудовых функций* и т. п.) к постановке задач *профессионального развития*, условий восхождения субъекта к *вершине профессионализма* побуждал к выделению более широкого контекста анализа проблемы – признания необходимости управления (коррекции, согласования и пр.) обоими полюсами системы «человек–профессия» (Бодров, 2001, 2004; и др.). Требовалось признание необходимости актуализации не только специфических профессионально важных качеств (Завалишина, 2005; др.), но и актуализации духовности человека (Пономаренко, 2004; и др.).

Во более поздних разработках феноменов адаптации посредством стиля, при последовательном изучении его детерминант и механизмов обнаруживались неоднозначность многих фактов, множество прямых и косвенных условий, влияющих на успешность человека как субъекта деятельности, выявлялись другие неочевидные составляющие успешности. Так, в исследованиях под руководством Б. А. Вяткина и М. Р. Щукина (Вяткин, 2005; Интегральная..., 1999; Щукин, 1994; и др.) описано множество условий, влияющих на формирование ИСД и, следовательно, косвенно определяющих успешность субъекта. Были выявлены функции стиля в становлении интегральной индивидуальности, прямо и косвенно повышающей успешность адаптации человека в социальной среде. Е. П. Ильин обозначил ряд детерминант, определяющих профессиональную успешность субъекта наряду с ИСД: мотивацию, способности, различие ситуаций деятельности и др. Согласно Е. П. Ильину, ИСД повышает успешность деятельности, но не компенсирует способности. ИСД имеет мощные, но все же ограниченные ресурсы адаптации к условиям и требованиям среды (Ильин, 1980, 2009). В наших исследованиях выделены такие факторы успешности спортсмена, как адекватность вариативных реорганизаций его стиля изменениям условий деятельности; адекватность ИСД субъекта стилям его партнеров, образно названным «психологическая ниша» (согласованность деятельности субъекта со стилями деятельности целого профессионального сообщества, т. е. согласованность стилей всех взаимодействующих субъектов); психофизиологическое соответствие наставника и ученика; соответствие их стилей (Толочек, 1992, 2000).

Обобщая обширный эмпирический материал, следует признать, что едва ли полученные в психологии факты можно считать «необходимыми и достаточными» для окончательного решения вопроса о роли индивидуально-психологических особенностей человека в успешности его адаптации к социальной среде и в среде. По-прежнему остаются открытыми многие вопросы. Психофизиологическая организация человека – это его ресурс или же ограничение? Восхождение к вершинам профессионального мастерства возможно лишь «проторенными путями» либо оно всегда индивидуально своеобразный путь развития человека? Профессиональные взаимодействия партнеров совместной деятельности есть весомые или же нейтральные условия их успешности как субъектов? Контактные социальные группы (профессиональные, семейные, творческие) есть социально-психологические «единицы», способствующие ин-

теграции индивидуальности человека, нахождению им новых ресурсов, или роль социальной микросреды нейтральна, а эффекты постоянных социальных взаимодействий людей можно игнорировать?

На наш взгляд, ряд важных вопросов проблемы стиля (*количественной оценки стиля как психологической системы, обеспечивающей успешность адаптации человека к среде и в среде; возможности стиля способствовать профессиональной успешности; использования свойств индивидуальности человека, условий среды, особенностей взаимодействующих субъектов совместной деятельности как ресурсов*) «блокировались» особенностями первых моделей и задачами исследования, ценностной ориентацией ученых, общественной идеологией и др.

Предпосылки и история становления проблемы

В 1950-е годы в психологии начались глубинные перемены. Зарождаются новые направления, изменяется понимание сущности человека, ценности и уникальности его личности, его неповторимости как индивидуальности. Все большее признание получали право и способность человека быть активным субъектом своей жизнедеятельности: по-своему воспринимать мир, самостоятельно выбирать ценности и ориентироваться на них, своеобразно выстраивать траектории своей профессиональной деятельности и даже жизни в целом.

Это новое движение выразилось в открытой манифестации А. Маслоу и К. Рождерса; в обретении и усилении голоса экзистенциальной психологией (Л. Бинсвангер, Дж. Бьюденталь, Р. Мэй, В. Франкл, И. Ялом); в расширении «пространства личности», подлежащего научному изучению; в активной разработке проблемы человека как активного субъекта С. Л. Рубинштейном; в переосмыслении сущности биологических предпосылок психики Б. М. Тепловым, В. С. Мерлиным и др.; в возрастании внимания к эволюции человека в зрелости (Б. Г. Ананьев, Ш. Бюллер, Д. Сьюпер, Э. Эриксон и др.).

Если вышеназванные тенденции радикальных изменений в представлениях о человеке, о сущности психического следует считать открытыми, внешними проявлениями становления новой психологии, то латентными течениями нового движения дисциплины можно признать возрастание внимания к индивидуальности человека и признание ее статуса в психологии де-юре в разных ее ветвях – в когнитивной, дифференциальной, социальной, психологии развития. Если в начале XX в. важной вехой в развитии психологии

было признание различий между большими группами людей, манифестированное В. Штерном в 1911 г. (Stern, 1911) как дифференциальная психология, то с 1950-х годов одним из главных предметов исследования психологов становится *индивидуальность человека*.

Одним из воплощений нового понимания человека, точнее, отношений человека и социальной среды, стала *проблематика стилей*. Почти одновременно в разных направлениях психологии и в разных точках планеты начинается последовательное и расширяющееся изучение феномена «стиль». В когнитивной психологии и русле движения New Look в гештальт-психологии феномен эксплицитовали как *когнитивные стили* и *когнитивные контроли* (Broverman, 1960; Kagan, Moss, Sigel, 1963; Kagan, 1966; Witkin, 1954; Witkin, Dyk, 1974; Witkin, Godenough, 1977), в социальной психологии и психологии управления – как *стили лидерства (руководства)* (Fiedler, 1965, 1967; Levin, Lippett, White, 1939; Likert, 1961, 1967; Tannenbaum, Schmidt, 1958, 1973; и др.), в социальной – как *стили жизни* и *стили поведения* (Левин, 2000; Barker, 1968; Buller, 1965), в психологии труда – как *индивидуальные стили деятельности* (Климов, 1959, 1969; Мерлин, Климов, 1967).

Принципиальной особенностью этих разных течений является признание потенциальной равноценности разных стилей, понимание стилей как инструментального оформления индивидуальности человека, как признание за человеком «права на свой стиль». В последующие годы будет показано, что разные стили далеко не равнозначны во многих отношениях, во всяком случае, в границах определенных условий, типов решаемых задач, режимов деятельности (Ильин, 1979, 1980, 1983; Толочек, 1986, 1991; Холодная, 1990, 2004). Но колоссальным достижением психологии середины XX столетия, ее важным позитивным потенциалом можно считать открытие и признание феномена стиля – воплощения индивидуальности человека, важного психологического средства его деятельности и поведения, условия его высоких и высших профессиональных достижений, условия достижения психологического комфорта и удовлетворенности работой и жизнью, самого права человека на подобную самоорганизацию в качестве пути и условия достижения социального равенства людей.

И хотя конечная цель – «исчерпывающее объяснение» индивидуальности человека как его ресурсов и ограничений – не была достигнута ни в одном из сложившихся подходов, в процессе этого движения обозначились новые ориентиры и новые приоритеты пси-

хологии. И даже если на тот исторический период не были получены убедительные аргументы в пользу «безграничных ресурсов» стилей, то, как минимум, были подвергнуты сомнению узкопрагматические представления о ресурсах психики человека, о границах его адаптации, о возможностях компенсации одних свойств другими, о широте репертуара возможных психологических средств решения задач. Многие социальные задачи, довлеющие над психологией с конца XIX в., – профессиональная пригодность и психологический отбор, обучаемость и развитие, одаренность и способности и др. – получили новое видение: были раздвинуты границы и расширены горизонты понимания психических возможностей человека, роли методов обучения и др. И если в аспекте достоверного знания многое осталось дискуссионным, то в плане становления новых идеалов науки и ее методологических принципов, критериев, приоритетов и ценностей произошли радикальные измерения.

Время становления стилевой проблематики в психологии нужно признать чрезвычайно важным этапом в развитии научной дисциплины. И хотя классическая психология не «овладела» действительной индивидуальностью человека в XX в., а приближение к ней ограничилось лишь выделением типов, психологических черт, диспозиций, аттитюдов, и тому подобных абстракций, или концептов, иначе – *идеальных теоретических объектов* (по В. С. Степину) – индивидуальность и индивидуальные особенности человека были признаны как ключевые предметы дисциплины, как ее цели и как самоценность.

В параллельных потоках психологии, в гуманитарной парадигме, в сфере психологической практики в 1950–1960-е годы закладывается методология и разрабатываются технологии разных видов психотерапии – гештальт-психологии, клиентоцентрированной терапии, транзактного анализа, NLP и др., ориентированные на широкое использование, на достижение сравнительно быстрых позитивных и долгосрочных эффектов при оказании помощи в решении личных проблем человека «среднего класса», на конструктивную работу с его индивидуальностью, на поддержку его роста и развития как уникальной личности и как индивидуальности. Другими словами, в практической психологии находило воплощение то, что еще предстояло осмыслить концептуально в академической психологии.

Вместе с тем именно в практической психологии в процессах использования разных психотехник широко привлекались, активизировались и делались реальным достоянием человека совершенно

разные ресурсы социальной среды; его собственные «нераскрытые» качества также выступали в роли новых *ментальных ресурсов*. Даже сравнительно краткосрочные взаимодействия клиента и психотерапевта, реализующего определенные профессиональные технологии, создавали новые ресурсы, часто достаточные для снятия острых симптомов и достижения долгосрочных эффектов. По существу, другой человек определенным образом достраивал систему психологических средств, помогающих страждущему преодолеть препятствия, пережить свои невзгоды, найти возможности достижения желаемых результатов. Как уже отмечалось, во второй половине XX в. это становится массовой социальной практикой, в которую вовлечены множество психологов, специализирующихся в этой сфере. Другими словами, за такой практикой стоят не исключения из правил, не отдельные уникальные достижения отдельных выдающихся профессионалов, а определенные *технологии актуализации ментальных ресурсов*.

В свете решения наших задач можно заострить вопрос: если кто-то «другой» может достраивать систему психологических средств, используемую тем или иным человеком, способен ли человек самостоятельно формировать у себя достаточно надежные психологические системы, обеспечивающие ему достижение жизненно важных целей в изменяющихся условиях среды и доступ к необходимым ресурсам в разных ситуациях? Может ли стиль выступать в качестве такой психологической системы, являющейся не только индивидуально-своеобразной и устойчивой, но и обеспечивающий доступ к необходимым ему ресурсам?

Исторические контексты изучения стилей

Современное изучение проблемы стиля сопряжено с широким спектром исследований индивидуальности, личности и ее жизненного пути (Абульханова-Славская, 1991; Анциферова, 1981, 2000, 2006; Дружинин, 2007; Климов, 2004; Кон, 1987; Мерлин, 1986; и др.), с разработкой понятия субъекта деятельности (Абульханова-Славская, 1991; Брушлинский, 1991, 2003; Знаков, 2005, 2007; Сергиенко, 2006, 2009; и др.). В последние годы появляются работы по систематизации накопленного эмпирического материала и по самой проблематике стиля (Вяткин, 2005, 2009; Егорова, 1983; Интегральная..., 1999; Толочек, 1991, 1992, 2000; Холодная, 2004; Шкуратова, 1994; Royce, Powell, 1983; Wardell, Royce, 1978; и др.).

Обратимся к истории понятия «стиль». Оно было введено в научный обиход в 1927 г. А. Адлером (Adler, 1927), который обозначил им совокупность индивидуальных черт, особенностей поведения, динамики жизненных целей человека, способствующую маскировке и компенсации его индивидуальных дефектов (физических, психических, социальных) и преодолению комплекса неполноценности. Такой стиль складывается стихийно как следствие взаимодействия индивидуальных особенностей человека и условий его жизни.

Позднее понятие «стиль» стали использовать и другие психологи для объяснения единства разнообразных психологических проявлений. В 1937 г. Олпорт (Allport, 1937) стилем назвал индивидуальные различия в экспрессии, в выразительной манере поведения, отражающие отношение личности к объектам и субъектам жизни. К стилю он относил «инструментальные», операциональные по своей природе черты личности (способы и средства поведения), с помощью которых человек реализует свои мотивы и цели. Но при этом он еще не разграничивал чисто экспрессивные, формально-динамические акты поведения и собственно операциональные особенности реализации мотивов. В 1962 г. понятие стиля как двуединства форм реагирования и личностно обусловленных обобщенных схем соотнесения образов раскрывает Р. Стагнер (Stagner, 1962). Он различает перцептивные стили (схемы перцептивных актов) и реактивные стили (обобщенные типы соматического выражения эмоциональных переживаний). В 1950-е годы Г. Уиткин, Дж. Клейн, Р. Гарднер и др. под когнитивными стилями (контролями) понимали устойчивые симптомокомплексы, личностно обусловленные индивидуальные и возрастные различия в познавательной деятельности (Gardner, Loherenz, Shoen, 1968; Gardner et al, 1959; Klein, Gardner, Schlesinger, 1962; Klein, 1970; Witkin, 1954; Witkin, Dyk et al, 1974; Witkin, Godenough, 1977). В 1970–1980-е годы в работах Дж. Ройса с коллегами выделяются *аффективные* и *когнитивно-аффективные стили* наряду с более широко изученными *когнитивными стилями*.

Первым отечественным исследованием, в котором было сформулировано понятие «стиль», считают работу Ю. А. Самарина (1948). В ней показана технически опосредствующая роль стиля в развитии способностей человека и подчеркивается индивидуальное своеобразие его стилей. Стиль учебной деятельности школьников понимается исследователем как производное трех компонентов: 1) направленности личности; 2) степени сознательного владения ею своими психическими процессами; 3) техническими приемами

деятельности. Стиль рассматривается как проблема двух полюсов: есть «рациональные стили», «дающие умственным возможностям правильное направление», и «нерациональные стили». Аналогично понятие стиль в 1957 г. использовал Д. А. Ошанин для объяснения своеобразия трудовой деятельности токарей (Ошанин, 1957). Однако наиболее последовательно и систематично эта проблема в отечественной психологии разрабатывалась в 1950–1960-е годы Е. А. Климовым и в 1960–1970-е – В. С. Мерлиным с сотрудниками как концепция *индивидуального стиля деятельности*.

Примечательно, что в русле разных научных подходов, в процессах решения учеными разных научных и практических задач, в их описаниях феномена было много как сходного, так и отличного. В зарубежной психологии изучение стилевых проявлений (когнитивного стиля, стиля руководства и лидерства) было связано с изучением личностных факторов в протекании психических процессов, что приводило к пониманию *стиля как свойства личности*. В отечественной психологии понятие стиля (индивидуального стиля деятельности, индивидуального стиля активности) разрабатывалось в рамках деятельностного подхода, при котором стиль рассматривался как *интегральный феномен взаимодействия требований деятельности и индивидуальности* человека. Складывались два подхода, два направления анализа оснований и следствий индивидуальных различий в поведении и деятельности – от личности и от деятельности.

Согласно одному из них, стиль выступал как система, обеспечивающая адаптацию человека к среде исключительно средствами самого индивида (личности). Согласно второму, стиль как психологическая система адаптации формировался в процессе решения задач, в процессе интеграции условий и требований деятельности и индивидуальных особенностей человека. Другими словами, при первом подходе стиль мыслился как довольно универсальная и автономная психологическая система, при втором – как специфическая система, складывающаяся «в зоне взаимодействия» субъекта и конкретной деятельности. Согласно первой трактовке, для формирования такой системы достаточно было свойств отдельного индивида (личности) как средств поведения и деятельности, согласно второй – в становление стиля как системы вовлекались средства, условия субъекта и среды (окружения).

Примечательно, что в первом случае (ограниченном свойствами отдельного человека) стиль понимался как достаточно *универсаль-*

ная психологическая система, обеспечивающая человеку успешность при решении широкого класса задач. Во втором (при суммарном взаимодействии средств и условий субъекта и среды) он понимается как *специфическая*, обеспечивающая успешность субъекта именно в данных условиях.

Подобное видимое противоречие мы объясняем так: а) стиль как универсальная психологическая система отличается возможностью актуализации разных ресурсов; в) стиль как универсальная психологическая система может иметь возможности преобразований, соответствующих классам решаемых задач; с) стиль как универсальная психологическая система не является универсально эффективным средством деятельности; d) эффективность стиля как психологической системы определяется возможностями его доступа к новым ресурсам, необходимым субъекту для решения его задач.

Рассмотрим разные подходы к пониманию феномена «стиль» в свете доступа к новым ресурсам, необходимым субъекту для решения его задач. Среди различных направлений в изучении стиля с устоявшейся традицией, терминологией и методологией, многочисленными исследованиями мы различаем четыре основных: «*когнитивные стили*», «*индивидуальные стили деятельности*», «*стили руководства (лидерства)*», «*стили жизни (поведения, общения, активности)*».

По своему предметному содержанию четыре стилевых направления можно разделить на две группы: специфические стили конкретной профессиональной деятельности (стили руководства; индивидуальные стили деятельности) и неспецифические стили (когнитивные стили; стили жизни). Первые предполагают непосредственную включенность субъекта в определенные социальные системы и прямо связаны с *успешностью* его деятельности; вторые нередко абстрагировались от специфики среды, от факторов успешности решения реальных социальных задач. Первые предполагают необходимость систематического обучения (профессионального или др.), вторые – нет. По объему регулируемого отношения с действительностью одни стили рассматриваются как локальные проявления (когнитивные, эмоциональные, стили действия), другие – как глобальные (стили жизни, поведения), третьи занимают промежуточное положение. По полноте включенности психики в управление поведением и деятельностью локальные стили предполагают ведущую роль бессознательных механизмов, а другие – в большей мере значимость осознанного регулирования.

Спонтанность становления локальных стилей указывает на их генетическую детерминированность и сближает их понимание с современными концепциями темперамента (Русалов, 2012, 1991; Elias, 1990; Thomas, Chess, 1977; и др.). Глобальные стили более определяются социальным окружением человека, культурно-историческими традициями общества (Adler, 1927; Barker, 1968; Buller, 1965; и др.).

Разные описанные учеными стили функционируют в разной среде, в избирательных множествах специфических условий, актуализируя одни условия среды соответственно решаемым задачам и благополучно абстрагируясь от других, не значимых, не актуальных для поведения и деятельности «здесь и теперь». Различаясь по своим проявлениям, разные стили сходны в общем: они всегда опираются на *часть условий* – некоторых свойств человека (когнитивные или эмоциональные стили, стили саморегуляции), условий специфической деятельности, качеств взаимодействующих субъектов (например, «зрелость» исполнителей, учитываемая руководителем в проявлениях его стиля). По существу, стили выступают психологическими системами, «настроенными» лишь на определенные интрасубъектные и внесубъектные условия, позволяющие человеку актуализировать те или иные ресурсы.

За разными стилевыми подходами стоит изучение различных реальностей, объединенных общим наименованием «стиль». Но имеет ли место единство «стилевого механизма» адаптации человека к среде, единство феномена «стиль»? Можно ли говорить об *общности механизмов актуализации разных ресурсов* посредством стиля? Являются ли стили системами, обеспечивающими человеку доступ к тем или иным ресурсам? И возможна ли методологически непротиворечивая интеграция различных направлений изучения проблемы стиля?

Рассмотрим поставленные вопросы более обстоятельно. Проблеме стиля с полным правом можно считать закономерным моментом в эволюции психологии как научной дисциплины. Начиная с *общего*, психология не могла наконец обратиться к *особенному* и к *единичному* – к человеку как к индивидуальности. Феномен «стиля» и стал одним из таких путей выхода к индивидуальности. Примечательно, что становление проблематики стиля происходило почти одновременно в разных научных школах, в разных традициях, как следствие развития разных научных течений, в процессах решения разных социальных задач.

За полувековую историю в проблематике стиля вызрело несколько ключевых идей. *Первая.* Успешность человека (в широком смысле – социальная успешность, в узком – профессиональная, учебная) определяется не отдельными его качествами, а их организацией в своеобразную психологическую систему. *Вторая.* Люди с разными индивидуальными особенностями (физическими, психическими) потенциально равны в отношении успешности адаптации к социальной среде. *Третья.* Становление стиля может происходить как спонтанно, так и направленно, как вследствие действия бессознательных механизмов, так и осознанного регулирования. *Четвертая.* Психологические механизмы стиля проявляются как интеграция некоторых индивидуальных особенностей, приводящая к актуализации, развитию и новой организации одних из них, тем самым замещая и смягчая ограничения других, «компенсируя» менее развитые качества. Стили обеспечивают «перераспределение ресурсов» человека как субъекта; стили обеспечивают актуализацию ресурсов среды и качества других людей, которые могут выступать как ресурсы для субъекта. *Пятая.* Сущность стиля состоит в такой организации человеком своей индивидуальности, своей активности, которая позволяет успешно решать социальные задачи при ограниченных личных возможностях, актуализируя дополнительные или недостающие ресурсы. *Шестая.* Адекватный индивидуальности человека стиль дает ему возможность успешно решать социальные задачи, приносит удовлетворение, позволяет работать с меньшими психофизиологическими затратами, сохранять профессиональное здоровье и долголетие. *Седьмая.* Различия в стилях людей не являются непреодолимым препятствием для их успешной совместной деятельности, для их успешных взаимодействий.

1.2. Адаптация человека к среде и в среде: типологический, функциональный, стилевой и экологический подходы в психологии

Традиционно стили изучали как стили *индивидуальной деятельности* субъекта – когнитивные стили, индивидуальные стили деятельности, стили саморегуляции и др. Даже стили руководства около полувека, по существу, рассматривались как индивидуальные стили деятельности руководителя, в которых позже учитывались некоторые «измерения» исполнителей – степень их зрелости, мотивации и т. п. Стили изучались как *система «субъект–объект (объекты)»*.

Расширение контекста изучения стилей как стилей *совместной деятельности* субъектов и далее – как одной из психологических систем адаптации человека в среде (т. е. динамичной, изменчивой, предполагающей вариативные реорганизации систем адаптации человека), а не однократной адаптации (как формирование определенного *типа адаптации к среде*) предполагает расширение контекста изучения – как стилей в *системе «человек–среда (окружение)»*. При такой постановке задачи имеет смысл привлечь к анализу более широкий литературный материал, переосмыслить его, попытаться выделить общее в разных, на первый взгляд, формах адаптации человека к среде (окружению).

При новой постановке проблемы целесообразно рассмотреть все многообразие форм адаптации человека к среде и в среде, в разных подходах трактуемые как *личностные типы, стили поведения, манера ведения поединка, образ жизни* и др. В многообразии форм адаптации человека к среде и в среде, в опыте выделения разных типов адаптации мы видим проявление некоторых общих закономерностей, более обстоятельно и детально описанных в исследованиях стилей как частной формы адаптации. Не обязательно, чтобы сами авторы той или иной концепции называли описываемые ими формы адаптации стилями. Достаточно, если в ней угадываются основные психологические механизмы, формирующие *типы взаимодействия* человека со средой, детерминированные «стойкими индивидуально-психологическими особенностями», сохраняющиеся длительное время (на протяжении всей жизни или ее значительной части), обеспечивающие положительный эффект данного способа адаптации, определяющие и ограниченность его как определенного типа. Не обязательно, чтобы сами авторы выделяли иерархию систем адаптации; иерархия может угадываться и в описаниях стилей..

Типологический подход

В психологии, как правило, рассматриваются исключительно *социальные аспекты адаптации человека*, безотносительно к тому, какие детерминанты при этом выделяются и исследуются – биологические, психологические или социальные. Обратимся к наиболее известным концепциям. В типологиях темперамента, при довольно значительной вариации оснований типологий у И. П. Павлова, Э. Кречмера, У. Шелдона (Павлов, 1951; Kretschmer, 1921; Sheldon,

1940, 1942), итогом является *крайне ограниченное число основных типов адаптации* (у вышеназванных авторов – четыре). С развитием методологии дисциплины и ее методического инструментария, с углублением понимания психологических механизмов адаптации число выделяемых учеными типов возросло, но, как правило, оставалось фиксированным.

К. Г. Юнг первым из психологов выделил типы людей в зависимости от их более и менее развитых психических функций. Его научная позиция была довольно либеральной: разные типы отражают разные варианты адаптации людей за счет более развитых способностей (Юнг, 1991). Крайне радикальной была первоначальная точка зрения И. П. Павлова: есть наиболее приспособленный тип – сильный, уравновешенный, с подвижной нервной системой, и есть патологические, неполноценные типы (Павлов, 1951).

Признание *типа как «единицы» адаптации человека к среде и в среде* неизбежно позже приводит и к признанию наличия более «жестких» и более «гибких» звеньев, специфичных и более общих психологических механизмов такой адаптации. Основной вывод о роли типологии в эволюции биологического и психического, или о выделении внутри сообщества (равно как вида, популяции) разных типов, таков: она есть вариант и стратегия внутренней интеграции и структурирования ресурсов человека в его адаптации к части физической и социальной среды. Выделение разных типов есть своеобразная дифференциация и специализация системы для решения задач сохранения и развития вида как целого. Становление специализированных систем, ориентированных на адаптацию к разным частям среды, к разным зонам окружающего пространства, на решение разных задач есть феноменологическое основание появления разных типов в масштабе целого (человеческого сообщества и больших социальных групп, биологического вида и отдельной популяции).

В плане методологической рефлексии можно выделить особенности типологического подхода: поведение человека объясняется на основе *прошлого* – ранее сформировавшихся механизмов адаптации, сложившегося жизненного опыта, закрепленных связей; не раскрываются возможности «обходных путей» в достижении целей; не учитываются возможные будущие состояния систем; не рассматриваются возможности использования нового опыта и новых систем интеграции с окружением; исключаются возможности гибкого поведения, перестройки систем. Главный вывод из нашего

анализа: в разных версиях типологического подхода адаптация человека к среде рассматривается как жестко детерминированная определенными его внутренними свойствами или определенными внешними условиями; вопросы вовлечения и использования новых ресурсов здесь не возникают.

Функциональный подход

Рассмотрим два основных варианта подобного подхода: теорию функциональных систем П. К. Анохина и антропологический подход Б. Г. Ананьева.

Линию Б. Г. Ананьева последовательно продолжают в современной акмеологии (Акмеология, 2002; и др.). Ее ключевые идеи периодически используются в разных научных концепциях (в частности, в динамической концепции личности Л. И. Анциферовой), как правило, интегрируясь с другими идеями современной психологии. Согласно Л. И. Анциферовой, можно выделять два уровня факторов развития (Анциферова, 1981, 2006). Факторы первого уровня, основные, главные, предполагающие, определяют общее направление и сферу развертывания процессов развития. Факторы второго уровня, исполнительные, выполняют функцию средств направленного развития. К первым относятся составляющие ценностно-смысловой сферы, духовности; ко вторым – мотивы, влияющие на формирование качеств личности, необходимых для успеха в профессии, определяющих выбор жизненных ситуаций.

Линию П. К. Анохина продолжают многие отечественные психологи, принявшие теорию функциональных систем (ТФС) как концепцию, несущую мощный объяснительный потенциал (Александров, 1989, 1995; Александров, Дружинин, 1998; Александров, Александрова, 2009; Базылевич, 1998, 2013; Конопкин, 1980, 2011; Моросанова, 2011; Русалов, 2012; и др.). В функциональном подходе выделяются механизмы «обратной связи», позволяющие гибко управлять поведением, деятельностью, механизмы, не ограничивающие многообразие способов адаптации. Как правило, выделяются «гибкие» и «жесткие» звенья, отношения между которыми создают базовые типы, варианты, стратегии адаптации. В развитии функционального подхода ученые активно привлекают к анализу, с одной стороны, условия среды, с другой – не только биологически обусловленные, но и высшие личностные образования (высокие мотивы, высшие ценности, смыслы), которые опосредуют деятельность, предподре-

деляют ее направленность, формируют индивидуальные стратегии, поддерживающие широкий спектр адаптивных актов (Александров, 1989, 1998; Базылевич, 1998, 2013; Моросанова, 2011; Русалов, 2012). Другими словами, в отличие от типологического при функциональном подходе *не констатируются ограниченные варианты возможных механизмов адаптации человека к среде (в среде)*.

Достоинством функционального подхода является включение *цели как будущего состояния системы*, тем самым определяющее ее понимание как открытой системы. Среди ограничений подхода выделим несколько. Во-первых, анализ поведения и деятельности проводится в сравнительно короткой временной перспективе, фактор времени представлен как выраженная или не выраженная потребность (задача) человека. Избирательно вычлняемые составляющие среды (внешней и внутренней) рефлексированы как цели человека (или особи), непосредственные условия, результаты активности «здесь и теперь». Игнорируются «слабые воздействия», контексты среды и деятельности, отдаленные по времени результаты активности не отражаются. Игнорируется неактуализированный «пассив» поведения и деятельности, то, что присутствует латентно (что, в частности, определяет процессы творчества человека). Побуждения и активность рассматриваются усеченно, как «опредмеченные мотивы», как сформированные цели, как четкие «акцепторы будущего» – представления о результате деятельности в короткой временной перспективе. Понятно, что такая схема анализа полезна для понимания сравнительно несложного поведения человека (или особи), сравнительно простой деятельности ординарного субъекта, но не годится для описания сложной, творческой, высокопрофессиональной деятельности субъекта высокой профессиональной квалификации. Во-вторых, ограничением является выраженная автономность объясняемого поведения субъекта, его противостояние всему окружению (среде). В-третьих – игнорирование человеком широкого диапазона состояний своей внутренней среды до достижения средой некоторых «критических значений». В-четвертых – короткая временная перспектива анализа детерминант активности. В-пятых – признание и рассмотрение одного, единственного, ведущего контура регулирования активности человека (деятельности, поведения). Неочевидно, что при *функциональном подходе* в равной степени учитываются не всегда совпадающие цели поведения отдельного человека, малых и больших социальных групп людей.

Стилевой подход

А. Адлер, введя в психологию понятие «*стиль жизни*», создал характерный прецедент (Адлер, 1995; Adler, 1927). С одной стороны, стили стали рассматривать как уникальные, индивидуально-своеобразные механизмы адаптации к среде отдельных людей, с другой – описывались и объяснялись ограниченные варианты возможных стилей: два–три–четыре–пять. Так, например, Э. Фромм, постулируя относительную независимость биологического и социального в человеке, понимая личность как совокупность унаследованных и приобретенных качеств, которые делают каждого индивида уникальным, неповторимым, акцентируя внимание на феномене «свобода», выделяет пять типов ориентации личности: рецессивная, эксплуатирующая, накапливающая, рыночная, продуктивная (Фромм, 1993). Как в первой, классической, концепции стиля жизни, так и в более поздних все многообразие поведения и отношений «человек–мир» загоняется в прокрустово ложе нескольких возможных вариантов «или... или... или...»

В известной степени к стиливым подходам можно относить и некоторые *хронологические концепции*, концепции периодизации жизни – Ш. Бюллер, Д. Сьюпера, Э. Эриксона и др. (Эриксон, 2000; Buller, 1960, 1965; Super, 1957, 1959, 1992). В частности, согласно концепции Э. Эриксона, у человека на каждом из этапов развития есть лишь два возможных варианта эволюции – позитивный, обеспечивающий становление идентичности, и негативный; неудачные выборы на ранних стадиях развития, накопление негативных вариантов крайне затрудняют возможность позитивного выбора на последующих стадиях развития (Эриксон, 2000).

В социобиохевиоральных теориях также констатируются ограниченные варианты адаптации человека в социальной среде. В концепции А. Бандуры ключевым механизмом выступает *самоэффективность*, в соответствии с которой человек либо обретает позитивный опыт адаптации вследствие саморегуляции своего поведения, успешного совладания со своими состояниями, либо не становится активным субъектом своей жизнедеятельности. Дж. Роттер выделит два основных типа адаптации человека к среде – экстернальный и интернальный, ставшие классикой психологии. Два основных варианта отношений человека с действительностью анализирует также С.Л. Рубинштейн (2003). Этот подход развивает и К.А. Абульханова-Славская (1989, 1991).

В вышеотмеченных «общепсихологических» подходах рассматривается возможность изменения ценностей, целей и самого отношения человека с социумом, сопряженных с его развитием – биологическим, психическим, духовным. Детерминантами изменений в системе «человек–мир» выступают *изменения внутренних условий* человека.

В каком-то смысле противоположными можно считать подходы, в которых основными причинами изменений в системе «человек–мир» называются изменения внешних условий человека, изменения среды, окружения, ведущие за собой изменения и внутренних условий (например, следствия изменения социального статуса человека – как при его продвижении «вверх», так и при продвижении «вниз»). Так, при исследованиях людей в состоянии потери работы отмечаются изменения их стиля жизни, ценностей, смыслов, периодически появляющиеся острые психосоматические и соматические расстройства и заболевания (Демин, 2004; Хомутов, 1998; Шпикалов, 1999; и др.). Нужно признать, что едва ли не любое изменение обстоятельств жизни человека, воспринимаемое им как субъективно значимое (болезнь и смерть близких, тяжелые заболевания, развод, вынужденная необходимость жить в другом месте, эмиграция, миграции, участие в боевых действиях и др.), выступает фактором изменения стиля его жизни (Лабезная, 2007; Солдатова, Шайгерова, 2001; Vochner, 1982; Holmes, Rahe, 1967; и др.).

Обобщая, можно констатировать, что радикальные изменения внешних условий (условий среды, окружения) коррелируют с изменениями внутренних условий человека; такие изменения часто приводят к изменению стиля жизни, поведения, типа адаптации к социальной среде. Завершая краткий обзор оценкой методологических особенностей стилевого подхода, отметим, что его достоинством является выделение противоположных альтернатив развития человека как равно возможных. Ограничения же следующие: выделение жесткого круга немногих альтернатив развития человека; концептуальный анализ, не опирающийся на широкое изучение эмпирических фактов, на изучение реальных вариаций траекторий; концептуализация, заменяющая изучение действительности.

В стилевых подходах, как правило, не акцентируются моменты «смещения» систем адаптации человека в среде, его ориентации на новые условия среды и (чаще вынужденные) обращения к новым ресурсам, обеспечивающим успешность его адаптации к среде (окружению); факты обращения или необращения к новым ресур-

сам, и в первом и во втором случае сопряженные с его переходами на другие уровни «социального функционирования» – более высокие или, напротив, низкие. Принципиальный момент в нашем анализе: в жизненной эволюции человека, при изменении его внутренних условий и изменений условий среды, появляются такие моменты его развития («точки бифуркации»), когда человек переходит к другому типу адаптации, выбору и освоению другого стиля, обращению к другим ресурсам, обеспечивающим его жизнедеятельность.

Экологический подход

В качестве классического примера подобного подхода можно привести модель экологических систем У. Бронфонбреннера (Bronfenbrenner, 1979). Развитие человека понимается им как динамический процесс, идущий в двух взаимосвязанных и постоянно взаимодействующих направлениях – от индивида и от окружения. В своем становлении индивид активно реконструирует свою многоуровневую жизненную среду и в то же время сам испытывает воздействие среды – как ее отдельных элементов, так и взаимосвязей между ними. Среда жизнедеятельности ребенка многоуровневая. Эти отношения можно условно описывать как отношения четырех вложенных друг в друга систем. *Микросистема* – первый уровень детерминант и условий – проявляется в видах занятий, в социальных ролях, во всех взаимодействиях ребенка с ближайшим окружением: в семье, дошкольных учреждениях, в школе. *Мезосистему* – второй уровень детерминант и условий развития – создают взаимодействия и взаимосвязи нескольких микросистем. Ее содержание определяют формальные и неформальные связи между семьей и школой, группами сверстников. Позитивные отношения в одной системе и успехи ребенка транслируются как позитивный ресурс на его взаимодействия в другом окружении (например, позитивные отношения между родителями и учителями положительно сказываются на школьной успеваемости ребенка). *Экзосистема* – третий уровень – отражает те сегменты более широкой социальной среды, которые находятся вне сферы непосредственного опыта ребенка, но косвенно воздействуют на него (например, место работы и должностные позиции родителей, бытовые условия семьи, отношения с родственниками и друзьями родителей и т. п.). Четвертый уровень детерминант и условий, или *макросистема*, – широкая социальная среда, которая не воз-

действует непосредственно на ребенка, а проявляется в предлагаемых жизненных ценностях, смыслах, законах, традициях и других элементах субкультуры (Bronfenbrener, 1979).

По А. Маслоу, важны не столько первый жизненный опыт, сколько выбор зрелой личности; не столько паттерны поведения, сформированные в раннем детстве, сколько способность и умение прислушиваться к своим чувствам, выбирать наиболее верные решения, ориентируясь на бытийные ценности, реализуя себя в процессах *самоактуализации* (Маслоу, 1999). В плане нашего анализа в концепции Маслоу можно выделить два принципиальных момента. 1. Выбор человеком модели, образа, стиля поведения происходит в зрелом возрасте, т. е. на определенном этапе развития. 2. Спектр детерминант в новом стиле поведения широк, гибок и может расширяться. И, главное, множество разных условий рассматриваются как взаимодействующие. В частности, умение человека прислушиваться к своим чувствам в сочетании с ориентацией на бытийные ценности (т. е. идеальные объекты социальной среды) позволяет ему вернее ориентироваться в текущих ситуациях, находить лучшие решения текущих задач, причем такие варианты решений, которые являются лучшими из возможных как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. По Маслоу, именно такая гибкость в поведении и способствует сохранению личности и, более того, личностному развитию человека.

Согласно *экологическим моделям* (Дерябо, Ясвин, 1996; Гибсон, 1988; Левин, 2000; Миракян, 1999; Панов, 2001, 2004; Barker, 1968; Bronfenbrener, 1979; Lewin, 1936; Pawlik, Stapf, 1992; и др.), окружение, среда предстает как изначально *организованное пространство*, но такое, в котором в то же время *возможно его конструирование и реконструирование субъектом*; оно задано, но воспринимается субъектом именно как субъективное пространство, т. е. пристрастно, в соответствии с доминирующими и субдоминирующими потребностями, в соответствии с целями поведения или деятельности; оно имеет инвариантные составляющие и в то же время динамичные, формируемые активностью всех взаимодействующих в этом пространстве субъектов. Среда жизнедеятельности имеет как бы два плана, две формы существования: объективно данное и объективированное для субъекта (или активно объективируемое, реконструируемое субъектом) в процессах его активности. Философия экологического подхода предполагает обращение к методологии и понятийному аппарату синергетики, следовательно, признание

разных «аттракторов» (т. е. траекторий развития) как равновозможных, важной роли «слабых воздействий» (не учитываемых в других подходах при выделении основных детерминант). Важно признание периодических состояний неустойчивости системы, периодического появления «точек бифуркации» (равновероятных перспектив развития) и др. Здесь неприемлемы жесткие и категоричные «предписания» и предопределения поведения, типов адаптации, неизменности их форм, предполагаемой активности.

Такое понимание действительности подтверждается и эмпирическими данными. Так, например, согласно экологическому подходу, нет и не может быть двух одинаковых вариантов развития ребенка даже в одной семье, даже если дети – гомозиготные близнецы (Тихомирова, 2010; Kovas, Haworth, Dale, Plomin, 2007; Kovas, Plomin, 2007). К достоинствам теории У. Бронфонбреннера можно отнести четкую структуру уровней психологических механизмов адаптации и описание законов их эволюции, к ограничениям – признание однонаправленности, односторонности, «принудительности», жесткой определенности и заданности средой тенденций психического развития человека, полную исключенность влияния отдельных факторов среды до определенного времени. Экологическая модель Бронфонбреннера построена в рамках классической парадигмы.

Экологический подход, самый молодой из рассматриваемых нами, еще находится в стадии становления. Скорее, можно говорить о первых опытах реализации этой методологии, о философии экологического подхода, воплощаемой в психологии, который представляется естественной исторической интеграцией достижений ранее оформившихся научных подходов.

В плане методологической рефлексии выделим особенности экологического подхода. К его достоинствам можно отнести следующие важные идеи. 1. Избирательная вовлеченность условий среды (окружения) субъекта в процессы его активности. 2. Избирательная актуализация условий среды (окружения). 3. Становление ситуативных систем адаптации, поведения, деятельности. 4. Признание динамичности процессов адаптации, поведения, деятельности не только вследствие гибкости и пластичности психики (функциональный подход), не только вследствие изначально ограниченных возможностей человека (типологический подход), не только вследствие равнозначности разных вариантов адаптации (стилевой подход), но именно вследствие уникальности и пластичности процессов интеграции внутренних и внешних условий субъекта,

именно вследствие динамичности становления новых фрагментов реальности и им отвечающих психических структур в процессах активности субъекта. 5. Признание возможности периодических изменений систем процессов адаптации человека, периодической актуализации разных ресурсов, поддерживающих адаптацию человека в среде как активного субъекта.

Первыми посылками экологического подхода выступали предположения об изначальной организованности условий среды, изначальной организованности ресурсов субъекта и при этом – об их избирательной актуализации и вовлеченности вследствие активности субъекта. Позже они дополнялись предположениями о гибких и взаимозависимых отношениях разных систем – человек – среда. Допускается, что поведение и деятельность не всегда мобилизованы предельно «целью», не всегда сконцентрированы на предвосхищаемом «результате», а могут быть ориентированы на *соответствие активности субъекта его внешним и внутренним условиям*, на становление динамичных взаимосвязей внешнего и внутреннего, на становление динамичных функциональных систем (психических структур в том числе). В русле экологического подхода отношения субъекта и среды рассматриваются как *отношения одного открытого множества ресурсов и другого открытого множества ресурсов*, и данные отношения множеств подчинены отношениям более высокого порядка (функционированию социальных групп, институтов у людей; задачам выживания вида у животных).

1.3. Стиль, способности и ментальные ресурсы человека

Стили и когнитивные способности

Первоначально и на всем протяжении истории изучения стилей актуальным оставался вопрос соотношения стилей (когнитивных стилей, индивидуальных стилей деятельности) и способностей человека. Относительно его решения сложились разные позиции: 1) стили (ИСД) есть сложные способности (Байметов, 1968; Мерлин, 1986); 2) стили компенсируют слаборазвитые способности (Вяткин, 1978, 1981, 2000; Климов, 1959, 1969, 1986; Мерлин, 1986); 3) стили позволяют использовать развитые способности, но не компенсируют отстающие (Ильин, 1979, 1980, 1983); 4) разные стили опираются на разные способности (Климов, 1969; Мерлин, 1986); 5) стили есть «профиль способностей», отражающий их уникальность (Broverman, 1960; др.).

Феномен когнитивных способностей имеет длинную историю изучения как в зарубежной психологии – Г. Айзенком, А. Бине, Дж. Гилфордом, Д. Векслером, Ж. Пиаже, Ч. Спирменом, Л. Терстоуном, В. Штерном и др., так и в отечественной – Л. А. Венгером, Э. А. Голубевой, В. Н. Дружининым, Е. П. Ильиным, В. А. Крутецким, Б. М. Тепловым, М. А. Холодной, В. Д. Шадриковым и др. Работы многих из этих исследователей стали хрестоматийными.

При очевидной продуктивности разработки учеными обсуждаемой темы следует признать, что почти вековая история изучения способностей и интеллекта в мировой психологии в конце XX столетия венчается острой критикой «состояния вопроса». В теоретическом аспекте она формулируется, в частности, как критика «психометрического интеллекта» (Д. Б. Богоявленская, В. Н. Дружинин, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков), как необходимость учета высших личностных образований (Д. Н. Завалишина, В. В. Знаков, В. А. Пономаренко, В. Д. Шадриков), как тема «интеллектуального диапазона» – верхних и нижних «порогов» детерминации успешности (Дж. Гилфорд, Д. Х. Додд и Р. М. Уайт, В. Д. Дружинин, Е. П. Торенс, Д. Хардгривис и И. Болто, К. Ямамото и др.), как критика «академического интеллекта» (Дж. Равен, Р. Стернберг и др.), как критика вообще стандартных тестов и условий их проведения (Дж. Равен, Х. Томе и др.) (Дружинин, 2007; Практический..., 2002; и др.).

В практическом плане проблема способностей чаще предстает в ее широком аспекте – как *социальная успешность*, а не как легкость и быстрота овладения деятельностью. В области практического использования – как низкая валидность психологических методик в оценке персонала (см. обзоры: Толочек, 2007, 2008; и др.).

Если несколько развить положения современной психологии способностей (Богоявленская, 2002; Волкова, 2011; Холодная, 2012; Чуприкова, 2007; Ушаков, 2011; и др.), можно говорить о становлении *экологического подхода* и в понимании когнитивных способностей. При таком подходе можно выделить несколько важных следствий: 1) психические структуры (способности в том числе) не могут быть абсолютно адекватными динамичным условиям (структурам) среды; 2) психические структуры не константны, а динамичны и имеют тенденцию приходить в согласование со структурами среды; 3) множеству актуализируемых условий среды может соответствовать только множество динамичных психических структур; 4) в процессах становления психических структур и их интеграции с экологией ситуации в состав таких структур могут

включаться разные составляющие, разные особенности индивидуальности, способные выступать в качестве *ментальных ресурсов* (см. ниже).

Стили и психомоторные (сенсорные, двигательные) способности

В психологии сравнительно редко предметом последовательного изучения становилась названная группа способностей, что затрудняет проведение системного анализа феномена «стиль». Проявления, развитие, организация вышеназванных качеств чаще косвенно отражались в отдельных исследованиях стиля, что дает возможность представить их роль в его формировании и функционировании. Вместе с тем такие исследования выявляли интересные факты, высвечивающие новые грани адаптации человека к среде (в частности, к условиям профессиональной деятельности), так как проводились на выборках профессионалов высокой квалификации.

Так, при изучении ИСД спортсменов-единоборцев (боксеров, борцов, фехтовальщиков) исследователями констатируются более развитые координационные качества и тактико-техническое мышление у представителей контратакующего стиля, присущего лицам со слабой нервной системой, тревожным, эмоционально нестабильным, интровертированным. Напротив, сравнительно прямолинейный характер действий характеризует представителей атакующего стиля, присущего «сильным», эмоционально стабильным, экстравертированным (Белоусов, 1976; Битехтина, 1977; Волков, 1976; Воронин, 1986; Илларионов, 1977; Ильин, 1979, 2010; Ильин, Драчук, 1974; Ильин, Рыбакова, 1975; Клещев, 1984; Клещев, Родионов, 1988; Поторока, 1986; Родионов, 1976; Сиротин, 1972; Сиротин, Волков, 1974; Ширинов, 1989). Представителям контратакующего стиля чаще присущи такие особенности деятельности, как большее техническое разнообразие: в боксе – активные действия двумя руками, в борьбе – броски в обе стороны. В фехтовании одни спортсмены характеризуются большей пространственной координацией движений, другие – временной (Омырзакова, 1981). Аналогичные особенности одаренности отмечались у спортсменов-ребцов: либо более высокая сенсомоторная координация, либо временная, более быстрые и адекватные реакции на отклонения (Вяткин, 1978; Климов, 1969; Шадрин, 1978). В гимнастике, в акробатике, в парашютном спорте у спортсменов, «слабых» по силе процессов возбуждения (тревожных, эмоционально нестабильных, интровертированных) исследо-

ватели отмечают более развитое эстетическое чувство, большую выразительность и красоту выполнения движений сравнительно с другими спортсменами (Вяткин, 1978; Леевик, 1986; Мерлинкин, 1968; Приставкина, 1984; Якубчин, 1964, 1965).

В серии исследований стилей под руководством Е. П. Ильина в связи с особенностями психофизиологии спортсменов у представителей циклических видов спорта выделены выраженные способности и склонности к быстрому старту и более быстрому прохождению первой половины дистанции или, напротив, умение «терпеть» и лучше финишировать либо способность ровно и стабильно проходить всю дистанцию (Ильин, 1979, 1981, 1983; Русимов, 1976). Определенные комплексы нейродинамических свойств выступают основаниями специфических психологических качеств, например, смелости или устойчивости к монотонии (Ильин, 1983, 2008, 2009; Скрыбин, 1972; Фетискин, 1972).

Разная реакция на разные методы тренировки и, соответственно, разные темпы прогресса у лиц с разными психофизиологическими особенностями отмечены в ряде независимых исследований (Житлов, 1985; Зайцев, 1979; Ильин, 1979, 1981, 1983; Кадыров, 1987; Поторока, 1986; Русимов, 1976; Сальников, 1976; Синани, 1976; Толочек, 1985, 1987, 1992, 1994; Ширинов, 1989; и др.). Установлены факты влияния разной физиологической реактивности организма спортсменов на характер тренировочных нагрузок: одни быстрее прогрессировали при использовании равномерного метода тренировки, другие – переменного, третьи – интервального (Вяткин, 1978; Русимов, 1976; Сальников, 1976; Синани, 1976; Толочек, 1987а, 1992). В работе Б. А. Вяткина также установлен сходный эффект: одни спортсмены быстрее овладевают техникой вида при использовании распределенного метода обучения, другие – концентрированного (Вяткин, 1978). Подобная дифференцированность реакций лиц с разной психофизиологией имеет место и в интеллектуальной (учебной) деятельности (Байметов, 1968; Жданова, 2005; Кучменко, 1975).

У представителей спортивных игр были выявлены связанные с психофизиологией «спортивно важные качества»: большая «техническая успешность», большая результативность действий в первой половине игры либо во второй, в ситуациях успеха или в ситуациях проигрыша (Батулин, 1979; Жилкин, 1975; Ильин, 1979, 1983; Ильин, Рыбакова, 1975).

Обобщая результаты отдельных исследований, можно констатировать следующее. 1. Имеет место причинно-следственная зависи-

мость стилей субъектов (спортсменов) от особенностей их психомоторных и сенсорных способностей. 2. Разные стили, сформированные с учетом разных психомоторных и сенсорных способностей, примерно равнозначны в плане их эффективности. 3. Даже у профессионалов высшей квалификации (спортсменов высших разрядов) сохраняются выраженные различия в их психомоторных и сенсорных способностях. 4. Ограничения в выраженности тех или иных способностей в определенной степени могут компенсироваться разными ресурсами (формированием стиля, адекватного индивидуальности субъекта, выбором оптимальной роли, игрового амплуа), своеобразным раскладом сил на дистанции, варьированием своей активности в игре и пр. 5. Если управление спортивной подготовкой строится с учетом индивидуального профиля способностей спортсмена, высока вероятность его успешных выступлений в соревнованиях.

Стили и высшие способности

Общей исторической тенденцией развития психологии является привлечение новых понятий, отражающих новые фрагменты реальности, в том числе – при объяснении учеными факторов успешности человека. *Один из векторов* выделения таких факторов – дифференцирование условий социальной среды (окружения), процессов и эффектов взаимодействия людей как важных для их успешности, так и, напротив, препятствующих ей (Асмолов, 1996; Лефевр, 2003; Подъяков, 2006; и др.). *Второй вектор* – обращение к высшим личностным образованиям, к духовности, «внепрофессиональным потенциалам», «потенциалу» и т. п. (Завалишин, 2005; Марков, 2001, 2004; Ожиганова, 2010; Пономаренко, 2004; Шадриков, 2007; Эммонс, 2004; Ford, 1994; Gardner, 1983, 1999; Vaughan, 2002; Zohar, Marshall, 2000; и др.). Если в первых структурных концепциях интеллекта начала XX в. представления о «высших» (духовных) способностях не отражались ни К. Спирменом, ни Л. Терстоуном, ни Д. Векслером, ни Дж. Гилфордом, ни Г. Айзенком, ни Э. П. Торенсом, то в конце XX столетия их выделение учеными становится принятой нормой. Х. Гарднер описывает семь видов интеллекта, одним из которых назван духовный, или экзистенциальный, который обеспечивает взаимодействие трех высших сфер жизни личности: 1) решения экзистенциальных, или космических, проблем; 2) достижения измененных состояний сознания человека; 3) успешности воздействий на других людей (Gardner, 1999).

Развитием второй тенденции, движением по второму вектору можно считать концепцию Р. Эммонса: «духовность... образует основу множества навыков решения проблем, релевантных повседневным жизненным ситуациям» (Эммонс, 2005, с. 311). «Духовные устремления влияют на то, каким способом люди создают свой мир, преследуют цели и регулируют свое поведение...» (там же; курсив мой. – В. Т.). Примечательные средства и способы повышения возможностей человека, по Р. Эммонсу (в нашем подходе рассматриваемых как ресурсы), – способности к трансценденции, способность входить в возвышенные состояния сознания, сакрализовать повседневный опыт, использовать духовные ресурсы для решения повседневных задач. Н. Нобл расширяет состав духовного интеллекта, добавляя понимание человеком физической реальности как включенной в другие многомерные реальности; согласованное с активностью человека стремление к психологическому здоровью; способность осознавать внутренние ресурсы и активно их использовать; развитие точности восприятия своих чувств, точности восприятия состояний другого человека и др. (Noble, 2000; курсив мой. – В. Т.).

Д. Зохар и Я. Маршал предлагают понятие «коэффициент духовности» – SQ (spiritual quotient). При операционализации концепта выделяются такие составляющие духовного интеллекта, как гибкость и адаптивность; высокий уровень самосознания; готовность к принятию страдания, боли и к совладанию с ними; высокое качество жизни, достигаемое ориентацией на высокие ценности, дальновидностью, пронизательностью; открытость жизни; способность видеть множественные связи между явлениями; высокий уровень личностной целостности, принятия личностных проблем и сложных черт своего характера; способность постоянно исследовать и учиться и т. п. (Zohar, Marshall, 2000). В основе духовного интеллекта, по Ф. Воган, лежат способности к психологическому росту, здоровью, к интеграции и трансформации личности, способности к пониманию экзистенциальных вопросов, проникновение в различные уровни сознания, признание духовности основой бытия, творческой силой эволюции (Vaughan, 2002).

Обобщая зарубежные концепции духовных способностей и интеллекта, Г. В. Ожиганова выделяет несколько ключевых идей: представления об интегративных функциях духовного интеллекта в организации интрасубъектных условий человека; понимание экзистенциальных вопросов; обращение к категории «внутренний (духовный) опыт»; самопознание, саморегуляция и саморазвитие.

Важными представляются связь с личностным развитием, ростом; мощное влияние на организацию повседневной жизни; связь со зрелостью личности, мудростью, дальновидностью, ответственностью; связь с рефлексивностью и креативностью, с открытостью к жизни, с творческим отношением к действительности (Ожиганова, 2010).

Можно заметить, что в приведенных выше концепциях выделяются два начала духовности (которые в плане нашего исследования понимаются как *ресурсы* или как возможности актуализации ресурсов): с одной стороны, активная рефлексия человеком своих интра-субъектных особенностей, с другой – открытость миру и «способность видеть множественные связи между явлениями». Интеграция этих двух начал и создает особое качество личности, более высокий уровень отношений «человек–мир».

Стили и ментальные ресурсы

Продуктивным этапом постижения феномена стиля и его роли в успешности субъекта может стать разработка подходов, дополняющих исторически сложившиеся. Один из них – обращение к широкому контексту деятельности и жизнедеятельности человека и привлечение к анализу новых реалий. Необходимо изменение самих «исходных положений», «координат» научного анализа. В основу представлений о роли стиля в успешности субъекта, о роли ресурсов, о роли стиля в актуализации ресурсов могут быть положены не отдельные свойства (качества) – способности, мотивация и т. п. или их комплексы – профессионально важные качества, компетенции и т. п., присущие исключительно отдельному субъекту, а *потенциально доступные субъекту собственные свойства (качества), состояния и внесубъектные условия* – условия среды и свойства других людей, которые субъект может использовать. Наиболее целостным понятием, *интегрирующим* в себе *триаду* – множество потенциальных качеств (свойств) субъекта и со-субъектов, *состояний и условий* среды, нам видится понятие «ресурсы» («ментальные ресурсы»). Оно может быть естественной психологической «клеточкой» и адекватной психологической «единицей» анализа целостных фрагментов реальности.

Прецеденты обращения к данному понятию в отечественной психологии способностей уже имеются (см.: Дружинин, 2007; и др.). Понятие «ресурсы» (человеческие ресурсы), развивающее и расширяющее понимание сущности организованных групп людей (работ-

ники, сотрудники, персонал), уже более двух десятилетий используется в организационной психологии. Оно становится ключевым в современной экономике. В словарях русского языка дается следующее его толкование: 1) это запасы или источники средств; 2) это сами средства, используемые в нужное время или в необходимом случае. Слово чаще употребляется в форме множественного числа (Большой толковый словарь..., 2004; Большой энциклопедический словарь, 2002). В современную психологию введены несколько эквивалентов рассматриваемого феномена («ресурсы», «потенциал», «потенциалы») и их производные («когнитивный ресурс», «интеллектуальный ресурс», «ресурсы контроля поведения», «ресурсы интеграции», «ресурсные состояния»; «человеческие ресурсы», «человеческий капитал» и др.).

Наиболее последовательная разработка понятия «ментальные ресурсы» представлена в исследовании С. А. Хазовой. «Ментальный ресурс – это содержательная, относительно устойчивая характеристика внутреннего мира субъекта, это актуальное психическое свойство, проявляющееся в конкретной деятельности и оказывающее прямое влияние на ее эффективность. Данное свойство не обязательно осознается как ресурс... Ментальные ресурсы объединены в систему, обладающую универсальными и специфическими характеристиками. Универсальными характеристиками системы являются организованность, целостность, динамичность, устойчивость, гетерогенность и гетерохронность формирования ее компонентов и элементов. В качестве специфических характеристик системы выступают, во-первых, сочетания иерархии и гетерархии... во-вторых, наличие особого управляющего механизма – способности к концептуализации опыта, которая проявляется в процессах концептуализации, обеспечивающих анализ ситуации и выделение ее критических признаков, ее категоризацию и обобщение на основе соотнесения с имеющимся опытом, оценку состояния собственных ресурсов и критериев поиска нужных ресурсов и т. п.» (Хазова, 2014, с. 43–44). «Ментальные ресурсы субъекта объединены в систему, обладающую структурными и функциональными особенностями...» (там же, с. 13).

Выделим особенности представленного выше подхода. 1. Ментальные ресурсы видятся как потенциально представленные в опыте человека. 2. Они часто определяются в единственном числе («ресурс»). 3. Определяющими выступают интрасубъектные условия – только «внутренний мир человека». 4. Управление ментальны-

ми ресурсами понимается как концептуализация опыта. 5. Феномен «ментальные ресурсы» может включать довольно широкий круг психических явлений: общие и специальные способности, стили и пр.

В наших эмпирических исследованиях установлено, что ресурсы выступают как избирательно актуализируемые условия внутренней и внешней среды субъекта, изменяющие силу влияния и валентность (знак), определяющие социальную успешность субъекта выше «среднего» (выше среднестатистической). Как психологический феномен, отличающийся от других явлений (способностей, мотивации и пр.), ресурсы характеризуются следующими особенностями: 1) периодическая актуализация; 2) изменение степени влияния на социальную успешность в разном возрасте; 3) изменение валентности, знака влияния; 4) специфическая актуализация (в зависимости от гендера, возраста, социальной микро- и мезосреды и пр.); 5) опережающее по времени влияние отдельных ресурсов; 6) отставленное по времени влияние других ресурсов; 7) инициирование разных эффектов в зависимости от меры актуализации отдельных ресурсов, их значимости для человека, степени их субъективной выраженности; 8) позитивные и нежелательные эффекты находят в зависимости от диапазона актуализации отдельных ресурсов и их взаимосвязей (вероятно, вследствие становления и проявления их системных свойств) (Толочек, Журавлева, 2015).

В формальной логике различают три класса категорий: *вещи, свойства, отношения*. В психологии можно найти эквиваленты трем вышеназванным классам – «объекты» и «субъекты», «свойства», «процессы» и «состояния», а также «эффекты» как отражение динамики и результатов отношений субъектов с объектами и субъектами. Понятия «процессы» и «состояния» давно вошли в тезаурус психологии, о необходимости введения «эффектов» как особого класса явлений писал Б. Ф. Ломов (1999).

Очевидно, что «ресурсы» не есть «объекты» или «субъекты»; едва ли «ресурсы» правомерно отождествлять со «свойствами». Более верно «ресурсы» понимать как *процессы* актуализации внешних и внутренних условий, приводящих к определенным состояниям человека, поддерживающих те или иные «эффекты» в его поведении, деятельности, взаимодействиях с другими. Иначе, «ресурсы» можно понимать как процессы вовлечения новых составляющих в активности субъекта (личности), как установление связей между составляющими новой системы, как процессы становления новых структур. Новые структуры и обеспечивают новые состояния сис-

тем, вследствие большей синергии ее составляющих, и, соответственно, новые ее качества – новые ее системные свойства. Психологические механизмы актуализации субъектом разных условий внешней и внутренней среды как ресурсов разнообразны. Они видятся как установление особых связей между имеющимися, ранее сформированными у субъекта функциональными системами с компонентами других систем субъекта, с фрагментами внешних «объектов» и их свойствами, как согласование функционирования систем субъекта с процессами его взаимодействия с другими людьми. В подобных интеграциях происходят процессы обогащения и усиления формируемых у субъекта систем, что и создает новые возможности и реализуется субъектом в решении конкретных задач.

Не очевидно, что ресурсы непременно «представлены в опыте» человека. Ресурсы могут находиться, открываться как спонтанно, так и целенаправленно, они могут предвосхищаться, рефлексироваться или использоваться неосознанно. Сущность феномена «ресурсы» – в самой возможности развития психического, в возможности интеграции ранее сформированных у субъекта систем с составляющими других систем (внесубъектных, интерсубъектных), существующих как до соответствующей активности субъекта, так и формируемых посредством его активности. Соответственно, ресурсы можно понимать как такие условия среды (внесубъектные ресурсы), процессы взаимодействия людей (интерсубъектные ресурсы) и индивидуальные особенности субъекта (интрасубъектные ресурсы), актуализация которых может приводить к становлению новых психических структур с особыми системными связями, повышающими успешность деятельности. При таком понимании в качестве ресурсов могут выступать как условия и свойства реальных объектов (и субъектов), так и предполагаемых, существующих в воображении; как индивидуальные особенности людей, очевидно выступающие как профессионально важные качества (устойчивость внимания, сенсомоторная координация и т. п.), так и неочевидные на первый взгляд, но обязательно актуализированные, то есть активированные, включенные в процессы поведения и деятельности человека.

Так, в исследованиях индивидуального стиля выявлены парадоксальные факты: своеобразные ограничения человека, например, инертность нервных процессов и, следовательно, медлительность, способствуют становлению развернутой ориентировочной деятельности работника, системности и организованности его поведения; слабость нервных процессов и, как следствие, тревожность, эмоцио-

нальная нестабильность спортсмена приводят к становлению его тактического и технического мастерства. Актуализация условий среды, процессов взаимодействия людей, индивидуальных особенностей самого субъекта может быть как его пассивной интеграцией с ними, так и активным поиском новых условий, их организацией, их энергичной мобилизацией.

Определим «*эффекты*» как *внешние проявления процессов интеграции актуализированных условий внешней и внутренней среды субъекта*. Эффекты возникают вследствие мобилизации новых условий и становления новых систем, вследствие появления их новых свойств как становление большей синергии их функционирования. Использование (присвоение, обогащение) *ресурсов субъектом* будет сопровождаться становлением у него *особых психических состояний, возникающих в процессах актуализации новых условий и процессов внешней и внутренней среды, отражающих становление новых психических структур*.

Выделим особенности нашего подхода. 1. Ресурсы (ментальные и др.) понимаются как актуализируемые субъектом условия внешней и внутренней среды. 2. Они определяются нами исключительно во множественном числе – в феномене всегда имеет место взаимодействие одних условий, процессов, состояний с другими. В качестве ресурсов могут выступать как собственные, ранее не активированные особенности субъекта, так и условия среды и особенности других людей. 3. Ресурсы – это всегда *процессы*, связывающие «одно» с «другим», а именно – человека как активного субъекта и окружение, среду, даже в тех случаях, если в качестве среды выступает «внутренняя среда» субъекта, еще не активированная, не задействованная им в решении актуальных задач. 4. Определяющим фактором выступают собственные особенности субъекта как его возможные интрасубъектные ресурсы. В класс ресурсов также входят особенности других людей, с которыми взаимодействует субъект (что порождает «интерсубъектные ресурсы»), условия среды, окружения, активное взаимодействие субъекта с которыми может порождать «внесубъектные ресурсы». 5. Управление ресурсами понимается как их рефлексия, нахождение способа актуализации, их закрепление как дополнительных условий, повышающих успешность субъекта (эффективность деятельности и др.). 6. В нашем исследовании рассматриваются именно *стили* как психологические системы, позволяющие субъекту *актуализировать* разные условия внутренней и внешней среды в качестве возможных ресурсов, а структурная ор-

ганизация стилей – как фактор, позволяющий актуализировать ресурсы в большей или в меньшей мере, что будет отражаться в успешности деятельности субъекта.

Трактуя *способности* как «функциональные системы» (по В.Д. Шадрикову), мы помещаем в центр нашего внимания совокупность актуализируемых условий реальности (более узко – условий субъекта и профессиональной деятельности), сопряженных с успешностью субъекта. За основу анализа избирается понятие, органично связанное с контекстами профессиональной деятельности, обеспечивающее реализацию экологического подхода к проблеме. Если внимание психологов чаще сосредоточено на «внутренних условиях» (в том числе на способностях, мотивах, установках и др.), через которые «преломляются внешние причины», то объектом нашего исследования избраны преимущественно *внешние, внесубъектные условия в их потенции становиться «ментальными ресурсами» – дополнительными средствами решения задач*. При экологическом подходе акцент сделан на взаимодействиях субъекта с внешними условиями, которые могут не только «преломляться», но и интегрироваться с ранее сложившимися внутренними условиями, переводя их тем самым в новое состояние и новое качество, порождая новые «внутренние условия»: «...внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)... Изучение внутренних психологических закономерностей, обуславливающих психический эффект внешних воздействий, составляет фундаментальную задачу психологического исследования» (Рубинштейн, 2003, с. 209).

Предлагаемый *ресурсный подход* не отделяет предмет исследования от самого изучаемого объекта; выделяя и анализируя предмет, он не абстрагируется при этом от сущностных свойств объекта. Его можно характеризовать как *экологический, синергетический*. т. е. не разделяющий целостную реальность «человек–мир» и не рассматривающий в декартовской оппозиции «субъект» и «объект», человека и среду как противостоящие друг другу.

Рассмотрим отношения «*способностей*», «*успешности*» и «*ресурсов*» в новой формулировке проблемы. Выделим и рассмотрим особенности деятельности субъекта в *искусственной среде*, абстрагированной от реальности, лежащие в основании типичных моделей при изучении способностей (соответственно, и особенности критериев школьной и вузовской успешности – в моделируемой деятельности, в ситуации тестирования и т. п.) (таблица 1.1).

Каждая из вышеназванных особенностей не является нейтральной для успешности субъекта, а вместе они создают совершенно иную экологическую ситуацию, иное качество деятельности и структуру факторов ее успешности, актуализируют новые контексты, которые, в свою очередь, могут актуализировать новые условия. При последовательном анализе в любой из названных выше особенностей можно выделять более частные условия, влияющие на успешность субъекта. Подобное произвольное формирование условий среды сопровождается любым моделированием людьми деятельности и задач, в частности при составлении тестовых заданий (Дружинин, 2007; Люсин, 2004, 2007, 2009; Ушаков, 2003, 2004, 2009).

Если же в центр внимания поставить целое – успешность деятельности и жизнедеятельности человека в реальных условиях (научные открытия, сделанные ученым; изобретения инженера; произведения искусства, созданные художником; эффективное решение, принимаемое военачальником, руководителем или политиком в экстремальных условиях; проекты конструктора, архитектора, создаваемые при ограниченных ресурсах; карьерное продвижение человека при неблагоприятных условиях; его профессиональное развитие на протяжении большей части карьеры и др.), то едва ли оправданно начинать изучение фрагментов реальности с абстрагирования от множества физических и социальных реалий как неважных «деталей». Напротив, именно в сочетании этих реальных фрагментов действительности, вернее, в процессах взаимодействия субъекта с ними, можно и нужно находить то, что может становиться его ресурсами.

Сравнивая условия реальной среды квалифицированной профессиональной деятельности людей с условиями искусственной среды, выделим некоторые важные особенности: взаимозависимость, ограниченный состав актуализированных условий, высокая доля неуспешных действий и ситуации неопределенности, соперничество с другими и пр. Как уже отмечалось, динамичные условия реальной среды создают иную экологическую ситуацию, они своеобразно взаимосвязаны пространственно, темпорально, информационно, энергетически (обратимся к системному описанию по В. А. Ганзену, 1984). Именно в этой взаимосвязи и взаимной зависимости *порождаются новые ресурсы*.

Различая особенности деятельности в искусственной и в реальной среде, различая моделируемую (условную) и квалифицированную профессиональную деятельность, мы должны повторить,

Таблица 1.1
Условия реальной и искусственно созданной социальной среды

Условия искусственно созданной социальной среды	Условия реальной социальной среды
Выделение одних элементов и условий деятельности как актуальных и абстрагирование от других как несущественных	Взаимосвязанность и взаимозависимость всех актуализированных внешних и внутренних условий
Произвольное выделение ограниченного числа элементов в структуре конструируемой (моделируемой) деятельности, вследствие чего количество решенных типовых заданий интерпретируется как <i>качество</i> выполнения деятельности в целом и, соответственно, как <i>уровень</i> способностей, интеллекта, потенциала и т. п.	Ситуативно ограниченный состав актуализированных условий (чем меньше их использовалось, тем более успешной признается деятельность)
Наличие у субъекта четкой обратной связи – сообщений о результатах его деятельности (протекающей в короткой временной перспективе)	Деятельность в ситуациях большей или меньшей неопределенности при значительных субъективных искажениях восприятия действительности
Дифференцированная и оперативная оценка индивидуальных действий субъекта и их результатов	Чаще отсроченная, искаженная и неадекватная оценка действий самим субъектом и другими лицами
Минимизация, игнорирование, затенение роли других со-субъектов (руководителя, тренера, наставника, консультанта, коллеги, оппонента, конкурента и пр.) в составляющих успешности деятельности субъекта (ученика, воспитанника, спортсмена)	Ключевая роль других людей на разных стадиях деятельности; порой решающая роль обстоятельств
Постоянное присутствие социального наблюдателя (преподавателя, экспериментатора и др.)	Высокая доля неуспешных действий, значительный объем черновой и подготовительной работы, выполняемой в отсутствие сторонних экспертов

Условия искусственно созданной социальной среды	Условия реальной социальной среды
<p>Позитивное в большинстве случаев отношение сторонних экспертов и наблюдателей к активности субъекта</p>	<p>Прямое или косвенное, более или менее выраженное соперничество (как в профессиональной среде, так и за ее пределами)</p>
<p>Актуализация и постоянная активизация мотивации субъекта (в силу множества вычленимых и оперативно оцениваемых промежуточных действий и результатов), создание комфортных условий работы, поддержание оптимального психофизиологического состояния</p>	<p>Отсутствие однозначной внешней стимуляции и высокая роль самомотивирования и саморегуляции (эффектов «самодетерминации», «самоэффективности», «самоактуализации» и т. п.)</p>
<p>Стабильность условий среды (самое большее – они в каком-то диапазоне <i>моделируются</i>)</p>	<p>Динамичность условий среды (как физической, так и социальной)</p>
<p>Социально-психологические эффекты взаимодействия людей практически устраняются (соперничество, конкуренция, сотрудничество и пр.)</p>	<p>Социально-психологические эффекты взаимодействия людей актуализируются и усиливаются пропорционально уровню социальной значимости ожидаемого результата с преобладанием «отрицательных»</p>
<p>Минимизирована вся активность, связанная с выбором и изменением стратегий деятельности</p>	<p>Актуализация всей активности, связанной со стратегиями деятельности, которая становится решающим фактором («расклад сил на дистанции», умение находить и использовать дополнительные ресурсы, выбирать адекватные индивидуальным особенностям средства, находить единственные, оптимальные или компромиссные решения, умение ждать и многое другое)</p>
<p>Успешность определяется на основании минимума четких, однозначных, предельно формализованных критериев</p>	<p>Успешность определяется на основании множества более и менее четких, прямых и косвенных, объективных и субъективных критериев, связанных с непосредственными и с отсроченными эффектами</p>

что в двух сравниваемых вариантах имеют место разные ситуации и деятельности субъекта, разные детерминанты его успешности. К слову, если рассматривать высококвалифицированную профессиональную деятельность, спектр ее актуальных условий будет расширен и изменен: здесь, в частности, актуализируются и дифференцируются «добавочные» условия, которые также можно классифицировать по В. А. Ганзену (1984), – темпоральные, пространственные, энергетические характеристики планирования и осуществления деятельности. Очевидно, например, что профессионал более высокого класса «видит» большее число вариантов, просчитывает более длинные цепочки «ходов», учитывает более отдаленные последствия, принимает во внимание большее количество косвенных условий, влияющих на успешность деятельности.

Итак, через призму проблемы стилей и проблемы ресурсов могут раскрываться как взаимосвязи разных условий в их потенции становиться ресурсами, так и биполярность и амбивалентность свойств субъектов и условий среды, динамичность и неоднозначность эффектов взаимодействия людей. Более перспективно рассматривать стили (равно как и специальные способности, саморегуляцию и пр.) не только как ресурсы: такой подход, «умножая сущности», по Оккаму, мало что добавляет в понимание содержания стиля (способностей, саморегуляции и пр.). Более перспективным и продуктивным может быть другой взгляд – понимание стилей как психологических систем, обеспечивающих «открытие», выстраивающих «доступ», способствующих актуализации и полноценному использованию субъектом (личностью) разных условий внутренней и внешней среды как ресурсов, выбора из них тех, использование которых более соответствует и индивидуальности человека, и сложившемуся у него стилю, и ситуации.

1.4. Становление концепции

«индивидуальный стиль деятельности»

Если в первых разделах (1.1–1.3) рассматривались вопросы предпосылок и исследований разных стилей в психологии, то ниже будут преимущественно обсуждаться особенности отечественного подхода к изучению проблемы. Обзор исследований стиля начнем с «открытых вопросов». Значительная часть исследований *индивидуального стиля деятельности* (ИСД) в 1950–2000-х годах следовала постулированным Е. А. Климовым «исходными положениями»

изучения проблемы ИСД (Климов, 1969). Но наряду с декларируемыми Е. А. Климовым «исходными положениями» имели место и латентные «положения» – неявные, скрытые, вытекающие из методологии и целей изучения стилей, во многом предопределявшие и направления поисков, и основные ожидаемые результаты, и выводы исследователей.

Декларируемые и латентные «исходные положения» в своей совокупности определяли на несколько десятилетий методологию изучения ИСД. Выделим основные.

Положение *первое*: среда деятельности человека изотропна, равномерна во всех измерениях, имеет постоянное и одинаковое «сопротивление» активности субъекта. Из этого следовало, что субъект совершенно свободен в проявлениях своей активности, в выборе средств деятельности для построения своего стиля, а первоначально выбранных им средств совершенно достаточно для восхождения к вершинам профессионализма.

Положение *второе*: стили как психологические системы позволяют полностью компенсировать слабо развитые качества субъекта.

Положение *третье*: среда деятельности стабильна (инвариантна). Следовательно, человек однократно адаптируется к ней посредством формирования стиля – «уравновешивает» свою индивидуальность с внешними, предметными условиями деятельности (Климов, 1959, 1969). Привлечения понятия «сопряжение» в более поздних исследованиях (Либин, 1993; и др.) принципиально ничего не изменило в понимании сущностных свойств стилей.

Положение *четвертое*: ИСД принадлежит исключительно субъекту и независим от активности, стилей и индивидуальности других участников совместной деятельности.

Положение *пятое*: человек – «табула rasa», его ИСД формируется «с нуля», с момента непосредственной встречи с «предметной деятельностью».

Шестое – отдельные качества человека находятся в «дифференцированном» состоянии; только встреча с «внешними условиями» деятельности запускает механизмы становления индивидуального стиля, а посредством стиля – и интегральной индивидуальности.

Седьмое – становление стиля, или структурирование всех индивидуально-психологических особенностей субъекта, протекает сравнительно бесконфликтно. В результате формируется адекватная «устойчивая психологическая система уравновешивания индивидуальности человека с внешними условиями деятельности».

Восьмое — компоненты деятельности как потенциальные компоненты стиля находятся в диффузном состоянии, индифферентны в отношении друг друга. Субъект их произвольно выбирает из «хаоса» потенциальных составляющих как рядоположенного набора альтернатив.

Девятое: сформированный стиль является константой, которая лишь изредка может изменять некоторые свои гибкие элементы, сохраняя принципиальный тип организации – превентивный или реактивный. Эволюция стиля, сопряженная с изменением возраста, квалификации, опыта, просто физического состояния или мотивации человека не рассматривалась.

Десятое: сформированный стиль мыслился как единственный в своем роде, как универсум, объединяющий в себе все; в отношении конкретного субъекта понятие «стиль» употреблялось в единственном числе. Связи сформированного стиля с другими психологическими системами адаптации человека в среде за пределами его рабочего места не изучались.

В методологии изучения стилей в зарубежной психологии можно найти те же черты, что и характерные для отечественных исследований (см. обзоры литературы: Журавлев, 2004; Поваренков, 2012; Холодная, 2004). Более полный обзор «открытых вопросов» изучения стилей в разных научных подходах был нами предложен ранее (Толочек, 2013).

Между тем почти все вышеприведенные «исходные положения» имеет смысл рассматривать как «открытые вопросы», предполагающие внимание к фактам и научную дискуссию. Есть основания говорить о неравнозначности разных компонентов деятельности, об их своеобразной «поляризации» в отношении друг к другу, о своеобразной «дискретности» составляющих деятельности (Толочек, 1986, 1987), что сильно ограничивает свободу субъекта в выборе средств деятельности, соответствующих его индивидуальности. Об ограниченных возможностях компенсации одних качеств субъекта другими и самой компенсации недостаточно развитых способностей посредством стиля весомые аргументы приводил Е. П. Ильин с 1970-х годов (Ильин, 1979–2009). С ним никто не полемизировал; его работы чаще замалчивались.

В наших исследованиях было показано, что стили имеют вариативные и инвариантные компоненты, организованные в иерархические системы. Вариативные реорганизации стилей имеют количественные границы, выход за которые сопряжен с изменени-

ем эффективности деятельности субъекта (Толочек, 1984, 1985). Рассматривая проблему стиля в контексте проблемы адаптации, нужно отметить, что в последние годы учеными была сделана ее радикальная переформулировка: вместо выражения «адаптация человека к среде» введено в научный оборот иное – «адаптация человека в среде». Оно предполагает разговор уже не о гомеостазе, не о стабильных системах, завершенных процессах и т. п., но об открытых и нестабильных отношениях, о нелинейном развитии системы, о принципиальной незавершенности механизмов адаптации, о динамическом равновесии, о процессах большего или меньшего соответствия стиля требованиям и условиям среды. Очевидным парадигмальным ограничением следует признать и интерпретацию феномена «стиль» исключительно как проявления индивидуальной деятельности субъекта, а не совместной деятельности с другими людьми (с соответствующими следствиями).

При современном прочтении *первого – пятого* положений (в контексте актуального для нас вопроса о *ментальных ресурсах* субъекта) сущностными свойствами феномена «стиль» можно считать следующие. 1. Стили позволяют максимально использовать лишь *интрасубъектные* свойства, актуализируя некоторые из них как *ресурсы*, что дает возможность полностью компенсировать недостающие качества. 2. Стиль, «блокируемый» некоторыми сравнительно слабо развитыми качествами субъекта, вместе с тем открывает доступ к новым ресурсам, в том числе и *внесубъектным*. 3. Если мы рассматриваем деятельность субъекта прежде всего как совместную деятельность, можно ожидать, что стиль будет выступать и в качестве своеобразного «посредника», позволяющего актуализировать *интерсубъектные ресурсы*, формирующиеся в процессах взаимодействия людей.

Нужно признать, что все возможные детерминанты стиля, за исключением «индивидуально-психологических» и «деятельностных» особенностей, в исследованиях 1950–2000-х годов явно недооценивались и даже игнорировались. Нужно признать необоснованным абстрагированием представления о том, что люди, тесно взаимодействующие как члены контактных социальных групп, никак не влияют друг на друга – ни своими стилями, ни индивидуальностью, а их стили и индивидуальности могут быть исключительно лишь препятствиями для их успешной совместной деятельности.

Положения *пятое – десятое* прямо и косвенно затрагивают вопросы зарождения, становления, развития, функционирова-

ния и при определенных обстоятельствах разрушения стилей. Так, из анализа литературы следует, что, например, разные группы психофизиологических свойств (один симптомокомплекс – слабость нервной системы по возбуждению, эмоциональная неустойчивость, нейротизм; второй – инертность, низкая лабильность, интроверсия), априори независимых качеств почему-то очень сходно детерминируют ИСД лиц с выраженностью этих качеств. Равно как и противоположные группы (третий симптомокомплекс – сила нервной системы по возбуждению, эмоциональная устойчивость, низкий нейротизм; четвертый – подвижность, лабильность, экстраверсия) также сходно обуславливают характерные особенности ИСД субъектов. Другими словами, есть весомые основания для сомнений относительно: а) «независимости» отдельных психофизиологических свойств человека; б) независимости и несвязанности между собой компонентов, входящих в состав разных стилей профессиональной и умственной деятельности; в) «свободы самовыражения» человека в деятельности, «независимости» от поведения и деятельности других людей в аспекте формирования и функционирования их стилей; г) неограниченного числа разных стилей; д) их формирования и функционирования именно как «индивидуальных стилей деятельности», находящихся исключительно в «ведении» отдельных субъектов, независимых и неподвластных активности и стилям других.

Маловероятно, что в исторически сформированной, сложной профессиональной деятельности отсутствуют зависимости одних компонентов от других, отношения «консонанса» и/или «диссонанса», если предполагается, что профессиональная деятельность человека имеет целенаправленный характер, что она исторически членится на отдельные «действия» и «операции», подчиненные цели. Маловероятно, что «космос» отношений компонентов, составляющих деятельность, обретается лишь в деятельности данного отдельного субъекта, сформировавшего свой безупречный стиль. Более вероятно, что в формировании стиля используются не отдельные компоненты, а их функциональные связи, паттерны. Следовательно, такие паттерны будут предопределять конечное число возможных в данных условиях стилей, а также потенциальную успешность субъектов, у которых сформированы разные стили.

Маловероятно также, что стили являются сравнительно простыми психологическими системами, сходными по структуре и компонентам у разных людей со сходными индивидуальными особенностями; что успешность их деятельности как субъектов определяется

не составом и организацией стилей, а исключительно иными факторами – опытом, мотивацией и т. п. Странно, но вопрос о качественных уровнях профессионализма представителей разных стилей, о «пределах» функционирования стилей как систем крайне редко обсуждался на протяжении полустолетия.

Рассматривая все многообразие проявлений стилей, отраженное в научной литературе, можно обратить внимание на тот факт, что исследователи, длительное время работающие в русле сложившейся научной традиции, как правило, не выделяют явных проблем, противоречий, несогласованности методологии и эмпирических данных даже в рамках одного избранного направления (Вяткин, 1992, 2005; Ильин, 2008; Шукин, 1994; и др.). Объяснением могут быть «эффекты парадигмы» (Мамардашвили, 1993; Степин, 2000; и др.), т. е. в результатах исследования стилей проявляются не только их сущностные свойства, но и методологические и методические ограничения, ценностные ориентации ученых как личностей. Однако вернемся к истории изучения проблемы в ее конструктивных аспектах.

Среди теоретических предпосылок, которые Е. А. Климов назвал «исходными положениями» концепции индивидуального стиля деятельности (далее – ИСД), интегрирующими идеи Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева, В. С. Мерлина, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, были следующие. 1. Есть стойкие качества, существенные для успеха деятельности, но практически не воспитуемые (так как они обусловлены типологическими свойствами нервной системы). 2. Существуют разные по способам, но равноценные по конечному эффекту варианты приспособления к деятельности. 3. Имеются широкие возможности компенсаторного преодоления слабо выраженных способностей. 4. Формирование личности можно вести только с учетом внутренних условий наряду с внешними. 5. Субъективное как отражение объективного обладает собственной активностью (Климов, 1969).

Отечественная концепция ИСД, разработанная Е. А. Климовым и В. С. Мерлиным, реализует понимание стиля как определенной психологической системы, понимание его связи с конкретными индивидуальными особенностями человека. Стиль обусловлен психологически (психофизиологически), но он не фатально детерминирован индивидуальностью субъекта, а формируется как «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта». Стиль может изменяться при изменении условий деятельности. Формирование

и развитие стиля связано с формированием и развитием индивидуальных особенностей субъекта. В зависимости от объективных требований деятельности одни и те же свойства личности выражаются в разных стилях (Климов, 1959, 1969; Мерлин, Климов, 1967).

Генезис и структура ИСД, по Е. А. Климову, таковы. Первоначально складывается «ядро» – спонтанно формируемые компоненты стиля, одни из которых способствуют успешности адаптации к требованиям и успешности деятельности («А»), другие препятствуют («Б»). На второй стадии происходит становление «пристройки» – сознательно формируемых компонентов, с одной стороны, усиливающих первичные позитивные звенья адаптации («В»), с другой – компенсирующих первичные неэффективные звенья («Г»). Сущность стиля как психологической системы представляется ученому как многоуровневая, далеко не безупречная в своей организации, предполагающая сложные взаимные отношения отдельных компонентов и блоков, равно как и возможное изменение их роли (с позитивной на негативную и наоборот) в целостной адаптации при изменении условий среды. Парадоксально, но эти принципиальные моменты не были отрефлексированы многими апологетами концепции стиля. Исследователи феномена ИСД обычно приводят или несколько изменяют два определения, данные Е. А. Климовым в следующем виде: в узком смысле слова это есть «обусловленная типологическими особенностями устойчивая система способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности»; в широком смысле – «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49).

В развитии концепции ИСД можно выделить несколько характерных этапов и подходов. Первый из них условно назовем *типологическим подходом* (конец 1950-х–1960-е годы). Основными задачами достаточно широких исследований, проводившихся сначала под руководством В. С. Мерлина, а затем и Е. А. Климова в Казани и в Перми, были: 1) изучение возможности успешной адаптации к требованиям профессии лиц с разными биологически обусловленными особенностями психики (типологическими свойствами нервной системы и темперамента); 2) доказательство существования разных типов индивидуального стиля в разных видах деятель-

ности; 3) утверждение социальной равноценности разных стилей, а значит – лиц с разными психологическими особенностями.

Первый этап в развитии концепции ИСД характеризовался выраженным гуманистическим пафосом исследований и выводов, а в методологическом аспекте – постулированием диалектики проявления свойств индивидуальности в организации систем адаптации людей к профессии. Результатами и характерными особенностями проведенных исследований были следующие.

1. Выделение двух противоположных ИСД (диагностировалось какое-либо одно типологическое свойство нервной системы): стиль «подвижных» и стиль «инертных»; стиль «слабых» и стиль лиц с выраженной силой нервной системы (процессов возбуждения). В конце 1960-х годов стали выделять и третий, промежуточный, стиль, но все три стиля описывались в рамках уже сложившегося подхода.
2. Акцентирование внимания на качественном анализе феномена. Постулировалось, что разные ИСД одинаково эффективны; различия в адаптации к требованиям деятельности разных по типологии субъектов подчеркивались сопоставлением двух противоположных стилей.
3. Констатация того факта, что эффективный ИСД – это не просто совокупность всех наиболее рациональных приемов деятельности, а именно индивидуально-своеобразная *психологическая система*.
4. Описание своеобразия адаптации субъектов к требованиям деятельности на разных ее уровнях (операция–действие–деятельность).
5. Объяснение успешности/неуспешности деятельности субъекта типологически адекватным или неадекватным ИСД (т. е. соответствующим типологическим свойством нервной системы), так как предполагалось, что неэффективным «подлинный» ИСД быть не может.
6. Анализ ИСД путем обобщения особенностей деятельности, присущих работникам с определенными свойствами нервной системы (Климов, 1969; Мерлин, 1960; Щукин, 1994; и др.).

Базовыми в понимании сущности феномена для Е. А. Климова были стили ткачих, различающихся по подвижности нервных процессов, работающих на трех или четырех станках. Профессия предъявляла высокие требования к скоростным качествам работниц. Однако

их профессиональная продуктивность прямо не зависела от подвижности нервных процессов. У ткачих складывались разные стили. ИСД «подвижных» трехстаночниц характеризовался успешным выполнением трудовых действий в повышенном темпе, колебанием скорости движений в зависимости от срочности ситуации, преобладанием срочных работ над предупредительными, выполнением последних лишь в случае явной необходимости, частыми дальними переходами для срочных работ и редко – для осмотра и предупредительных работ, частыми одиночными ориентировочными реакциями. «Инертные» многостаночницы отличались равномерным темпом работы; преобладанием предупредительных работ, выполняемых с учетом вероятности появления необходимости в этих действиях; преобладанием дальних переходов для осмотра и предупредительных работ над переходами для срочных работ; нечастыми, но суммарными («кучными») ориентировочными реакциями.

Наблюдения привели ученого к выводу, что сущность ИСД состоит в том, что человек сознательно или неосознанно учитывает свои индивидуальные особенности как объективные условия деятельности и в соответствии с совокупностью всех условий организует ее (скажем, делает поправки на свою инертность). Так, если ориентировочная деятельность «подвижных» ткачих направлена на выявление факта необходимости срочной работы, то у «инертных», не склонных к частому изменению деятельности и избегающих внезапных и экстремальных ускорений действий, ориентировочная деятельность в большей степени направлена на сигналы, предвещающие появление срочных работ. «Инертные» как бы прогнозируют вероятность появления экстремальных ситуаций и нередко с учетом этой вероятности выполняют предупредительные работы.

Если «подвижные» акробаты увеличивают высоты траектории полета в сальто за счет наращивания скорости разбега, то «инертные» – за счет развития прыгучести, а также удлиняя свой разбег перед прыжком. «Инертные» достигают повышения темпа кувырков более плотной, чем у «подвижных», группировкой. Для обеспечения точности приземления «инертные» заблаговременно снижают темп выполнения последнего элемента (Климов, 1969; Мерлинкин, 1968; Якубчик, 1964, 1965). При обращении к другому виду деятельности – гребле на байдарках – было выявлено, что у «подвижных» и «инертных» гребцов формируются разные способы удержания равновесия: за счет учащения корректирующих движений либо повышения вестибулярно-кинетической чувствительности. При направленном

формировании ИСД целесообразно изменение/развитие «наименее стойких» качеств, а именно: развития вестибулярно-кинестической чувствительности у «инертных» и частоты корректирующих движений – у «подвижных» (Климов, 1969; Шадрин, 1978; Щукин, 1966, 1994).

Можно отметить как чрезвычайно важные факты, что сходные комплексы способов адаптации были выявлены как у лиц с инертностью нервных процессов, так и у лиц со слабостью процессов возбуждения, эмоциональной неустойчивостью, высоким нейротизмом, интроверсией (Гапонова, 1983; Гуревич, 1970; Копытова, 1965; Лейтес, 1970; Матвеев, 1965; Сафонов, Суворов, 1983; Стреляу, Краевский, 1974; Стреляу, 1982; Сухарева, 1967; Толочек, 1981, 2000; и др.).

Второй этап изучения ИСД назван нами эмпирическим (Толочек, 1991, 1992). Он относится к 1970–1980-м годам и характеризуется территориальной (Казань, Пермь, Москва, Ленинград и др.) и профессиональной широтой исследований. На этом этапе имели место следующие моменты.

1. Успешное наложение концепции Е. А. Климова и В. С. Мерлина на эмпирически сложившиеся классификации видов деятельности, эмпирически выделяемые профессионально важные качества, например, стили водителей грузового и пассажирского транспорта, а в спорте – атакующий, контратакующий, защитный, игровой, силовой, темповой стили.
2. Широкое использование многомерных методов математической статистики для выделения, обоснования и описания ИСД. Как правило, исследователи выделяют не более 3–5 разных стилей.
3. Психодиагностика не отдельных свойств, а комплексов психологических и психофизиологических особенностей; постановка вопросов о необходимости диагностики именно психофизиологических комплексов и о связи психофизиологических свойств и состояний субъектов деятельности.
4. Успешное использование концепции для изучения ИСД в видах деятельности с предельно высокими требованиями к профессионализму исполнителей (в частности, в спорте высших достижений). Изучение связи стилей и сравнительной результативности субъектов.
5. Смещение «центра» анализа и изучение взаимной детерминации и параллельного становления *индивидуального стиля деятельности и интегральной индивидуальности субъекта* (Во-

лочков, 2007; Вяткин, 1978, 2000, 2005; Дорфман, 1989, 1993; Мерлин, 1986; Моросанова, 1993, 2010; Толочек, 1998, 2000; Щукин, 1994; и др.).

Значительный вклад в развитие представлений об ИСД в 1970–1980-е годы был сделан Е. П. Ильиным (Ильин, 1979, 2009). Он выделил три типа адаптации субъекта к деятельности: приспособление субъекта к деятельности, приспособление деятельности к субъекту и их взаимное «уравновешивание». Механизм адаптации им рассматривается как взаимодействие всех типологических свойств нервной системы и способностей человека, выступающих в функции «типологических комплексов», предопределяющих большую или меньшую успешность субъекта в данной деятельности, и как подкрепление мотивацией и результативностью деятельности исходной типологической склонности человека к определенным видам деятельности, ее условиями, режиму работы. Им констатируется, что ИСД способствует проявлению способностей, но не компенсирует их отсутствие. Е. П. Ильиным с сотрудниками поставлены вопросы об энергетической стоимости ИСД, о большей или меньшей результативности разных стилей, о динамике успешности субъектов с разными стилями на протяжении рабочего цикла (спортивно-го поединка, игры, прохождения дистанции в циклических видах спорта) и предложены их решения.

Третий этап развития исследований ИСД, *естественно-научный*, отражает тенденции к интеграции знаний о стиле и его детерминантах. В 1980-е годы в отечественных исследованиях ИСД выделяются несколько пересекающихся подходов: использование зарубежных концепций когнитивного стиля, стиля руководства и постановка вопроса об иерархии стилей и детерминант стиля. Наиболее заметными явлениями на третьем этапе можно считать работы Е. П. Ильина с соавт. и научные результаты представителей пермской школы – Б. А. Вяткина, Л. Я. Дорфмана, М. Р. Щукина с соавт. (Вяткин, 1992, 2007; Дорфман, 1993; Щукин, 1994; и др.).

В наших исследованиях рассматривались вариативные организации стилей, при этом были выделены три обобщенные характеристики стиля, понимаемые нами как иерархические: 1) *предпочитаемые*, «субъективно удобные условия деятельности»; 2) *операциональные структуры* (приемы, способы данной деятельности); 3) «тип организации» (типичные для субъекта активные воздействия на условия деятельности, управление ими, стремление приводить их к определенной организации). Также фиксировались

связи эффективности деятельности как с типологически адекватной структурой стиля, так и адекватностью его ситуативных перестроек (Толочек, 1984, 2000). В совместной деятельности выделяются радикальные изменения исходных ИСД взаимодействующих субъектов, а феномен интеграции стилей и индивидуальностей взаимодействующих субъектов обозначается как «стили профессиональной деятельности».

Накопление научных данных по проблеме стиля расширяет привычные методологические границы и приводит к выводам, отличным от некоторых исходных посылок концепции ИСД. Л. Я. Дорфман на модели эмоциональных стилей развивает концепцию «интегральной индивидуальности» и предлагает концепцию «метаиндивидуального мира». Отмечая компенсаторную и регуляторную функции стилей, М. Р. Шукин обращает внимание на роль опыта субъекта в становлении его ИСД, на значимость «более удобных условий деятельности» – подготовки к работе и ее организации, выбора ситуаций и заданий и пр. – и подчеркивает возможность формирования рациональных и нерациональных стилей. В организации совместной деятельности М. Р. Шукин (1994) видит «целесообразность объединения учащихся с противоположными индивидуальными характеристиками» (Шукин, 1994). В системе саморегуляции деятельности выделяются механизмы адаптации, компенсации и коррекции (Вяткин, 1981, 1992; Моросанова, 1995, 2010; Шукин, 1994).

В рассматриваемый период понятия «индивидуальный стиль деятельности» и «стиль» в его широкой трактовке являются притягательными для многих исследователей, ориентирующихся на разные научные подходы и проецирующих этот феномен на разные виды учебной, спортивной и профессиональной деятельности. Ряд независимых, но согласованных по полученным результатам исследований проведен на моделях спортивной борьбы (Еганов, 1985; Оленник, Каргин, Рожков, 1984; Поторока, 1986; Толочек, 1985; Ширинов, 1989), бокса (Дмитриев, 1980; Клещев, 1984), фехтования (Ильин, 2009; Житлов, 1985; Турецкий, 1981, 1985), настольного тенниса (Воронин, 1984; Зайцев, 1979), художественной гимнастики (Приставкина, 1984), парашютного спорта (Леевик, 1986), стрелкового спорта (Моросанова, 1995), профессиональной деятельности авиадиспетчеров (Сафонов, Суворов, 1984), водителей (Гапонова, 1983; Попова, 1986), учителей (Анисимова, 1985; Борисова, 1986; Маслова, 1980; Мишутин, 1992), тренеров (Прохоров, 1984). Множество исследований в этот период выполнено в пермской школе на моделях

деятельности учителя, тренера, воспитателя детского сада, учебной деятельности школьников и др.

Четвертый этап развития исследований ИСД (1990–2000 гг.) можно назвать *мозаичным*. Доминирующей тенденцией становится не выявление сущностных свойств феномена, а компиляция разных концептуальных схем, отказ от наблюдения реальной деятельности и опора исключительно на опросники. Исследования проводятся преимущественно на выборках представителей массовых профессий, студентов вузов и учителей средних школ. Вместе с тем резко расширился спектр рассматриваемых особенностей индивида – от анатомических и физиологических до этнических. Психолого-педагогический эксперимент становится редкостью в репертуаре исследователей. Несмотря на широкую палитру смежных тем в целом интерес к проблеме ИСД в 1990-е годы заметно угасает.

1.4. Индивидуальный стиль в структуре индивидуальности человека

В отечественной психологии последовательное изучение индивидуального развития человека начинается с работ Б. Г. Ананьева, который под *индивидуальностью* понимал своеобразную интеграцию качеств человека как индивида, как личности, как субъекта деятельности. В антропологическом подходе индивидуальность трактовалась как следствие эволюции физиологических функций, история развития человека (человечества) и деятельности, особенностей жизненного пути личности (Ананьев, 1968, 2001). Как своеобразную научную эстафету можно рассматривать продолжение изучения индивидуальности в пермской школе.

С начала 1970-х годов проблема ИСД последовательно разрабатывалась В. С. Мерлиным (затем и его учениками и последователями – Б. А. Вяткиным и др.) в тесной связи с изучением становления индивидуальности человека; стиль рассматривался как один из факторов становления *«интегральной индивидуальности»*. Появление новых приоритетов и новые аспекты в изучении стиля представителя пермской школы объясняли следующим образом.

1. В цикле исследований (1950–1970 гг.) была показана обусловленность одних и тех же особенностей деятельности как нейродинамическими свойствами, так и свойствами личности.
2. Эмпирические данные указывали на возникновение интегративных эффектов между свойствами индивидуальности, на-

званными В. С. Мерлиным «интегральная индивидуальность» (далее – ИИ).

3. Совместное влияние свойств разных уровней индивидуальности (нервной системы, темперамента, личности) на становление стиля ставило вопрос об организации самой индивидуальности, об эволюции становления индивидуальности как «интегральной индивидуальности», о роли стиля в этой эволюции, о взаимных детерминациях ИСД и ИИ (Волочков, 2007; Вяткин, 1981, 2005; Дорфман, 1989, 1993; Щукин, 1994; и др.).

Итак, стиль в пермской школе в 1970–1990-е годы рассматривался уже как психологическая система, становление и функционирование которой сопряжено со становлением индивидуальности человека как более целостной («адекватной», «рациональной»), обретающей новое качество, – как «интегральной индивидуальности». Такое смещение акцентов и приоритетов многое объясняет. Стиль рассматривался уже как второстепенный феномен, призванный объяснять центральный – механизмы, закономерности становления и проявления интегральной индивидуальности. Стили изучались в ограниченном спектре их проявлений, преимущественно на выборках дошкольников, учащихся, студентов, учителей. Принимая во внимание этические и методологические ограничения при изучении любой деятельности (игровой, учебной, профессиональной), непререкаемые «табу» в каждой сфере, ограничения любого методического подхода и пр., можно понять, что даже при 30-летнем изучении стилей оставались «белые пятна», а методология изучения стиля радикально не изменялась.

Обратимся к конкретным исследованиям и их результатам. В исследованиях 1980-х годов было показано, что связи между свойствами разных уровней индивидуальности могут изменяться в зависимости от преимущественно используемых субъектом действий и операций, от им определяемых промежуточных целей при решении задач. Согласованные системы целей человека, действий и операций предметной деятельности понимались как индивидуальный стиль деятельности, который, формируясь, начинает играть ключевую роль в развитии человека, в гармонизации его индивидуальности.

На обширном эмпирическом материале было показано, что ИСД играет системообразующую функцию в развитии ИИ. Благодаря стилю возникают новые связи между разными свойствами и разными уровнями ИИ. Адекватные индивидуальности человека сти-

ли, изменяя характер связей между свойствами индивидуальности в сторону их гармонизации, создавали в этих процессах новую систему этих отношений, или новую ИИ (Вяткин, 1992, 2005; Жданова, 2005; Щукин, 1994; и др.).

Показано, что как стиль влияет на становление уникальной ИИ, так и *интегральная индивидуальность* – уникальная интеграция свойств различных иерархических уровней (нервной системы, темперамента, личности) – по-разному влияет на становление разных компонентов стиля. Установлено, что одни особенности трудовой деятельности теснее связаны с нейродинамическими свойствами, вторые – с личностными, третьи не испытывают преимущественного влияния ни одного из разных уровней индивидуальности. Сходные эффекты и влияния разных свойств индивидуальности на стиль были выделены в учебной, педагогической и трудовой деятельности представителей массовых профессий (т. е. в отношении лиц, деятельность которых не требует высокого уровня развития специфических профессиональных способностей, не предъявляет к ним жестких требований, шкала профессиональной квалификации которых ограничена тремя-пятью разрядами).

Полученный за три десятилетия богатый эмпирический материал позволил подтвердить или скорректировать принципиальные положения о роли свойств индивидуальности людей в становлении стилей.

1. Имеет место возможность успешного выполнения деятельности за счет различной системы приемов, благодаря которой осуществляется компенсация недостаточно выраженных особенностей деятельности другими ее особенностями.
2. Функционирование разных стилей различается процессуально.
3. Имеют место индивидуальные различия в результативности деятельности.
4. Сформированные у человека стили могут находиться на разных уровнях развития.
5. Важную роль играет отношение субъекта к своей деятельности.
6. В становлении стилей значительную роль играют разные факторы (нейродинамические свойства, свойства темперамента, личности, интеллекта, самооценки и пр.)

В частности, были выявлены и описаны связи характера *отношения человека к деятельности* с различными аспектами ее процессуальной стороны: обеспечением порядка на рабочем месте, тщатель-

ностью подготовки к работе, изучением документации, динамикой вхождения в работу, отсутствием торопливости, контролем качества работы, редкими отвлечениями внимания, недостатками в работе. Обширный эмпирический материал позволил исследователям характеризовать «личностный фактор» как важнейшее условие реализации благоприятных индивидуальных возможностей субъекта, как условие преодоления негативных тенденций в его деятельности.

Особенности *самосознания* человека также выступают в качестве внутренних условий, способствующих реализации благоприятных возможностей для него как субъекта и преодолению им спонтанных негативных тенденций в планировании и осуществлении деятельности. Самооценки выступают как условие, усиливающее становление индивидуальных особенностей в деятельности. В частности, самооценки влияют на степень развернутости ориентировочной деятельности. С другой стороны, самооценки проявляются и как нежелательные эффекты и обуславливают сопротивление учащихся предъявляемым рекомендациям по овладению техническим арсеналом деятельности.

Существенными внутренними условиями, обеспечивающими регуляцию деятельности, выступают *уровень развития интеллекта* и *эмоциональный фактор*. Выявлена связь между особенностями практического мышления учащихся и разными сторонами результатов их деятельности, а также быстротой овладения ими трудовыми действиями, быстротой и точностью определения причин брака и путей их устранения, успеваемости по теоретическим дисциплинам.

На становление стиля влияет ранее приобретенный *опыт* учащихся, способный даже частично «перекрывать» влияния нейродинамических свойств индивидуальности. Примечательно, что влияние опыта на особенности деятельности может идти и в негативном плане: 1) сформировавшиеся способы работы могут не соответствовать природным предпосылкам профессионала; 2) со временем нерациональный стиль закрепляется.

В процессе овладения деятельностью формируются новые связи между разными уровнями индивидуальности – свойствами личности, психодинамическими и нейродинамическими свойствами. На более ранних этапах овладения деятельностью особенности личности более непосредственно связаны с ее психодинамическими и нейродинамическими свойствами. По мере ее развития возрастает значение свойств личности. *Возрастные особенности* поведения

и деятельности в некоторых случаях могут идти в одном направлении с психологическими, благодаря чему интегральная индивидуальность приобретает более выраженный характер. В других случаях возрастные изменения могут находиться в противоречивых отношениях со свойствами индивидуальности и в силу этого ограничивать позитивные эффекты интеграции. С возрастом ослабевает влияние нейродинамических свойств на деятельность и поведение и возрастает влияние свойств личности.

Ведущая регулирующая роль свойств личности в отношении проявлений свойств темперамента и нервной системы осуществляется через *самооценки*, интеллектуальные качества, компоненты опыта и эмоциональные реакции. Свойства личности, выражающие отношение к деятельности, и интеллектуальные возможности субъекта выступают в качестве основных факторов, обеспечивающих регуляцию деятельности. *Саморегуляция* выступает как интегрирующий фактор в структуре стиля. Механизмы самокоррекции играют активную регулирующую роль в становлении механизмов адаптации (например, как ограничение торопливости) и компенсации (например, при формировании автоматизмов по ускоренному выполнению действий). Роль корректирующих механизмов возрастает по мере совершенствования деятельности (Щукин, 1994)

Установлено также, что «внешние условия» – объективные условия и требования деятельности – могут способствовать спонтанной реализации одних качеств субъекта и в то же время ограничивают проявления других его качеств, притормаживают их развитие. Вместе с тем одни и те же внешние условия и требования деятельности приобретают для разных лиц разные характеристики, так как система «внутренних условий» обеспечивает избирательное отражение внешних условий и требований (Вяткин, 1992, 2005; Щукин, 1984, 1994). В исследованиях М. Р. Щукина внимание обращалось на фактор «более удобных условий деятельности» для субъекта: различий в его подготовке к работе, в выборе ситуаций и заданий, в создании субъектом ситуаций, соответствующих его индивидуальным свойствам. Показано, что выбор условий во многом зависит от подвижности и лабильности нервных процессов. Например, подвижные предпочитают задания, требующие выполнения разнообразных операций и частых переключений, они стремятся разнообразить свою деятельность. Напротив, инертные предпочитают задания, связанные с однообразными и медленными действиями (Щукин, 1984, 1994).

По сходной методологической схеме проводились исследования индивидуального стиля педагогического общения учителей и воспитателей, стилей психомоторной саморегуляции спортсменов, стилей эмоциональной волевой регуляции, стилей активности учащихся и студентов. Она позволяла выявлять наиболее общие особенности стиля и факторов успешности субъекта (Волочков, 2007; Вяткин, 1978, 2005; Вяткина, 1976; Горбунов, 1992; Дорфман, 1989, 1993; Исмагилова, 1992, 2002; Коратаев, Тамбовцева, 1991; Кучменко, 1974; Праведникова, 1993; Прусакова, 1976; Силина, 1992; Субханкулов, 1965; Шведчикова, 2002; Щукин, 1966, 1994; и др.).

Итак, следует признать несомненные достоинства исследований стилей в пермской школе в 1960–2000 гг.: обстоятельное изучение проявлений стиля на моделях учебной, игровой и педагогической деятельности; определение роли стиля в становлении индивидуальности, их взаимных причинно-следственных отношений. Показано, что направленность, ценностные ориентации, смыслы и другие высшие личностные образования как системы более высокого порядка не снимают действия детерминант более низкого иерархического уровня (нейродинамики и психодинамики), не уничтожают и не обесценивают первоначальных детерминант психического развития человека.

В процессах деятельности и общения свойства субъекта своеобразно организуются и выступают как новые системные свойства индивидуальности. ИИ понимается как «особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека... Это динамическая система, обеспечивающая приспособление человека к среде» (Интегральная индивидуальность..., 1996, с. 23). Индивидуальность человека интегрирует свойства всех иерархических уровней – «биохимических, физиологических, психологических, личностных, социально-психологических, общественно-исторических, находящихся между собой в зависимости. Свойства... организованы в системы и подсистемы и структурированы по иерархическому принципу» (там же, с. 23).

Подводя итоги обзора исследований стилей и интегральной индивидуальности, можно констатировать следующее.

1. Помимо своих прямых функций согласования условий и требований деятельности с индивидуальными особенностями человека как субъекта, функций обеспечения эффективности деятельности и субъективного комфорта стили выступают

как *психологические системы*. Они позволяют субъекту актуализировать разные свойства, условия, процессы, состояния как *возможные ресурсы*: собственные качества и состояния (*интрасубъектные ресурсы*); условия среды, значимые для успешности (*внесубъектные ресурсы*) и особенности взаимодействующих субъектов, партнеров (*интерсубъектные ресурсы*).

2. Актуализация собственных качеств человека как ресурсов (интрасубъектных ресурсов) посредством стиля проявляется, в частности, в становлении его интегральной индивидуальности (становлении особой организации свойств разных уровней, появлении новых, системных качеств), повышающей успешность адаптации человека к среде (окружению).
3. Становление интегральной индивидуальности и развитие адекватных индивидуальности стилей, вероятно, согласованы, и не только в их прямом и непосредственном взаимном влиянии, но и в расширении спектра актуализации субъектом разных ресурсов. С одной стороны, стили наилучшим образом могут обеспечивать доступ к тем ресурсам, использование которых более отвечает индивидуальности субъекта. С другой стороны, именно в процессах развития интегральной индивидуальности расширяются возможности человека (в полноте адаптации к окружению, в успешности решения учебных и трудовых задач и пр.), в том числе и в отношении использования разных условий внутренней и внешней среды как ресурсов.
4. Стили как психологические системы расширяют доступ субъекта к разным внесубъектным условиям как к возможным ресурсам при одновременной актуализации (вовлечении, развитии) тех или иных собственных качеств (например, при выраженной инертности нервных процессов у гребцов развивается вестибулярная чувствительность, у акробатов и гимнастов – эстетические чувства, обеспечивающие большую выразительность выступления).
5. Посредством стилей могут актуализироваться разные условия среды: а) пространства (например, изменение длины разбега акробатами, маршрутов обхода станков ткачихами); в) времени (профилактические остановки станков ткачихами, изменения темпоральных характеристик «настройки» на схватку борцами с сильной и слабой нервной системой и т. п.); с) информационные (развернутая ориентировочная основа деятельности у токарей, одиночные или «кучные» осмотры станков ткачихами,

жесткие или гибкие алгоритмы поведения спортсмена в день соревнований и пр.); d) энергетические (расширение превентивных действий у «инертных» ткачих и «слабых» наладчиков станков, управление интенсивностью мотивации у спортсменов и т. п.).

Вместе с тем нельзя обойти молчанием и своеобразные «парадигмальные ограничения», вследствие которых без должного внимания оставались важные аспекты становления, функционирования и эволюции стилей; те или иные ценные факты рассматривались усечено, узко; выводы делались либо необоснованно широкие, либо неоправданно осторожные. Выделим важные особенности исследования стиля Е. А. Климовым и В. С. Мерлиным как классических (методология изучения индивидуального стиля закладывалась в их работах); многие из этих особенностей сохранялись и в исследованиях стиля, продолженных их сотрудниками (Б. А. Вяткиным, М. Р. Щукиным и др.).

Разработка проблемы стиля проводилась в русле теории деятельности, согласно которой нет принципиальных различий в структуре индивидуальной и совместной деятельности (Леонтьев, 1975). Изучалась психологическая система организации индивидуальной деятельности субъекта. Сам феномен своеобразной организации деятельности субъекта был назван «индивидуальный стиль деятельности» (ИСД); под стилем подразумевалась система деятельности отдельного субъекта, но всегда рассматривались и описывались 2–3–4 типовых стиля.

В работах Е. А. Климова, В. С. Мерлина и др. не обсуждался вопрос *взаимодействия субъектов*. Парадоксально, но если при изучении интегральной индивидуальности признавались «изменения в структуре личностных свойств и поведенческих характеристик индивидуальности, вызванные непосредственным влиянием другой индивидуальности», понимаемые как «метаиндивидуальный эффект» (Интегральная..., 1999, с. 105), то факты подобных влияний на ИСД субъекта его партнеров не выделялись и не становились темой детального анализа.

Не обсуждался и вопрос роли *факторов среды (окружения)* в становлении стиля, в становлении интегральной индивидуальности; в предмет исследования входили только условия и требования деятельности, с одной стороны, с другой – индивидуально-психологические особенности субъекта.

Проблема стиля изучалась, как правило, в видах деятельности с инвариантными условиями, мало изменяющимися. В тех случаях, где имела место вариативность условий, она недооценивалась.

В рамках классической концепции стиль рассматривается как ИСД, как единственный стиль субъекта, который мог измениться в некоторых особенностях при радикальном изменении условий деятельности (скажем, при переходе ткачих на работу на четырех тяжелых станках, по Е. А. Климову).

Стиль изучался на примере массовых профессий. Соответственно, время и границы развития и эволюции отдельных качеств субъекта, эволюции стиля не становились предметом исследования. Стиль рассматривался как единойжды сформированный, профессионально важные качества субъекта – как достигающие своей «нормы» развития после сравнительно непродолжительного опыта работы.

Выводы по первой главе

1. Стиль как психологический феномен представляет собой устойчивую психологическую систему (стабильную, вариативную в определенных пределах), обеспечивающую согласование индивидуальных особенностей человека с условиями и требованиями деятельности, окружения (среды), обеспечивающую успешность деятельности субъекта (учебной, трудовой, спортивной), обеспечивающую относительный субъективный комфорт в процессе деятельности.
2. Типологический, функциональный, стилевой и экологический подходы в объяснении феномена «стиль» в психологии отражают разные аспекты взаимоотношений человека и окружения (социальной среды). Каждый из исторически сложившихся подходов имеет свои достоинства и ограничения. При этом результаты эмпирических исследований во многом предопределяются методологией, понятийным аппаратом, доминирующими в обществе ценностями.
3. Феномен «стиль» может рассматриваться в широких научных контекстах. А. Как психологическая система адаптации человека к среде и в среде. В. Как психологическое средство, обеспечивающее, актуализацию и использование человеком интрасубъектных, интерсубъектных и внесубъектных ресурсов. С. Как средство, позволяющее актуализировать разные ресурсы

в большей или в меньшей мере, что отражается в успешности деятельности человека.

4. Ресурсы можно понимать как такие условия среды (внесубъектные ресурсы), процессы взаимодействия людей (интерсубъектные ресурсы) и индивидуальные особенности субъекта (интрасубъектные ресурсы), актуализация которых может приводить к становлению новых психических структур с особыми системными связями, повышающими успешность деятельности и в восприятии субъекта связанными с успешностью.

ГЛАВА 2

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТИЛИ

Психологический анализ деятельности состоит... в том, чтобы ввести в психологию такие единицы... которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредствуемых моментов человеческой деятельности.

А. Н. Леонтьев

2.1. Совместная деятельность и взаимодействия субъектов: распределения функций и ролей как ресурсы социальной успешности

Индивидуальная и совместная профессиональная деятельность

Дальнейшее продуктивное изучение проблемы стиля нам видится в последовательной реализации деятельностного подхода – в рассмотрении явления «стиль» в контексте *профессиональной совместной деятельности субъектов*; субъектно-деятельностного подхода – в изучении человека как субъекта в единстве разнообразных сторон его отношений с действительностью, в многообразии формирующего влияния среды и встречной активности субъекта. В силу многообразия проявления феномена «стиль» мы ограничиваемся изучением индивидуальных стилей деятельности и стилей руководства, обобщенно названных нами *стилями профессиональной деятельности* (Толочек, 2000).

Обращаясь к понятию *стилей профессиональной деятельности*, мы акцентируем следующее: 1) феномен стиля рельефно и весомо проявляется именно в *профессиональной деятельности*; 2) *профессиональная деятельность* существует как *совместная*; 3) деятельность нацелена на *создание социально ценных продуктов или услуг*;

4) она всегда характеризуется в аспекте ее *продуктивности*, а ее субъект – *эффективности деятельности*; 5) деятельность порождает *социально-психологические эффекты*, сопряженные с активным взаимодействием людей (групповые нормы, сработанность, совместимость и др.). Таким образом, в предмет исследования включаются не только отдельный субъект и отдельные акты его активности, но и множество условий среды, в том числе активность всех взаимодействующих людей, взаимодействия которых направляются извне заданными целями и деятельность которых имеет ряд предметных и психологических характеристик.

Профессиональная деятельность субъектов предполагает их непосредственное и/или опосредованное, косвенное взаимодействие, общение, формальные и неформальные отношения, отношения субординации и/или координации, распределение трудовых функций и социальных ролей в группе, управление совместной деятельностью. Эти стороны взаимодействия субъектов должны отражаться в их стилях и, конечно, в исследованиях стилей. Свою задачу мы видим в поиске путей интеграции исторически сложившихся методологических подходов, в их развитии с учетом современного состояния психологической науки, ее развивающейся методологии и понятийного аппарата, теоретической разработки ее отдельных категорий. Мы считаем продуктивной разработку подходов, обеспечивающих методологическую и методическую непротиворечивость в широком классе исследовательских задач, адекватных сущностным свойствам феномена, корректности его описания в широком спектре проявлений, а также высокую практическую ценность дальнейшего изучения феномена стиля в психологии.

В отечественных исследованиях стилей концептуальной базой первоначально выступала *теория деятельности* А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975, 1981, 2000), позже оформившаяся как *деятельностный подход* (Андреева, 1980; Артемьева, 1999; Асмолов, 1984, 1996; Братусь, 1988; Василюк, 1984; Зинченко и др., 1980; Леонтьев, 1999; Смирнов, 1985; и др.). В рамках этих концептуальных схем достаточно полно и непротиворечиво описывалась внешняя, «предметная» деятельность, но в то же время налагались множественные ограничения на описания внутренней деятельности человека. Эти особенности деятельностного подхода явно постулировались и латентно «вкрадывались» в объяснения активности носителя стиля, которая чаще представлялась редуцированно, ограниченно, абстрагированно

но от множества сфер реальной жизнедеятельности и отношений с миром. Широкий спектр проявлений человека в его отношениях с действительностью нашел более полное отражение в *субъектно-деятельностном подходе* (Абульханова-Славская, 1973, 1999; Брушлинский, 1991, 1992, 2003; и др.).

В деятельности А. Н. Леонтьева принципиальные положения иллюстрируются строгой конструкцией составляющих: *мотив, цель, условия и деятельность, действие, операция*. Данная конструкция объясняет взаимосвязи и отношения, четкую иерархию, взаимные переходы составляющих деятельности и их развитие; поскольку «внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение» (там же, с. 101), выделенная ее структура универсальна и пригодна для продуктивного анализа и описания разных видов предметной деятельности. Строгое определение базовых понятий и категорий венчает теорию.

Эти несомненные достоинства деятельностного подхода способствовали продуктивному изучению разных видов учебной и профессиональной деятельности, в том числе стилей этой деятельности. Высокий научный авторитет А. Н. Леонтьева и его теории сыграл чрезвычайно важную роль в методологическом воспитании и «дисциплинировании» отечественных ученых. Использование единой схемы анализа согласно теории деятельности обеспечивало сопоставимость результатов независимых исследований.

Деятельностный подход активно развивается и расширяется, в частности в процессе изучения малых групп и коллективов (Андреева, 1980; 1987; Артемьева, 1999; Асмолов, 1986, 1990, 1996; Васильюк, 1984; Донцов, 1984; Петровская, 1989; Петровский, 1981; Смирнов, 1985; и др.). Вместе с тем концепция А. Н. Леонтьева критикуется, прежде всего – сторонниками другой эвристичной концепции, С. Л. Рубинштейна. Основное содержание критики сводится к жесткости соотнесения А. Н. Леонтьевым понятий деятельности с мотивом, действий – с целью; к неправомерному отождествлению строения внешней и внутренней деятельности с их переходами (интериоризация–экстериоризация); к абстрагированию от типа связей сознания и деятельности в их общественно-историческом выражении; к ее отвлеченности, абстрагированности от особенностей индивидуальности субъекта деятельности (А. Н. Леонтьев указывает лишь на ее адекватность общественным способам деятельности). При этом признается, что концепция А. Н. Леонтьева больше соответствует развитой форме практической деятельности, например,

профессиональной (Абульханова-Славская, 1980, 1989; Брушлинский, 1991, 1992).

Концепция С.Л. Рубинштейна, его *субъектно-деятельностный подход*, строится на более сложных связях разноплановых компонентов «движение–операция–действие–поступок» с целями, мотивами и условиями деятельности субъекта (Рубинштейн, 1976, 2003). В центре всех разноплановых отношений находится действие – «клеточка», «единица», «ячейка» психологического анализа. Психическое выступает не только как обусловленное деятельностью, но и как ее обуславливающее, регулирующее. Адекватность использования общественно выработанных способов обеспечивается индивидуально-психологическими механизмами и предполагает процессуальность, «сорегуляцию индивида с действительностью». Согласно принципу «внешнее через внутреннее», имеют место не только изменение объекта действительности, но и постоянные изменения самого субъекта, в частности через промежуточные цели, в процессе поиска и уточнения целей деятельности. Акцентирование активной роли субъекта деятельности превращает концепцию в «деятельностно-процессуальный» подход (Абульханова-Славская, 1980, 1989; Брушлинский, 1991, 1992, 2003). Центральным объектом в *субъектно-деятельностном подходе* становится уже не столько деятельность, сколько человек с его потенцией к активной, целенаправленной, свободной реализации в разных сферах жизнедеятельности. Активность субъекта имеет творческий характер, за ним признают способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации (Абульханова-Славская, 1989, 1991; Брушлинский, 2003; Знаков, 2007; Сергиенко, 2006; и др.).

В используемых и разрабатываемых отечественными исследователями концепциях изучения профессиональной деятельности имеют место моменты интеграции фрагментов *деятельностного, субъектно-деятельностного подходов и теории функциональных систем* П.К. Анохина. Именно последняя, как правило, выступает базовой для разработки практико-ориентированных концепций о строении профессиональной деятельности, порождаемых в процессе решения актуальных задач социальной практики. Понятно, что и теория систем П.К. Анохина также развивается психологами, расширяются области ее инструментального приложения (Александров, 1989, 1995, 2009; Александров, Дружинин, 1998; Базылевич, 1998, 2012; Барабанщиков, 2005, 2007; и др.). Концепции отечественных ученых представляются нам методически последовательны-

ми, развернутыми и согласованными. Именно эти концепции были использованы в исследованиях стилей (когнитивных, руководства, общения, индивидуальных стилей деятельности) российскими учеными. Естественно, что в нашем анализе рассматриваются выше-названные методологические разработки.

Как выше отмечено, при разнообразии частных аспектов концепций деятельности у отечественных ученых выдержана общность методологического подхода, согласованного с принципами отечественной психологии. 1. Выделяются три уровня организации деятельности, три «единицы» анализа – отдельная (или особенная) деятельность, действие и операция. 2. В основу целостной схемы анализа чаще положена теория функциональных систем. 3. Признается вариативность алгоритмов реализации деятельности. 4. Признается активность субъекта деятельности. 5. Деятельность представляется как открытая система. 6. Постулируется роль высших личностных образований, метаспособностей, регуляторных систем (Завалишина, 2005; Карпов, 2010, 2011; Конопкин, 1995, 2011; Ломов, 1984; Моросанова, 1995, 2010; и др.).

Согласно предложенному Б. Ф. Ломовым (1984) подходу, деятельность изучается как «система психологических составляющих». Рассматривая трудовые функции человека-оператора, он интегрировал представления об организации деятельности Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова, принципиальные положения теории функциональных систем П. К. Анохина. По Ломову, деятельность – это система, ориентированная на цель, имеющая иерархическое строение, сравнительно независимые подсистемы и различные варианты связей компонентов. Ее *системообразующим фактором* является цель («образ-цель», «результат деятельности»). Закономерности психического отражения, выступая как «внутренние условия» субъекта, становятся необходимой составляющей деятельности. Вектор «мотив – цель» определяет направление деятельности и активности субъекта. От него зависит организация всей совокупности психических процессов и состояний, в частности – избирательность восприятия, особенности внимания и др. Деятельность реализуется как система задач. Цель, являясь регулятором деятельности, «с каждым таким “шагом” трансформируется, выступая каждый раз как конкретная задача» (Ломов, 1984, с. 209). В целом деятельность состоит из следующих «*психологических составляющих*»: образа-цели, предвосхищения результата, планирования, принятия решения, исполнительских решений, контроля

над выполнением. Процесс осуществления деятельности организован как циклическое приближение к заданной цели.

Моменты цикличности в «приближении к цели» получили конструктивную разработку в работах Л. Г. Дикой, О. А. Конопкина, В. И. Моросановой, А. А. Обознова и др., в которых развиваются основные идеи П. К. Анохина и Н. А. Бернштейна (Анохин, 1968; Бернштейн, 1966, 2004).

Сопоставляя структуры *индивидуальной* и *совместной* деятельности, А. Н. Леонтьев не находит принципиальных различий (Леонтьев, 1975). По мнению Б. Ф. Ломова, «истинная совместная деятельность не прибавляется к индивидуальной, а замещает ее. По своей структуре совместная деятельность аналогична индивидуальной, отличие же заключается в том, что в своих звеньях она распределена между двумя и более субъектами». Они выступают со-субъектами данной совместной деятельности и не осуществляют других, отдельных. индивидуальных деятельностей (Ломов, 1984, с. 41).

Считая актуальной задачу разработки принципов и методов системного анализа деятельности, Б. Ф. Ломов подчеркивает ее многомерный, многоуровневый, динамичный характер, что предполагает различие подходов и концепций описания данной реальности. Отмечая недостаточную изученность совместной деятельности, он подчеркивает, что «в индивидуальной деятельности многое остается непонятым, если она рассматривается сама по себе, безотносительно к деятельности совместной» (там же, с. 231). Более того, исходным пунктом анализа индивидуальной деятельности должно быть определение «ее места в деятельности совместной, а соответственно, и функций данного индивида в группе» (там же, с. 232). Фактором, направляющим совместную деятельность и объединяющим людей, является *общая цель* (не исключающая, однако, возможности существования разных частных целей взаимодействующих субъектов). Существуют варианты выполнения совместной деятельности разными участниками: параллельно по времени, последовательно и одновременно. Другие исследователи приводят еще более развернутые классификации видов совместной деятельности (Журавлев, 1988, 2004; Обознов, 1979; Уманский, 1980; и др.).

Большую роль в организации совместной деятельности и ее эффективности играют адекватное распределение отдельных функций и возможность их взаимной передачи; вплетенное в деятельность общение; факторы сотрудничества и соперничества; совместимость и др. Обращаясь к связи деятельности индивидуальной и совмест-

ной, Б. Ф. Ломов считает, что «дальнейшая разработка психологической теории деятельности настоятельно требует более активного изучения *совместной деятельности*, которая обладает специфическими характеристиками и особыми измерениями... Это позволит по-новому подойти к анализу единиц и элементов деятельности, *обогатит теоретические представления о ее строении и системогенезе*; вместе с тем *изменится и представление об индивидуальной деятельности*» (Ломов, 1984, с. 241–242; курсив мой. – В. Т.).

А. Л. Журавлев отмечает недостаточную изученность совместной деятельности. В качестве ее *основных признаков* он выделил: реальное объединение индивидуальных деятельностей и субъектов; разделение единого процесса деятельности на отдельные функционально связанные операции с их распределением между участниками; координацию индивидуальных деятельностей субъектов; управление индивидуальными деятельностями; наличие единого конечного результата (совокупного продукта); наличие единого пространства и одновременность выполнения индивидуальных деятельностей разными людьми (Журавлев, 1988). Акцентируя роль взаимодействия субъектов, он выделяет разные его типы (от сотрудничества до соперничества), подчеркивая, что «значение диадного взаимодействия особенно возрастает в управленческой деятельности...» (Журавлев, 2004, с. 29). Автором подчеркиваются динамические особенности совместной деятельности и ее коллективного субъекта.

Значение адекватности распределения функций и их принятия членами коллектива выделяли и другие отечественные ученые – М. И. Бобнева (1988), А. А. Грачев (2008), Т. А. Нестик и А. Л. Журавлев (2009), Р. Л. Кричевский (1985, 1991, 1993), В. П. Позняков и Т. С. Вавакина (2012, 2014), А. В. Филиппов (1990). Они подчеркивали, что распределение функций фактически определяет возможность самой совместной деятельности, ее согласованность, эффективность и др.

Завершая обзор и признавая сложность обсуждаемых вопросов, лишь выделим важные методологические особенности опыта разработки темы, прежде всего – очевидные парадигмальные границы. Анализ взаимодействий субъектов совместной деятельности концентрируется на: 1) диадах, вычлененных из развернутых социальных сетей; 2) не столько на взаимодействиях, сколько на их психологических репрезентациях в представлении одного из взаимодействующих субъектов. В этих двух позициях отражаются очевидные черты *классической парадигмы* (Мамардашвили, 1992; Степин, 2000) в психологии.

Итак, обращение к понятию «совместная деятельность» (а не простое оперирование ранее разработанным понятием «деятельность») уже в первом приближении вскрывает ее более сложный характер, иное ее отражение и реализацию разными участниками, занимающими разные функциональные и социальные позиции. Следовательно, методологическое и методическое движение от совместной деятельности к индивидуальной позволяет более адекватно раскрывать существенные свойства деятельности каждого субъекта, так или иначе взаимодействующего с другими, расширять понятийный аппарат, позволяющий ее изучать и описывать.

Распределение функций и ролей субъектов как ресурсы

Исследование стилей совместной деятельности и взаимодействий субъектов должны начинаться с рассмотрения более общих для нас исходных позиций: *совместная деятельность–распределение функций–распределение ролей–управление–руководство–стили*. Развернутый анализ отношений составляющих выделенной «цепочки» выходит далеко за пределы задач книги. Здесь же мы должны ограничиться кратким обзором лишь тех отношений «цепочек совместности», которые заявляют о себе при первой же постановке задачи изучения роли стиля и индивидуальности человека в его совместной деятельности. Мы выделяем для изучения не всю совокупность составляющих совместной профессиональной деятельности субъектов, а лишь ту их часть, которая значима для проблематики стиля, становления и сохранения индивидуальности субъекта и вместе с тем способствует развитию представлений о психологическом строении совместной профессиональной деятельности, стилей и стиливых взаимодействий субъектов.

Исходным моментом нашего подхода, как уже отмечалось, является понимание развитой профессиональной деятельности не как *индивидуальной*, а как *совместной*. Следовательно, ее изучение предполагает обращение к разным моделям, отражающим разные, в том числе и «полярные», проявления совместной деятельности. В качестве таких моделей могут выступать *управленческая деятельность* руководителей, учебно-образовательная деятельность учителей и преподавателей, спортивных тренеров, деловые коммуникации менеджеров и др.

Одним из наиболее развитых видов совместной деятельности является *управленческая деятельность* (развернутый анализ

собственно управленческой деятельности, а именно, стилевых взаимодействий субъектов управления в государственных, промышленных и коммерческих организациях – задача отдельного исследования). В настоящей работе мы рассмотрим лишь «преломление» совместной деятельности и взаимодействий в педагогической деятельности тренера, а также взаимодействия субъектов спортивных единоборств, сопоставляя такие «преломления» со сходными, типовыми взаимодействиями управленцев по «горизонтали» и по «вертикали».

В плане анализа стилей субъектов в совместной деятельности предстоит выявление более и менее устойчивых подсистем стилей; условий сохранения их сущностных свойств; закономерностей адаптации субъектов друг к другу, к изменениям задач и среды деятельности. Одним из ключевых понятий в нашем исследовании стилей выступает понятие «структура». Структурой в литературе по теории систем называют совокупность наиболее устойчивых элементов и связей системы. Уже в первых широких исследованиях систем в живой и неживой природе, в 1960–1970-х годах, ученые единодушно констатировали, что именно в структуре системы представлены ее атрибуты, ее сущностные свойства (Боголепов, Малиновский, 1967; Веденов, Кремянский, 1967; Кураев, 1970; Свидерский, 1962; Юдин, 1974, 1978; и др.).

На рубеже 2000-х годов в исследованиях психических и психологических систем постулировалось, что именно структуры несут в себе, сохраняют и передают основные функции данных систем (Александров, 1989, 1995; Александров, Александрова, 2009; Александров, Дружинин, 1998; Базылевич, 1998, 2012; Барабанщиков, 2005, 2007; Носуленко, Самойленко, 2005; и др.), что именно структуры выполняют функции генетической связи между образованиями на всех стадиях эволюции психологических систем.

В исследованиях динамики становления профессионализма и успешности субъектов в 1990–2000-х отмечалось, что принципиальные изменения происходят не в отношении состава и уровня развития отдельных компонентов профессионализма, а именно в характере связей между компонентами, т. е. сопряжены с изменением структур (Бодров, 2000; Ломов, 1999; Поваренков, 2008, 2013; Пономаренко, 2004; Толочек, 2007, 2008, 2010; и др.). Можно добавить, что в исследованиях когнитивных процессов именно структуры считаются носителями психического (Веккер, 2000; Холодная, 2012; и др.).

Парадоксально, что даже при наличии в научной литературе множества косвенных констатаций тема *психологических структур* все еще не становится центральной темой в стилевой проблематике. В отношении предмета нашего исследования отметим, что не столько состав деятельности субъектов и не столько мера выраженности составляющих деятельности, сколько именно особенности их организации – их структуры – могут быть определяющими факторами успешности субъекта. В настоящей работе тема *психологических структур (динамики и условий становления структур, меры структурированности систем, связей структурированности и успешности субъекта)* будет выступать одной из центральных, одной из главных научных задач.

Обращаясь к системе «*субъект – субъект*» как частному случаю систем, предположим, что ее структуру определяет иерархия позиций субъектов, основные связи, складывающиеся между субъектами, занимающими разные иерархические уровни. Эти связи могут быть представлены как основными функциональными обязанностями, социальными ролями, так и совокупностью неформальных, межличностных отношений, групповых норм, типичных «джентльменских соглашений», предопределенных субкультурой (например, корпоративной культурой организации), ресурсами влияния (власти), ситуацией, индивидуальными особенностями конкретных людей. В качестве модели подобной структуры может выступать, например, естественная профессионально-функциональная и социально-психологическая *триада*: 1) *тренер–спортсмен–объект воздействий (соперник, спортивный снаряд, зона спортивной площадки и др.)*; 2) *вышестоящий руководитель–руководитель–нижестоящий руководитель (подчиненный)*; 3) *преподаватель–слушатель (студент)–учебный предмет (учебные задачи)* и т. п. Принципиально подход «триады» может распространяться на более широкий класс явлений, он может быть адекватным и в отношении случаев, когда сложно формализовать «предмет» воздействия субъекта: *врач–пациент–исцеление; консультант–клиент–проблема* и т. п., или, обобщенно, «*благодетель*»–«*проситель*»–*просьба (запрос, проблема)*. В предельно широком объеме явлений рассматриваемые отношения могут быть представлены триадой «*субъект 2 (посредник, имеющий высокий социальный статус) – субъект 1 (инициатор, медиатор, исполнитель) – социальная задача*».

В нашей схеме *ключевой субъект* (который обычно рассматривается при психологическом анализе как единственный участник

деятельности) помещен в центр схемы взаимодействий, занимает *центральную* позицию в планируемой и осуществляемой им деятельности, которая, являясь совместной, «сверху» достраивается, дополняется *другим субъектом*, управляющим или санкционирующим эту деятельность; и этот *другой субъект* пространственно и темпорально чаще дистанцирован от непосредственных процессов данной деятельности, участвуя в совместной деятельности опосредованно («там и тогда»). «Снизу» активность рассматриваемого нами субъекта не только поддерживается, но также серьезно корректируется актуально и процессуально («здесь и теперь») активностью других людей, складывающимися обстоятельствами и пр.

Всю совокупность возможных отношений людей как носителей определенных социальных ролей, часто действительно именно *парных, диадных, взаимно дополняющих, в которые попеременно вступает субъект*, мы обобщенно представляем как *триады*. Триады рассматриваются как такие *единицы анализа, в которых концентрируется множество взаимоотношений людей как субъектов деятельности* (т. е. социально оформленных, внешне очевидных, фиксируемых в соответствующих социальных нормах) и *взаимоотношений людей как личностей* (часто неформализованных, индивидуально своеобразных, латентных, неочевидных).

С одной стороны, в социальных ролях представлены на «поверхности» декларируемые типовые социальные контексты взаимодействия участников совместной деятельности, то есть их взаимодействия как субъектов, с другой стороны, на «глубине» – совокупность уникальных связей, которые складываются в объединениях конкретных людей как субъектов, как личностей, как индивидуальностей. Поскольку, повторим, реально один человек, выступая даже частью сложных социальных сетей «здесь и теперь», актуально взаимодействует с другими участниками совместной деятельности чаще всего попарно, попеременно, то и избранная нами триада как единица анализа сохраняет большую долю всех актуальных отношений, абстрагируясь от менее существенных в данных социальных контекстах.

Итак, вследствие исторически сложившихся условий общественного разделения труда, культуры общества такие естественные триады концентрированно интегрируют в себе основные связи. Эти связи обусловлены, с одной стороны, социальной организацией (например, профессионально-функциональные связи), с другой – сложными социально-психологическими отношениями людей,

различающихся по своим индивидуальным особенностям при любой регламентации их взаимодействий, при решении ими разных задач.

При такой постановке вопроса деятельность и совокупность отношений конкретного субъекта деятельности (в данном случае спортсмена) – «субъекта 1» – мы будем рассматривать в конкретной организационной и профессионально-функциональной структуре, т. е. с учетом функций и ролей его вышестоящего по социальному статусу партнера (тренера) – «субъекта 2», а также с учетом предполагаемого «объекта» воздействий спортсмена, его соперника (отделенного, непосредственно недоступного для тренера), – «субъекта 3». Отдельного субъекта («субъекта 1») мы должны рассматривать не как изолированного, вычлененного из реальной среды носителя определенных свойств, а как сохраняющего свои сущностные связи и отношения с окружением. В качестве единицы анализа мы берем профессионально-функциональную и социально-психологически целостную естественную группу взаимодействующих людей – триаду, рассматривая интересующего нас субъекта как ее центральный элемент.

Частным случаем триады выступает диада, единица, включающая двух постоянно и тесно взаимодействующих, взаимно связанных субъектов, «тренер – спортсмен». Такая группа более доступна для обстоятельного изучения традиционными средствами психологии. В этой взаимодействующей связке двух людей как субъектов, равно как и личностей, и заключается сущность современного спорта высших достижений: нет тренера без спортсмена, нет спортсмена без тренера, ибо в современном спорте высших достижений высокие результаты спортсмена невозможны без активного и постоянного участия его тренера.

В связке «тренер – спортсмен» исторически сложившиеся социальные роли и профессиональные функции тренера заключаются в «передаче» современных социальных технологий (физической подготовки, технической, технико-тактической, психологической подготовки), вернее, в постоянных требованиях выполнения спортсменом соответствующих учебно-тренировочных заданий. Тренер может использовать довольно широкий репертуар средств воздействия («ресурсов власти»). Так, В. Л. Марищук и Л. К. Серова выделяют «восемь категорий прямой информации, содержащих управляющие воздействия тренера»: мотивирующую, мобилизующую, ориентирующую (содержащую указания по технике и тактике), обучающую,

организующую (регламентирующую поведение спортсмена), психорегулирующую (содержащую команды и советы по оптимизации эмоционального состояния), оценивающую (т. е. характеристику успешности выполнения действий), иррелевантную (нейтральную, но часто опосредованно связанную с другими составляющими спортивной деятельности) (Марищук, Серова, 1983, с. 7).

Социальные роли и учебные (профессиональные) функции спортсмена заключаются в следовании требованиям тренера, использующего организм и психику спортсмена как «материал» его педагогических воздействий, как инструмент воплощения замыслов тренера. Такие исторически сложившиеся социальные роли и профессиональные функции двух взаимодействующих субъектов являются не только социально закрепленными (в групповых нормах, профессиональной этике и др.), но и взаимно дополняющими социальными ролями и профессиональными функциями: успех спортсмена в современном спорте невозможен без должного профессионального опыта тренера, без накопленного тренером «социального капитала».

При этом диапазон вариантов выстраиваемых связей и отношений в диадах «тренер – спортсмен» может быть крайне широк: от авторитаризма тренера и безоговорочного подчинения спортсмена до льстивых заигрываний с одаренным и/или именитым спортсменом, от жесткого требования следования плану тренировки до гибкого контроля нагрузок по состоянию спортсмена, от доминирования убеждений со стороны тренера до творческих споров взаимодействующих людей.

Наряду с первым «парадоксом» – недостаточным вниманием ученых к теме *психологических структур* (см. выше), вторым «парадоксом» в изучении совместной деятельности мы считаем недооценку проблемы «ресурсов». Ведь очевидно, что совместная деятельность может существовать только будучи распределенной среди ее субъектов (1), что ее субъекты не могут не различаться в своих индивидуальных особенностях (2), что эти естественные различия могут быть не только препятствиями к успешности совместной деятельности (активно изучаемыми на протяжении XX в.), но и создавать потенциальные возможности, или *ресурсы* (3).

Если первый «парадокс» обостряет как актуальную тему *психологических структур*, то второй «парадокс» – тему *ресурсов (интерсубъектных ресурсов, порождаемых в процессах взаимодействия субъектов совместной деятельности)*.

2.2. Спорт высших достижений и феномен стилей

В исследования стилиа на моделях спорта (в том числе спортивных единоборств) в добавление к типичным (анализ стилей как индивидуальной деятельности и др.) закрадывались и специфические противоречия. Это связано с традициями содержательного наполнения научных понятий в разных контекстах научной и практической деятельности (в частности, понятий «тактика» и «стиль»).

Спорт высших достижений (СВД) является быстро развивающейся социальной практикой, научная рефлексия которой хронически запаздывает. Ставшее общепринятым к началу 1980-х годов понятие «управление тренировочным процессом» (УТП) оставляет ряд открытых вопросов, требующих их научного обоснования. В отношении триады научных и практических задач: а) планирования и контроля; в) спортивного отбора; с) индивидуализации подготовки, – остаются «белые пятна» и значительные различия позиций специалистов (о возможности достижения высших результатов лицами с разными индивидуальными особенностями, о мере вариативности «модельных характеристик выдающихся спортсменов» и др.).

Спорт и прежде всего спортивные единоборства представляют собой концентрированное выражение содержания спорта как деятельности. При этом спортивные единоборства как деятельность имеют несколько парадоксальных аспектов: прежде чем воплотиться в своем завершенном виде, спортивная деятельность постоянно расчленяется на множество отдельных деятельностей и действий, изолированно не существующих; ее декларированный со-субъект – соперник (противник) – актуально участвует лишь в ее короткой финальной части. Кроме того, наряду с первым традиционно рассматриваемым субъектом – спортсменом – активную и важную роль играет другой субъект совместной деятельности – тренер, часто не рассматриваемый при научном анализе деятельности спортсмена.

СВД можно рассматривать как модель совместной деятельности, в которой все моменты «совместности» сконцентрированы, предельно выражены. В СВД наиболее ярко проявляются те особенности организации и исполнения деятельности, которые скрыты, сглажены в массовых профессиях. В этой сфере наиболее остро и стоит вопрос ресурсов, так как СВД – это сфера не только высших, но и предельных достижений для человека. В эволюции спорта – спорта высших достижений – на протяжении XX в., можно

угадывать некоторые важные черты эволюции многих видов профессиональной деятельности. Именно в СВД проявляются многие социальные тенденции и апробируются социальные технологии, которые позже транслируются в другие виды трудовой и учебной деятельности. Именно в спорте первоначально заявили о себе такие явления, как историческое возрастание интенсивности работы, научное планирование режимов и объема работы, возрастание ответственности работника за результаты деятельности, расширяющиеся формы профессиональной подготовки и переподготовки, включенность обучения в сам процесс профессиональной подготовки, обособление и спецификация форм профессионального восстановления и реабилитации, актуализация «профессионального здоровья», «профессионального долголетия», планирование профессиональной карьеры и пр.

Спорт высших достижений представляет собой интересный объект научного исследования, познание которого, с одной стороны, ставит ряд серьезных научных задач, требующих обстоятельной разработки («вызовы», используя современный сленг), с другой – предполагает быстрое и эффективное решение специфических практических задач, предполагает активное взаимодействие с ключевыми субъектами – тренером и спортсменом.

Научное сопровождение УТП подготовки спортсменов высших разрядов на протяжении последних 40–50 лет не отличалось преемственностью. Активное изучение основных детерминант успешности спортсменов, основных слагаемых УТП в 1970–1980-е годы, сменилось резким снижением количества и качества научных работ в 1990–2000-х годах. Следовательно, актуальным является обращение к насущным проблемам СВД с учетом достижений современной науки, в том числе психологической науки.

Спортивную деятельность можно разделять «на три категории: массовый спорт, спорт высших достижений и профессиональный спорт. Если главной целью людей, занимающихся массовым спортом, является укрепление здоровья, физическое и психическое развитие, проведение досуга, то в спорте высших достижений главным является выявление и сравнение предельных физических и психических возможностей людей в процессе выполнения разнообразных физических упражнений. Профессиональный спорт... стал сферой бизнеса...» (Ильин, 2009, с. 19).

Серьезной проблемой спорта, до настоящего времени не находящей своего отражения в научной литературе, является вовлече-

ние многих людей (детей, юношей молодежи) в своеобразный социальных конкурс. Подавляющее большинство юных и молодых спортсменов начинают как любители, их мотивация достижений формируется поэтапно. Но тренеры сразу работают на перспективу, исподволь формируют у занимающихся спортивный характер, специфическую мотивацию. Параллельный поэтапный стихийный отбор – отсев занимающихся наряду с отбором лиц с выраженной спортивной одаренностью – формирует у отобранных чувства избранности, элитарности. Даже если юные спортсмены и начинают как любители, а спортивные занятия для них первоначально выступают в статусе увлечения, то планомерная деятельность тренера, как правило, направлена на перспективу, на высшие достижения. И даже те, кто не имеет должного потенциала, часто, не осознавая этого, участвуют в общей деятельности лишь в качестве спарринг-партнеров, долго не догадываясь о своей ограниченной роли в СВД. Второй серьезной проблемой спорта, также не находящей своего должного отражения в научной литературе, является стадия завершения занятий (Ильин, 2009; Стамбулова, 1999) – острый кризисный период, переживаемый молодыми людьми. Следовательно, можно обозначить как более общую, глобальную проблему современного спорта высших достижений *проблему ресурсов, вовлекаемых в процессы подготовки спортсмена, ресурсов материальных и человеческих.*

Как уже было сказано, в СВД мы можем выделить многое из тех проявлений социальных отношений людей, что в других сферах присутствует латентно, отсрочено по времени. Наши исследования проводились на моделях *спорта высших достижений* (СВД) – крайне сложной деятельности, в которой успех определяется многолетней напряженной работой и тесной слаженностью многогранной активности спортсмена и тренера. Рассматривая эволюцию СВД на протяжении XX в. (начиная от первых Олимпийских игр 1896 г.) и эволюцию многих видов трудовой профессиональной деятельности, можно найти много общих тенденций. С одной стороны, в спорте решающим фактором успеха быстро стала узкая специализация (вид спорта, спортивное амплуа, стиль), выделился профессиональный спорт. С другой стороны, реализованные и апробированные варианты подготовки спортсменов становятся важной составляющей многих профессий (тренинги и отработка ключевых компонентов деятельности, гибкое планирование, подчинение образа жизни человека самореализации в профессии и пр.).

Управление тренировочным процессом

В конце 1970-х годов в активный словарь ученых и практиков вошло понятие «управление тренировочным процессом» (УТП), заменяющее более привычное «спортивная тренировка». Смысловое содержание понятия УТП раскрывалось в следующем. 1. К началу 1970-х годов возможности экстенсивного увеличения нагрузок, увеличения времени тренировок, количества тренировок в неделю были почти исчерпаны (Волков, Филин, 1983; Дембо, 1981; Карпман и др., 1988; и др.). 2. От монотонного увеличения тренировочных нагрузок специалисты стали переходить к тренировочным циклам, включающим восстановительные, общефизической подготовки, «подведения к соревнованию» и др. 3. Были выделены методы тренировки (интервальные, равномерные, переменные и пр.), вызывающие разную реакцию организма и сопряженные с разными фазами восстановления спортсменов после тренировки на выносливость, ловкость, силу, скорость, гибкость (Илларионов, 1979; Ильин, 1980; Русимов, 1976; Сальников, 1976; Синани, 1967; и др.). 4. Особое значение приобрело искусство подготовки и подведения спортсмена к турниру. 5. Обостренно стала восприниматься необходимость сотрудничества и взаимодействия разных специалистов – тренеров, ученых (врачей, биохимиков, физиологов, психологов и др.). 6. Стали складываться оптимальные формы систематического контроля за состоянием спортсменов (углубленное этапное обследование и др. – Дембо, 1981; Карпман и др., 1988; и др.). 7. Стали складываться организационные формы многолетней подготовки спортсменов (детско-юношеские школы, школы олимпийского резерва, молодежные сборные команды и др.). 8. Стали проводиться исследования и издаваться монографии, посвященные отдельным видам подготовки спортсменов высокого класса (Алексеев, 1978; Бойченко, Горская, 1995; Тышлер, 1983; Ильин, 1980, 1983; Ленц, 1967; Пуни, 1959; Турецкий, 1981, 1985; и др.). 9. Решающую роль начинает играть долгосрочное планирование учебно-тренировочного процесса (Ильин, 2009; Марищук, Серова, 1983; Сопов, 2012). 10. Подготовка спортсмена высокого класса становится все более дорогостоящей.

По существу, понятие «управление тренировочным процессом» стало отражением нового мировоззрения специалистов – ученых и тренеров (Ильин, 2009; Марищук, Серова, 1983; Сопов, 2012; и др.). Вместе с тем в спорте высших достижений управление тренировочным процессом изначально концептуально было сконцентрировано

на триединстве задач. 1. Планирование тренировочных нагрузок и контроль состояния спортсмена. 2. Две формально противоположные, но содержательно дополняющие друг друга задачи – спортивного отбора и индивидуализации подготовки спортсменов.

Рассмотрим две последние задачи – отбора и индивидуализации УТП. Исторически складывающиеся подходы охватывали едва ли не все возможные контролируемые внешние условия и особенности организма и психики спортсмена. Основаниями для отбора выступали не только текущие спортивные достижения, но и особенности анатомии и морфологии тела спортсмена (Волков, Филин, 1983; Мартиросов, 1968; Никитюк, 1999; и др.), физиологические возможности организма (Волков, Филин, 1983; Дембо, 1981; Карпман, Белоцерковский, Гудков, 1988), психофизиологические особенности – свойства нервной системы и темперамента (Клещев, 1984; Клещев и др., 1979; Сиротин, 1972; Сиротин, Волков, 1974; Родионов, 1983; и др.), психомоторика, свойства личности, двигательные способности и мотивация (Баландин, Блудов, Плахтиенко, 1986; Благуш, 1982; Сурков, 1984; и др.).

Сторонники спортивного отбора приводят сильную аргументацию, их позиции последовательны, подкреплены убедительной статистикой, данными систематических мониторингов. Хорошей иллюстрацией может служить точка зрения В. М. Волкова и В. П. Филина: «*Спортивный отбор – система организационно-методических мероприятий, включающих педагогические, психологические, социологические и медико-биологические методы исследования, на основании которых выявляются способности... для специализации в определенном виде спорта или в группе видов спорта*»; «*спортивная ориентация – система... периодического отбора лучших спортсменов на различных этапах... совершенствования*»; «*отбор основывается на знаниях комплекса качеств (модельных характеристик), которыми обладают сильнейшие спортсмены определенного вида спорта*» (Волков, Филин, 1983, с. 4). По мнению названных специалистов, «научно-обоснованная система... позволяет определить *единозначно верное направление совершенствования мастерства каждого юного спортсмена*» (там же, с. 5; курсив мой. – Т. В.). «*Выдающееся... достижение – это всегда сложное взаимодействие наследственных факторов и влияний внешней среды*» (там же, с. 39); «*развитие двигательных способностей жестко ограничено во времени, а возможности компенсации... ограничены*», «*возможности воспитания... не беспредельны*» (там же, с. 40). «Каждый вид

спорта предъявляет специфические требования к телосложению спортсмена» (там же, с. 84); «достижение рекордных результатов во многом зависит от психологических свойств личности спортсмена» (там же, с. 87); «важной константой спортивного совершенствования является возраст начала занятий избранным видом спорта... Несвоевременная спортивная специализация... может сделать работу тренера нерентабельной...» (там же, с. 91). «Для спортивной селекции, рационального планирования процесса... важно знание темпов прироста спортивных результатов во времени...» (там же, с. 94; везде курсив мой. – Т.В.).

Относительно роли наследственности и статистики распределения двигательных способностей в человеческой популяции специалисты часто приводят хрестоматийный пример, предложенный Н. Ж. Булгаковой. «Предположим, нужно найти (отобрать) рослого юношу с высоким уровнем развития *быстроты*. Если „рослыми“ считать тех, кто входит в 1% самых высоких в своей возрастной и половой группе людей, то вероятность найти достаточно высокого равна 1 : 100. Если при этом он должен быть еще и одним из самых быстрых – вероятность найти составляет уже 1 : 10000. Если при этом он должен быть еще и *ловким* (опять же входить в 1% самых ловких), вероятность найти такого юношу составляет 1 : 1000000. Следовательно, удовлетворяющим трем требованиям кандидатом, может быть лишь один человек из миллиона. А поскольку высокие достижения в спорте не определяются лишь тремя качествами, а более широким спектром задатков и способностей, то вероятность желаемого сочетания нужных свойств у конкретного человека становится еще более редкой» (Булгакова, 1978).

Характерно, что вердикт об отборе часто формулируется однозначно и окончательно; решение принимается в отношении конкретного отдельного спортсмена на основании «научно-обоснованной системы». Вместе с тем при попытках обобщения методологических и эмпирических оснований такой «научно-обоснованной системы» подавляющее число специалистов признают, что данная система «еще недостаточно разработана», что «очень трудно в начинающем спортсмене угадать будущий талант», что «всегда есть исключения из правил» и т. п. (Волков, Филин, 1983; Мартиросов, 1968; и др.).

Примечательно, что эти же биологические и психические особенности спортсменов при других мировоззренческих позициях ученых и тренеров выступали весомыми основаниями для индивидуализации подготовки, для формирования индивидуального

стиля деятельности (манеры ведения боя, схватки) (Вяткин, 1978; Ильин, 1973, 1983; 2009; Илларионов, 1978; Клещев, 1984; Огуренков, Родионов, 1975; Сопов, 2012; Толочек, 1981–2000; и др.). Так, например, учет биологических ритмов – эндогенных циклов, хронорезистентности организма спортсменов – мог выступать важным ресурсом УТП и основанием для индивидуализации их подготовки (Шапошникова, 1984). Учет пропорций частей тела (соотношений длины голени, бедра, длины рук, роста) может выступать фактором выбора дистанции (в легкой атлетике, лыжных гонках, плавании, велоспорте), в которых предпочтительно специализироваться спортсмену (Никитюк, 1999; др.); в выборе оптимальных технических приемов в спортивной борьбе (Галковский, 1976; Мартиросов, 1968; Моргунов, 1974; и др.); стиля ведения боя в боксе и фехтовании (Аркадьев, 1969; Белоусов, 1976; Житлов, 1985; и др.). Важную роль в специализации отводят и межполушарной асимметрии (Брагина, Доброхотова, 1988; Москвин, Москвина, 2011; Огуренков, Родионов, 1974; и др.), особенностям темперамента и личности (Вяткин, 1978; Родионов, 1983; Шадрин, 1978; Якубчик, 1964, 1965; и др.).

Итак, в плане проблемы ресурсов мы видим две противоположные позиции: за требованиями *отбора де-факто* стоит мысль об *ограниченности ресурсов*, которые могут быть актуализированы в процессе подготовки спортсменов; в принципах *индивидуализации* подготовки – возможность и *необходимость поиска и актуализации потенциально доступных ресурсов*. Именно в СВД проявляются многие социальные тенденции и апробируются социальные технологии, которые позже транслируются в другие виды трудовой и учебной деятельности: историческое возрастание интенсивности работы, научное планирование режимов и объема работы, возрастание ответственности работника за результаты деятельности. Можно учитывать и расширяющиеся формы профессиональной подготовки и переподготовки, включенность обучения в сам процесс профессиональной подготовки, обособление и спецификацию форм профессионального восстановления и реабилитации, актуализацию «профессионального здоровья», «профессионального долголетия», планирование профессиональной карьеры и пр. Именно поэтому наше обращение к спорту высших достижений (на моделях спортивной борьбы дзюдо, вольной борьбы) можно считать взглядом в будущее, попыткой поиска научных эвристических подходов для дальнейшей разработки проблемы стиля.

«Индивидуальная деятельность» и «индивидуальные» стили в спорте

Спортивные единоборства (борьба, бокс, фехтование), как концентрированное выражение спорта, имеют несколько *сущностных признаков* этой особой деятельности, важных для выбора спортивной борьбы как модели изучения стилей.

1. Вся активность спортсмена направлена не только на «объект» (спортивный снаряд – брусся, кольца, булаву, ленту и пр., на зону спортивной площадки и т. п.), но и на другого человека. Она *ориентирована на противоборство* с другим человеком как *субъектом*. Спортсмены как субъекты имеют взаимно исключающие цели – победа одного и поражение другого. Если в других видах деятельности соперничество чаще опосредованно, сглаженно, не всегда персонифицированно, то в единоборствах оно представлено жестко, рельефно, остро, как непосредственное, контактное физическое и психологической противоборство. Если в других видах оно называется спортивным соперничеством и отражает присущие любой социальной (профессиональной в том числе) сфере моменты неизбежного социального (например, профессионального) соперничества, то в борьбе оппонент прямо именуется *противником*, т. е. субъектом, также прямо заявляющим о своем открытом соперничестве и активно вступающим в непосредственный физический и психологический контакт.
2. Спортивные единоборства, являясь *совместной деятельностью*, управляются «двумя центрами активности» – двумя субъектами, имеющими взаимно исключающие цели. Здесь имеет место не только декларированное и прямолинейное противоборство, но и широкое применение множества тактических средств, вовлекающих другого человека в определенную, нужную спортсмену активность, в совместную деятельность с ним, которая существует ровно постольку, поскольку в ней есть ее необходимые и достаточные связующие моменты, определяющие эту деятельность именно как совместную. Другими словами, спортивные единоборства представляют собой специфическое *сочетание соперничества и сотрудничества двух активно противоборствующих субъектов*.
3. Непосредственно в самом учебно-тренировочном процессе (УТП) соперник отсутствует. Он представлен *виртуально*. Он

множественен (т. е. все спортсмены данной весовой категории, данного вида оружия представлены потенциально как противники). К регулярным встречам (схваткам, боям, поединкам) с ними спортсмен систематически готовится в течение учебно-тренировочного года (цикла) на протяжении многих лет.

4. Турнирная встреча спортсмена с его актуальным противником *кратковременна* (например, согласно настоящим правилам соревнований в дзюдо равна пяти минутам). Она жестко регламентирована, протекает и управляется правилами соревнований. В одном соревновании у спортсмена турнирных схваток несколько (от одной до пяти–шести, в зависимости от успешности борца в каждой из них). Но подготовка к ним трудоемка и продолжительна (5–10–15–20 лет).
5. Спорт имеет чрезвычайно высокую социальную и психологическую *субъективную значимость* для человека. Спортивные состязания характеризуются предельно высокой физической, психической и психологической напряженностью. Спортивная деятельность сопряжена с высоким травматизмом. Цена неудачи высока и всегда глубоко переживается спортсменом. Неуспешное выступление спортсмена (проигрыш одной схватки, боя) нельзя исправить. При высокой конкуренции каждый неуспех резко снижает социальный и профессиональный статус спортсмена (Горская, 1995, Сопов, 2010; Стамбулдова, 1999; и др.).
6. Подготовка спортсмена в УТП к встрече с противником проходит *постоянное расчленение деятельности на составляющие и их новый синтез*, завершающееся *моделированием* предстоящих встреч с конкретными противниками с помощью спарринг-партнеров, выполняющих соответствующие учебные и тренировочные задания (т. е. прямо и косвенно участвующих в подготовке конкретного спортсмена). Атрибутами спорта являются *постоянное обучение и тренировка, периодическое изменение их форм и средств, постоянное повышение тренировочных нагрузок* (до возрастного периода, когда это уже физически невозможно, когда организм спортсмена «не справляется», не успевает восстановиться к очередной тренировке).
7. По определению и по форме выступая как *единоборство*, т. е. регламентированные и короткие встречи одного спортсмена с другими, спортивная борьба по своей сути является *совместной деятельностью*, в которую активно включен еще один важный

по социальным функциям субъект. Во всех ее аспектах, за исключением времени собственно турнирных схваток (боев), обязательно и активно включен главный *партнер спортсмена – его тренер*.

8. Важной особенностью УТП является активная и постоянная *реализация современных социальных технологий* (физической, технической, технико-тактической и психологической подготовки спортсмена). Подготовка спортсмена планируется, осуществляется и контролируется тренером. Успех спортсмена во многом предопределен качеством педагогических технологий тренера, в которых воплощены его опыт, знания, способности, мотивация. (По мнению некоторых экспертов, во всяком случае, на начальных этапах вклад тренера определяет успех спортсмена на 40–60% – Коломейцев, 2011; Стамбулова, 1999; Толочек, 2000; и др.)
9. Биологическая, психическая, социальная эволюция спортсменов специфичны. Ввиду продолжительности профессиональной эволюции спортсмена – мастера международного класса, спортивная деятельность является чрезвычайно тесной интеграцией индивидуальностей партнеров, тренера и спортсмена (общие цели, общие на двоих успехи и неудачи; одинаково выраженный соревновательный стресс и др.). Спорт характеризуется ранними (с 4–6–8–10 лет) и довольно продолжительными (10–20 лет) тесными межличностными взаимодействиями спортсмена и тренера (10–20 тренировочных занятий в неделю, совместные поездки и проживания на сборах и соревнованиях, одинаково выраженный соревновательный стресс и др.). В процессе этого взаимодействия результативный спортсмен проходит через ряд возрастных стадий и кризисов (ребенок–подросток–юноша–взрослый).
10. Высокую значимость приобретают неформальные отношения субъектов. Выдающиеся тренеры интуитивно угадывают «своего» спортсмена, выделяют перспективных из группы новичков или случайно встреченных детей. По отношению к воспитанникам у них нередко складываются и сохраняются на протяжении 10–20 лет родительские отношения. Тренеры хорошо понимают, чувствуют с каким именно «материалом» работают, т. е. развивают индивидуальность данного спортсмена и формируют спортивную деятельность «под его индивидуальность».

Таким образом, спорт и особенно спортивные единоборства (спортивная борьба, бокс, фехтование) наиболее рельефно, значимо, остро представляют те стороны совместной (профессиональной) деятельности людей, которые в других видах могут быть слабо выраженными, латентными. В других сферах отношения могут быть не столь конфликтными, субъективно менее значимыми, психофизиологическая цена их много ниже, а успехи и неудачи субъекта менее значимы и сравнительно легко исправимы – им самим позже либо другими людьми.

Спортивная борьба (дзюдо и вольная борьба) как модели изучения стиля позволяют высветить специфический «полюс» сущностных свойств совместной деятельности, выявить многие ее аспекты (в том числе проблему *ресурсов*), в других видах деятельности не очевидные, не заявляющие о себе резко, имеющие отставленные и ослабленные следствия.

Особенности спортивных единоборств как вида деятельности

Спортивные единоборства, в том числе спортивная борьба (дзюдо, классическая и вольная борьба) как один из видов спортивных единоборств, относятся к *ситуационным видам спорта*, деятельности с постоянно изменяющимися условиями (Ильин, 2009; Келлер, 1977; Сопов, 2012; Родионов, 1979, 1983; Фарфель, 1975; и др.). В. С. Фарфель определяющим фактором классификации видов спорта считает *условия деятельности*. В особую группу им выделяются спортивные единоборства и игры как виды с «ситуационными (нестандартными) условиями», которые «стандартизированы лишь отчасти правилами соревнований и самим своим содержанием... В остальном же эти условия непрерывно меняются в зависимости... от действий противников или партнеров» (Фарфель, 1975, с. 191–192). В. С. Келлер считает «отличительно чертой» спортивных единоборств «вариативность ситуаций» (Келлер, 1977). В определениях специалистов в отношении спортивных единоборств отмечаются такие их сущностные свойства, которые формулируются как «ситуационные виды», «изменчивые условиях», «вариативность деятельности». Само взаимодействие спортсменов определяет вариативность условий спортивной борьбы (Пуни, 1970). В спортивных играх и единоборствах на «первый план выступают психические качества, определяющие возможность в кратчайшие интервалы времени воспринимать возникающие ситуации, принимать и реализовывать свои решения»

(Родионов, 1979, с. 12). Среди факторов, требующих «абсолютной профессиональной пригодности», К. С. Гуревич называл наличие в деятельности «новых и ответственных ситуаций» (Гуревич, 1970), что в полной мере относится к спортивным единоборствам.

Поэтому в наших исследованиях стиля рассматриваемую нами спортивную борьбу мы понимаем как *деятельность с вариативно изменчивыми условиями* (Толочек, 1983, 1992). Есть основания считать вариативность условий деятельности принципиально важным фактором для понимания сущностных свойств феномена стиля (наряду с трактовкой единоборств как совместной деятельности): а) вариативность чрезвычайно важна для понимания стиля как психологической системы адаптации к среде (в более поздних концепциях – адаптация *в среде*); в) названное обстоятельство остается наименее изученным в рамках проблемы стиля на протяжении 1950–2000-х годов; с) внимание к единству вариативности и инвариантности как условий среды, так и составляющих стиля, позволяет более адекватно представить ряд сопряженных феноменов (адаптация, совместная деятельность, функционально связанные группы и др.).

Формы и стратегии ведения спортивной борьбы

В подходах разных специалистов изучались и оценивались разные проявления индивидуальности человека в спорте, не ставились задачи обобщения, приведения разных понятий к единству и согласованности. Поэтому в нашем исследовании вначале определим важные моменты, стоящие за тем или иным понятием. Признавая вариативность деятельности существенным фактором для исследований стилей в ситуационных видах спорта, выделим следующие обстоятельства: а) типичные стили часто характеризуются специалистами через тактику (атакующие стили, контратакующие, защитные); б) целостную организацию деятельности спортсмена (т. е. внутреннюю упорядоченность, взаимосвязь, взаимодействие элементов целого) обозначают разными понятиями: стили, манера, тип стратегии, форма (как единство внешней и внутренней организации, как совокупность всех отношений и элементов).

Чаще других в описании деятельности единоборца используются понятия *стили* и *тактики*. Стили сочетают тип стратегии (планирование и организация деятельности) и варианты предпочитаемой спортсменом тактики (выделяемые среди других, преимущественно

но используемые формы и способы и выполнения деятельности) (Ильин, 1979, 1983, 2009). В спортивных единоборствах *тактика* выступает и как понятие, связывающее и согласовывающее наличные условия деятельности и потенциальные *ресурсы*.

Вместе с тем очевидно содержательное несоответствие понятий «стиль» и «тактика». Под стилями (ИСД в частности) понимается «устойчивая система приемов и способов деятельности», «устойчивая система психологических средств и способов», которая формируется у человека как субъекта деятельности и которую он использует для согласования своей индивидуальности с типовыми условиями деятельности (Вяткин, 1978; Ильин, 1983, 1989; Климов, 1959, 1969; Мерлин, 1982; Щукин, 1993; и др.). «Тактика» интерпретируется достаточно широко – как искусство, как линия поведения, как способность перестраивать деятельность сообразно ситуации. Специалисты под тактикой подразумевают *целесообразное использование средств, способов, форм поведения и деятельности, условий окружения, среды, согласованных с текущими условиями спортивного поединка, с индивидуальностью соперника, умелое использование сложившихся или изменившихся условий, обстоятельств для достижения победы* (Аркадьев, 1978; Галковский, 1976; Келлер, 1977; Ленц, 1967; и др.).

Можно выделить две главные функции тактики: 1) привлечение и использование дополнительных условий, способствующих успешности (таких, как актуализация ресурсов); 2) нарушение доступа соперника к дополнительным условиям, снижение его возможностей использовать типичные условия (в том числе и характерные для субъекта особенности деятельности – особенности его стиля и пр.). Главные функции стилей: 1) достижение успешности деятельности (продуктивности, стабильности, надежности); 2) обеспечение максимальной адаптивности организма и психики к режимам и условиям деятельности посредством минимизации затрат; 3) сохранение успешности деятельности в большой временной перспективе (за счет экономии внутренних ресурсов, за счет наилучшей интеграции индивидуальности человека и условий среды). Другими словами, если функция тактики состоит в достижении успешности («здесь и теперь») с использованием *разных ресурсов* («цена» успешности в отдаленной перспективе второстепенна), то функция стилей – в экономном использовании ресурсов, в ориентации на длительное успешное выполнение деятельности в прогнозируемых условиях.

Подводя итоги обзора, можно резюмировать. 1. Проблема совместной деятельности и взаимодействия субъектов объективно сложна, теоретически еще недостаточно разработана. Ее изучение важно для познания общей макроструктуры деятельности. Совместная деятельность характеризуется разными социально-психологическими феноменами, возникающими вследствие взаимодействий субъектов, которые не могут не влиять на стили этих субъектов. 2. В спорте, и особенно в спортивных единоборствах, рельефно, значимо, конфликтно представлены те стороны совместной деятельности людей, которые в других видах могут быть слабо выраженными, иметь меньшую психофизиологическую и социальную «цену».

2.3. Стили совместной деятельности и ресурсы: задачи исследования

Актуальные вопросы стилей и ресурсов, на которые не получены ответы в предшествующих исследованиях (вследствие парадигмальных ограничений, вследствие особенностей моделей деятельности, вследствие узкого диапазона квалификационных различий субъектов), накопились, достигли «критической массы», могут и должны быть заявлены как актуальные. Выделим их: 1) особенности стилей в совместной деятельности; 2) эволюция стилей в продолжительной перспективе; 3) факторы успешности стилей в деятельности, имеющей значительную квалификационную дифференциацию субъектов; 4) ресурсы успешности субъекта.

В перспективных задачах изучения проблемы стиля (ИСД), сформулированных ведущими специалистами в 1970–1980-х годах, не затрагивались вопросы перестройки стиля при деятельности в разных условиях, вопросы его устойчивых и изменчивых компонентов (Акимова, 1981; Гуревич, 1964, 1970; Ильин, 1979, 1983, 1989, 2011; Климов, 1969; Матвилискер, 1966; Мерлин, 1984; и др.). Вариативная изменчивость многих видов деятельности парадоксально оставалась вне должного внимания ученых, хотя сталкиваясь с ней, они констатировали факты изменений стиля. Е. А. Климов отмечает изменения стиля при переходе ткачих на работу на 4 станках, отмечает трудность переделки стиля у инертных (Климов, 1969). Н. И. Петрова отмечает, что преподаватели могут перестраивать свой стиль и что такие перестройки у подвижных и инертных субъектов имеют разные психологические механизмы (Петрова, 1970). Л. А. Копытова, описывая разные симптомокомплексы проявления силы/слабос-

ти нервной системы у наладчиков станков в спокойных ситуациях и в моменты простоя станков, подчеркивает их единство и различную динамичность компонентов деятельности (Копытова, 1966).

В целом довольно сходные данные получены как при изучении предметной, профессиональной деятельности, так интеллектуальной. В решении когнитивных задач многие исследователи отмечают изменение стиля и его составляющих при изменении типа задач, изменение успешности, предпочтение одной стратегии или их варьирование (Акимова, 1976; Нарер, Мауер, 1981; Каверин, 1982; и др.).

Обобщая литературный материал, можно утверждать, что если условия деятельности изменчивы и если стиль (индивидуальный стиль деятельности – ИСД) есть «устойчивая система приемов и способов деятельности», то в стиле субъекта должны быть как *устойчивые*, так и *изменчивые* составляющие. Избирая спортивные единоборства как модель изучения стиля, мы ясно видим серьезное противоречие между содержанием понятий «стиль» и «тактика». Многие исследователи оговариваются, что ИСД у спортсменов *варьирует, изменяется* в зависимости от условий поединка, а выделенные компоненты и параметры характеризуют лишь *наиболее часто проявляющиеся* особенности стиля. Но ни сами реорганизации стилей, ни их границы так и не стали предметом исследований. «Разрешением» между наличием в стилях как *вариативно устойчивых*, так и *изменчивых* составляющих может быть допущение о сложной организации стилей – иерархической, где разные «уровни» психологической системы различаются генетически, играют разную роль в эволюции и функционировании стиля. Такое концептуальное решение позволяло конструктивно изучать стили в деятельности с вариативно-изменчивыми условиями, не вступая при этом в противоречия с исторически сложившимися представлениями, закрепленными за соответствующими понятиями.

Итак, в исследованиях стилей, в том числе в спортивных единоборствах, не были отрефлексированы принципиальные аспекты, в частности не выделяются: 1) различия феноменов «стили» и «тактика»; 2) возможности и границы реорганизаций стиля в деятельности с вариативно-изменчивыми условиями; 3) структуры, обеспечивающие сохранение стилей как систем при их реорганизациях. Заострим нашу формулировку проблемы: *посредством каких психологических механизмов, посредством какой организации стиль как психологическая система обеспечивает высокую адаптивность субъекта в динамичной среде, обеспечивает успешность его деятель-*

ности в продолжительной перспективе? Предположительно, ответы на эти вопросы могут быть получены при обращении к понятиям «структура», «структуры», «структурированность».

Цель и задачи, гипотезы исследования

Цель исследований состояла в изучении структурно-функциональной организации стилей, закономерностей их функционирования и развития, в изучении обусловленности стилей «профессионально-функциональной», «индивидуально-психологической», «социально-психологической» и «средовой» (социальной) детерминантами (на модели спортивных единоборств).

Гипотеза. Формирование и функционирование стилей определяется не только индивидуальностью субъекта, но, прежде всего, организацией среды (профессионально-функциональных, социально-психологических и других детерминант). В совместной деятельности стили субъектов выступают как психологические системы, согласованные с особенностями стилей партеров.

Наряду с главной гипотезой проверялись частные гипотезы.

1. Профессиональная деятельность неоднородна в своей организации. Ее содержание составляют относительно независимые подсистемы (пространства, зоны, сегменты пространства), выступающие как интеграторы стилей субъектов с разными индивидуальными особенностями.
2. Успешность субъектов в совместной деятельности является следствием согласования («уравновешивания», «сопряжения») их индивидуальности и стилей как с требованиями деятельности, так и с индивидуальностью, стилями и активностью других субъектов.
3. Мера организации (структурированности) деятельности субъектов (спортсменов) связана с ее успешностью. Сохранение стиля как психологической системы при его возможных вариативных изменениях предполагает наличие границ, за пределами которых стиль утрачивает свое качество психологической системы, обеспечивающей успешную адаптации в среде.
4. Вариативная изменчивость профессиональной (в том числе спортивной) деятельности предполагает такую структурно-функциональную организацию стиля, которая, с одной стороны, обеспечивает его стабильность и устойчивость, с другой – гибкость, способность к ситуативным реорганизациям.

5. В процессе становления и функционирования стилей субъектов происходит интеграция их индивидуальных стилей в стили (совместной) профессиональной деятельности.

Задачи

1. Рассмотреть особенности структурно-функциональной организации стилей деятельности (на модели спортивных единоборств).
2. Выявить закономерности функционирования и развития стилей деятельности.
3. Описать особенности стилевых взаимодействий субъектов совместной деятельности (тренеров, спортсменов).
4. Выделить факторы успешности деятельности субъектов (с разными индивидуальными особенностями, с разными стилями).

Объект, предмет, методы исследования

Объект – совместная деятельность субъектов (взаимодействия тренера и спортсменов в спортивной борьбе).

Предмет – структурная и функциональная организации стилей, факторы успешности деятельности субъектов (тренеров и спортсменов).

В процессе изучения стилей в спортивной борьбе использовался широкий репертуар методов: наблюдение и стенографирование соревновательных схваток, опросы, беседы, анкетирование, констатирующие и формирующие эксперименты, психодиагностика, параметрические методы математической статистики. Использовались аппаратные методики: методика диагностики типологических свойств нервной системы (силы по возбуждению, лабильности) тренеров и спортсменов: «Наклон кривой»; ХНК-2; теппинг-тест согласно описанным процедурам с использованием нейрохронометра, телеграфного ключа с электронным счетчиком (Ильин, 1979; Методы..., 1976).

Методики: «Наклон кривой», ХНК-2, теппинг-тест. Методика «Наклон кривой», или «градиент силы», была разработана В. Д. Небылицыным в 1960 г. и позволяла выявлять выраженность физиологического закона силы в двигательных реакциях. Сила нервной системы (НС) изучалась с помощью времени реакции при изменении интенсивности звукового раздражителя, которым служил чистый тон 1000 гц длительностью 200 мс.

Звук поступал в головные телефоны в последовательности 40, 60, 80, 100 и 120 дБ от звукового порога 0,0002 бара. На каждой интенсивности проводилось по 13 измерений времени реагирования. Появлению звука предшествовала предварительная команда в виде зажигания лампочки 2,5 вт в центре круга прибора. Интервал между предупредительными командами составлял 2 с, между отдельными измерениями – 10 с. При обработке результатов учитывается время реакции в десяти измерениях – с четвертого по тринадцатый (первые три рассматриваются как предварительные пробы). Выраженность силы НС по возбуждению рассчитывалась по специальным таблицам, соответственно полученным эмпирическим данным. Методика ХНК-2 представляет собой короткий вариант «Наклона кривой», когда используются только две крайние интенсивности звукового сигнала – 40 гц и 120 гц. Все условиях диагностики те же, а сила НС определяется как отношение суммы времени реакций на слабые раздражители в отношении ко времени реакций на сильные. Для диагностики использовался нейрхронометр (Методы..., 1976). Также использовалась методика «теппинг-тест», разработанная Е. П. Ильиным в 1970-х годах. Сила НС оценивалась как динамика изменения частоты нажатий на ключ в течение первых 30 сек по соответствующим таблицам (Ильин, 1979).

В наших исследованиях к «сильным» (как спортсменам разного возраста, так и тренерам) относились лица, получившие по методике «Наклон кривой» коэффициент «В» от 4,23 до 3,00, по ХНК-2 – от 2,01 до 1,62 и оценки по теппинг-тесту – 3–5 баллов (эмпирический уровень 25% выборки спортсменов высших разрядов – членов сборных команд страны). К «слабым» по возбуждению относились лица, имеющие по коэффициенту «В» «Наклона кривой» от 2,02 до 1,10, по ХНК-2 – от 1,40 до 1,10 и 1–2 балла по теппинг-тесту (эмпирический уровень 25% выборки спортсменов высших разрядов). Лица с промежуточными значениями, а также при несовпадении значений по разным методикам относились к группе «средних». В последующих исследованиях мы ориентировались на эти границы. Как правило, данные трех методик удовлетворительно коррелировали между собой ($r=0,461-0,720$).

В процессе исследований была разработана и апробирована авторская методика *субъективного шкалирования*, поз-

же названная «квази-измерения» (Толочек, 1992, 2007). В исследовательской методике (вариант «репертуарной решетки» Д. Хинкла (Хьел, Зиглер, 2000) «элементами» служили разные компоненты спортивной борьбы, условия деятельности, особенности противников, тактики и тактико-технические действия, способы решения тактических задач. Испытуемому предлагалось по 9-балльной шкале оценить его предпочтения каждого из «элементов». Спортсмены оценивали свои предпочтения, тренеры – предпочтениях их воспитанников. Тест-ретестовые проверки данных спортсменов проводились через разные промежутки времени: 3 дня; 2 недели; 2–3 месяца; 1 год – и свидетельствовали о надежности методики. Привлечение многомерных методов статистики (факторного и кластерного анализа) подтверждало ее концептуальную валидность. Данные обследования обсуждались с тренерами и спортсменами.

В разных программах исследования было обследовано более 300 спортсменов высших разрядов (мастеров спорта, мастеров спорта международного класса, заслуженных мастеров спорта), более 50 тренеров высшей квалификации (заслуженных тренеров РФ и заслуженных тренеров СССР), более 150 борцов массовых разрядов.

Организация исследования. Проявления индивидуального стиля деятельности (ИСД) в спортивной борьбе дзюдо изучались нами на *выборках* юных дзюдоистов (63 чел. в возрасте от 11 до 15 лет); квалифицированных борцов – кандидатов в мастера и мастеров спорта (38 чел. в возрасте от 18 до 27 лет); борцов высшей квалификации – членов сборной команды СССР (43 чел. в возрасте от 21 до 29 лет).

Методы исследования: диагностика типологических свойств нервной системы – силы: «Наклон кривой», «ХНК-2», теппинг-тест и лабильности – КЧМ (см. раздел 3.5); опросы тренеров и спортсменов, анкетирование, наблюдение и стенографирование соревновательной деятельности на турнирах класса «А» (т. е. наиболее важных и субъективно значимых для борцов – чемпионатах страны, Европы и мира, на международных турнирах).

Типологические свойства нервной системы как референты стиля. Все исследователи, изучавшие ИСД, признают его обусловленность индивидуальными особенностями субъекта. Первоначально изучение стиля ограничивалось диагности-

кой учеными одного-двух свойств индивидуальности (Климов, 1954, 1969; Петрова, 1970; Щукин, 1966; Якубчик, 1965; и др.). Со временем их спектр расширялся, а сама индивидуальность изучалась как организация свойств разных иерархических уровней, как «интегральная индивидуальность», по В. С. Мерлину (Мерлин, 1984; др.). Е. П. Ильин, критикуя ограниченное изучение отдельных свойств, настаивал на необходимости изучения *типологических комплексов* как реализации комплексного подхода. Е. П. Ильин утверждал, что в отдельных видах деятельности успеха могут добиваться лица «с разной типологией, но не любой» (Ильин, 1979, 1983, 2009).

Выбор для наших исследований силы нервной системы по возбуждению обусловлен признанием этого свойства как основного, определяющего фактора поведения, на фоне которого ту или иную значимость обретают другие свойства (Гуревич, 1970; и др.). Исследователи, изучавшие ИСД в спортивной борьбе, также признают ведущую роль именно этого свойства (Волков, 1974; Сиротин, Волков, 1974; и др.). Определяющая роль этого свойства в спорте как деятельности с экстремальными условиями отмечалась ведущими специалистами (Вяткин, 1978; Ильин, 1979; 1983, 2009). Выбор второго свойства – лабильности – был определен его ролью как «фона», или дополнительного, тем, что это свойство нервной системы также достаточно часто входило в предмет изучения ИСД (Воронин, 1984; Дмитриев, 1980; Сухарева, 1964; и др.); у Е. А. Климова, Н. И. Петровой и др. – как «подвижность» (Мерлинкин, 1968; Якубчик, 1965; др.).

Признавая аргументы комплексного подхода, в первоначальном изучении стиля мы все же ограничились изучением лабильности и силы нервной системы по возбуждению. Наши задачи состояли в изучении: 1) вариативных реорганизаций стиля; 2) его структурно-функциональной организации; 3) функционирования стиля; 4) эволюции стиля; 5) стилей взаимодействующих субъектов.

Начиная исследования, мы следовали сложившейся традиции в изучении типологически обусловленных индивидуальных стилей деятельности (как изучение проявлений некоторых свойств нервной системы, как установление связей свойств нервной системы и особенностей деятельности субъекта), что обеспечивало содержательную валидность эмпирических фактов посредством сопо-

ставления полученных нами данных с литературными. Реализация дифференцированного подхода позволяла выделять несколько стилей и проводить их сопоставление. Однако основное внимание в наших исследованиях было направлено не на связи индивидуальности субъекта с особенностями его деятельности, а на собственно *организацию деятельности субъекта* (в среде, в окружении других субъектов), на изучение *функционирования стиля и его эволюции*. Поэтому ни опора на ограниченный состав свойств индивидуальности, ни сами типологические свойства нервной системы как референты ввиду активизировавшейся их критики и дискуссионности вопроса об их феноменологии с конца 1970-х годов (Базылевич, 1998; Голубева, 1980, 1993; Русалов, 2012; Толочек, Голубева, 2002; и др.) не являлись принципиальным недостатком наших исследований и полученных нами данных.

Исходя из сложившегося в психологии 1980-х годов понятийного аппарата, для изучения стиля борцов за основу была взята концептуальная схема деятельности по А. Н. Леонтьеву (1975), которой отдавали предпочтение многие исследователи стиля. Победа в соревновательной схватке борцов понималась как *мотив – цель*, победа в турнире – как *мотив*, тактические действия – как *основные задачи*, способы решения тактических задач – как *способы*, отражающие внутренние и внешние условия субъекта.

В литературе по спортивным единоборствам выделяют разное число тактических задач, основными среди которых называют *разведку, атаку, защиту, демонстрацию активности, восстановление сил, удержание преимущества* (Пилюян, Джапаралиев, 1984; Чумаков, 1976; и др.). Именно эти задачи были избраны нами для изучения предпочтений способов их решения методом анкетирования. Способы их решения могут быть разными. На основе анализа литературы и обсуждений с тренерами и спортсменами для изучения стиля были избраны *десять основных способов решения тактических задач (передвижения, изменения захватов, блокирующие захваты, срывы захватов, сковывающие захваты, прямые атаки, борьба на краю ковра, изменения темпа, изменения дистанции, переводы в партер)*. Согласно литературным источникам, в спортивных единоборствах основными видами тактики являются *атакующая, контратакующая, защитная (оборонительная) и комбинированная*. Именно эти типовые варианты изучались нами при анкетировании спортсменов и тренеров.

Методом анкетирования изучались предпочтения борцов (тактики, стиля, соперника, параметров схватки; учитываемых особенностей соперника и др.). Многие исследователи стиля отмечают, что «предпочтения» субъекта выступают важным аспектом становления его стиля (Илларионов, 1978; Ильин, 1979, 1983, 2009, 2011; Мерлин, 1986; и др.).

Поскольку за понятиями «тактика» и «стили» закрепилось вполне определенное содержательное наполнение, поскольку практические попытки анализа тактики единоборцев были крайне трудоемкими, осложняющими решения иных научных задач (Битехтина, 1977; Келлер, 1977; Пилоян, Джапаралиев, 1984; Турецкий, 1981, 1985; и др.), мы в наших исследованиях решили отказаться от анализа составляющих «тактики» спортсменов. Мы рассматривали их деятельность в разных «тактических ситуациях», имеющих четкие формальные критерии и вызывающих (формирующих, провоцирующих) определенные психические состояния единоборцев. Выделялись три тактических ситуации: а) деятельность (фрагменты схватки) в нейтральной ситуации спортивной борьбы; в) борьба после выигранного технического действия (т. е. после получения весомого преимущества в поединке, позволяющего вести борьбу более осмотрительно, осторожно, меньше рисковать и, напротив, быть готовым использовать вынужденную более высокую активность соперника, который оказался в заведомо худшей ситуации); с) борьба после проигранного технического действия (т. е. после того как спортсмен оказался в тактически худшей ситуации). Предварительные опросы тренеров и спортсменов показали, что в дзюдо именно выигрыш/проигрыш технического действия выступает моментом и главным фактором изменения тактики, стратегии стиля ведения схватки. В силу правил дзюдо именно выигранное/проигранное борцом первое действие часто выступает решающим условием успешности в схватки в целом.

При наблюдении соревновательных схваток фиксировались (стенографировались) используемые борцами компоненты и параметры деятельности (в 1982–1983 гг. было зафиксировано 220 схваток на крупных международных турнирах и чемпионатах страны; в 1986 г. – 126 фрагментов схваток на чемпионате страны). Параллельно со стенографированием способов решения тактических задач сразу после окончания схватки фиксировались и оценивались «энергетические» параметры деятельности,

отражающие активность борца в схватке, которые обобщались по выигранным и проигранным схваткам (т. е. по итогам завершённой деятельности). Нами различались три количественные градации по каждому из восьми «энергетических» параметров, которые у наблюдаемого борца оценивались относительно активности его противника. Количественный уровень «а» отмечался при высокой внешней активности борца, явно превосходящей активность противника по данному параметру; уровень «в» – когда спортсмен явно уступал своему противнику; количественный уровень «б» – в случаях примерно равной активности обоих соперников. Например, используемая тактика оценивалась как «а» – атакующая и комбинированная, если общее число попыток проведения борцом бросков явно превосходило аналогичную активность соперника; тактика определялась как «в» – защитная – в случаях очевидного превосходства соперника; как «б» – комбинированная, в равных схватках.

Рабочие понятия. Поставив задачу изучения вариативных реорганизаций стиля, роли структур стилей, ресурсов, необходимо ввести понятия, их отражающие. Под *характеристиками* понимались обобщенные качественные особенности стиля; под *компонентами (составляющими)* – отдельные элементы и подсистемы деятельности; под *параметрами* – отдельные количественные характеристики. *Структурой* стиля названа его инвариантная часть (множество вариативно устойчивых компонентов и связей системы). Соответственно, инвариантные элементарные составляющие деятельности названы *структурными компонентами* стиля, изменчивые – *динамичными*, взаимосвязанные составляющие конкретной деятельности – *операциональными системами* стиля (ОС). Подсистема психологических средств, отражающих активность субъекта в организации деятельности и ее условий (характеризующих меру динамичности – инвариантности стиля при изменении условий деятельности), названа *идеальными регуляторами/тип организации деятельности (ИР/ТОД)*. Характеристика избирательности, ориентации субъекта на определенные условия названа *предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности (СУУД)*.

Назначение наших рабочих понятий – способствовать описанию и изучению феномена «стиль», содержание и сущностные свойства которого могут проявляться в совместной деятельности (деятельности с вариативно изменчивыми условиями, физически и эмоционально напряженной, имеющей высокую личностную значимость).

Рабочие понятия выступают как инструменты изучения феномена «стиль», допускающие возможность последующих уточнений, дополнений, наполнения их содержания новыми свойствами. А priori все наши рабочие понятия рассматриваются как «идеальные эмпирические объекты» (Степин, 2000), т. е. такие понятия, которые обобщенно отражают фрагменты действительности.

Выводы по второй главе

1. Результаты независимых исследований стилей в 1950–1980-х годах, отражая особенности избранных моделей деятельности и методологии, не ответили на ряд важных вопросов (организации совместной деятельности и взаимодействий субъектов, эволюции и функционирования стилей как психологических систем, их структурно-функциональной организации и др.).
2. Сравнительно малоизученными остаются вопросы психологических механизмов, обеспечивающих высокую адаптивность субъекта в динамичной среде, вопросы факторов, обеспечивающих актуальную успешность деятельности субъектов и их успешность в продолжительной перспективе, вопросы детерминант стилей совместной деятельности, взаимоотношений стилей субъектов и условий окружения (среды).
3. Выбор спорта высших достижений (спортивных единоборств как вида деятельности с вариативно-изменчивыми условиями) позволяет выделять и последовательно изучать: 1) особенности структурно-функциональной организации стилей деятельности, обеспечивающей адаптивность субъекта в динамичной среде; 2) факторы успешной адаптации субъекта в динамичной среде и механизмы взаимодействий субъекта и окружения (среды); 3) закономерности функционирования и развития стилей совместной деятельности субъекта (от уровня новичка до квалификации «Мастер спорта международного класса»); 4) особенности стилевых взаимодействий субъектов совместной деятельности (тренеров, спортсменов); 5) факторы успешности деятельности субъектов (с разными индивидуальными особенностями, с разными стилями); 6) механизмы актуализации интрасубъектных, интерсубъектных и внесубъектных ресурсов.

ГЛАВА 3

СТИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СПОРТЕ

Законы, управляющие жизнью, представляют замечательный параллелизм во времени и пространстве...

Чарльз Дарвин

3.1. Феноменология стилей деятельности в спортивной борьбе: ресурсы и ограничения

*Вариативные изменения условий деятельности
и операциональный состав стилей*

Результаты опроса борцов. Опрос борцов высших разрядов (22 членов сборной команды страны) показал, что предпочтения в использовании тех или иных способов решения задач зависят не только от индивидуальных особенностей (силы и лабильности нервных процессов), но и от избранной тактики. При решении разных задач (разведка, подавление активности противника, маскировка, удержание преимущества и др.) репертуар используемых средств у всех борцов шире при использовании атакующей тактики (т. е. в ситуациях выраженного преимущества борца или выраженной мотивации достижения успеха). При этом *вариативность операциональной системы (ОС) деятельности* более выражена в отношении «активных» способов (т. е. прямо подавляющих активность противника) и менее – в отношении «пассивных» способов (поддерживающих активность противника). Вариативность операциональной системы зависит от индивидуальных особенностей спортсменов: у лиц с сильной нервной системой по возбуждению* используемые ими способы

---

* Из 43 обследованных борцов высших разрядов по результатам диагностики силы возбуждения и лабильности нервных процессов 10 человек

решения тактических задач зависят от задачи (разведка, маскировка, подавление активности противника при атаке и при защите, удержание преимущества), и такая зависимость статистически значима ($p=0,02$, согласно дисперсионному анализу по Фридману–Рунион, 1982); у «слабых» по возбуждению использование способов также зависит от задачи, но зависимость не значима ($p=0,70$; см. таблицу 3.1); у «лабильных» – значима ($p=0,02$); у «инертных» – не значима ($p=0,18$) (таблица 3.1; в таблице представлено общее число способов, используемых борцами при решении разных задач, названных при опросах, в данном случае – «подавление активности противника». В этом фрагменте отражены только результаты опроса «сильных» и «слабых» по возбуждению). Используемые в дзюдо способы решения тактических задач различались нами как: а) связанные с высокой внешней активностью борца (реальные и ложные атаки, передвижения); б) однозначно не выражающие активность (изменения темпа, дистанции, использование края ковра); в) отражающие низкую внешнюю активность спортсмена (изменения захватов и стойки, блокирующие и сковывающие захваты). Согласно результатам опроса, типологическая избирательность имела место в отношении способов первой группы («активных») и третьей («пассивных»); она не была выражена в отношении способов второй группы «неопределенных»). Стиль «сильных» и «средних» по силе процессов возбуждения, как и «лабильных», характеризовался выраженной избирательностью «активных» способов в зависимости от тактики ($p<0,02$, $p<0,02$, $p<0,02$) и меньшей – в предпочтении способов, сопряженных с низкой внешней активностью. «Слабые» и «инертные» характеризовались низкой вариативностью способов трех групп – «активных», «неопределенных» «пассивных».

Реальные, ложные атаки и передвижения являются активными способами решения задач. Изменения захватов и стойки, сковывающие и блокирующие захваты – ограниченные (пассивные) способы.

Активность борцов с сильной и средней по возбуждению нервной системой, с высокой лабильностью во многом определялись внешними, объективными условиями деятельности, ее динамикой. При благоприятных ситуациях они активны, при неблагоприятных –

были отнесены к «сильным», 10 – к «слабым» и 23 – к «средним» по силе нервной системы; также 10 человек были отнесены к «лабильным», 10 – к «инертным», остальные – к «средним» по лабильности (Толочек, 1985, 1992, 2000).

Таблица 3.1

Зависимость предпочтения способов решения тактических задач от используемой тактики у борцов, различающихся по силе нервной системы (фрагмент)

Задачи	Способы решения тактических задач	Типологические группы					
		«Сильные» (10 чел.)			«Слабые» (10 чел.)		
		Виды тактики		атакующая	Виды тактики		защитная
Подавление активности противника	Реальные атаки	атакующая	контр-атакующая		защитная	атакующая	
	Ложные атаки	10	5	2	8	4	3
	Передвижения	3	3	4	4	4	3
	Изменения захватов	3	3	3	6	5	4
	Изменения стойки	7	7	2	3	4	5
Теснота связи предпочтения «активных» способов с используемой тактикой	Сковывающие захваты	1	1	3	1	1	2
	Блокирующие захваты	3	2	3	0	1	2
		4	4	4	4	4	3
Уровень значимости		X=10,6			X=7,6		
Теснота связи предпочтения «пассивных» способов с используемой тактикой		p=0,02			p=0,10		
Уровень значимости		X=1,9			X=2,1		
Теснота связи предпочтения «активных» способов с используемой тактикой		p=0,70			p=0,70		

могут быть пассивными или стремиться к разрушению активности противника. Напротив, стили «слабых» и «инертных» в разных ситуациях изменялись меньше. Но такая *инвариантность стиля должна поддерживаться регулированием субъектами внешних условий деятельности.*

Согласно результатам опроса, «сильные» (а также «средние» и «лабильные») предпочитают способы, снижающие активность и подвижность противника, следовательно, опорными «структурными», «базовыми», «определяющими» для них выступают именно способы, подавляющие активность и подвижность противника (прямые атаки, срывы захватов, сковывающие захваты). Для «слабых» же (и «инертных») всегда важно соблюдение баланса активности/пассивности соперника посредством использования способов, обеспечивающих управление активностью соперника в оптимальном, приемлемом для «слабых» диапазоне. Наиболее предпочитаемыми у «слабых» являются передвижения, изменения захватов и блокирующие захваты. Аналогичные данные были получены нами в выборке кандидатов и мастеров спорта (Толочек, 1985).

Итак, у представителей разных типологических групп операциональные системы заметно различались. В настоящей работе наше внимание сосредоточено на сравнительном анализе проявлений стиля у представителей двух крайних групп субъектов («сильных» и «слабых» по возбуждению). Два типовых стиля обстоятельно рассматриваются нами не потому, что они присущи именно «сильным» и «слабым» по возбуждению, а потому, что в этих стилях отражаются качественно разные системы адаптации субъекта к деятельности.

Но главными нашими задачами были изучение *зависимости стиля от активности всех субъектов совместной деятельности, стиля и среды, стиля и используемых ресурсов.* Наибольшее число предпочтений разных способов у всех борцов при атакующей тактике, умеренное – при контратакующей, наименьшее – при защитной тактике. Эти данные свидетельствуют о: 1) вариативности операциональной системы (ОС) стиля (что уже отмечалось выше); 2) различных «блоках» компонентов ОС – более динамичных и инвариантных; 3) различии стилей не только как психологических систем организации деятельности субъектом, но как систем организации отношений со средой (окружением), связанной с активностью соперника, в частности; 4) тактике как интегральной характеристике стиля, так или иначе организующей среду деятельности (пространство деятельности), обеспечивающей доступ и использование

тех или иных ресурсов (поддержание или подавление активности соперника, «управление временем» схватки и пр.).

Результаты наблюдения соревновательной деятельности. Данные наблюдений соответствовали данным анкетирования (представленным выше), уточняли и обогащали представление о стиле. Они также соответствовали литературным данным. Принципиально новыми в сравнении с полученными в традиционных подходах (Вяткин, 1978; Климов, 1969; Мерлин, 1986; Шукин, 1966; и др.) были факты *изменчивости компонентов и параметров стиля борцов в разных тактических ситуациях*, в том числе изменения связей компонентов деятельности с индивидуальными особенностями субъектов.

В нейтральной ситуации (т. е. в начале схватки, до того момента, когда один из соперников получил преимущество, выиграв «техническое действие») имели место тесные и умеренные связи силы нервной системы с частотой использования изменения дистанции ($r_1=0,53$, $r_2=0,39$ и $r_3=0,38$, согласно трем методикам диагностики силы по возбуждению – «Наклону кривой», «ХНК-2» и теппинг-тесту); изменений стойки ($r=0,58-0,65$); использования сковывающих захватов ($r=0,58-0,66$) и срывов захватов ($r=0,38-0,43$); изменений темпа ($r=0,35-0,57$) и прямых атак ($r=0,42-0,79$). Отрицательно коррелировали частота передвижений ($r=-0,57- -0,61$); блокирующих захватов ($r=-0,34- -0,77$) и изменений захватов ($r=-0,42- -0,48$).

Использование восьми из десяти анализируемых способов было связано со свойствами нервной системы спортсменов. «Сильные» использовали широкий репертуар и превосходили «слабых» в 1,5–4,0 раза в частоте использования всех способов, за исключением трех. Стиль «слабых» строился на преимущественном использовании трех взаимно согласованных способов, доля которых среди десяти рассматриваемых составляла 78%. Содержательно стиль «слабых» воспринимался как игровой, более мягкий, более искусный. Если эффективность прямых атак у «сильных» была в 8 раз выше, чем у «слабых», то эффективность бросков при передвижениях у «слабых» в 7,5 раза выше, чем у «сильных». Другими словами, стиль «слабых» отражал более искусную, более «красивую» борьбу, чем жесткое и прямолинейное подавление «сильными» своих соперников.

После *выигранного* технического действия деятельность всех борцов изменялась. Если активность «сильных» и «средних» заметно снижалась, то «слабые» боролись даже более ак-

тивно, использовали нехарактерные для них способы, а эффективность их прямых атак возрастала в 4 раза. Теснота связей свойств нервной системы и используемых способов после выигранного действия резко снижалась. Положительно значимо коррелировали только использование сковывающих захватов и изменений темпа, отрицательно – структурные компоненты операциональной системы «слабых»: передвижения – изменения захватов – блокирующие захваты.

После *проигранного* технического действия деятельность всех борцов радикально изменялась. Типологические различия стирались. У всех борцов возрастала частота использования нехарактерных для них способов и снижалась – адекватных их типологии (приложение 1, таблицы 1, 2, 3). Эффективность попыток бросков у всех была близка к нулю.

Итак, наблюдения соревновательной деятельности борцов показали, что выраженность их стилей была наибольшей в тактически равной ситуации (в нейтральной). В благоприятной ситуации (после выигранного технического действия) у всех субъектов репертуар расширялся и несколько изменялся, эффективность деятельности была высокой. В неблагоприятной ситуации (после проигранного технического действия) типологические различия спортсменов стирались или парадоксально изменялись: они часто использовали нехарактерные для их типологии средства. Деятельность разрушалась; ее результативность была низкой. *При разрушении структуры операциональной системы стиля* (изменения частоты и пропорции использования типичных для борцов связей способов решения задач) *деятельность становится неэффективной*. Так, в 32 из 48 (67%) зарегистрированных схваток после первого проигранного действия не было зафиксировано ни одного успешно завершившегося броска; 44 схватки из 48 (92%) закончились окончательным поражением спортсмена.

Вероятно, причиной этого было именно *разрушение структуры стиля – структуры его операциональной системы*. Проводимые нами позднее расчеты параметров деятельности отдельных спортсменов (способов решения тактических задач при их психологическом сопровождении) показывали, что индивидуальные параметры их успешной и неуспешной деятельности были близки к выделенным нами общим для выборки борцов, т. е. выступали в качестве «модельных характеристик» деятельности борцов высших разрядов. И если в случаях успешной деятельности имела место инди-

видуальная вариативность по отдельным параметрам, то в случаях неуспешной – почти идентичное совпадение индивидуальных и среднегрупповых параметров.

Обобщая эмпирический материал, можно считать, что важным фактором успешности борцов была мера организованности, *структурированности* их деятельности и мера ее своеобразной «поляризации». Первое отражается в общем количестве и тесноте *положительных связей* между компонентами, второе – в наличии и доле *отрицательных связей* (иначе говоря, функционально взаимно исключающих компонентов деятельности, когда использование одних ограничивает использование других). И первое, и второе создают своеобразное *пространство деятельности* субъектов, организованное и отграниченное функциональными связями составляющих деятельности.

Деятельность каждого субъекта не является лишь проявлением его своеобразной активности. Она становится органичной частью некоторого целого, создаваемого сопряженной активностью взаимодействующих людей и их окружения. Деятельность субъекта высокой квалификации не является свободной, исключительно направляемой его целями, но непременно согласуется с одной из «частей» среды, выделяемой вследствие актуализации некоторых условий среды. Исходная многовекторность пространственных, временных, информационных, энергетических (Ганзен, 1984) составляющих деятельности специфически организуется, структурируется, разделяется на несколько частей (сегментов, зон) *пространства деятельности*. В одной из зон она актуально реализуется («здесь и теперь»), тогда как другие части пространства деятельности де-факто остаются недоступными для субъектов, «закрытыми» для успешного выполнения деятельности, «запрещенными», «нерекомендуемыми».

Анализируя количественные параметры создаваемого борцами *пространства деятельности*, т. е. области их высокой активности в трех тактических ситуациях (по результатам наблюдения турнирных схваток), констатируем: в нейтральной выделены 25 интеркорреляций способов (при $r > 0,300$), в том числе 8 отрицательных, или 32% от их общего числа; после выигранного действия – 13 корреляций, в том числе 3 отрицательных (или 23% от их общего числа); после проигранного – 9 и 0 (таблица 3.2). Другими словами, падение успешности деятельности сочеталось не только с изменениями частоты и пропорции используемых способов, но также

с изменениями их функциональных связей– с изменениями *пространства деятельности*. Иначе говоря, *устойчивость собственных структур стилей сочеталась со своеобразным структурированием совместной деятельности и среды*; когда структуры стилей находились в большей согласованности со средой, деятельность субъекта была успешной. Структуры стилей создавали и поддерживали области активности субъектов, порождая, формируя и поддерживая феномен *пространства деятельности*. Использование тех или иных условий среды и особенностей со-субъектов как *ресурсов* становится уже произвольным не столько от активности субъекта, сколько и от организации им вместе с другими партнерами динамичной целостности – пространства деятельности.

Различая структурные образующие стили и динамичные компоненты, ситуационно используемые, заметим, что и первые и вторые не обязательно являются наиболее часто используемыми; различия – в их функциях. *Функция структурных компонентов стиля – в удержании условий деятельности в приемлемых для субъекта параметрах*. Сущностные свойства *структурных компонентов стиля* в следующем. 1. Они организуют всю совокупность составляющих стилей, формируют их структуры, поддерживают функциональные связи между составляющими). 2. Выступают в качестве основания при реорганизациях стиля, при восстановлении деятельности после ее разрушения. 3. Согласуются с формируемым пространством деятельности. 4. Сохраняют системные свойства стиля. 5. Выступают основаниями развития стилей. 6. Выступают как средства достижения и актуализации ресурсов. Вследствие этого структурные компоненты могут являться критериями для прогноза успешности субъекта в будущем.

В плане содержательной интерпретации разных стилей на основании анализа функций их структурных компонентов можно видеть, что в типичных чертах стиля «слабых» проявляется «философия борьбы», постулированная разработчиком дзю-джитсу Акаямо Широэи («Сначала поддаться, чтобы потом победить»), и «автором» дзюдо Дзигаро Кано («Победа ловкости над грубой силой»). В характерных же чертах стиля «сильных» можно видеть проявления философии их оппонентов, исторически неизбежных и функционально обоснованных: стремление к высокой активности, к подавлению активности и воли противника, к демонстрации жесткости и т. п.

Данные наших наблюдений свидетельствуют, что главное для успешности деятельности борцов – не броски, не реальные или

Таблица 3.2
Интеркорреляции частот используемых борцами-дзюдоистами способов решения тактических задач
в разных ситуациях схватки (нейтральной; после выигранного;
после проигранного технического действия)

Способы решения тактических задач	Нейтральная ситуация							Выигранное ТД							Проигранное ТД						
	2	3	4	5	6	7	2	3	4	5	6	7	2	3	4	5	6	7			
Передвижения	60	24	-38	-32	-43	-39	42	64	-29	-34	-14	-07	26	12	28	06	11	01			
Блокирующие захваты		30	04	17	-12	-06		29	15	03	13	-47		13	-07	21	-15	43			
Изменения захватов			-31	-16	09	-18			-34	-19	02	09			16	-02	12	12			
Сковывающие захваты				47	42	-06				07	26	32				08	33	32			
Срывы захватов					41	60					15	38					20	63			
Прямые атаки						20						17						21			

ложные действия. Главное – управление условиями деятельности, на которые так или иначе реагируют соперники и судьи (побуждать соперника сделать то или иное; вынуждать его отказаться от каких-то действий; занимать такое положение на ковре, которое тактически предпочтительнее; так выполнять технические действия, чтобы они оценивались судьями как «активность» борца, даже если результативных действий еще нет и т. п.). В стиле «сильных» в качестве структурных выступают сравнительно редко используемые ими срывы и сковывающие захваты, в какой-то степени – изменения стойки и дистанции, нацеленные на подавление активности и подвижности соперника. В стиле «слабых» в роли структурных выступают три наиболее часто используемых способа – передвижения, блокирующие и изменения захватов, позволяющие борцам гибко управлять ситуацией и активностью соперника, постоянно поддерживать его активность. Обобщая, выделим функции структурных компонентов стилей: активное формирование условий деятельности, адекватных индивидуально-психологическим особенностям субъектов. Функции динамичных компонентов стиля состоят в согласовании деятельности субъекта с изменяющимися условиями, в обеспечении психофизиологической адекватности стиля при разных условиях, в поддержании энергетической экономичности деятельности, в сохранении ее успешности, в создании, сохранении и эффективном использовании ресурсов субъекта.

Экологический подход: «энергетические» параметры соревновательных схваток борцов

Согласно результатам наблюдений, в выигранных схватках стиль «сильных» отличался энергичным началом поединка и затем – некоторым снижением активности борца. Примечательно, что «сильные» успешно боролись и при относительно низкой активности по отдельным параметрам. Их низкая общая активность отмечена в 39% схваток, низкая подвижность – в 41%, низкий темп – в 46%. Они часто боролись на краю ковра – в 41% схваток, часто пытались переводить соперника в партер – в 46% случаев (оба способа также снижают, «сбивают» активность соперника). В выигранных схватках «средние» были сходны с «сильными», в проигранных – отмечались некоторые отличия (таблица 3.3).

Соревновательная деятельность «слабых» характеризовалась преимущественным использованием средних параметров раз-

Таблица 3.3

Особенности стиля борьбы в выигранных и в проигранных схватках у борцов-дзюдоистов, различающихся по силе нервной системы: доля «энергетических» параметров (%)

Особенности стиля	Параметры	Частота использования параметров в типологических группах выигранных (+) и проигранных (-) схваток					
		«Сильные»		«Средние»		«Слабые»	
		+	-	+	-	+	-
Используемая тактика	атакующая и комбинированная	100	38	94	30	89	29
	комбинированная	-	8	6	3	11	28
	защитная	-	54	-	67	-	43
Подавление противника	тактикой и техникой	91	19	79	15	100	43
	техникой	9	75	21	78	-	57
	физическими качествами	-	6	-	7	-	-
Активность	высокая и средняя	28	-	31	-	9	7
	средняя	33	37	42	30	75	29
	низкая	39	63	27	70	16	64
Подвижность в схватке	высокая и средняя	9	-	3	-	-	14
	средняя	50	14	44	26	80	14
	низкая	41	86	58	74	20	72
Темп	высокий и средний	-	-	2	-	2	14
	средний	54	12	48	26	60	7
	низкий	46	88	50	74	38	79
Дистанция тактика	дальняя и средняя	36	25	27	44	7	-
	средняя	61	75	70	56	93	100
	ближняя и средняя	4	-	3	-	-	-
Переводы в партер	стремится	43	19	42	22	44	14
	безразличен	57	75	70	56	54	72
	избегает	-	6	3	22	2	14
Борьба на краю ковра	стремится	41	25	56	37	42	21
	безразличен	55	63	44	52	58	79
	избегает	4	12	-	11	-	-
Число зарегистрированных схваток		46	16	62	27	45	14

ных видов активности борца. Их общая активность как средняя отмечена в 75% схваток, средняя подвижность – в 80%, выдерживание средней дистанции – в 93% и т.п. Схватки «слабых» были примечательны тем, что выигрывали они не тогда, когда превосходили, а тогда, когда были равны противнику по большей части параметров активности в схватке. Очевидно, что какую бы тактику «слабые» ни использовали, они стремились не к подавлению активности другого, а к управлению ею от начала до конца, к выдерживанию всех параметров деятельности в диапазоне средних.

Сопоставляя особенности соревновательной деятельности борцов в выигранных и в проигранных схватках, можно констатировать: характерные *типологические особенности стиля у дзюдоистов выражено проявляются только при их успешной деятельности*. Неудаче у всех предшествовали сравнительно низкая активность по многим параметрам и нарушение их адекватности индивидуальности спортсмена. Складывается впечатление, что «структурными» для «слабых» выступают не только собственно деятельностные компоненты их стиля, но также и «энергетические» параметры деятельности, т.е. *общие для обоих соперников условия деятельности*. В управлении субъектами «энергетическими» параметрами можно видеть овладение ими соответствующими ресурсами и их использование; еще больше оснований видеть возможности блокировать использование соперником разных ресурсов (пространственных, временных, энергетических, информационных). Например, повышая, «взвинчивая» темп, боец преследует цель понизить функциональные возможности противника к концу схватки, вследствие чего противник не сможет проводить броски с высокой оценкой, не сможет реализовать свое тактико-техническое преимущество. Высокий темп схватки уже сам по себе осложняет возможность проведения разнонаправленных комбинаций: использование края ковра, «силовой борьбы» и пр. Другими словами, актуализируя одни ресурсы деятельности, субъект тем самым блокирует доступ партнера к другим ресурсам.

В плане использования ресурсов, с одной стороны, и их блокирования – с другой, различия двух типов стилей заключаются в следующем: в стиле «слабых» мы видим более активное взаимодействие субъекта со средой, часто превентивное, но при этом часто и ценой избыточных психофизиологических и физических затрат для поддержания такого (ими управляемого) взаимодействия. Другими

словами, в стиле «слабых» имеет место как *активное использование внесубъектных ресурсов* (учет особенностей правил соревнований, поведения судей, активности и психологии соперника и др.), так и *активное использование интрасубъектных ресурсов* (провоцирование активности соперника, организация при «помощи» соперника типичных ситуаций в борьбе, удобных для них и др.). В стиле «сильных» фиксируется менее активное использование внесубъектных ресурсов (учет ограниченного времени схваток, поведения судей, более лояльных к выигрывающему спортсмену, и др.) и преимущественно *использование интрасубъектных ресурсов* (позволяющих подавлять активность соперника своими физическими и волевыми качествами).

Таким образом, анализ «энергетических» параметров соревновательных схваток борцов содержательно согласуется с результатами анализа операциональных систем их стилей. Некоторые факторы успешности, видимо, имеют общую основу и общие следствия, выступая «инвариантами успешности».

Типологические свойства нервной системы и успешность спортсменов. Часто дискутируется проблема связи «стойких индивидуальных констант», или психофизиологических особенностей, и успешности спортсменов. Суждения специалистов в сфере спорта высших достижений расходятся. Одни отмечают преимущество «средних» по типологии (Клещев, 1984; Клещев, Джероян, Родионов, 1979), другие утверждают, что более результативны и чаще бывают успешными представители крайних типологических групп (Вяткин, 1978; Ильин, 1983; Сиротин, 1972; Selva, 1981; и др.). Согласно нашим данным, при обследовании нами членов сборной команды страны в продолжение трех лет (1981–1983) среди 10 «сильных» было четыре выдающихся спортсмена (чемпионы Европы, мира и Олимпийских игр), среди 23 «средних» – трое, среди 10 «слабых» – пять, (иначе говоря, в подгруппе «сильных» выдающиеся борцы составляли 40% от состава группы, «средних» – 13% и «слабых» – 50%).

Сопоставим успешные и неуспешные схватки наблюдаемых борцов на чемпионатах страны. Пропорция у представителей трех вышеназванных типологических групп такова: 46 : 16, 62 : 27 и 45 : 14. Другими словами, доля выигранных схваток у «сильных» составляла 74%, у «средних» – 70%, у «слабых» – 76%. (Поясним: так как в чемпионатах страны участвуют все результативные в текущем году борцы, а не только призеры прошлого чемпионата, т. е. изучаемые нами

члены сборной команды страны, понятно, что именно эти спортсмены, находящиеся в хорошей спортивной форме, чаще побеждали, в среднем – в трех схватках из четырех.)

По критерию «лабильности» более результативными были «лабильные», а не «инертные» (соотношение 9 : 3). Наиболее благоприятной в дзюдо была комбинация «лабильности» со «слабостью» (4 чел.) и «лабильности» со средней силой нервной системы (3 чел.); наименее благоприятное сочетание – «инертности» со слабой нервной системой (1 чел.) и средней силой по возбуждению (не было ни одного борца).

Обобщая, можно говорить о некоторой тенденции более частой успешности «слабых» сравнительно с другими типологическими группами; спортсмены с крайними проявлениями типологических свойств были более результативны, чем «средние». Вероятно, лица с крайними проявлениями силы или слабости нервной системы по возбуждению точнее рефлексируют и чувствуют свою индивидуальность, им легче находить более адекватные средства для построения своего стиля, чем «средним», которые более подвержены стремлению следовать примерам и стереотипам, навязыванию им «чужого» стиля. Субъектам с выраженными проявлениями индивидуальных свойств легче выделять свои ресурсы, они «острее чувствуют», что способствует их успешности и что препятствует. Связи *«стили–структуры стилей–ресурсы»* косвенно подтверждаются и такими фактами: после проигранного технического действия (то есть в тактически менее благоприятной ситуации) именно у «средних» по силе и лабильности нервных процессов имеют место наиболее выраженные дезорганизации стиля: борцы чаще используют нехарактерные для них способы и реже – соответствующие их стилю (что понимается нами как разрушение структур операциональных систем).

В наших исследованиях подтверждается зависимость успешности спортсменов от их типологических особенностей. Но, вероятно, в этом вопросе решающая роль принадлежит не типологии как таковой, а специфике деятельности, особенностям действующих правил соревнований, исторически сложившимся технологиям подготовки спортсменов. Мы присоединяемся к позиции Е. П. Ильина, утверждающего, что значение имеют не отдельные свойства, а их комплексы, что успеха в разных видах деятельности могут добиваться лица «с разной типологией, но не любой» (Ильин, 1979, 1983, 2009, 2011).

Выводы

1. Выраженная вариативность операционального состава деятельности в зависимости от избранной тактики, тактических задач, складывающихся ситуаций имеет место в группах «сильных» (лиц, с сильной нервной системой по возбуждению), «средних», «лабильных»; инвариантность предпочтений – в группах «слабых» (по силе процесса возбуждения), «инертных». Названные различия имеют место как в выборке борцов высших разрядов (членов сборной команды страны), так и в выборке квалифицированных спортсменов (кандидатов и мастеров спорта).
2. На основании результатов опросов, анкетирования и наблюдений можно выделить два типовых стиля – стиль «сильных» и стиль «слабых». Стилиевые особенности «средних» по силе и лабильности нервных процессов сходны с особенностями стиля «сильных» по силе процесса возбуждения (отличаясь от последних меньшей выраженностью отдельных компонентов, большей эклектичностью операционального состава, более хаотичными изменениями в разных ситуациях деятельности).

Эволюция стилей и используемой тактики

Как отмечалось выше, в спортивных единоборствах стили часто определяют посредством используемой спортсменом «тактики». Последовательное изучение стиля часто приводит исследователей к констатации зависимости тактики от квалификации спортсмена, к утверждениям, что спортсменам высокой квалификации присущи «универсальные стили», «комбинированная тактика» (Ильин, 1983; Дмитриев, 1980; и др.).

Данные наших исследований показывают, что тактика – лишь одна из составляющих стиля. Ей не исчерпывается ни объем, ни содержание феномена «стиль». *Стили* выступают как *вариативно-изменяемые системы, имеющие определенные количественные границы*, обеспечивающие успешность деятельности, границы, в которых сохраняется «качество» стиля как системы. *Тактика* есть составляющая операциональной системы деятельности, функция которой заключается в повышении адекватности деятельности субъекта в данных динамичных условиях среды (пространственных, временных, энергетических, информационных). Если *стиль* есть психологическая система человека, обеспечивающая успешность адаптации человека *к среде деятельности* (то есть типовым усло-

виям), то *тактика* есть средство адаптации стиля субъекта *в среде* (как средство оптимизации деятельности, повышения эффективности деятельности в конкретной ситуации – с учетом особенностей данного соперника, изменений его состояний и т. п.). Инерционность стиля компенсируется тактикой. Если проявления стиля определяются его структурами, индивидуальностью субъекта, актуальным пространством деятельности, то решающим в проявлении тактики выступает профессионализм спортсмена, состояние его готовности к деятельности, ее актуальные объективные условия, способность спортсмена своевременно оценивать и использовать динамичность условий деятельности.

Различны генез стиля и предпочитаемой спортсменом тактики. С возрастом и квалификацией борцов возрастает предпочтение ими активных и сложных видов тактики, тогда как предпочтение противника остается инвариантным. Предпочитаемого противника можно рассматривать как интегральную характеристику предпочитаемых условий деятельности, как концентрированное воплощение предпочитаемых борцом и для него *субъективно удобных условий деятельности* (СУУД). Если тактика и ее изменения отражают профессионализм субъекта, то стили более «подчинены» его индивидуальности, его предпочтениям субъективно удобных условий деятельности, субъективно удобного противника в том числе. Тактика эволюционирует, предпочтения спортсмена на протяжении его спортивной карьеры остаются неизменными (таблица 3.4).

Индивидуально-психологические особенности могут определять предпочтения некоторых видов тактики. Так, если предпочтение контратакующей коррелирует со слабостью нервной системы ($r = -0,36 - -0,43$), то предпочтения атакующей тактики (поощряемой правилами соревнований, дающей больше возможностей для победы, обеспечивающей достижение больших ресурсов) в выборке борцов высших и старших разрядов не связано с их типологией. Такие же зависимости отмечены нами в других по классу выборках борцов – кандидатов и мастеров спорта, юных и молодых спортсменов (Толочек, 1985, 1992). Такие же зависимости отражены и в литературных источниках (Сиротин, 1972; Клещев, 1984; и др.). Согласно нашим данным, предпочтение тактики с возрастом, квалификацией и опытом спортсменов эволюционирует в сторону разнообразия и усложнения. Вероятно, выступая довольно жесткой характеристикой стиля в начале карьеры спортсмена, на ее более высоких ступенях тактика становится операциональным средством, хотя

Таблица 3.4
Особенности предпочтения тактики и противника борцами, различающимися по силе нервной системы по возбуждению

Возрастные и квалификационные группы	Тактика				Противник			
	Защитная	Контр-атакующая	Атакующая	Комбинированная	Атакующий	Защищающийся	Высокоподвижный	Мало-подвижный
Юноши-разрядники: «сильные» (14 чел.) «слабые» (19 чел.)	- -	50% 63%	50% 37%	- -	29% 78%	71% 22%	21% 74%	79% 26%
Кандидаты и мастера спорта: «сильные» (9 чел.) «слабые» (10 чел.)	- -	- 50%	56% 30%	44% 20%	33% 80%	66% 29%	22% 70%	78% 30%
Члены сборной команды страны: «сильные» (14 чел.) «слабые» (19 чел.)	- -	- 20%	80% 40%	20% 40%	30% 80%	70% 20%	20% 70%	80% 30%

Примечание: 1. В таблице представлены только данные лиц с полярной выраженностью типологии. 2. Соотношения в таблице даны в процентах, так как выборки по числу испытуемых разные. 3. Различия в предпочтении противника во всех трех группах статистически значимы ($p < 0,05$; $p < 0, 01$), различий в предпочтении тактики нет.

и сохраняющим субъективную пристрастность, но при этом более гибким в ее использовании. Согласно опросам ведущих тренеров страны и спортсменов высших разрядов, на уровне квалификации мастер спорта – мастер спорта международного класса у борцов-дзюдоистов сформированы умения свободно и адекватно ситуации использовать разные виды тактики.

Эволюция стилей. Предпочтения противника мы рассматриваем как квинтэссенцию предпочитаемых субъективно удобных условий деятельности (СУУД). Если условия деятельности в какой-то мере независимы друг от друга (борец может использовать высокий, средний или низкий темп, как-то сочетая его с борьбой на дальней, средней или ближней дистанции, с ведением схватки на краю ковра и т. п.), в предпочтении противника разные условия деятельности «связаны» и согласованы между собой. Если, например, боец предпочитает атакующего противника, значит – активного, агрессивного, настойчивого, борющегося на средней или ближней дистанции, в высоком или среднем темпе и т. п. Если он предпочитает защищающегося, значит – пассивного, малоподвижного, позволяющего противнику выбирать, искать варианты выполнения технических действий. Тип удобного противника отражает в себе симптомокомплекс предпочитаемых условий деятельности.

В отличие от тактики *предпочтения* борцами *противника*, или типа противника, или совокупности его характеристик выступают своеобразной «психофизиологической константой». Представляется важным фактом числовое совпадение предпочтений у борцов разных возрастных и квалификационных групп в зависимости от типологии (таблица 3.4). Ни возраст, ни успешность, ни квалификация не изменяют субъективных предпочтений борцов: «сильные», как правило, предпочитают защищающегося и малоподвижного, «слабые» – атакующего и высокоподвижного противника (во всех выборках различия статистически значимы).

Роль предпочтений – эмоциональных, психофизиологических, типологических – и раньше отмечалась в проблематике стиля как важный момент в его становлении и функционировании. В. С. Мерлин выделял аспект «субъективного комфорта» (Мерлин, 1984). Е. П. Ильин различал «характерные» и «предпочитаемые» стили, настаивая на более верном наименовании стилей как «типологически предпочитаемых» (Ильин, 1979, 1980, 1983). Б. И. Додонов выделял «эмоциональные стили» как важный фактор организации поведения и даже всей жизнедеятельности человека (Додонов, 1979,

1983). Но во всех отмеченных работах предпочтения человека рассматривались как общий синдром, влияющий на выбор общих форм деятельности и поведения, стилей в том числе.

Полученные нами данные позволяют говорить о высокой дифференциации склонностей человека, проявляющихся в его предпочтениях, о разной эволюции предпочтений разных составляющих стиля, об их разной «глобальности/дифференцированности», используя понятия для описания когнитивных стилей. Более того, относительная независимость в предпочтении субъектом разных компонентов, параметров и условий деятельности составляет новую объективно сложную задачу для их изучения по ряду причин.

1. Предпочтения, или склонности, носят неосознанный характер и слабо рефлексированы. При опросах борцы не могли объяснить, почему они предпочитают определенного противника, а аргументация не была убедительной. Так, например, «сильные» отвечали, что «не любят» активных и подвижных, «не любят дерганых», что защищающемуся и малоподвижному «легче навязать свою волю», «легче навязать свою тактику». Аргументация «слабых» («активному легче помочь «упасть», «активные делают много ошибок» и т. п.) также была исчерпывающей.
2. Многочисленные составляющие деятельности не могут быть равно предпочитаемыми и выступают как своеобразный «хаос».
3. Приведение субъектом «хаоса» его предпочтений к организованному состоянию «космоса» объективно сложно и может неадекватно отражать существенные свойства деятельности и ее требования к субъекту.
4. Предпочтения субъектом разных составляющих и условий деятельности тоже организуются в своеобразные структуры, также сопряженные с ее успешностью.
5. Сложность решения этой задачи значительно усложняется фактом совместной деятельности, в которой важное место занимают не только «цели», «действия» и «операции» одного из партнеров, но и другие предпочтения субъектов.
6. В случаях неравных социальных позиций партнеров возможно навязывание предпочтений одного субъекта другому.
7. Предпочтения и особенно структуры предпочтений сопряжены с успешностью деятельности, психофизиологической «ценой» успешности, с темпоральными характеристиками спортивной карьеры борца, уровнем его достижений.
8. Следствия неадекватности предпочтений субъектов могут быть отставлены во времени, их причинно-следственные отношения неочевидны для участников совместной деятельности (в том числе тренеров, преподавателей, руководителей).

Обсуждение результатов цикла исследований

Обобщение эмпирического материала дало основание для выделения «*субъективно удобных условий деятельности*» (СУУД) как чрезвычайно важной, базовой, устойчивой на протяжении всей спортивной карьеры борцов, как *иерархически первой* характеристики стилей. Совокупность наших эмпирических данных показывает, что предпочтения субъекта активно заявляют о себе уже при его первом знакомстве с деятельностью (например, в начале занятий спортивной борьбой); предпочтения выступают решающим условием становления его стиля. СУУД можно рассматривать как первый «системообразующий фактор» в формировании стиля – предпочтения «руководят» выбором репертуара действий из предоставленного субъекту арсенала данной деятельности. Наряду с предпочтениями субъекта (спортсмена) есть и предпочтения его наставника (тренера), есть условия и требования деятельности (правил соревнований, квалификационные нормативы и т. п.), но актуализирующаяся или изменяющаяся со временем роль «внешних условий» не отрицает и не отрицает роль «внутренних условий» субъекта. Именно СУУД во многом определяют выбор субъектом и зон «*пространства деятельности*», и способов регулирования условий этого пространства. СУУД активно влияют на становление представлений субъекта о сфере деятельности как «*профессиональной картине мира*» (Степин, 2000).

Вариативная изменчивость и инвариантность стиля. Е. А. Климов определял стили как «психологические системы» (Климов, 1969). Важнейший признак системы – ее иерархическая организация. Однако ученые, изучавшие стили, крайне редко обращают внимание на иерархию характеристик стилей в конкретных видах деятельности.

Обобщая полученные нами данные, наряду с отдельными компонентами можно выделять устойчивые, стабильные, инвариантные обобщенные характеристики стиля. *Первой* из них мы считаем предпочитаемые «*субъективно удобные условия деятельности*» (рассматриваемые выше). *Второй* – профессионально обусловленные системы компонентов деятельности (операциональные системы), то есть специфическую для каждого стиля организацию его деятельностных (предметных, когнитивных, сенсомоторных, специфически профессиональных операциональных) компонентов. *Третьей* устойчивой характеристикой стиля мы считаем «*идеальные регуляторы/тип организации*» – специфический активный набор иде-

альных объектов (принципов, критериев и т. п.), обеспечивающих организацию и регуляцию условий деятельности. Как показало последующее изучение стиля, в качестве таких регуляторов могут выступать ценности, смыслы, групповые нормы, составляющие корпоративной культуры и др. Поэтому в последующих исследованиях этот высший иерархический уровень стиля был назван «идеальные регуляторы/тип организации» (Толочек, 2013).

Изменения в любом из трех названных выше иерархических инвариантах стиля, превышающие определенные количественные границы и соотношения компонентов, сопряжены с неуспешностью и нестабильностью деятельности спортсмена, с неуспешностью его карьеры. В спортивной борьбе дзюдо три инварианта стиля можно описать так. В стиле «сильных» воплощением предпочитаемых «субъективно удобных условий» выступает пассивный, малоподвижный, защищающийся противник»; «операциональные системы» «сильных», ориентированы на подавление активности соперника; их «идеальные регуляторы/тип организации» нацелены на варьирование активности субъекта в зависимости от складывающейся ситуации.

В стиле «слабых» предпочитаемые «субъективно удобные условия деятельности» представлены образом активного, высокоподвижного, атакующего противника; «операциональные системы» – комплексом взаимосвязанных компонентов, обеспечивающих поддержание активности соперника в диапазоне средних величин; «идеальные регуляторы/тип организации» ориентированы на управление условиями деятельности, на поддержание высокой активности борющихся вне зависимости от складывающейся ситуации. Если стиль «сильных» можно характеризовать как реактивный, изменяющийся в зависимости от внешней ситуации деятельности и задач, то стиль «слабых» – как активный, ориентированный на превентивное управление условиями деятельности, на заблаговременную актуализацию нужных ресурсов.

Три иерархических характеристики стиля – *субъективно удобные условия деятельности – операциональные системы – идеальные регуляторы/тип организации* – позволяют описывать и объяснять как его функционирование, так и его генезис. В общих чертах генезис стиля представляется так. Индивидуально-психологические особенности человека предопределяют его эмоциональные предпочтения (Додонов, 1978, 1983; Дорфман, 1987, 1992; и др.), склонности к разным режимам деятельности изначально и вне зависимости

от специфики деятельности (Ильин, 1979, 1983, 2009), меры успешности субъекта в ней. Множество субъективных оценок своего состояния при реакциях на множество составляющих деятельности приводит к становлению инвариантов предпочтений, называемых нами *предпочитаемые «субъективно удобные условия»*. Предпочитаемые СУУД не даны субъекту в исчерпывающей полноте, в достаточной завершенности, в детальной дифференцированности. Становление *операциональных систем* деятельности проходит под детерминирующим воздействием нескольких факторов – предпочитаемых СУУД, средового и собственно деятельностного, с большей или меньшей полнотой учета каждого из них. В процессе становления профессионального мастерства происходит развитие операциональных систем как более интегрированных, более согласованных с тремя детерминантами.

Предпочитаемые «субъективно удобные условия» отражают пассивный, реактивный аспект адаптации человека в среде, следовательно, целостный, диффузный, относительно завершенный. Становление операциональных систем есть воплощение активности субъекта, ориентированного на текущие результаты деятельности, с большей или меньшей полнотой учитывающего состояние среды. Если первоначальное становление таких механизмов, происходит скорее спонтанно, ориентировано на внутренние сигналы (цели, субъективные предпочтения, социальные нормы, ценности и пр.) и на внешние (результаты), то последующая эволюция этих механизмов идет путем все более полной интеграции «внешних» и «внутренних» условий человека уже не только как «субъекта», но и как личности. Если первые стадии становления этих регуляторных уровней были названы «тип организации», то более зрелые могут быть названы «идеальные регуляторы». Вероятно, в качестве таких «идеальных регуляторов» могут выступать уже не только собственно деятельностные критерии, но и критерии, относящиеся к ценностно-смысловой сфере.

Выделенные нами три интегральные характеристики стилей – СУУД – ОС – ИР/ТОД – можно считать именно *иерархическими*. 1. Они различны по природе их составляющих. 2. Формируются в разные периоды освоения деятельности. 3. Различны их детерминанты. 4. Они сравнительно независимы как в становлении, так и в функционировании. 5. Нарушение их взаимосвязей, адекватных для определенных стилей, сопряжено с разной мерой и разными видами неуспешности деятельности субъекта: нарушения вза-

имосвязей в СУУД сочетается с отсутствием прогресса в мастерстве спортсмена (остановкой развития на уровне квалификации «мастер спорта», предел достижений – призер чемпионата страны). Нарушения взаимосвязей в операциональной системе (ОС) связано с проигрышем в текущей схватке, взаимосвязей в ИР/ТОД – с нестабильностью выступлений.

Иерархические характеристики стиля определим как устойчивые конфигурации компонентов одной природы, взаимодействующих и находящихся между собой в определенных типах связей (функциональных, генетических), отличающихся определенной силой. Характеристики выявляются как корреляционные плеяды с характерными для них теснотой и направленностью связей между компонентами стиля, мерой устойчивости этих связей и мерой влияния на успешность деятельности, как актуальной, так и перспективной. Три выделяемые нами характеристики стиля можно различать и в соответствии со следующими критериями. 1. Мера универсальности/специфичности характеристик стиля (так, «срывы захватов» в спортивной борьбе явно специфические действия, тогда как, например, предпочтения «высокого темпа» – наиболее универсальная характеристика, выходящая за границы данной деятельности. Умеренно универсальная характеристика – предпочтение определенного стиля: «игрового», «атакующего» и пр.). 2. Природа компонентов (*предпочтения как субъективно удобные условия деятельности* есть закрепленные в памяти эмоциональные оценки; составляющие операциональных систем – всегда специфичные предметные и когнитивные действия; функцию идеальных регуляторов выполняют ценности, идеалы, смыслы, предпочтения стратегий и субъективные императивы). 3. Функции и характер актуализации разных компонентов в стиле. 4. Теснота и устойчивость связей между их компонентами. 5. Время становления, детерминанты и генез. 6. Характер влияния на эффективность деятельности.

Отношения стиля субъекта и условий среды. В связи с вышеупомянутым, актуальным видится вопрос стилевых отношений субъекта с его окружением, средой. В деятельности со стабильными условиями такие отношения сглажены. Они не воспринимались как актуальные. Они не фиксировались в должном объеме в деятельностном подходе, служившем методологическим ориентиром в изучении стиля в отечественной психологии. В деятельности с вариативно-изменчивыми условиями становятся очевидными как разные взаимодействия субъектов в разных условиях среды, так и необхо-

димось становления разных стилевых механизмов управления поведением субъектов в динамичной среде. Среда не является ни индифферентной, ни независимой от субъекта данностью. Субъект не только реализует свою деятельность, но и прежде выстраивает отношения со средой с учетом своего стиля и посредством стиля.

Взаимодействия субъектов в среде: структуры, организация деятельности, организация среды. Полнота и адекватность описания стиля требует привлечения понятия, отражающего отношения субъектов со средой, вернее, характер активности людей в среде. Таким понятием, отражающим взаимодействия субъекта и среды, опосредованные его стилем, согласованные с его стилем, как уже отмечалось выше, может быть «пространство деятельности».

Обратимся к истории изучения стилей. Характеризуя стили ткачих, Е. А. Климов выделяет ключевой момент их различия, отражающего существенные свойства стиля. Стиль «подвижных» назван «основным», формирующимся по «логике деятельности» и выраженности ведущих профессиональных качеств субъекта, необходимых для успешности. Стиль «инертных» – «компенсаторным», формирующимся по «логике стиля», становление которого определяется относительной слабостью ведущих профессионально важных качеств (легкости и быстроты реагирования работницы на ситуации появления брака). Изучение стиля в деятельности с вариативно изменчивыми условиями выявило другое существенное свойство стиля – полноту, развернутость и активность взаимодействия субъекта с окружением, с условиями деятельности, с условиями среды, проявляющимися как управление условиями среды.

Изучение соревновательной деятельности борцов высших разрядов в разных тактических ситуациях, опросы спортсменов и тренеров дают основание для выделения двух принципиально разных типов организации деятельности, поддерживаемых двумя типами операциональных структур. Первый тип – вариативно изменчивый, реактивный, ситуационно реорганизуемый, формируемый по «логике деятельности». Его можно назвать основным типом стилей. Второй, более сложно организованный, во многом инвариантный, ориентированный на превентивные действия, на превентивное управление условиями деятельности, можно назвать превентивным, компенсаторным. Если первый тип стилей представляет собой ответ субъекта на «объективные» условия и задачи деятельности, то второй – предложение удобных субъекту условий и задач в качестве актуальных, действительных, «объективированных».

Выделенные нами на основании опросов, анкетирования и наблюдения соревновательной деятельности два основных типовых стиля спортсменов соответствуют двум аналогичным стилям, также выделенным Е. А. Климовым на основании наблюдений работы ткачих (Климов, 1954, 1969). Тем не менее можно предполагать, что стили не ограничиваются и не исчерпываются наблюдаемыми, внешне представленными их проявлениями. При наблюдении фиксируются лишь составляющие операциональных структур стиля. Возможно, что собственно операциональный состав деятельности в жестких условиях не всегда допускает возможность эффективного использования бесконечного множества альтернативных алгоритмов. Вероятно, это одна из причин довольно упрощенных концепций стиля, рожденных в русле разных научных школ, – недостаточное внимание к трем иерархическим уровням стиля. Вероятно, это и основная причина постулирования учеными «универсализма» стиля с ростом профессионализма субъекта, продвижением по должностным позициям руководителя и т. п.

В многоуровневой опосредованности психофизиологической склонности человека к определенным условиям деятельности – выбор предпочитаемых, субъективно удобных условий и ориентация на них, их «защита» и оформление соответствующими операциональными системами, регулирование условий предпочитаемым типом организации деятельности – мы находим воплощение активности субъекта (Абульханова, 1991; Брушлинский, 2004; Рубинштейн, 2000). В подобной многоуровневой, сопряженной с мерой профессионализма адаптации субъекта к деятельности и ее активным приспособлением к своей индивидуальности можно видеть тот «особый синтез», в котором, «с одной стороны, представлены требования деятельности, с другой – возможности, стремления, способности, активность личности» (Абульханова, 1980, с. 30).

Осознанные и неосознанные механизмы регулирования деятельности. По мнению О. А. Конопкина, целенаправленная регуляция деятельности человеком в зависимости от комплекса объективных условий «основывается на осознанном отражении и оценке условий» (Конопкин, 1980, с. 4). Установленные нами факты неосознанных предпочтений условий деятельности, инвариантности таких предпочтений, становление стилей на их основе, вся последующая регуляция процессов деятельности отражает важную роль не только осознанного регулирования. Выявленные нами факты способствуют более полному пониманию психологических механизмов как отра-

жения, так и регулирования субъектом его деятельности в заданном окружении.

Предпочтения стилей и их эффективность определяются не только составом, не только своеобразной организацией компонентов деятельности как психологической системы (по Е. А. Климову), но и возможностями активного управления условиями среды, возможностью управления условиями деятельности и ее задачами. Субъект «уравновешивает свою индивидуальность с внешними условиями» (по Е. А. Климову) не только тем, что особенности его стиля позволяют быть адекватным в широком спектре этих условий, и тем, что его стиль позволяет перестраиваться адекватно изменившимся условиям. Он не столько послушно следует за изменениями условий и задач деятельности, сколько способен активно регулировать их, направляя в русло субъективно удобных ему.

Так, большая сила нервной системы, обуславливая склонность к риску, к прямолинейности, к волевому противоборству, направляет эволюцию стиля по пути повышения разнообразия используемых средств и их вариативности. Разнообразие ситуационно используемых средств сочетается с относительной простотой их сочетаний как тактико-технических действий.

Слабость нервной системы, сопряженная с нею тревожность, а также высокие пороги проприоцептивной чувствительности направляют развитие стиля по пути повышения сложности тактико-технических действий при некоторой ограниченности репертуара активных средств. Упрощая стиль в одних аспектах, субъекты усложняют его в других, достигая разными путями приемлемой эффективности деятельности.

«Уравновешивание» субъекта с требованиями деятельности и адаптации человека к среде и в среде. Три иерархических характеристики стиля отражаются в его широком определении Е. А. Климовым как «индивидуально-своеобразной системы психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравновешивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» (Климов, 1969, с. 49). Второе, узкое, определение стиля как «устойчивой системы приемов и способов деятельности, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшим достижениям в деятельности» (там же, с. 49), не вполне точно для видов деятельности с вариативными условиями; для таких видов оно соотносимо лишь с одной их интегральной характеристикой, а имен-

но – «операциональными системами». Оба определения все же требуют указания на условия среды.

Стиль представляет собой не только систему «уравновешивания», приспособления человека к требованиям деятельности, но и систему, позволяющую ему по возможности *активно преобразовывать условия деятельности и среды*. Понятно, что такое преобразование возможно лишь в отношении некоторых параметров среды и деятельности. Но сама возможность подобного управления условиями и задачами деятельности, параметрами среды значительно увеличивает потенциал стиля как психологической системы и сами возможности *адаптации человека в среде*.

Е. П. Ильин подчеркивал, что формирование стиля может идти по линии «эффективного приспособления к требованиям деятельности» или по линии «субъективного удобства приспособления к требованиям деятельности» (Ильин, 1979, 1983). В первом случае индивидуальный стиль может быть неудобен субъекту и не будет закрепляться; во втором – стиль может быть неэффективным. Но эти два полярных критерия адаптации субъекта к среде выступают решающими лишь на первых стадиях становления стиля. Оптимальное сочетание и эффективности стиля и субъективного удобства принципиально достижимо. Установленные нами факты предпочтения условий деятельности, возможности успешного управления ими позволяют человеку успешно интегрировать оба критерия становления стиля, выделенные Е. П. Ильиным.

В стихийном формировании стиля возможны две тенденции – приспособление человека к деятельности и приспособление способностей деятельности к человеку. По этой причине индивидуальный стиль «может вступать в противоречие с конечной целью деятельности, с ее результатами» (Ильин, 1979, с. 74–75). Как нами уже отмечалось, в стиле профессионалов высокого класса эти две тенденции могут успешно интегрироваться посредством как развитых «операциональных структур», так и иерархического усложнения стиля. Но главное, что можно видеть в стиле профессионалов высокого класса, – это выход феномена «стиль» из рамок собственно предметно-деятельностных структур в более широкое *пространство, включающее как непосредственную деятельность, так и среду деятельности человека* (эти вопросы будут обсуждаться в других разделах и главах книги). Сложное иерархическое строение стиля в спортивных единоборствах отражает возможности и качественные уровни в пассивной и в активной адаптации субъекта к требовани-

ям деятельности, пути и возможности активной адаптации человека в среде. Иерархическая организация стиля, в которой выделяются подсистемы, ориентированные на стабильные или динамичные условия деятельности и среды, значительно повышает успешность такой адаптации.

Выводы

1. Успешность соревновательной деятельности борцов сопряжена с мерой выраженности их психофизиологически обусловленного стиля. В разных тактических ситуациях мера выраженности стиля изменяется сопряженно с изменением успешности деятельности спортсменов. Фактором успешности деятельности выступают частота используемых способов, их пропорция и психофизиологическая адекватность индивидуальности спортсмена, устойчивое использование «структурных» способов, мера поляризации компонентов и организация пространства деятельности.
2. В борьбе дзюдо имеет место тенденция более частой успешности «слабых» сравнительно с другими типологическими группами; спортсмены с крайними проявлениями типологических свойств более результативны, чем «средние». «Лабильные» чаще достигают успеха, чем «инертные» дзюдоисты. В дзюдо более предпочтительны комбинации слабости и лабильности нервной системы.
3. Три иерархических обобщенных характеристики стиля (предпочитаемые «субъективно удобные условия», «операциональные системы», «идеальные регуляторы/тип организации») позволяют адекватно описывать стили как в деятельности со стабильными, так и вариативно изменчивыми условиями, более адекватно отражать сущностные свойства стиля как психологической системы, чем другие понятия (тактика, типологические свойства, предпочитаемые стили и т. д.). Определение Е. А. Климовым стилей «в широком смысле слова» как психологических систем соотносится с тремя иерархическими обобщенными характеристиками стиля как его целостной организации; определение стилей «в узком смысле слова» как «устойчивых систем приемов и способов деятельности» (Климов, 1969, с. 49) соотносится с одной характеристикой («операциональными системами»).

4. Адекватность описания содержания стиля как психологической системы требует отражения отношения субъекта со средой, активности человека в среде. Понятие «пространство деятельности» отражает взаимодействия субъекта и среды, опосредованные его стилем, согласованные с его стилем.
5. Данные анкетирования в разных выборках спортсменов сопоставимы, согласованны и отражают различия в предпочтениях компонентов деятельности, обусловленные их индивидуальными особенностями. Данные стенографирования соревновательных схваток борцов на крупных турнирах согласуются с данными анкетирования.

3.2. Организация деятельности спортсмена: стиль и пространство деятельности

Эмпирический материал исследований стиля на модели спортивных единоборств подтверждал основные положения концепции индивидуального стиля деятельности (ИСД) Е. А. Климова–В. С. Мерлина. Вместе с тем наши данные фиксировали вариативные реорганизации стиля, таким образом определяя новые задачи в его изучении: определение структурных и динамичных компонентов, структурно-функциональной организации и др. Но, пожалуй, самыми серьезными стали вопросы отношений *субъекта и среды*, опосредованные его стилем, регулируемые посредством стиля, отношений *субъекта и ресурсов*, достижение которых обеспечивается стилем. Полученные материалы показывали, что стили как психологические системы не ограничиваются «стилями деятельности», а непременно ориентированы на все условия окружения субъекта, нацелены не только на регулирование внутренней среды человека как субъекта, не только на выбор определенных средств деятельности (Е. А. Климов, В. С. Мерлин), но и на активное регулирование условий внешней среды, окружения. Проблема стиля неизбежно поднимает не только традиционно изучаемые вопросы отношений субъекта и деятельности, но и отношений человека и среды. Анализируя стиль как целостную систему, нужно рассматривать не только типичные, характерные, часто используемые субъектом действия, способы, но и менее характерные, сравнительно редко используемые. И первые и вторые в совокупности влияют на уникальную среду деятельности (которая понимается нами как *пространство деятельности*) и даже формируют ее.

Стиль и формируемое пространство деятельности. Своеобразная организация способов решения задач, рассматриваемая выше, их структурированность – не частный случай. В цикле наших исследований стиля выявлено, что подобная структурированность компонентов проявляется на всех уровнях: в организации стилей в целом, в отношениях стилей и среды, в предпочитаемых субъектом условиях деятельности, в учитываемых им признаках соперника и пр. Например, предпочтение «атакующего» противника связано с предпочтением «высокоподвижного», высокого и среднего темпа и т. д. Предпочтение «обороняющегося» предполагает и предпочтение «малоподвижного» противника, низкого темпа, частое использование срывов и сковывающих захватов и т. п. В цикле наших исследований устойчиво фиксировались как положительные связи определенного диапазона ($r=0,300-0,700$) между содержательно согласованными компонентами стиля (предпочтение атакующего противника и высокоподвижного, ближней дистанции и низкого темпа, низкого темпа и разнонаправленных комбинаций и т. п.), так и отрицательные связи также определенного диапазона ($r=0,200-0,400$) между компонентами, не соответствующими «логике деятельности» (предпочтение обороняющегося противника и высокоподвижного, ближней дистанции и высокого темпа, высокого темпа – разнонаправленных комбинаций и т. п.) (Толочек, 1985, 1992, 2000).

Предпочтение одних компонентов уже предполагало предпочтение других, но тем самым налагало ограничения на использование третьих или исключало его.

Исходя из того, что анализируемые компоненты спортивной борьбы дифференцируются не менее чем по четырем параметрам (согласно системным описаниям В. А. Ганзена – пространственным, временным, энергетическим, информационным), правомерно использовать понятие *система шкал*, или *пространство шкал*. Следовательно, имеет место согласованность как понятия, так и содержания феномена, для описания которого оно привлекается. Методически использование разных многомерных методов математической статистики (кластерного, дискриминантного, факторного, корреляционного анализа, то есть статистические расчеты в пространстве переменных) показало, что компоненты деятельности довольно устойчиво распределяются по разным типовым стилям спортивной борьбы, так же как и сами субъекты – по устойчивым классам (Толочек, 1992, 2000). Характеристики типовых стилей и классов борцов близки (другими словами, мы получаем сходные

результаты при постановке задач выделения групп компонентов деятельности и выделения групп субъектов, для которых характерны те или иные компоненты деятельности).

Согласно результатам серии статистических расчетов, типовых стилей немного, в каждой выборке выделяется три-четыре содержательно хорошо интерпретируемых стиля. Каждый стиль имеет как свой «положительный полюс» (предпочитаемые и часто используемые компоненты), так и «отрицательный полюс» (отвергаемые, субъективно неудобные и редко используемые компоненты). Например, атакующий темповый стиль характеризуется атакующей тактикой, высоким темпом, однонаправленными комбинациями, действиями на дальней и средней дистанции, но редким использованием контратакующей тактики, низкого темпа, ближней дистанции (таблица 3.5). Этому комплексу соответствуют и конкретные технические действия и способы, в частности преимущественное использование передвижений и редкое – сковывающих захватов.

Целостная организация деятельности борцов, включающая как их стили, так и взаимодействия стилей и активности других субъектов (соперников), названа нами «*пространство деятельности*» (ПД) субъекта. Изучение спортивных единоборств как совместной деятельности субъектов (взаимодействий спортсмена и соперника, спортсмена и тренера), изучение стилей как стилей в совместной деятельности можно считать естественным и логичным шагом в изучении «стилей» как феномена. В этом движении наше обращение к понятию «пространство деятельности» эмпирически обоснованно и имеет аналоги в других дисциплинарных областях. В последние годы в науке широко используется понятие «пространство» – физическое, географическое, социальное и т. п. (Виноградский, 1980). Употребление эквивалентных понятий «этническое поле», «напряжение цивилизации» (Гумилев, 1990) только подтверждает наличие этой реальности. Принципиально важно, что обращение к понятию «пространство» определяется и ориентировано не только организацией неживой материи, но и сложных социальных объектов. Логика изучения предмета побуждает исследователей к использованию подобных понятий в нейрофизиологии и медицине, например, «пространство мозга» (Брагина, Доброхотова, 1988; Ninio, 1983; и др.). За разными примерами использования понятия стоит общее: решающее значение имеют не объективные условия, а их актуальные функциональные взаимосвязи, их пристрастная избирательность, их избирательная представленность

Таблица 3.5
Биполярные компоненты стилей деятельности в спортивной борьбе

Наименование стиля	Предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности и часто используемые компоненты	Отвергаемые, субъективно неудобные условия деятельности и редко используемые компоненты
Атакующий силовой	Атакующая тактика Защищающийся противник Малоподвижный противник Ближняя дистанция	Контратакующий стиль, контратакующая тактика Атакующий противник Высокоподвижный противник Дальняя дистанция
Атакующий темповой	Атакующая тактика Высокоподвижный противник Высокий темп Дальняя и средняя дистанция	Контратакующий стиль, контратакующая тактика Низкий темп Ближняя дистанция
Контратакующий игровой	Комбинированный стиль Контратакующая тактика Атакующий противник Средний темп Средняя дистанция	Атакующий силовой стиль, атакующий темповой стиль Атакующая тактика Защищающийся противник Дальняя дистанция

человеку как активному субъекту деятельности и жизнедеятельности. За обращением к понятию «пространство» можно видеть реализацию методологии *экологического подхода* в науке.

Переориентация проблем как изучения взаимосвязей *стиля – пространства деятельности – ресурсов*, предполагало всестороннюю проверку таких связей в цикле исследований. Некоторые их результаты приведем ниже.

Организация пространства тактико-технических действий борцов. На спортсмена в турнирной схватке воздействует множество факторов как внешних (условия турнира и судейства, особенности противника, поведение зрителей и т. п.), так и быстро изменяющихся внутренних (состояния физической, психологической готовности, установки на борьбу, тактики, психических состояний). В такой совокупности взаимодействий независимых, на первый взгляд случайных событий выделять какие-либо устойчивые закономерности, влияние изучаемых факторов на успешность спортсмена можно лишь как статистические, как вероятностные.

Принимая воздействия внешних и внутренних условий на спортсмена а priori как случайные, мы тем не менее встречались с устойчиво повторяющимися фактами (предметом исследования были стили деятельности высококвалифицированных и результативных спортсменов – членов сборных команд страны по дзюдо, по вольной и по классической борьбе; выборки «мастеров средней руки» – спортсменов, никогда не ставших призерами крупных турниров; выборки юношей-разрядников). Собранный эмпирический материал, согласованные результаты его анализа давали основание предполагать, что мы имеем дело с некоторыми закономерностями, которые проявляются не только в спортивной борьбе, в спортивных единоборствах, но будут иметь место и в других видах деятельности.

Рассмотрение особенностей организации деятельности субъектов на разных ее «уровнях» начнем с анализа ее наиболее крупных «единиц» – *тактико-технических действий (ТТД)* (здесь понятию совпадает уровень «единиц», выделяемых в деятельностном и субъектно-деятельностном подходах, и обобщенных показателей соревновательной деятельности, фиксируемых специалистами при анализе деятельности в борьбе, боксе, фехтовании). ТТД – действия, использование которых решает определенные задачи, действия, обеспечивающие достижение спортсменом объективно преимущества над соперником (зафиксированные технические

оценки или победа), а также действия, не позволяющие сопернику получить такое преимущество.

В соревновательной деятельности борцов выделяют такие ТТД, как активность атакующих действий при борьбе стоя (раздельно в правую сторону и в левую) и лежа, активность защитных действий при борьбе стоя (раздельно в правую сторону и в левую) и лежа, надежность защиты (в правую сторону и в левую), объемы эффективной техники и др. (всего – 20 разных ТТД), вычисляемые по специальным формулам, разработанные и принятые для составления модельных характеристик спортсменов высших разрядов.

Полученные таким образом характеристики тактико-технических действий (ТТД), или интегральные характеристики соревновательных схваток дзюдоистов на первенстве страны среди юниоров, подвергались кластерному и корреляционному анализу. Рассмотрим взаимосвязи разных ТТД у лучших молодых спортсменов – призеров первенства страны.

При использовании факторного анализа ТТД распределились по *трем факторам*, отражающим типовые стили. Первый фактор условно назван «атакующие действия: универсализм борца», второй – «защита стоя и лежа», третий – «надежность тактики». Такая организация тактико-технического пространства и группировка компонентов в три блока представлялись не случайными, а согласованными с фактами, полученными нами в других исследованиях. Представляется важным то, что обобщенные показатели деятельности, отдельно рассчитываемые для *атакующих* и для *защитных* действий борцов, для показателей, характеризующих активность, надежность, объем тактико-технических действий и пр., были относительно независимыми (корреляции между ними находились в диапазоне от $-0,33$ до $-0,04$). Также независимыми оказались формально близкие показатели других переменных: борьбы стоя и борьбы лежа; атакующих – контратакующих действий.

Таким образом, изначально рассматриваемые как случайно распределенные, как независимые друг от друга, как ситуативно гибко используемые, как отдельные действия лучших молодых спортсменов страны совершенно неслучайно распределились в разные части пространства деятельности. Разные ТТД оказались организованными – объединенными в разные структуры, отражающие те, которые мы называем *типовые стили*.

Организация пространства способов решения задач. Вернемся к обсуждению результатов наблюдения 220 схваток 43 сильнейших

дзюдоистов страны на крупных турнирах (чемпионатах страны, Европы и мира), приведенных в первой части главы. Сопоставляя эти результаты с данными цикла других исследований, выделим несколько принципиально важных фактов. Анализ матриц интеркорреляций частоты использования разных способов решения тактических задач позволяет выявить интересные особенности целостной организации деятельности борцов. Первая: *теснота взаимосвязи используемых способов в разных ситуациях деятельности различна*. Вторая: имеют место *разнонаправленные связи различных способов*. Способы, характерные для спортсменов с определенными индивидуальными особенностями (например, для лиц с сильной нервной системой – сковывающие захваты, срывы захватов, прямые атаки; для «слабых» – передвижения, изменения захватов, блокирующие захваты) положительно коррелируют между собой. Но способы, характерные для представителей типологически противоположных групп борцов, связаны отрицательно. Третья: *типичные связи компонентов характерны лишь для успешной деятельности субъектов*. Такая картина наблюдается в нейтральных ситуациях соревновательных схваток борцов (I) и после выигранного ими технического действия (II). Но в ситуациях неэффективной деятельности (III), как правило, после первого проигранного технического действия, таких логичных взаимосвязей между способами нет (таблица 3.1; приложение 1, таблицы 1, 2, 3).

Можно констатировать, что успешная деятельность борцов отличается выраженной структурированностью, внутренней организованностью ее компонентов. Напротив, неэффективную деятельность субъекта можно объяснить усилением ее аморфности, возрастанием ее энтропии.

При эффективной деятельности не только стили были выражено организованными, структурированными, но структурированной была сама среда деятельности борцов, названная нами *пространство деятельности*. Организованность и стиля как психологической системы, и среды деятельности, вероятно, и способствовали как успешному использованию наличных возможностей спортсменов, так и получению ими дополнительных ресурсов. Дезорганизация деятельности субъектов, ее хаотичность не только снижают ее эффективность, но и не позволяют целенаправленно управлять условиями среды, затрудняют возможности привлечения новых ресурсов.

Само же пространство деятельности можно понимать как фрагмент реальности, формируемый, создаваемый и поддерживаемый

активностью взаимодействующих субъектов. Надо полагать, что это пространство деятельности не изотропно, не равнозначно во всех своих «измерениях», что в нем есть области, зоны, более и менее «подходящие» для субъектов с разными индивидуальными особенностями, зоны, снижающие эффективность их деятельности или способствующие ее повышению.

Способы решения тактических задач: пространство деятельности, формируемое способами решения задач. Значительное внимание в наших поисках уделялось способам решения тактических задач, составляющих живую ткань спортивной борьбы. Обычно специалисты обращают внимание на броски и попытки их выполнения, которые занимают минимум времени схватки, которых всегда мало; нередко схватки в дзюдо заканчиваются без оцененных технических действий, и победа определяется мнением судей. Актуальным остается вопрос: как организована «пустота» пространства и времени, соединяющая отдельные технические действия спортсмена?

Нас интересовала те аспекты активности спортсмена, которые приводят или не приводят к результативному действию – броску (как кульминации тактической ситуации, как варианту ее успешного разрешения), проведению болевого приема, удержанию или удушению соперника. Нас интересовало, как борцы манипулируют условиями деятельности и активностью противника. К таким средствам манипуляции, которые можно наблюдать и надежно стенографировать, относятся способы решения тактических задач: особенности использования темпа, дистанций, стоек, захватов и пр. Поэтому в одном из исследований была поставлена задача пристальнее рассмотреть (в предшествующих исследованиях нами стенографировались десять основных способов решения тактических задач, в настоящем – шесть опорных, «структурных», наиболее важных для понимания сущности стилей), как изменяется использование способов в разных ситуациях единоборства, при разной напряженности поединка, при разной «плотности» деятельности и как это связано с результатом. Иначе говоря: при каких отношениях «структурных», или опорных, способов может состояться разрешение ситуации успешными действиями, бросками, – или наказанием судьями соперника.

Организация исследования. Аналогично обсуждаемым выше результатам наблюдения 220 схваток сильнейших дзюдоистов страны на крупных турнирах через четыре года для статистического анализа

были подготовлены результаты наблюдения 126 фрагментов схваток 24 борцов на чемпионате страны. Данные первых наблюдений рассчитывались как усредненные для каждого наблюдаемого борца (таблица 3.2, приложение 1, таблицы 1, 2, 3); данные вторых – как отдельные фрагменты (таблица 3.6; рисунок 3.1)*; в первом случае анализировались связи десяти способов решения задач, во втором – шести. Предполагалось, что при анализе усредненных данных некоторые важные аспекты стилей могут сглаживаться, затушевываться, при анализе отдельных фрагментов – выступать более ярко, более «рельефно». Акцентирование внимания только на шести способах, ранее выделенных как структурные способы, т. е. отражающие существенные свойства стилей, также должно было способствовать констатации важных фактов для понимания стилей.

Для анализа результатов наблюдения (стенографирования) соревновательных схваток борцов высших разрядов комбинировались методы кластерного и корреляционного анализа. Кластерный анализ использовался для выделения разных кластеров деятельности на основании состава компонентов, корреляционный – для выявления их отношений. Классы выделялись в небольшом пространстве признаков одной природы в двух независимых процедурах: 1) по основанию объективных признаков (шесть способов решения тактических задач) и 2) результативности деятельности (абсолютный и относительный результат, предупреждения, полученные борцами, и их наказания судьями).

Далее 126 фрагментов анализировались соответственно их распределению на подклассы в пространстве деятельности по двум вышеназванным критериям. Таким образом, мы получили возможность: а) рассматривать отдельно, в зависимости от результа-

---

* Фрагментом мы называем часть соревновательной схватки до изменения тактической ситуации – от исходной нейтральной до выигранного технического действия одним из соперников либо после ее изменения, когда борцы находились в заведомо неравном тактическом положении. В подавляющем большинстве случаев время результативной борьбы – от 70 до 120 с. Видимо, это типичный период, «квант деятельности» (Агаян, 1991; Функциональные системы..., 1981) борца, в течение которого осуществляется подготовка и решение тактической задачи (таблица 3.5, рисунок 3.1). «Системообразующим фактором, вокруг которого происходит группировка всех компонентов системы „спортивная деятельность“, является максимальный спортивный результат» (Сопов, 2010, с. 7).

тивности, фрагменты со сходными количественными характеристиками; б) рассматривать отдельно, в зависимости от объективных признаков, фрагменты с примерно равной результативностью; в) анализировать структурированность деятельности в каждом отдельном подклассе. Для анализа отношений компонентов стилей мы взяли три формальных критерия: 1) абсолютные значения частоты использования разных способов; 2) пропорция «активных» и «пассивных» компонентов двух структур стилей; 3) структурированность деятельности (интеркорреляции используемых способов).

Результаты исследования. Результаты нового исследования подтверждали и уточняли полученные ранее данные (см. раздел 3.2). Принципиально новым в данном цикле исследований был анализ не обобщенных, рассматриваемых выше, а анализ данных каждого спортсмена в каждой наблюдаемой схватке как отдельного и особенного фрагмента. Такая организация эмпирических данных сразу же выявила некоторое отличие полученных результатов от постулированного научными концепциями. Согласно результатам исследования, при сходстве количественных значений выигранные и проигранные фрагменты различаются по структурированности компонентов деятельности. (Обратим внимание: согласно кластерному анализу, т. е. на основании сходства состава компонентов деятельности, разные по успешности ее фрагменты могут относиться к одному классу. Более весомым критерием их различия, как установлено, выступает их организация – характер и мера структурированности их связей.)

Первый критерий. В разных по объективным критериям классах фрагментов частота использования некоторых способов решения тактических задач может изменяться в 2–3 раза; в каждом из них есть подклассы выигранных и проигранных фрагментов. Значит, скорее всего, абсолютные значения частоты использования разных способов не имеют принципиального значения в широком диапазоне.

Второй критерий. Соотнося частоты использования «активных» (передвижений, изменений захватов, прямых атак) и «пассивных» (блокирующих и сковывающих захватов, срывов захватов) компонентов двух структур, можно видеть, что в выигранных фрагментах «активные» компоненты преобладают, используются борцами чаще. Другими словами, пропорция используемых способов определенно связана с эффективностью деятельности.

Третий критерий. Мера и характер структурированности компонентов деятельности (выражаемые коэффициентами корреляции частот используемых способов) оказались еще более жестко и определенно связаны с ее эффективностью. Для выигранных фрагментов характерны следующие *критериальные признаки*: а) наличие не менее одной положительной связи ($r > 0,33$) между компонентами каждой из двух типовых операциональных систем (первой – передвижения, изменения захватов, блокирующие захваты; и второй – срывы, сковывающие захваты, прямые атаки); б) отсутствие отрицательных связей между компонентами каждой из типовых структур либо компенсация одной отрицательной двумя положительными связями; в) отсутствие положительных связей между компонентами двух разных структур либо их компенсация более значимыми отрицательными связями и большим их числом.

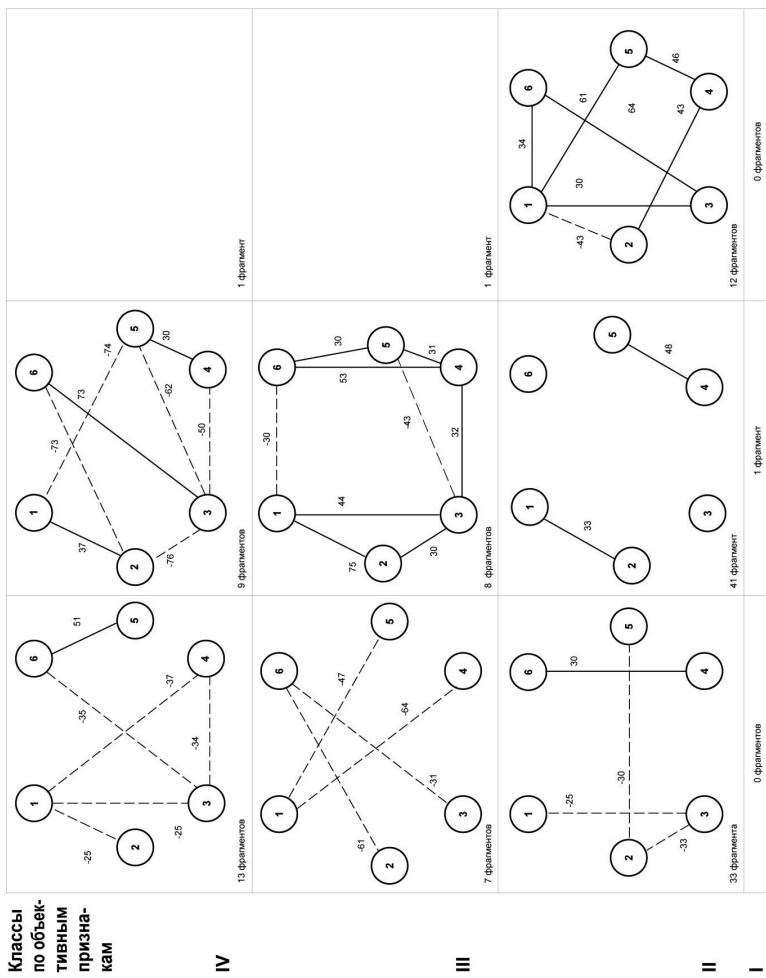
Исходные предположения подтверждались и результатами *идеографического анализа*. В частности, результаты, представленные в подклассе 2-III (таблица 3.6; рисунок 3.1), наиболее полно соответствовали полученным ранее данным, сформулированным ранее гипотезам и выводам. Они оказались фрагментами схваток пяти борцов, ярко и успешно выступивших в турнире, ставших чемпионами и призерами. Более того, этот фрагмент, представляющий «идеальный стиль» т. е. максимально соответствующий нашей концепции связи компонентов, оказался прогностичным в отношении дальнейшей карьеры спортсменов (что стало известно много позже). Так, чемпион СССР 1986 года В. Пресняк (2 фрагмента) через несколько месяцев в третий раз стал чемпионом Европы (одним из немногих трехкратных чемпионов Европы среди отечественных дзюдоистов). Г. Веричев (2 фрагмента) впервые завоевал «золото» сразу в двух категориях – тяжелой и абсолютной (это был второй прецедент за всю историю отечественного дзюдо, первый раз это удалось олимпийскому чемпиону С. Новикову). Через год Г. Веричев стал чемпионом мира, еще через два – первым отечественным борцом, двукратным чемпионом мира по дзюдо). В этот же подкласс вошли два фрагмента схваток С. Косоротова, тогда еще молодого и малоизвестного борца, впервые сразу занявшего II и III место в тяжелой и в абсолютной категориях. Через 5 лет С. Косоротов стал чемпионом мира.

Таким образом, яркие и запоминающиеся выступления борцов при непосредственном их восприятии, представленные в индивидуальных параметрах их стилей характеризовались наиболее выраженной структурированностью их деятельности. «Идеальные»

Таблица 3.6
Обобщенная типология фрагментов деятельности в пространстве шести компонентов стиля и результативности соревновательных схваток борцов-дзюдоистов (N=126 фрагментов)

Способы решения тактических задач и результативность	Классы									
	Разделение по объективным признакам									
	II		III		IV		III		IV	
	Разделение по результативности									
	1	2	3	1	2	1	2	1	2	2
Передвижения	3,8	4,0	4,8	5,9	7,5	6,8	9,0			
Изменения захватов	3,0	3,4	3,3	4,3	6,2	2,9	5,9			
Блокирующие захваты	5,0	3,7	5,0	5,1	4,8	10,3	9,0			
Срывы захватов	0,7	1,4	1,5	4,1	3,8	1,0	1,3			
Сковылающие захваты	1,8	1,6	1,5	3,4	4,3	1,6	1,1			
Прямые атаки	1,6	1,9	1,5	2,7	2,1	1,5	1,4			
Результат фрагмента	-3,5	5,2	-0,4	-3,7	4,1	-5,0	4,7			
Предупреждения сопернику	0,0	0,3	2,0	0,3	0,8	0,0	0,6			
Предупреждения борцу	0,4	0,1	2,0	0,1	0,3	0,2	0,2			
Время (с)	112	116	267	86	120	69	96			
Число фрагментов подкласса	33	41	12	7	8	13	9			

Примечание: Приведены данные подклассов с $p > 1$; частоты продолжительности фрагмента даны в расчете на 100 секунд схватки.

Классы по результативности

Рис. 3.1. Структуры корреляционных плед выделенных подклассов

связи компонентов их стилей, образцовые для данной деятельности, не только отражали превосходное актуальное состояние их как субъектов, не только характеризовали их деятельность как высокоуспешную в данном турнире и в данный период, но также имели высокую прогностичность в отношении будущего этих спортсменов.

Стили, пространство деятельности, ресурсы. Обобщая результаты циклов исследований, можно констатировать, что соревновательная деятельность борцов не является ни «зеркальной» (равно похожей в действиях в правую и в левую стороны), ни эквивалентной (сходной по тактико-техническим действиям, используемым спортсменами в борьбе лежа и стоя, в надежности атакующих и защитных действий и др.), ни идентичной в разных тактических ситуациях борьбы. Одни и те же спортсмены в разных ситуациях схватки действовали по-разному. Проявления их стилей различались в разных условиях деятельности. Но поскольку анализировались данные изучения лучших спортсменов страны, выступающих в ответственных турнирах, полученные результаты заслуживали пристального внимания.

Однако в этой наблюдаемой вариативности все же можно было выявлять нечто устойчивое, стабильное, связанное и согласованное. Мы изучали стили и выявляли их особенности в деятельности с вариативно изменчивыми условиями. Соотнося результаты цикла исследований (опросов, анкетирования, наблюдения), можно утверждать, что и в деятельности с вариативно-изменчивыми условиями (в спортивной борьбе дзюдо) у спортсменов различаются (если привлечь методы параметрической статистики) *типовые стили*, которых немного – три–четыре. Небольшое число типовых стилей мы считаем принципиально важным для понимания сущностных особенностей стиля.

Аналогичные факты мы находим в литературных источниках. В схеме связей стилей фехтовальщиков со способами тактического поведения и видами сенсомоторного реагирования просматриваются три структуры (Омырзакова, 1981), аналогичные выделенным нами. Б. В. Турецкий выделяет четыре стили, но при этом отмечает сходство психологических особенностей представителей двух стилей – маневренно-оборонительного и позиционно-оборонительного (Турецкий, 1981, 1985). Сходную картину мы находим в анализе и в описаниях стилей лучших фехтовальщиков страны, сделанных Л. Д. Битехтиной (1977); стилей боксеров, рассматриваемых С. Н. Белоусовым (1976), А. В. Дмитриевым (1981), Клещевым (1984). Наше

объяснение общих закономерностей: в единоборствах как виде совместной деятельности – два «центра активности», два соперничающих субъекта, два спортсмена, активность которых и создает очень сходные организации компонентов деятельности.

Итак, небольшое число *типовых стилей* сочетается с феноменом *пространства деятельности*, под которым понимается своеобразное «состояние деятельности, погруженной в актуализированные условия среды», т. е. такие *актуально вовлеченные, преобразованные активностью субъектов посредством их стилей условия деятельности и условия среды (окружения)*, в которых субъект с высокой вероятностью может получать доступ к желательным для него ресурсам или, напротив, блокировать доступ к важным для соперника ресурсам. Например, спортсмен умело вынуждает противника бороться на краю ковра, в углу татами. В таких ситуациях борец чувствует себя комфортно: он может не рисковать, ожидать и использовать ошибки противника, бороться в низком темпе, на ближней дистанции, ему удобных. На краю ковра противник постоянно рискует заступить за «красную линию» и получить официальное замечание судей (штрафную оценку, в дзюдо более весомую, чем выигранные технические действия); на краю ковра противник не может использовать свое преимущество в выносливости и т. д. Реально проявления физических возможностей борцов ограничены, репертуар их возможных действий тоже ограничен, все разнообразие спортивной борьбы сведено к минимуму; судьи достаточно продолжительное время не вмешиваются и не вынуждают соперников активизировать борьбу. Таким образом, все многообразие деятельности сведено к немногим условиям, ограниченным диапазоном параметров.

В феномене *пространство деятельности* мы видим некоторые условия деятельности, интегрированные с условиями среды; условия деятельности, сопряженные с актуализированными условиями среды, с одной стороны, с другой – с «заблокированными» условиями, которые не задействованы, не включены в деятельность субъекта «здесь и теперь». Вместе с тем именно такое преобразование потенциального многообразия условий в их актуализированную часть и создает возможности для субъекта более вероятного и быстрого использования этих, избирательно выделенных, условий среды как ресурсов.

Формируемое посредством активности субъектов пространство деятельности можно понимать как такое ситуативное преобразование субъектами условий деятельности и среды, такое их «состояние»,

которое становится своеобразным «посредником» и «катализатором», не только обеспечивающим надежный доступ к внесубъектным ресурсам, но и создающим, порождающим нужные субъекту ресурсы.

Учитываемые признаки соперника при составлении тактического плана схватки. Феномен *пространство деятельности* не ограничивается лишь параметрами физической активности субъектов, частотой использования ими тех или иных действий. Этот феномен сопряжен и с представлениями субъектов о «должном». В контексте рассматриваемых вопросов обратим внимание на связи разных стилей борцов с учитываемыми ими психологическими особенностями противника, используемой им техники и тактики, его анатомии и развития физических качеств.

В случае рефлексии условий деятельности и их равнозначности для субъекта, равнозначности условий для эффективности деятельности можно ожидать, что чем более полными и «адекватными объективной реальности» будут представления субъекта, его планирование деятельности и пр., тем выше будет ее эффективность. Но мы видим ту же картину выраженной избирательности. Например, на первый взгляд должный быть целостным и комплексным образ противника «разорван» – внимание борца к одним его признакам игнорирует другие (рисунок 3.1). Следовательно, некоторые из стилей вполне изначально, определенно «настроены» на одни признаки противника и «отключены» по отношению к другим, т. е. ориентированы на одни условия среды и индифферентны в отношении других. Такую избирательность и такое игнорирование можно объяснить тем, что в реальной деятельности (в ответственных схватках на крупных турнирах) объективное множество условий деятельности и среды не актуализированы, не представлены «здесь и теперь». Успешность субъекта определяется не его способностью справляться с любыми задачами, а способностью избирательно выделять определенные задачи, которые он будет решать в определенных условиях.

Изучая предпочтения борцов в отношении «объекта» их деятельности – их соперника, концентрированно отражающего на себе множество ее аспектов (планирование, задачи, представления о частных результатах и др.), мы опять сталкиваемся с тем же феноменом: в едином и целостном пространстве одновременно сосуществуют независимо несколько пластов деятельности, образований ее компонентов, состоящих из нескольких противоположностей – плеяд

компонентов, одни из которых между собой связаны, другие – разделены, отделены.

Обратим внимание: наши наблюдения относятся не к новичкам, еще профессионально незрелым, еще не освоившим надежный технический репертуар деятельности, имеющим изъяны в их профессиональной картине. Наши респонденты, наблюдаемые, обследуемые – спортсмены высших разрядов, имеющие спортивные звания «Мастер спорта», «Мастер спорта международного класса», «Заслуженный мастер спорта», лучшие в стране, часть из них – лучшие в мире. Выявленная «настроенность» спортсменов высшей квалификации на одни признаки противника и их «отключенность» по отношению к другим признакам не может объясняться просто как очевидный изъян их подготовленности, как изъян их мастерства. Напротив, выявленные особенности и отражают сущность стиля, сущность мастерства (профессионального, спортивного), отражают принципиально важные моменты, определяющие их спортивные достижения.

Обобщая, можно констатировать следующее. 1. В успешной соревновательной деятельности борцов высших разрядов (лучших дзюдоистов страны) не воспроизводятся простые алгоритмы деятельности; проявления их стиля различаются в разных ситуациях соревновательных схваток. 2. На основании данных цикла исследований (в разных выборках борцов) можно выделить несколько типовых стилей. 3. Совокупности компонентов стиля при успешной соревновательной деятельности борцов организованы, структурированы в большей степени, чем при неуспешной; эффективная деятельность субъектов отличается выраженными связями между компонентами деятельности, компонентами деятельности и индивидуальными особенностями субъектов; неэффективная деятельность спортсменов характеризуется большей мерой энтропии. 4. Стили деятельности в спортивной борьбе имеют выраженную биполярную организацию, включающую как типичные для данного стиля компоненты и связи, так и нетипичные, использование которых и отношения между которыми несвойственны для представителей данных стилей. 5. В процессах совместной деятельности субъектов имеет место становление феномена «пространство деятельности». Пространство деятельности образуют такие актуально вовлеченные, преобразованные активностью субъектов посредством их стилей условия деятельности и условия среды (окружения), в которых субъект с высокой вероятностью может получать доступ

к желательным для него ресурсам или, напротив, заблокировать доступ к важным для соперника ресурсам.

Асимметрия психических функций и пространство деятельности. Наши выводы об особой организации части среды вследствие активности субъекта и других субъектов дополняются и литературным материалом. Если объяснение выявленной структурированности составляющих деятельности борцов – технических и тактико-технических действий – биомеханическими закономерностями может показаться достаточным, то такое объяснение структурированности компонентов других уровней организации деятельности, например предпочтения разных противников, неубедительно. Мы подходим к чрезвычайно важному вопросу *связи пространства деятельности* с особенностями *симметрии/асимметрии* в психической и физической организации человека.

Функциональные асимметрии человека. Функциональные асимметрии человека есть не только особенности его анатомии, морфологии, нейрофизиологии, психофизиологии и психомоторики. Многие ученые симметрию/асимметрию считают одним из фундаментальных законов природы, одним из фундаментальных принципов организованной материи. В XX в. вопросы организации живой и неживой материи в аспекте симметрии/асимметрии активно изучались в математике, физике, химии, биологии. Понятие асимметрии давно стало ключевым в минералогии, биохимии, анатомии и физиологии организмов. Оно вполне может быть эвристично использовано и для объяснения психического. Эти вопросы пока в меньшей степени интересуют психологов, но в контексте проблемы стиля их едва ли можно миновать.

Сделаем краткий экскурс. Окружность правой половины груди у 70% людей больше левой. Доминирующая рука, как «самый полифункциональный орган» (Розе, 1970), является убедительным аргументом в пользу асимметрии моторной и психомоторной деятельности. Правая рука у 97% мужчин крупнее, длиннее и сильнее, чем левая; у женщин такие различия выражены меньше. При одновременном движении и представлении движений рук внимание более сосредоточено на ведущей руке (см. обзор: Брагина, Доброхотова, 1988; Москвин, Москвина, 2011). Эти же зависимости характерны и для ног.

Движения ведущей руки более автоматизированны, более точны и полнее отражают эмоциональное состояние человека (Ананьев,

1955), отличаются большим числом изменений направления движения (Кимура, 1980). Точность движения правой рукой уменьшается при перемещении тела вправо, левой – при перемещении тела влево (Розе, 1970). Функциональная асимметрия присуща речевым актам, многим когнитивным процессам (счету, решению логических задач, опознаванию знаков, образов, запахов, звуков, лиц, музыки и др.) (см. обзор: Брагина, Доброхотова, 1988).

Более изучена в психологии сенсорная асимметрия – совокупность признаков функционального неравенства правой и левой частей органов чувств. Так, различаются острота зрения, глубина и зоны воспринимаемого пространства, есть различия в точности цветоощущений. Важным представляется факт, что если первоначально в онтогенетическом развитии сенсорные поля ребенка (протяженность воспринимаемой среды) менее асимметричны, их асимметрия увеличивается с возрастом, то перцептивные поля как сложные динамические образования, формирующиеся вследствие взаимодействия анализаторов, во многом связаны со спецификой деятельности человека и несут в себе большие отличия в симметрии (Рыбалко, 2001). Аналогичны различия в функционировании левого и правого уха, осязания правой и левой рукой.

Рассматривая функциональную асимметрию в филогенезе, ученые констатируют, что она является «общей фундаментальной закономерностью деятельности мозга позвоночных», что результаты ее изучения у человека и животных принципиально сходны (Бианки, 1980). Следовательно, билатеральная специализация возникла не в результате появления речи и становления праворукости, иначе говоря, она не обусловлена трудовой деятельностью как первопричиной. Напротив, функциональная асимметрия выступает одним из основных условий, необходимых для реализации процессов высшей нервной деятельности (Брагина, Доброхотова, 1988; Бианки, 1980; Кураев, 1981; и др.).

В процессах выполнения сложнокоординированной деятельности право-, левосторонняя функциональная асимметрия человека увеличивается при состояниях тревоги и напряжения, при адаптации к новым условиям жизни. Так, двигательные навыки в спорте лучше усваиваются при обучении в ведущую сторону, ведущими конечностями. По мере профессионализации в спорте асимметрия увеличивается. Выраженная функциональная асимметрия присуща 85–90% спортсменов, представителей разных специализаций.

Выполнения технических действий спортсменами в сложнокоординированных видах спорта (в фигурном катании, в спортивных единоборствах и др.) асимметричны. Примечательно, что во многих видах спорта – в футболе, гимнастике, фигурном катании, спортивной борьбе и др. – *с ростом мастерства, а также в более эмоционально напряженных встречах функциональная асимметрия человека возрастает*. Так, в спортивной борьбе броски справа налево составляют 92–96% от общего числа выполненных технических действий. В этом контексте неожиданная на первый взгляд выявленная нами несвязанность, «автономность» основных атакующих и защитных действий у борцов, констатируемые другими исследователями, – у боксеров (Белоусов, 1976; Дмитриев, 1980; и др.), у фехтовальщиков (Житлов, 1985; Турецкий, 1985) – представляются не случайными, а вполне закономерными следствиями отношений биологической и психической организаций человека, выстроенных социальных структур, в конечном итоге проявляющихся в распределении спортсменов по разным стилям и видам спорта, предопределяющим их стили и успешность.

Сенсомоторика, как и психомоторика человека, также асимметрична. Боксеры «правши» и «левши» различаются быстротой и точностью нанесения ударов левой и правой рукой, их точностью, временем реагирования, равно как и техническими движениями туловищем (Огуренков, Родионов, 1975). Естественно, что функциональная асимметрия сочетается с особенностями стилей боксеров, предполагающими развитие разных качеств – силы, точности и быстроты атакующих и контратакующих ударов, быстроты реагирования на движения соперника (Белоусов, 1976).

В этом отношении единоборцы-левши имеют то важное преимущество, что у них более симметрично развиты руки и ноги, более разнообразная техника, и, быть может, самое важное – они создают субъективное неудобство большинству своих соперников необычной манерой ведения поединка, что в условиях высокой эмоциональной напряженности выступает весомым фактором их успеха. Так, по мнению некоторых специалистов, в боксе «левши» завоевывают 30–40% золотых медалей на крупных международных турнирах (Огуренков, Родионов, 1975), тогда как в выборке квалифицированных боксеров они составляют лишь 7–10–12–15% (Дмитриев, 1980). Аналогичные отношения в развитии разных качеств (силы, точности, быстроты уколов и др.) выявлены у фехтовальщиков – мастеров спорта (Омырзакова, 1981).

Специалисты признают важность учета профиля асимметрии (ведущей руки в фехтовании, ведущего глаза в стрельбе, стойки в боксе и в борьбе, направления вращения при выполнении сложных элементов в гимнастике, фигурном катании, в прыжках на батуте и др.) в отборе и подготовке спортсменов, в становлении их базовой и индивидуальной техники. Но эти важные вопросы решаются посредством интуиции тренера и спортсмена, следуя сложившейся традиции. Как правило, в решении подобных вопросов мнения специалистов расходятся: одни настаивают на требованиях «симметричной» тренировки, особенно с начинающими; другие – на развитии доминирующих сторон спортсмена. Мы разделяем позицию В. М. Лебедева, утверждающего, что морфофункциональная асимметрия человека есть сущностное свойство его природной организации, которым «нужно пользоваться»; «чем сложнее по координации двигательные действия, тем асимметричнее их координационная закрепленность»; «биологическая система не может... позволить себе роскошь так же совершенно пространственно дублировать сложнокоординированные действия»; освоение спортивной техники в неведущую сторону необходимо не как цель достижения «равнозначности», а как средство компенсации, «разгрузки» ведущей стороны, как выявление рельефных ошибок, как момент специальной подготовки (Лебедев, 1970, с. 26).

Феномен функциональной симметрии/асимметрии сопряжен с актуализируемым пространством деятельности; он проявляется даже там, где на первый взгляд нет ни выраженной моторики, ни психомоторики в деятельности человека, в частности в музыке и в живописи. Приведем примеры из области, достаточно далекой от спорта. Изучавший музыкальные способности Б. М. Теплов отмечал, что для каждого композитора характерны свои особенные временные, мелодические, гармонические ходы, своего рода «музыкальные ячейки», опорные пункты, на которых строятся все его произведения (Теплов, 1961). Этот принципиальный вывод подтверждают исследователи, использующие аппарат математической статистики для изучения стилей композиторов с доминированием «аналитических» тенденций (или левополушарных) и «синтетических» (правополушарных) тенденций. Лучше всего отражали «феномен асимметрии» применительно к разным граням творчества композиторов следующие семь параметров: 1) стремление к нормативности – тяготение к своеобразию; 2) рациональность–интуитивность; 3) тембровая одноплановость – обилие тембров, полутото-

нов, нюансов; 4) строгость формы – свобода формы; 5) графичность письма – живописность, колористичность; 6) преобладание среднего и верхнего регистров – весомая доля нижнего регистра; 7) строгая логичность развертывания – спонтанность, импровизация, экспромт (Петров, 2000).

В данных примерах – на моделях деятельности когнитивной, сенсорной, сенсомоторной – мы видим те же две полярные группы признаков организации деятельности, которые наблюдаются в разных ее моторных видах: у ткачих, наладчиков станков, водителей и др. Одну группу составляют своего рода «формообразующие» признаки – рационалистичность, технологичность, регламентированность и т. п. (что характерно для стиля «слабых», «инертных»), другую «динамичные» – гибкость, спонтанность, импровизация (характерные для стиля «сильных», «подвижных»). Например, описанные М. Д. Приставкиной стили в художественной гимнастике как бы синтезируют музыкальную ткань и технические действия вида спорта (Приставкаина, 1984). И в этом синтезе опять же имеет место индивидуально-своеобразное включение спортсменок в разные структуры с разными доминантами. Отсюда и наименование типовых стилей: «артистический», «технический», «композиционный», и их вариантов: «героико-драматический», «лирико-романтический», «техничко-артистический» и «композиционно-технический». Перефразируя С. Л. Рубинштейна, можно было бы резюмировать: «внутренние условия» человека не только преломляются во внешних проявлениях его деятельности как субъекта, «внутренние условия» запечатлеваются, кристаллизуются в продуктах его деятельности.

В живописи с середины XX в. активно изучаются вопросы неэквивалентности левого и правого, направления движения слева направо и справа налево; субъективная значимость предметов, расположенных в верхней и в нижней частях полотна; детерминанты логичности и чувственного и др. (Голицын, Петров, 1990; Петров, 2000; и др.). Как и в музыкальной деятельности, в живописи возможно выделение аналогичных векторов в асимметричной организации «пространства» – осознаваемого и неосознаваемого. Подобная асимметрия присуща постановке и восприятию театральных действий (Брагина, Доброхотова, 1988).

Принципиально важно, что распределение профессиональной активности субъектов в разных частях пространства характерно не только для сложной целостной деятельности, но и для ее отдельных компонентов, сопряженных с более элементарными, базовыми

способностями. Здесь мы можем констатировать факты чрезвычайной пластичности и гибкости индивидуальной адаптации субъекта к неравномерности пространства деятельности и асимметрии психических функций, более полувека назад верно сформулированной Б. М. Тепловым: «...одной из важнейших особенностей психики человека является возможность чрезвычайно широкой компенсации одних свойств другими, вследствие чего относительная слабость какой-либо одной способности вовсе не исключает возможность успешного выполнения даже такой деятельности, которая наиболее тесно связана с этой способностью. Недостающая способность может быть в очень широких пределах компенсирована другими, высоко развитыми у данного человека» (Теплов, 1961, с. 21).

Столь широкие наши обобщения в отношении сравнительно частных вопросов пространства деятельности следует рассматривать как критический анализ некоторых устоявшихся представлений ученых и практиков спорта. В спортивной деятельности обычно исходят из постулата непрерывности, равномерности (изотропности) пространства, что, в частности, отражается в классификациях технических и тактико-технических действий спортивных единоборств (Турецкий, 1984; Чумаков, 1976; и др.). Поэтому в данной работе представляется целесообразным усомниться в вышеназванном «постулате» и сделать акцент именно на не-изотропности актуализуемого субъектами пространства их деятельности.

Проблема функциональной асимметрии в связи с успешностью деятельности шире ее моторных и сенсомоторных проявлений в спорте. Ученые выделяют ее своеобразную эволюцию при профессиональной деятельности; разные возрастные фазы своеобразной сензитивности функциональных асимметрий к преимущественному развитию левой или правой стороны; превалирующий процент ошибок восприятия при активности субдоминирующих глаза, уха, руки; функциональную асимметрию в отношении оценок прошлого и будущего времени; связи асимметрии и психических заболеваний (эпилепсии, паранойи, шизофрении) и др.; связи физиологических реакций при адаптации к новым климатическим условиям (более адаптивны рабочие с левым и смешанным типом асимметрии) (Брагина, Доброхотова, 1988; Ильин, 1963; Леутин, Николаева, 1988).

Принимая взаимосвязи и взаимодействия формирующихся динамических функциональных систем: мозг–рука, рука–глаз, зрительно-моторно-кинестетические ощущения и восприятия, ощущения и восприятия и мануальная чувствительность, мануальная

чувствительность и асимметрия тела, – можно только изумляться, почему эти связи до настоящего времени не нашли своего отражения в проблеме стиля. Мы видим несколько возможных причин: 1) трудоемкость и нетипичность инструментального изучения функциональных асимметрий; 2) ограничения доминирующих научных парадигм, в психологии с середины XX в. последовательно «отклоняющихся» в сторону изучения либо социальных детерминаций, либо нейронных; 3) уход когорты ученых (Б. Г. Ананьева, В. С. Мерлина, В. Д. Небылицына, Б. М. Теплова), которые проявления психического видели в тесной связи с биологической организацией человека. Обобщая, отметим, что функциональные асимметрии, как и стили, отражают принципиальную особенность адаптации человека в среде как его ориентацию и преимущественное использование части пространства среды и как высокую активность в данной части пространства.

3.3. Стили деятельности и психологические ниши

К вопросам стилей примыкает сходный по проявлениям феномен, который мы назвали «*психологические ниши*» по аналогии с феноменом «биологической ниши», достаточно изученным в биологии. За ограниченностью эмпирических фактов и невозможностью привести исчерпывающие аргументы, мы обращаемся к аналогу, имеющему место в отношениях биологических объектов.

Обсуждение результатов цикла исследований стиля в спорте

В 1950–1980-х годах исследования индивидуального стиля деятельности чаще проводились в рамках диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Исследователи крайне редко позволяли себе широкие обобщения, приведение и обсуждение фактов, допускающих неоднозначную интерпретацию, обсуждение вопросов, выходящих за рамки сформулированной темы диссертации. Между тем в 1960–1980-х годах в исследованиях стиля в спорте имела место традиция «избыточного» сбора эмпирического материала, комплексного измерения множества показателей, наблюдения и стенографирования реальной соревновательной деятельности, сопоставления данных, полученных на выборках мастеров высокого класса, с данными спортсменов средних разрядов и юных спортсменов. Активное внедрение аппаратурных методов, систематические

комплексные и этапные обследования спортсменов сборных команд страны – молодежных и «взрослых» – способствовали накоплению уникального эмпирического материала. Ввиду ограниченности и редкости использования многомерных методов математической статистики, обширный эмпирический материал довольно полно приводился в таблицах и в приложении к диссертациям. Результаты, полученные в независимых исследованиях, были сопоставимыми и способствовали становлению достаточно четкой картины проявлений стилей в разных видах трудовой, учебной и спортивной деятельности.

Вместе с тем традиционно для отечественной психологии формирование и развитие стиля ученые рассматривали безотносительно к постоянному корректирующему воздействию других людей, других субъектов деятельности. Обозначая общие контуры изучения взаимодействий людей как партнеров и как соперников, отметим, что они могут быть опосредованными или прямыми, тесными или нет, частыми, постоянными или нет, но именно подобные взаимодействия и образуют совместную деятельность. В одних случаях взаимодействия представляются более очевидными, в других – менее, но они всегда формируют общие интегральные регуляторы поведения и деятельности человека. Совместную деятельность отражают *результаты* (производственные, спортивные, учебные и др.), *режимы деятельности*, *конвенциональные социальные критерии* (нормы, правила и пр.), *пространство деятельности* (темпоральные, пространственные, энергетические, информационные зоны, части активности людей), *ценности, смыслы*, так или иначе управляющие деятельностью и внедеятельностной активностью человека. Такие интеграторы совместной деятельности постоянно корректируют ее параметры, формируют *профессиональные картины мира*, по В. С. Степину (Степин, 2000).

Зададим несколько вопросов. Как же взаимодействуют субъекты, представители разных индивидуальных стилей деятельности (ИСД)? Как взаимодействуют субъекты, имеющие разные, в том числе противоположные, цели? Как формируется стиль в деятельности, в которой преобладает сотрудничество или, напротив, соперничество? Зададим и более общий вопрос: если для живых систем характерно стремление к экспансии, захвату всего потенциально доступного жизненного пространства, почему же в итоге они удовлетворяются (или ограничиваются) захватом лишь *части пространства*, но, как правило, весьма надежно удерживают за собой эту *часть*?

Обратимся к литературному материалу – к контекстам исследований стиля в 1950–1980-х годах. Из содержания работ Е. А. Климова, Л. А. Копытовой, Я. Стреляу и других следовало, что лица с разными особенностями нервной системы и темперамента предпочитают работать в разных «зонах» деятельности. Одни («сильные», «подвижные», стили которых мы характеризуем как основной тип организации деятельности) были наиболее активны и успешны преимущественно в *крайних зонах*; другие («слабые», «инертные», использующие стиль компенсаторного типа организации деятельности) – в *зонах средних параметров*, прилагая нередко немало ухищрений, изобретательности, дополнительных действий ради обеспечения устойчивости подобного «уравновешивания» с требованиями деятельности.

В спорте специфика разных вариантов адаптации человека выражена особенно ярко и рельефно вследствие прямых и жестких конкурентных отношений субъектов, непосредственного физического и психологического противоборства партнеров в ситуациях субпредельного и предельного физического и психического напряжения, мобилизации всех доступных ресурсов. Можно привести достаточно примеров, когда победители крупных турниров – чемпионатов мира и Олимпийских игр – после боя или схватки теряли сознание в раздевалке, затем «собирались» и выходили на следующую встречу.

Достаточно близким аналогом рассматриваемого профессионального и социально-психологического феномена взаимодействия субъектов может служить феномен биологической ниши. Под *биологической нишей* понимают роль животного в сообществе, определяемую его взаимосвязями как с другими организмами, так и с физическим окружением (Мак-Фарленд, 1988; Хайдн, 1975; и др.). Ч. Дарвин одним из первых обратил внимание на взаимовлияние биологических особей друг на друга наряду с другими факторами физической и биотической среды. Он полагал, что серьезной ошибкой было бы считать физические условия местности наиболее важными для ее обитателей. «Природа других особей, с которыми приходится конкурировать, по крайней мере так же важна, а в общем гораздо более важна для выживания» (Дарвин, 1937, с. 608). Биологи показали, что конкретные варианты взаимодействия особей в области перекрытия ниш могут быть разными. Например, избегая вытесняющего давления доминантного вида, субординатный вид может изменять свою фундаментальную нишу путем становления новой пищевой специализации, вырабатывая устойчивость к более

широкому диапазону физических условий среды обитания; подключать неиспользованные ранее ресурсы.

Но в какой же мере механизмы тесного и активного взаимодействия особей одного и разных биологических видов могут быть сходными с психологическими механизмами взаимодействия субъектов совместной деятельности, субъектов с разными стилями? Заметим, что феномен биологической ниши отражает механизмы *адаптации в среде вида в целом*, а не отдельной особи, выстраивающей свои отношения со своим видом. Вид как «единица», в свою очередь, входит в систему адаптации других видов – биоценоз. В данном феномене проявляется влияние факторов окружения (среды) разных уровней, разной природы, разной интенсивности, направляющих активность отдельных особей, их групп, вида и разных видов в едином пространстве и времени взаимодействующих животных.

Аналогично и проблему стиля мы рассматриваем не как функционирование индивидуальных стилей отдельных субъектов, а как взаимодействия в совместной деятельности людей с разными стилями. Другими словами, ключевой аспект нашего подхода – *стилевые взаимодействия субъектов* в процессах их отношений конкуренции, сотрудничества, симбиоза или разрушения (уничтожения) другого.

Обращаясь к феномену «ниши» как к удобной метафоре, мы имеем возможность рассмотреть особенности взаимосвязи, взаимовлияния, взаимодействия не только стилей отдельных субъектов, но и типичные черты согласования активности представителей разных стилей. Таким образом, заимствование понятия «ниша» соответствует его изначальному смыслу, а привлечение к пониманию его содержания дополнительных свойств окружения человека, среды его жизнедеятельности – психологических, социально-психологических и социальных – не отменяет тем самым действий биологических и физических факторов. Возможные изменения меры их детерминации не изменяют механизмов адаптации и сущности феномена, само становление которого и обусловлено постоянным взаимодействием факторов разной природы, периодическими изменениями их силы.

К слову, близким по содержанию понятием «экологическая ниша» оперирует Т. Ф. Базылевич (2013), например, при обосновании путей согласования индивидуальности человека и социального окружения. Одним из таких вариантов может быть «построение оптимальных „экологических ниш“ (при гармонии природного с со-

циальным...), где человек чувствует себя комфортно, интенсивно развивает способности, достигает высокой результативности при положительном эмоциональном фоне жизнедеятельности» (Базылевич, 2013, с. 338).

Еще раз обратимся к результатам наших наблюдений реальной деятельности спортсменов высшей квалификации. Напомним: на ответственных соревнованиях (чемпионаты страны, международные турниры) оценивались некоторые параметры стиля борцов, условно названные «энергетическими» (таблица 3.3). Они отражали различные проявления активности борца в схватке: тактику и характер подавления активности противника, степень активности и подвижности, темп и дистанцию, склонность бороться на краю ковра и переводить противника в партер. Предполагая, что квалифицированные спортсмены корректируют свои действия относительно противника, мы использовали относительный метод оценки. Если борец по данному параметру явно превосходил своего противника, компонент стиля оценивался наиболее высоким рангом (параметром «а»). Если борец явно уступал противнику – наиболее низким рангом (параметром «в»). В случае примерного равенства обоих соперников в данном отношении компонент оценивался средним рангом (параметром «б»). Наши «исходные положения» вполне отвечали той организации исследования, которая в современной психологии называется *экологическим подходом* (Дерябо, Ясвин, 1996; Панов, 2000, 2004; Pawlik, Stapf, 1992; и др.).

Отметим, что в выигранных схватках энергетические параметры борцов («сильных» и «средних» по силе нервной системы) чаще оценивались высшим рангом (параметром «а»); «слабых» – средними параметрами. В проигранных схватках параметры стиля борцов чаще оценивались низшим рангом (параметром «в»). В группах «сильных» и «средних» эти различия значимы по критерию знаков ($p < 0,05$). В выигранных схватках «сильные» часто варьировали активность от высокой к средней (по совокупности признаков – в 18% случаев), от средней к низкой (33%) или боролись с равной сопернику активностью (49%). Такой же динамикой активности характеризовались и «средние» по силе нервной системы борцы. Адаптацию такого типа можно было бы считать «естественной», «логичной», отвечающей изменению ситуации, адекватной используемым субъектом ресурсам, как собственным, так и ресурсам оппонента и ресурсам социальной среды (правила соревнований, представлений о «должном» другого субъекта) и физической среды (динамика физического со-

стояния противника, вынужденного избыточно расходовать свои силы на фоне нарастающего физического и психического утомления, вынужденного рисковать, часто не имеющего возможности полноценно подготавливать решения его тактических задач).

В сравнении с такими очевидными аргументами адаптацию другого типа должно признать «неестественной», «нелогичной» и т. п. Стил «слабых», напротив, характеризовался преимущественным использованием средних диапазонов (77% случаев) и намного реже – варьированием активности. Иначе говоря, «слабые» чаще выигрывали в тех случаях, когда их активность соответствовала активности противника, «сильные» и «средние» – когда их активность была явно выше или даже ниже активности противника. В проигранных схватках изменения в стиле борцов не были выражены (Толочек, 1984, 1987, 1992).

Обобщая обсуждаемые и другие, косвенные, факты, можно констатировать, что: 1) есть некоторый уровень активности субъекта, за порогом которого деятельность субъекта чаще бывает неуспешной; 2) успешность у разных субъектов сопряжена с разным уровнем активности: у одних – с высокой активностью, у других – с умеренной; 3) успешность одних сопряжена с преимущественным использованием интрасубъектных ресурсов (т. е. собственных), успешность других – интерсубъектных ресурсов (т. е. порождаемых взаимодействиями с соперничающими субъектами); 4) как правило, спортсмены побеждали лишь в «своих» ареалах, а не при каких-то абсолютно благоприятных условиях, не при каких-то абсолютно «правильных» параметрах деятельности, далеко не при полном соответствии «модельным характеристикам успешной деятельности», далеко не при полном соответствии их профессионально важных качеств «модельным характеристикам выдающегося спортсмена»; 5) проигрывали спортсмены, напротив, как правило, в «чужих» ареалах, когда им не удавалось удержаться в нише «своих» параметров деятельности – «логичных» или «нелогичных», «естественных» или «неестественных», но «своих», согласованных с их стилем.

Здесь мы опять обращаемся к аналогии и избранной метафоре «ниши». Ученые отмечают, что биологические виды стремятся держаться своих ареалов, выходу за пределы которых «редко сопутствует успех» (Дарвин, 1936, с. 612). Выявленные при наблюдении соревновательных схваток факты убедительно свидетельствуют, что разнообразная активность спортсменов весьма специфически проявляется в разных зонах ковра (татами), в разных частях фраг-

ментов схваток, в разные периоды поединка. Все это говорит о том, что активность субъекта всегда согласована с окружением (средой), всегда направлена на поддержание определенного соответствия активности субъекта и части этого окружения.

Стилевые различия у борцов в двух противоположных ситуациях соревновательных схваток – после выигранного и после проигранного технического действия – согласованно проявлялись в отношении всех наблюдаемых нами составляющих их деятельности: в частоте использования способов решения задач, в их взаимосвязях (их структурах), в использовании сложных тактико-технических действий, в динамике изменений «энергетических» параметров деятельности. Так, для «сильных» борцов характерно использование многих способов решения тактических задач, а для «слабых» – немногих способов при их комбинировании; у «сильных» доминируют способы, направленные на подавление активности противника, у «слабых» – напротив, на поддержание его активности.

Обсуждая вопросы отношений субъекта и окружения (среды) обратим внимание на факты *устойчивой пропорции представителей различных стилей* в разных видах спорта. В анализируемых нами выборках борцы-дзюдоисты контратакующего стиля составляют от 22 до 29%, атакующего силового стиля – 25–42%, атакующего темпового – 29–50% (Толочек, 1992). По данным А. В. Дмитриева (Дмитриев, 1980) боксеры контратакующего стиля составляют также меньшинство, лишь 7% представителей выборки. И в дзюдо, и в боксе доля лиц, успешно использующих активность партнера, составляет обычно меньшую часть обследуемых. А так как в турнирах спортсмены проводят по 4–6 схваток (боев), такая пропорция представителей разных стилей сводит к минимуму вероятность встречи контратакующих между собой (следствием таких встреч является риск наказания за пассивность, так как оба ориентированы на использование активности другого) и отражает некоторый оптимум распределения «энергии» совместной деятельности, равно как и пропорции ее носителей.

За обсуждаемыми выше фактами просматривается не только внешняя аналогия с биологической нишей. Речь идет не столько о своеобразии предпочтений людьми некоторых энергетических и других параметров («высокие» – «средние» – «низкие») и даже не о специфической организации параметров, которую с полным правом можно назвать системой. Главное нам видится в качественном различии разных систем адаптации субъектов – стилей и их пси-

хофизиологических детерминант. Если, например, стиль «сильных» характеризуется мощными периодическими выбросами энергии, обусловленными психофизиологией таких спортсменов, то стиль «слабых» – постоянным присоединением к партнеру, прогнозированием и контролем его поведения, использованием его активности и энергии. Как часть пространства деятельности, та или иная ниша может быть сравнительно ненаполненной, иметь «вакантные зоны». Но для ее действительного освоения необходима определенная психофизиологическая организация субъекта, обуславливающая специфические задатки и способности и позволяющая наиболее успешно адаптироваться к совокупности характеристик данной ниши. Поэтому во всех выборках «слабых» (то есть контратакующих) всегда меньше, чем «сильных» и «средних» (обычно использующих атакующий стиль): должно быть достаточное количество «свободной энергии», которую можно использовать, и носителей этой энергии, что позволяет другим лишь «присоединяться».

Именно в единстве факторов, формирующих разные *пространства деятельности* (приемы и способы деятельности, организация типовых стилей, типовые условия среды (окружения), особенности психофизиологии субъектов, их отношения конкуренции и/или сотрудничества) мы видим основные атрибуты феномена «*психологической ниши*» (то есть взаимно обусловленное распределение субъектов в разных частях *пространства деятельности*). Феномен «психологической ниши» принципиально сходен с феноменом «биологической ниши»: человек с человеком не может взаимодействовать иначе, как разделив (по взаимному согласию или без него) *целое* пространство деятельности на *части*, противоположные друг другу и дополняющие друг друга до целого, взаимно обусловленные.

Анализируя имеющиеся в литературе материалы и наши эмпирические данные, можно говорить о своеобразном смещении «нормального распределения» лиц с разными индивидуально-психологическими особенностями в разных видах спортивной борьбы (классической, вольной, дзюдо), что хорошо объясняется спецификой каждого вида. Другими словами, своеобразный феномен «*психологической ниши*» проявляется в отношении пропорции представителей разных стилей в данном виде деятельности, пропорции представителей разных психофизиологических типов.

Используя термин «психологическая ниша» для понимания и объяснения феномена стиля и таким образом проводя своеобразную параллель между биологическими и психологическими законо-

мерностями адаптации человека к требованиям и условиям деятельности других людей (партнеров, соперников, учителей, учеников), коротко упомянем о более привычных для психологов терминах «отбор», «рабочие посты», «игровые амплуа». Факт профессионального отбора (естественного и направленного) в разных сферах достаточно очевиден. Но обратим внимание, что при «естественном отборе» практически всегда есть как «типичные» представители профессии (как правило, составляющие 67–75%), так и «нетипичные» (составляющие 25–33%); всегда имеет место их устойчивая пропорция (Бодров, 2000; Пономаренко, 2003; и др.).

Последнее сохраняется и в отношении специализации внутри вида деятельности. За рабочими постами, игровыми амплуа, видимо, стоят те же закономерности. Это тоже своеобразные ниши, проявляющиеся в масштабе социальной микросреды (в бригаде, в экипаже, в команде, в лаборатории).

Выделим функции психологических ниш в становлении стиля. Примем как исходный момент, что совместная деятельность не реализуется независимыми субъектами; актуализируемое вследствие их активности пространство деятельности не остается пространством активности независимых индивидов с их независимыми друг от друга стилями. Совместная деятельность – необязательно кооперация, она может быть и соперничеством (Журавлев, 2004; Позняков, 2012; и др.). Но само взаимодействие, пусть даже и конкурентное, требует, вынуждает, побуждает всех участников к определенной согласованности некоторых условий. Поэтому стили субъектов совместной деятельности типизируются вследствие их непосредственных взаимодействий, т. е. стили субъектов совместной деятельности специализируются, корректируются, оформляются, приводятся в некоторое взаимное соответствие. Как следствие – типовых стилей немного.

Далее важную роль начинают играть своеобразные механизмы «естественного отбора»: стили в совместной деятельности постоянно проверяются в отношении их эффективности; лучшие из них удерживаются в рамках немногих «жизнеспособных» типов. Но не снимается и роль индивидуальности. Стили субъектов совместной деятельности сохраняют некоторые свойства индивидуальных стилей. А вследствие постоянного взаимодействия субъектов их разные стили оформляются как взаимно дополняемые типы, создающие и завершающие целостность совместной деятельности как типовые взаимно дополняемые стили.

Таким образом, *психологические ниши обеспечивают селекцию и отбор типовых стилей* по критерию эффективности с учетом в «контексте» целого (эффективности других стилей, пропорции представителей разных индивидуальностей и стилей, особенностей формируемого пространства совместной деятельности). Именно ниши «удерживают стили» в их типовой организации – поддерживают устойчивость их структуры, удерживают разные стили от энтропии усреднения, единообразия. Благодаря нишам стили в актуализированном пространстве деятельности как бы воспроизводятся заново при значительных диапазонах их вариативных реорганизаций. Психологические ниши обеспечивают «равновесие» единичного и особенного в общем. Психологические ниши поддерживают равновесие целого, поддерживают организованность, сохранение и «кристаллизацию» стилей, противодействуют тенденции их усреднения. Функция ниши – в активизации роли фактора дополнительности в противовес энтропии усреднения. Ниши удерживают стили от разрушения, от нивелирования, в то же время налагая ограничения на диапазоны индивидуальных вариаций.

В качестве примера рассмотрим еще несколько проявлений феномена «психологическая ниша». Согласно данным Е. П. Ильина (1979–2009) имеет место устойчивое представительство лиц с разными типологическими особенностями в разных видах спорта и, что особенно интересно в нашем анализе, с одной стороны, большое сходство индивидуальностей в разных видах спорта, с другой – выраженные различия в, казалось бы, близких разновидностях – в специализациях внутри вида (предпочтения разных дистанций в циклических видах, разного оружия в фехтовании и т. п. (Ильин, 2009, таблица 3.6).

Так, например, в фехтовании на саблях спортсмены не только наносят уколы, как в фехтовании на рапире и шпаге, но и рубящие удары оружием, т. е. на тренировках и в соревнованиях человек неоднократно получает болезненные удары саблей. Не всякий согласится, чтобы его ежедневно били «железным прутом». Таким образом, едва ли не решающим фактором выбора специализации здесь выступает способность терпеть боль. Пороги чувствительности ниже у лиц с сильной и инертной нервной системой (Ильин, 1984, 2009), чем и объясняется их преобладание над «слабыми» только в этом виде фехтования (таблица 3.8).

Аналогично проходит естественная специализация и в сложнокоординированных видах спорта (спортивная гимнастика, худо-

жественная, акробатика, прыжки в воду, прыжки на батуте). Только в спортивной гимнастике преобладают лица с сильной нервной системой (и, видимо, в прыжках на батуте; таких данных нет), тогда как в других – лица со слабой нервной системой по возбуждению (таблица 3.8). Спортивная гимнастика – один из самых травмоопасных видов спорта. Ежедневно (около 20 тренировок в неделю) спортсмен рискует получить тяжелую травму, приводящую к потере здоровья и жизни. Следовательно, одним из важных факторов выбора вида и специализации в нем будут сила и инертность нервных процессов, определяющих «терпимое восприятие и рабочее отношение» к риску – ежедневному, постоянному. В других сложнокоординированных видах спорта риск травмироваться менее вероятен и решающим фактором специализации и последующего успеха выступает слабая нервная система, коррелирующая с высокой проприоцептивной чувствительностью. Именно факторы риска и вероятности регулярного переживания физической боли сближают индивидов как типичных представителей разных видов спорта – фехтования на саблях и спортивной гимнастики.

На выбор специализации в циклических видах (бег, плавание, лыжные гонки, велоспорт) влияют особенности анатомии и морфологии тела, сравнительный уровень развития скоростных, силовых качеств, выносливости, природные задатки, определяющие возможности развития физических качеств, – максимальное потребление кислорода, уровень допустимой кислородной задолженности, запасы креатин-фосфатных соединений, структура мышечных волокон и др. Крайне важным фактором успеха в видах спорта, связанных с накоплением высокой кислородной задолженности при прохождении спортсменом дистанции, выступает способность терпеть такой физиологический дискомфорт (по Е. П. Ильину), присущая лицам с сильной и средней нервной системой, с инертностью нервных процессов, которые и встречаются чаще именно в специализациях на средних дистанциях циклических видов спорта (таблица 3.7).

Подобными «неявными» факторами можно объяснить и разную пропорцию представителей разных типов в олимпийских видах спортивной борьбы, согласно нашим данным. Только в вольной борьбе преобладают «сильные», тогда как в классической и в дзюдо – «слабые» и лица со средней силой процессов возбуждения (таблица 3.8). Наше объяснение: в классической борьбе запрещены атаки на ноги и действия ногами, область активности – только верхний плечевой пояс. Хорошая защита надежнее атакующих действий.

Таблица 3.7
 Преобладающие тенденции в выраженности типологических особенностей свойств нервной системы
 у представителей разных видов спорта (Ильин, 2009, с. 121–122)

Виды спорта	Типологические свойства нервной системы
Фехтование: рапира	Слабая нервная система, подвижность возбуждения, уравновешенность нервных процессов по внешнему и внутреннему балансу
Фехтование: сабля	Сильная нервная система, инертность возбуждения, подвижность торможения, уравновешенность по внешнему и внутреннему балансу
Фехтование: шпага	Слабая нервная система, подвижность возбуждения, преобладание возбуждения по внешнему и внутреннему балансу
Спортивная гимнастика	Сильная нервная система, инертность возбуждения и торможения, уравновешенность по внешнему и внутреннему балансу
Художественная гимнастика	Слабая нервная система, инертность возбуждения и торможения, уравновешенность по внешнему и внутреннему балансу
Акробатика	Средняя и слабая нервная система, подвижность возбуждения и торможения, уравновешенность или преобладание возбуждения по внешнему балансу, уравновешенность по внутреннему балансу
Прыжки в воду	Слабая нервная система, подвижность возбуждения и торможения, уравновешенность по внешнему и внутреннему балансу
Легкая атлетика: короткий спринт	Слабая нервная система, подвижность возбуждения и торможения, уравновешенность нервных процессов и преобладание возбуждения по внешнему балансу
Легкая атлетика: длинный спринт	Средняя и сильная нервная система, инертность возбуждения, уравновешенность по внешнему балансу, преобладание возбуждения по внутреннему балансу

Таблица 3.8
Преобладающие тенденции в выраженности
типологических особенностей свойств нервной системы
у представителей разных видов спортивной борьбы

Виды спортивной борьбы	Типологические свойства нервной системы
Классическая борьба	Слабая нервная система, инертность и средняя подвижность возбуждения, средняя подвижность торможения, преобладание торможения и уравновешенность нервных процессов по внешнему и внутреннему балансу
Вольная борьба	Средняя и сильная нервная система, средняя подвижность возбуждения, средняя подвижность и инертность торможения, уравновешенность и преобладание возбуждения по внешнему балансу, преобладание торможения по внутреннему балансу
Дзюдо	Слабая и средняя нервная система, инертность возбуждения, инертность и средняя подвижность торможения, уравновешенность и преобладание возбуждения по внешнему балансу, преобладание торможения по внутреннему балансу

Следовательно, важными факторами успешности борцов становятся не только основные физические качества (сила, быстрота, выносливость, координированность), но и чувствительность спортсмена, его способность по микродвижениям и микронапряжениям мышц соперника, по незначительным изменениям позы верно предвосхищать характер готовящихся атакующих действий, а также умело использовать активность соперника. Благоприятными психофизиологическими задатками для развития и проприоцептивной чувствительности, и скоростных качеств, и координированности, и тактического мышления являются слабая нервная система по возбуждению и подвижность нервных процессов.

В дзюдо внешне условия деятельности отличны, но содержательно близки. Важным фактором успеха борца выступает умение видеть и чувствовать соперника «через одежду» (толстое кимоно, длинные штаны), верно оценивать его позно-тонические реакции. Богатый технический арсенал дзюдо создает предпосылки для использования борцами сложных тактико-технических действий. Следовательно, важными факторами успешности спортсмена выступают ловкость (координированность) и тактическое мышление, которое лучше развито у более «чувствительных», т. е. у лиц со слабой нервной системой, тревожных.

Феномен «психологическая ниша» в поэтапной профессиональной специализации проявляется в следующем. 1. Первоначальная профессиональная ориентация «управляется» субъективными предпочтениями, определяющими выбор вида деятельности (например, предпочтение спортивных единоборств, а не командных видов спорта, циклических или сложнокоординированных и т. п.). 2. Последующая профессиональная специализация обеспечивается формируемым субъективным опытом, субъективной ценностью результативных и процессуальных аспектов вида спорта (например, предпочтение короткого, а не длинного спринта; фехтования, а не бокса; акробатики – парной, групповой, а не гимнастики; баскетбола, а не волейбола и др.). 3. Окончательная специализация (закрепление в виде оружия, дистанции, весовой категории и пр.) определяется результативностью спортсмена. 4. На следующем этапе решающим фактором становится индивидуальный стиль деятельности. 5. Завершается профессиональная специализация интеграцией со стилями и индивидуальностью партнеров (тренера, спортсменов), приводящая к выбору игрового амплуа, ролей в команде, коррекции своего стиля деятельности. Принципиально важно: это не только процесс развернутой во времени профессиональной специализации субъекта, но и развернутый в пространстве процесс актуализации интрасубъектных (анато-морфологических, физиологических, психофизиологических, психических), интерсубъектных (профессионально важных качеств партнеров и др.) и внесубъектных ресурсов (условий и режимов деятельности, нормативов, правил и пр.).

Итак, обобщая, можно различать несколько проявлений феномена «психологическая ниша»: 1) устойчивые соотношения («пропорции») представителей разных стилей и разных психологических симптомокомплексов в каждой деятельности; 2) поэтапная профессиональная ориентация и специализация субъекта в виде деятельности; 3) выбор рабочих функций в контактных профессиональных группах (игровых амплуа в спортивных играх и т. п.); 4) выбор социальных ролей в малых социальных группах (в командах, в коллективах). В своей совокупности они и определяют «жизнеспособность» феномена «психологическая ниша», устойчивые его проявления в разных сферах жизни.

Выводы

1. Представители разных психофизиологических типов выбирают оптимальные для них диапазоны параметров деятельности, фор-

мирующая специфические системы адаптации – стили. В совместной деятельности субъектов можно выделить три разных механизма, три уровня их адаптации: а) психофизиологический, б) инструментальный (технический, технологический), в) социально-психологический, поведенческий. Механизмы этих уровней могут раскрываться через три выделенные устойчивые иерархические характеристики стиля (предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности – операциональные структуры – идеальные регуляторы/тип организации деятельности).

2. Устойчивость диапазонов адаптации субъектов к требованиям деятельности, устойчивость характера взаимодействия субъектов между собой можно обозначить понятием «психологическая ниша». Психологические ниши представителей разных стилей хорошо выражены в ситуациях их успешной деятельности и размыты в ситуациях неэффективной (сопряженных с разрушением структуры стиля). При этом можно говорить о качественно-количественных границах существования стилей как систем адаптации субъекта к деятельности, о границах эффективности стилей.
3. Можно различать несколько проявлений феномена «**психологическая ниша**»: 1) устойчивые соотношения («пропорции») представителей разных стилей и разных психологических симптомокомплексов в каждой деятельности; 2) поэтапная профессиональная ориентация и специализация субъекта; 3) выбор рабочих функций в контактных профессиональных группах (игровых амплуа в спортивных играх и т. п.); 4) выбор социальных ролей в малых социальных группах (в командах, в коллективах).
4. При попытках целостного подхода к пониманию взаимодействия субъектов в контактных группах, сопряженных с жестким физическим и психологическим противодействием, можно констатировать сходство по функциям приспособительных механизмов, обеспечивающих биологическую адаптацию и психологическую адаптацию человека в среде. В современной психологии множество подобных актуализированных отношений лучше всего отражается в методологии экологического подхода.

3.4. Стили и психические состояния субъекта

В первой отечественной монографии о *психических состояниях* (ПС) Н. Д. Левитов определял их как «целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, показываю-

щую своеобразию протекания психических процессов в зависимости от отражаемых явлений и предметов действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» (Левитов, 1964, с. 20). Такое определение ПС используют и большинство специалистов в области спорта, делая акценты на разных его сторонах (Вяткин, 1978, 1981; Ильин, 1983, 2009, 2011; Родионов, 1976; Сопов, 2011; и др.). Так, Е. П. Ильин определяет психическое состояние как «реакцию функциональных систем организма на внешние и внутренние воздействия, направленные на сохранение целостности организма и обеспечение его жизнедеятельности в конкретных условиях обитания» (Ильин, 1980, с. 111–112); В. Ф. Сопов – как «переживание личностью конкретного отношения к возможным результатам актуального отрезка деятельности» (Сопов, 2010, с. 15). Конкретизация понятия «психические состояния» (ПС) и рассмотрение вопроса в прикладных аспектах привели к выделению двух основных направлений: 1) изучение зависимости состояний от индивидуальных особенностей человека; 2) изучение зависимости состояний от структуры его деятельности. Обусловленность ПС человека его предшествующими состояниями изучалась гораздо реже.

Психические (психофизиологические) состояния характеризуются неоднозначностью картины их возникновения и протекания. Одна и та же причина (например, экстремальная ситуация или монотония) может вызывать разные, подчас даже противоположные, состояния, улучшать или ухудшать результативность деятельности человека в зависимости от его индивидуальных особенностей (психофизиологических, личностных, состояния здоровья, уровня мотивации и пр.). Причина и следствие тех или иных состояний могут меняться местами. Например, физиологические изменения сопровождаются определенными психическими изменениями и, напротив, само психическое отражение, представление определенного состояния приводит к соответствующим физиологическим изменениям (Ильин, 1983). Состояния как системные реакции определяются различными функциональными системами и уровнями регулирования, от вегетативных и двигательных до психических.

Несмотря на достаточно долгую историю изучения, специалисты считают ПС сложной теоретической проблемой (Дикая, 1991, 2005; Прохоров, 1998, 2013; и др.). ПС человека в связи с его индивидуальными особенностями (типологическими свойствами НС) широко изучались Е. П. Ильиным с сотрудниками. В частности, было показано, что время формирования состояния готовности

к действию (штрафного броска в баскетболе, прыжка в воду, броска биты и др.) зависит от силы нервной системы. У лиц с сильной нервной системой оно меньше, у «слабых» – больше. В спортивных играх при успешности встречи большую выносливость и активность проявляют «слабые» и «подвижные», а в роли «догоняющих» при неуспешности игры – «сильные» и «инертные» (Ильин, 1979; 1983; 2011; Ильин, Рыбакова, 1979). Типологические особенности влияют на быстроту возникновения состояния монотонии (Ильин, 2009, 2011; Фетискин, 1972; и др.).

В русле проблемы стиля вопрос психических состояний трудно обойти молчанием. Не позволяет ли взгляд через «стилевую призму» как-то объединить представления о разных детерминантах ПС – индивидуальных особенностях субъектов, их стилей, организации и процессов деятельности, предшествующих состояний?

На первом этапе методом опроса мы выявляли субъективно значимые факторы изменения ПС у представителей разных видов спортивной борьбы. Согласно самооценкам (было опрошено 54 члена юношеских и молодежных сборных команд республики и обществ по дзюдо и классической борьбе), у большинства спортсменов изменения ПС определяются не сезоном, не этапами подготовки, а связаны с ожиданием, настроением и результатом первой схватки (75%), а также с текущим счетом, тактической ситуацией в каждой схватке (79%). Сезонные и периодические колебания физического и психического состояния более характерны для молодых и менее квалифицированных спортсменов. Приведенная выше статистика соответствует литературным данным (Ильин, 2011; Сопов, 2011; Стамбулова, 1999; и др.)

Согласно нашим опросам, если выигрыш технического действия сравнительно редко является фактором изменения ПС (отмечено у 9% опрошенных) и способствует более грамотному ведению поединка, то совершенно иную картину порождает проигрыш технического действия (событие почти такой же вероятности). Роль проигранного технического действия в изменении ПС отметили 70% борцов. При этом характерно, что если у юношей-«классиков» основными факторами изменения ПС во время схватки являются как ее периоды (35%), так и проигрыш действия (28% опрошенных), то по мере возрастания опыта, физической подготовленности и возраста снижается роль периодов схватки (у 24% juniоров), но значительно чаще называется фактор «проигрыш технического действия» (66% борцов-юниоров).

Итак, во время соревнования проигрыш одного технического действия (еще не схватки в целом, а только одного судьями оцененного действия) приводит к нарушению деятельности, нередко к ее хаотичности даже у мастеров международного класса. Это, кстати, отражается в установках борцов, в их оценках своего последующего поведения («Только вперед»; «Иду на риск»; «Начинаю действовать агрессивно»; «Становлюсь агрессивным»; «Начинаю суетиться»; «Завожусь»; «Начинаю бросаться» и т. п.).

Затронем вопрос влияния предшествующих ПС. Согласно данным нашего инструментального и анкетного контроля ПС спортсменов на последнем сборе перед турниром, у многих из них отмечается перетренированность и пресыщенность (реже – апатия). Перед стартом часто переживаются состояния стартовой лихорадки или апатии, а не только желаемой «боевой готовности». Большинство опрошенных после соревнований переживают все заново или обдумывают прошедшие старты. И здесь правомерно упомянуть о следовых процессах, о том шлейфе, который тянется после турнира и накладывает свои «узоры» на будущие стартовые состояния спортсменов.

Концептуально эти отношения составляющих ПС можно представить как «образ психического состояния» – системного образования, обеспечивающего отражение как условий внешней среды, так и среды организма в форме разных интероцептивных ощущений. Образ психического состояния характеризуется такими свойствами, как целостность, интегральность, полифункциональность, процессуальность (Дикая, Семкин, 1991; Прохоров, 2013). Функционально такие образы выступают как структуры, в которых интегрированы находящиеся во взаимосвязях знание, переживание и отношение человека к фрагментам действительности. «Ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживанием прошлого опыта, превращаются в образ» (Прохоров, 2013, с. 109), который сохраняется в памяти человека, переживающего данное состояние, вследствие чего формируется специфический субъективный опыт. Образ таких состояний «раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния, возникающий вследствие восприятия собственного состояния „здесь и сейчас“) и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния)... Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект... компоненты состояния закрепляются в созна-

нии в определенном сочетании, формируя структуру, изоморфную реальному состоянию» (там же).

Рассмотрим ПС сопряженно со *структурами* стилей («сквозной», ключевой темой нашей работы) и успешностью деятельности спортсменов. При проведении факторного анализа (с выделением разного числа факторов) данные опросов психодиагностики борцов в разных выборках выделяли довольно устойчивые комбинации признаков. В контексте структурного подхода такие устойчивые комбинации психологических и деятельностных характеристик могут быть названы *симптомокомплексами стилей деятельности*.

Если исходить из системного представления о состояниях субъекта, их обусловленности взаимодействием разных подсистем, среди которых можно выделять и специфические, собственно регуляторные системы (Дикая, 2003; Обознов, 2005; Моросанова, 2010), то особенности симптомокомплексов каждого из стилей деятельности могут указывать на «ведущую» подсистему, в наибольшей степени обуславливающую успешность спортсмена. Например, характерная для представителей *атакующего силового стиля* склонность борцов варьировать условия деятельности, заблаговременно и тщательно готовиться к схватке показывает, что их успешность в наибольшей степени определяется высоким качеством тактико-технической подготовки.

Структура *атакующего темпового стиля*, напротив, характеризуется относительно несложными техническими действиями, а также способами решения тактических задач (высокий темп, изменения темпа, передвижения), которые, однако, требуют хорошей функциональной подготовленности. Маловероятно, чтобы несложные действия «распадались» под влиянием психического стресса или сильного утомления. Напротив, вероятно, что эффективное (а в данном случае и частое) использование этих действий связано, прежде всего, с хорошей физической, в частности функциональной, подготовленностью борцов. Естественно, что и их оптимальное психическое состояние перед схватками и в схватках будет определяться самооценкой их физической подготовленности.

Структура *контратакующего игрового стиля* отражает склонность представителей этого стиля работать в определенном «коридоре» параметров, используя активность противника и ориентирясь по ситуации схватки. Вероятно, что успешность их деятельности в наибольшей степени будет определяться психологической подготовленностью.

Сделанные предположения подтверждаются и данными кластерного анализа. Представители контратакующего игрового стиля характеризуются слабостью нервной системы и наиболее высокими (в выборке) показателями нейротизма (по Г. Айзенку). Естественно, что для спортсменов с такими индивидуальными особенностями приобретает большое значение именно психологическая готовность. Представители атакующего силового стиля отличаются большой силой и инертностью нервных процессов. Для них наиболее адекватны стереотипные, «наработанные» действия и комбинации. Представители атакующего темпового стиля отличаются преобладанием «внешнего» (эмоционально-ситуативного) возбуждения. Эта психофизиологическая особенность провоцирует спортсменов к чрезмерной активности, предельно высокому темпу ведения схватки. Понятно, что в этом случае несколько снижается роль тактико-технической подготовки и возрастает значение функциональной подготовки.

В русле нашего исследования видится примечательным обобщение А. О. Прохоровым результатов цикла исследований: «...структурообразующие инварианты образов вкупе с устойчивыми интеркорреляционными связями, усиливающимися во времени, являются составной частью индивидуального опыта переживания состояния»; «во временном континууме „прошлое–настоящее–будущее“... наиболее стабильными во всех временных диапазонах являются показатели образов положительных состояний высокого уровня психической активности и отрицательных состояний низкого энергетического уровня». «Проявления образов психических состояний в прошлом, настоящем и будущем связаны со свойствами личности. Наибольшее число значимых корреляций обнаружено для связей личностных характеристик с образом состояний в будущем... состояния высокой и низкой психической активности в большей степени по сравнению с равновесными состояниями обусловлены свойствами личности. В наибольшей степени образы состояний связаны с социальным интеллектом, экстраверсией–интроверсией, эмоциональной стабильностью–нестабильностью, подчиненностью–доминантностью» (Прохоров, 2013, с. 12).

Обобщая, констатируем: 1) устойчивые комбинации составляющих стилей деятельности и индивидуальных особенностей спортсменов связаны с ведущими подсистемами их психических состояний, типичными состояниями, основными детерминантами состояний; 2) динамика психических состояний спортсменов отражается в из-

менении операционального состава их деятельности и может регулироваться средствами самой деятельности, ее организацией, формированием адекватных стилей.

Выводы по третьей главе

1. Стили спортсменов-единоборцев характеризуются вариативной изменчивостью их проявлений. В ситуациях успешной деятельности сохраняются фрагменты их устойчивой организации, которые можно понимать как структуры (структуры систем).
2. В отношении разных составляющих стилей можно выделять соответствующие структуры (структуры способов решения тактических задач, тактико-технических действий, предпочитаемых субъективно удобных условий деятельности, особенностей противника, учитываемых борцами при составлении плана схватки, и др.).
3. Успешность деятельности (победа в соревновательных схватках на ответственных турнирах) сопряжена с определенной мерой организации составляющих стиля, их структурированностью. Как чрезмерная структурированность (наличие множественных и тесных связей), так и недостаточная (редкие и слабые связи) сопряжены с неуспешностью соревновательной деятельности, низким потенциалом спортсмена.
4. В структурно-функциональной организации стилей можно выделить три иерархических обобщенных характеристики стиля (предпочитаемые «субъективно удобные условия», «операциональные системы», «тип организации»), которые позволяют адекватно описывать стили как в деятельности со стабильными, так и вариативно изменчивыми условиями, более адекватно отражать сущностные свойства стиля как психологической системы, чем другие понятия (тактика, типологические свойства, предпочитаемые стили и т. д.). Определение Е. А. Климовым стилей «в широком смысле слова» как психологических систем соотносится с тремя иерархическими обобщенными характеристиками стиля как его целостной организации; определение стилей «в узком смысле слова» как «устойчивых систем приемов и способов деятельности» (Климов, 1969, с. 49) соотносится с одной характеристикой («операциональными системами»).
5. Имеют место определенные «границы существования систем», обусловленные пропорцией и структурированностью компо-

нентов стиля, допускающие своеобразные компенсаторные отношения между последними, определяющими успешность деятельности субъекта.

6. Во множестве условий совместной деятельности и окружения (среды) можно выделять их часть, актуализированную вследствие активности взаимодействующих субъектов, выступающую как актуализированное пространство деятельности. Понятие «пространство деятельности» отражает взаимодействия субъекта и среды, опосредованные его стилем, согласованные с его стилем, стилем субъектов актуализируемых ими ресурсов.
7. В спортивных единоборствах имеет место своеобразный феномен «психологической ниши», он проявляется в отношении пропорции представителей разных стилей в данном виде деятельности, пропорции представителей разных психофизиологических типов. Функции психологических ниш в становлении стиля в следующем: типизация стилей субъектов совместной деятельности; селекция и отбор типовых стилей, оценка их эффективности; сохранение стилей в их типовой организации; воспроизводство типовых стилей; удерживание стилей от разрушения, от нивелирования, в то же время наложение ограничений на диапазоны индивидуальных вариаций.
8. Динамика психических состояний спортсменов отражается в изменении операционального состава деятельности и, вероятно, наиболее успешно может регулироваться средствами самой деятельности, ее организацией, формированием адекватных индивидуальных стилей.
9. Функциональные асимметрии, как и стили, отражают принципиальную особенность адаптации человека в среде: его ориентацию в ней и преимущественное использование части условий деятельности и среды как пространства деятельности.

ГЛАВА 4

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ В СПОРТИВНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ

«Эффект»... результат особого вида, отражательный по характеру, существующий в виде психологического продукта, как следствие, имеющий психологическую форму и содержание... Тот или иной психологический эффект социального процесса не является просто его тенью... Это – реальное явление, включенное необходимым образом в самый процесс и его детерминацию.

Б. Ф. Ломов

4.1. Роль тренера в становлении стиля и успешности деятельности спортсмена

По мнению экспертов, первоначальные успехи спортсмена на 40–60% зависят от тренера (Коломинский, 2011; Стамбулова, 1999; Толочек, 1992; и др.). На первых ступенях подготовки спортсменов тренеры, как правило, придерживаются жесткого графика нагрузок, обязательных для всех; на высших – обязательно корректируют нагрузки по текущему состоянию спортсмена, разрабатывают для него индивидуальные планы учебно-тренировочного процесса. Первоначально у всех занимающихся формируется «база» – повышается общая и специальная физическая подготовленность, закладывается «школа» – осваиваются техника вида спорта и основы тактико-технического мастерства; последующие успехи спортсмена во многом определяются способностью тренера видеть, чувствовать индивидуальность воспитанника как «педагогический материал» и соответственно индивидуальности спортсмена формировать его стиль. Можно считать общей тенденцией изменение стиля работы тренера с ростом мастерства спортсмена, изменением его возрас-

та, опыта и статуса: от жестко директивного к демократическому, а на высших ступенях – нередко либеральному, консультативному. (К слову, такой же динамике изменений стиля взаимодействий – как естественной «норме» – ученые рекомендуют следовать в работе руководителей с высококвалифицированными исполнителями по мере их развития: в коучинге, в организационном консультировании по мере продвижения проекта и обучаемости клиента (Марсанов, 2009; Управленческое..., 1992; и др.). Напомним, что эффекты и следствия взаимоотношений субъектов – тренера и спортсмена – мы изучали на материале борьбы дзюдо, вида, в котором наши спортсмены в 1970–1980-х годах успешно выступали на крупных международных турнирах. Поэтому стилевые отношения и суждения высококвалифицированных тренеров и борцов мы считаем весьма показательными.

Интрасубъектные, интерсубъектные и внесубъектные ресурсы. Спортивная борьба отличается многообразием требований к спортсмену. Но при этом нет единства мнений специалистов о наиболее важных качествах для успеха в большом спорте. Решение этого вопроса мы предоставили тренерам высшей квалификации, имеющим звание «Заслуженный тренер СССР» и «Заслуженный тренер РСФСР». По мнению 20 тренеров-экспертов (приводим их формулировки), первостепенную роль играет умение спортсмена управлять своим психическим состоянием (90% экспертов), самостоятельность мышления (75%), смелость (75%). Значимыми качествами выступают честолюбие (45%) и активность в схватке (45%). Отмечена роль разных сторон подготовленности спортсмена: «объема техники», или тактико-техническое разнообразие (65%), связанности отдельных действий в комбинации (45%), «школы» (умения правильно передвигаться, брать захваты и др. – 45%). Были названы и физические качества: скоростные (65%), координационные (40%), выносливость (35%), «природные данные» и общая физическая подготовленность (40%), но оценки экспертами отдельных качеств сильно расходились. Обобщим мнения экспертов. Для успеха в большом спорте наиболее важны: 1) умение спортсмена управлять своим психическим состоянием; 2) сила мотивации, активное стремление к победе; 3) качество тактико-технической подготовленности; 4) физические качества и физическая подготовленность.

Выделим парадоксальные факты. *Первый.* Физические качества (как природные особенности) по частоте указания экспертами

были на последнем, четвертом, месте. *Второй*. Если в отношении значимости *специальных способностей* – конкретных физических качеств (быстроты, выносливости, силы, ловкости) – мнения экспертов разнились, то в отношении роли *характера* и разных сторон *подготовленности* спортсмена (физической, технической, тактической, психологической) суждения экспертов были согласованными.

Итак, согласно мнению тренеров, имеющих опыт подготовки «звезд» спорта, специфические для конкретной деятельности задатки, способности и сформированные качества человека – не главный фактор успеха в ней. В спорте, то есть в деятельности, отличающейся предельными физическими и психическими нагрузками в процессе регулярных тренировок на протяжении многих лет, требующей предельно высокого уровня развития физических качеств, а также умения предельной мобилизации в соревнованиях, сами физические качества – не самый главный фактор успеха спортсмена. Да, часть весомых детерминант составляют *интрасубъектные ресурсы* разной природы, или собственные качества спортсмена: самостоятельность, честолюбие и др. Но другую часть весомых детерминант успешности составляют *внесубъектные ресурсы*, определяемые потенциалом тренера как профессионала и как личности. К этим очевидным детерминантам добавим еще *интерсубъектные ресурсы*, обусловленные отношениями тренера и спортсмена, процессами их взаимодействия как субъектов совместной деятельности, меру их личностной и субъектной интеграции, а также сензитивность спортсмена к разным методам обучения и тренировки, предлагаемыми тренером. Вопросы реакции организма и психики спортсмена на характер физических нагрузок активно изучались в 1960–1970-х годах (Илларионов, 1978; Русимов, 1976; Сальников, 1976; Синани, 1967; Толочек, 1987; Фетискин, 1972; и др.).

Психофизиология, профессиональные концепции и педагогические технологии тренера. Согласно нашим данным, высшее мастерство спортсмена во многом определяется ролью тренера. Напомним, на начальных этапах подготовки, по мнению экспертов, успехи спортсмена наполовину определяются вкладом его тренера. При изучении истории развития крупных борцовских центров (Курска, Кстово Нижегородской обл., Майкопа Краснодарского края, Волгограда, Челябинска и др.), опыта работы первоклассных тренеров в самбо и в дзюдо складывается следующая картина. Если профессиональная эволюция тренера может быть на протяжении долгих

лет возрастающей, то эволюция спортсмена часто ограничена потенциалом его тренера, зрелостью его педагогических технологий, а также стадией развития спортивного коллектива, созданного тренером. Так, первый мастер спорта, подготовленный молодым тренером, как правило, никогда не становится в последующем мастером спорта международного класса (т. е. не достигает уровня чемпиона страны и чемпиона Европы); первый подготовленный уже более опытным тренером мастер спорта международного класса не достигает квалификации заслуженный мастер спорта (т. е. не побеждает на чемпионатах мира и Олимпийских играх – самых серьезных и престижных турнирах).

Учебно-тренировочный процесс в спорте, организуемый и управляемый тренером, всегда *нацелен, жестко ориентирован на достижение* спортсменом *конкретного результата*. При адекватности индивидуальности спортсмена педагогические технологии тренера надежно приводят спортсмена к успеху. Но достижение спортсменом в последующем более высоких результатов в рамках ранее сложившейся технологии маловероятно.

Обобщая материал независимых исследований, можно считать, что соответствие психофизиологической организации тренера и спортсмена способствует достижению спортсменом высоких и предельно высоких результатов; несоответствие – препятствует. Формирование адекватного индивидуальности спортсмена стиля способствует быстрому приросту мастерства; неадекватного – резко замедляет рост, приводит к конфликтам партнеров, внутриличностным конфликтам (Ильин, 1983; 2009; Сальников, 1976; Стамбулова, 1999; Толочек, 1992; Ширинов, 1988; и др.).

«Открытые» вопросы дифференциальной психофизиологии, проблемы стиля и спортивной практики определили формулирование дополнительных *рабочих гипотез*. Фактором успешности в спорте выступают: 1) мера адекватности индивидуальности (психофизиологической) субъекта программ обучения (тренировки); 2) мера интеграции индивидуальности (психофизиологической) партнеров (субъектов совместной деятельности, членов функциональных групп); 3) профессиональная концепция и педагогические технологии тренера.

А. Результативный аспект отношений/интеграции субъектов. Первую выборку составили молодые тренеры в возрасте от 24 до 29 лет и юные борцы-дзюдоисты – 12–15 лет (Облсовет ДСО «Динамо» г. В.).

Таблица 4. 1

Распределение молодых тренеров и результативных юных спортсменов по типологии (сила нервной системы по возбуждению)

Тренеры	Спортсмены			Всего
	Сильные	Средние	Слабые	
Сильные (2 чел.)	4	2	0	6
Средние (2 чел.)	1	4	2	7
Слабые (3 чел.)	3	4	11	18
Всего: 7 чел.	8	10	13	31

Таблица 4.2

Распределение высококвалифицированных тренеров и результативных спортсменов высшей квалификации по типологии (сила нервной системы по возбуждению)

Тренеры	Спортсмены			Всего
	Сильные	Средние	Слабые	
Сильные (3 чел.)	3	1	0	4
Средние (3 чел.)	0	3	1	4
Слабые (3 чел.)	0	1	8	9
Всего: 9 чел	3	5	9	17

Методы исследования: «Наклон кривой», ХНК-2, теппинг-тест (см. раздел 4.5). Группы тренеров и спортсменов были гомогенны и сформировались спонтанно. Их составили молодые тренеры, проявившие искренний интерес к проблемам дифференциальной психофизиологии, а также готовность пройти обследование и приводившие своих лучших и перспективных воспитанников – призеров городских и областных соревнований (таблица 4.1). Более высоких достижений, чем успешные выступления отдельных борцов на местных турнирах, в рассматриваемый период ни тренеры, ни их воспитанники не имели. Дзюдоисты «Динамо» г. В. в эти годы слабо выступали на всероссийских и всесоюзных турнирах во всех возрастных группах – среди юношей, juniоров и взрослых. Другими словами, «спяянного» коллектива тренеров как профессионалов высокого класса на начало наших исследований и экспериментов не было. (В период сбора материала и формирующих экспериментов эти

данные не воспринимались как актуальные и имеющие высокую научную значимость.)

Зависимость первоначальных успехов спортсменов от соответствия их типов типам тренеров была статистически значимой ($p=0,02$), согласно критерию χ^2 (Рунион, 1981). У «сильных» по силе возбуждения тренеров преимущественно чаще успеха достигали именно «сильные» юноши, у «средних» – «средние». Большой диапазон психофизиологической лояльности был присущ «слабым» по возбуждению тренерам, но также с выраженной тенденцией более частой успешности «слабых» борцов (таблица 4.1). Собранный эмпирический материал указывал на более частое или более быстрое достижение успеха юными спортсменами, соответствующими по типологии своему тренеру. На уровне юношеского спорта, массового спорта это можно было констатировать лишь как тенденцию.

Через три года (1985–1986) подобное исследование было повторено на модели спорта высших достижений – на представителях сборной команды страны. Вторую выборку составили тренеры высшей квалификации, все имеющие звание «Заслуженный тренер СССР» или «Заслуженный тренер РСФСР» в возрасте от 45 до 56 лет, работающие со сборными командами страны, ДСО и республик СССР, а также их воспитанники – борцы-дзюдоисты – 23–29 лет, члены сборных команды СССР, мастера спорта, мастера спорта международного класса и заслуженные мастера спорта (часть из них в последующем достигли более высоких результатов, чем имели на период обследования и, соответственно, получили более высокое спортивное звание). Группы тренеров и спортсменов были гомогенны. Их составили опытные тренеры, проявившие интерес к науке и с готовностью сотрудничающие с психологом. Их воспитанники включались в наш анализ ретроспективно – на основании предшествующих обследований членов сборных команд, после диагностики их тренера (таблица 4.2).

Для анализа данных также использовался критерий χ^2 в случае нескольких выборок. Зависимость высших достижений спортсменов от соответствия их типологии и типологии тренера была статистически значимой ($p=0,01$). Две рассматриваемые нами сопряженные выборки тренеров и спортсменов – молодых и зрелых – в обоих случаях были гомогенны (по возрасту, по опыту, по профессиональной квалификации). Полярно различались две выборки по возрасту и опыту тренеров, по профессиональному уровню и спортивным достижениям некоторых их воспитанников, обследованных нами.

Первая выборка – молодые тренеры и юные спортсмены – отражала картину на «старте» профессиональной карьеры в спортивной борьбе, вторая – «вершину» карьеры в дзюдо. Выборки оказались близкими по количеству составляющих их субъектов, что позволяет сделать ряд предположений, не имеющих «сильного» эмпирического обоснования, но весомых ввиду уникальности эмпирических данных, заслуживающих нашего внимания.

Так же как и в случае с молодыми тренерами и юными дзюдоистами, у «сильных» по силе возбуждения тренеров успеха достигали именно «сильные» борцы, у «средних» – «средние», у «слабых» тренеров – «слабые» спортсмены. Имеющая место на старте профессиональной карьеры и тренеров и спортсменов *психофизиологическая лояльность*, более выраженная у «слабых» тренеров, на высших ступенях профессионализма уменьшается без исключения у тренеров всех типологических групп. Ввиду малочисленности по размеру выборок, можно обратить внимание на количественные показатели полученных коэффициентов. В выборке юных спортсменов ($n_1=31$) χ^2 критическое при $\alpha=0,02$ и $df=4$ составляло 11,668, χ^2 расчетное=11,923, т. е. едва достигало порога значимости. В выборке спортсменов высших разрядов ($n_1=17$) χ^2 критическое при $\alpha=0,01$ и $df=4$ составляло 12,277, χ^2 расчетное=18,466, т. е. значительно, в 1,5 раза, превышало требуемый уровень значимости. Следовательно, если в начале профессиональной карьеры борцов мы можем говорить лишь как о *тенденции более частого и/или более быстрого достижения успеха* преимущественно спортсменами, соответствующими своему тренеру по типологии, то на *вершине карьеры* (членство в сборной команде страны, победы на крупных международных турнирах) мы видим уже более *жесткую зависимость* успеха одного субъекта от его психофизиологического соответствия партнеру. В дзюдо высшие достижения спортсменов во многом определялись соответствием психофизиологической индивидуальности борца и его тренера.

Собранный в 1983–1986 гг. эмпирический материал имел ограничения: обследовались небольшие по размеру выборки, оценивалась лишь актуальная успешности спортсменов («здесь и теперь»), определялся один критерий индивидуальности (сила нервной системы по возбуждению). В 1989 г. нами было предпринято исследование, лишенное вышеназванных ограничений.

Третью выборку составили тренеры высокой и высшей квалификации ($n^3=33$), 19 из которых имели звание «Заслуженный тренер

СССР» или «Заслуженный тренер РСФСР» в возрасте от 36 до 60 лет с педагогическим стажем от 12 до 40 лет, подготовившие от 10 до 150 мастеров спорта, имеющие воспитанников как минимум участников чемпионатов СССР (т. е. очень высокого уровня). Все «заслуженные тренеры» имели опыт подготовки чемпионов и призеров чемпионатов страны, Европы, мира и Олимпийских игр. Ввиду того, что опрашиваемые разнились как по возрасту и опыту, так и количеству подготовленных результативных воспитанников и фактических достижений своих воспитанников (от 10 мастеров спорта до 150, от участника чемпионата страны до чемпиона мира и Олимпийских игр), тренерам было предложено выступить как экспертам и *оценить в баллах относительное количество* наиболее результативных подготовленных ими борцов и *относительную результативность* спортсменов – представителей разных стилей.

При значительном возрастном и продуктивном различии выборку тренеров можно считать гомогенной в отношении их профессиональной компетентности. В спорте высших достижений 15–20 лет уходят на создание педагогом «базы», «школы», коллектива, только и позволяющих в последующем обеспечивать стабильные и высокие достижения спортсменов. Понятно, что и среди молодых и тогда еще не именитых тренеров также были специалисты, в последующем заявившие о себе как выдающиеся профессионалы. Вывод воспитанника на уровень участника чемпионата страны был своеобразным «рубиконом».

Оценки тренерами актуальной (чемпионат СССР по дзюдо 1989 г.) и потенциальной (в обозримой перспективе) эффективности разных стилей борьбы характеризовались высокой согласованностью их суждений ($W=0,634$ и $W=0,564$), т. е. в отношении соответствия профессиональных концепций и адекватности как экспертов тренеры разного возраста и опыта были сходны между собой, что подтверждает гомогенность выборки и надежность измерений. При этом тренеры различались в своих предпочтениях разных стилей, отражающих их личный спортивный опыт и их индивидуальность. При корреляции оценок тренерами *потенциальной эффективности* разных стилей, *их предпочтений* разных стилей, *относительной результативности* подготовленных ими борцов, *представителей* разных стилей, и *частотой* достижения успеха, *высших спортивных результатов*, их воспитанниками чаще имели место умеренные и тесные корреляции ($r=0,24-0,89$), которые можно рассматривать как еще одно весомое подтверждение роли про-

фессиональной концепции и субъективных предпочтений тренера в потенциальном успехе его воспитанников (таблица 4.3).

В спорте актуальными и дискуссионными остаются вопросы соотношения разных составляющих в подготовке спортсмена. Один из них – «дилемма индивидуального подхода/становления школы» (когда, с какого этапа подготовки и как тренеру нужно начинать учитывать индивидуальность спортсмена; каким должно быть содержание индивидуального подхода). На практике вначале тренеры, как правило, «ставят базу», решают задачи общей физической подготовки, затем – специальной физической и технической подготовки; позже тренеров обычно «затягивают» хитросплетения техники и тактики, особенности подведения спортсмена к каждому турниру, восстановления после травм и т. п.

Некоторым ответом могут послужить результаты *кластерного анализа* данных опроса тренеров той же, третьей, выборки (33 чел.). По совокупности оценок значимости, по мнению тренера, разных видов подготовки (физической, технической, тактической, психологической) с точностью в 100% все заслуженные тренеры СССР были отнесены к «своей», первой группе; все заслуженные тренеры РСФСР – ко второй; к третьей – лица, не имеющие звания «Заслуженный тренер», наименее опытные и продуктивные. Такой же результат давало и разделение выборки на два класса: в первый вошли лишь заслуженные тренеры СССР, во второй – имеющие более скромные профессиональные достижения.

Решающим основанием статистического распределения тренеров по классам было их отношение к разным сторонам подготовки спортсменов. *Наибольшее внимание психологической подготовке и индивидуальности спортсмена уделяли заслуженные тренеры СССР*, наименьшее – не имеющие звания, менее квалифицированные. Можно утверждать, что высоких профессиональных результатов достигают те из них, кто изначально уделяет большое внимание психологии и индивидуальности спортсмена (Толочек, 2000).

Четвертую выборку составили тренеры высшей квалификации (12 чел.), шесть из которых имели звание «Заслуженный тренер СССР» и шесть – «Заслуженный тренер РСФСР» в возрасте от 36 до 50 лет с педагогическим стажем от 12 до 30 лет; а также борцы высших разрядов (21 чел.), шесть из которых были мастерами спорта международного класса (МСМК), пятнадцать – мастерами спорта (МС) в возрасте от 19 до 26 лет. Через два года трое из мастеров спорта выполнили норматив «Мастер спорта международного класса».

Особенности выборки позволяли провести дифференцированный анализ с учетом профессиональной эволюции спортсменов, которые дважды разделялись на две подгруппы: 1) мастера спорта международного класса (9 чел.)/мастера спорта (12 чел.) и 2) прогрессирующие (стабильные и достигшие более высоких результатов – 14 чел.)/регрессирующие (в продолжение двух лет не показавшие более высоких результатов – 7 чел.).

Обсуждение результатов. Как и ожидалось, имели место различия в самооценках борцов, принимаемых нами за «эталон», и экспертных оценках тренерами предпочтений своих воспитанников. Рассмотрим особенности согласованности суждений двух групп испытуемых – спортсменов и тренеров – в отношении *предпочитаемых, субъективно удобных условий деятельности*, наименее рефлекслируемых субъектами и составляющих основу стиля, его первый иерархический уровень.

Особенности «видения» тренерами предпочтений спортсменов оставляли желать лучшего. Средние значения и коэффициенты корреляции (от $r=-0,22$ до $r=+0,42$) показали заметное расхождение представлений тренеров и склонностей их воспитанников. При этом в подгруппах «прогрессирующих» и мастеров спорта международного класса (МСМК) оценки тренеров были ближе к оценкам спортсменов, чем в подгруппах «регрессирующих» и мастеров спорта (МС). Расхождения оценок тренеров-экспертов и борцов составляли в среднем 1,1 и 1,2/2,1 и 2,3 балла соответственно. Иначе говоря, с учетом 9-балльной шкалы в отношении более успешных спортсменов средние «отклонения» представлений тренеров составляли в подгруппе «прогрессирующих» 12% диапазона шкалы оценок, в подгруппе МСМК – 13%, в подгруппе «регрессирующих» – 23%, в подгруппе МС – 26% (Толочек, 2000).

Данные обсуждаемого исследования также указывают на то, что успехи спортсмена во многом определялись адекватностью («точностью») понимания его индивидуальности тренером. Добавим, что для удовлетворенных своим тренером борцов *субъективно удобные условия деятельности* сходны с тренерскими, у неудовлетворенных тренером расхождение оценок более выражено. Отметим и общие особенности тренерских оценок: одни параметры деятельности всеми оценивались точнее, другие – менее точно. По некоторым параметрам тренерские «ошибки» больше в отношении менее результативных борцов. Следовательно, среди *предпочитаемых, субъективно удобных условий деятельности* есть более важные, кри-

териальные, адекватное восприятие которых тренером теснее связано с успешностью спортсмена, и менее важные, неточное «видение» которых тренером меньше отражается на успешности спортсмена. Имели место и индивидуальные вариации: некоторые составляющие стиля своих воспитанников каждый тренер оценивал точнее, другие – менее точно.

Обобщая, можно констатировать наличие связей между успешностью спортсмена, мерой и продолжительностью его прогресса, его удовлетворенностью своим тренером, с одной стороны, с другой – адекватностью представлений тренера об индивидуальности воспитанника. Подчеркнем, что речь идет о наименее рефлекслируемых, наименее обсуждаемых субъектами составляющих стиля – *предпочитаемых, субъективно удобных условиях деятельности.*

Эффекты профессиональной экспертизы. В обсуждении сложных связей представлений и предпочтений тренера и спортсмена нам видится уместным привести еще два интересных факта. Тренерам, работавшим с членами сборной команды страны, предлагалось оценить уровень спортивного мастерства 37 ведущих борцов, затем – их стиль борьбы (атакующий-темповой, атакующий-силовой, контратакующий-игровой) в двух вариантах: методом ранжирования 37 оцениваемых и методом «весовых долей» (оценивая степень выраженности каждого стиля у борца от 0,00 до 1,00). Экспертами выступили 10 чел., имеющих звание «Заслуженный тренер СССР» и «Заслуженный тренер РСФСР» в возрасте от 36 до 50 лет (в обсуждаемых циклах разных исследований, как правило, участвовали одни и те же лица).

Парадоксально, но в решении, на наш взгляд, более сложной задачи – оценки мастерства 37 спортсменов примерно равного класса, борцов восьми разных весовых категорий, разного возраста, начинающих и завершающих свою карьеру, суждения тренеров были согласованными ($r=0,73-0,92$), а обобщенная оценка экспертов тесно коррелировала с выделенным на основании данных наших исследований фактором «спортивное мастерство борца» ($r=0,764$). Обратим внимание: в единоборствах нет количественных или однозначно измеряемых результатов, нередко встречи соперников проходят без выраженного преимущества одного из них, и исход решается мнением судей; есть весомые различия борьбы в разных весовых категориях; есть различия в ведении схваток молодых борцов и «ветеранов»; из-за травм борцы участвуют не во всех турнирах года

и не всегда стабильно. Но, как-то учитывая все подобные «неопределенности», эксперты, представители разных профессиональных концепций, вносили необходимые и точные поправки, в результате которых их оценки оказались согласованными.

В решении же, по нашему мнению, менее сложной задачи – оценки стиля сильнейших борцов – наблюдались два искажающих эффекта. При использовании для экспертизы метода ранжирования имели место сильные искажения оценок стиля борцов, обусловленные личными предпочтениями тренеров и их представлений о содержании выделенных для оценки стилей – атакующего-силового, атакующего-темпового, контратакующего-игрового.

При использовании для экспертизы метода «весовых долей» в оценке стилей были выявлены эффекты «ореола»: выраженность всех трех стилей у признанных лидеров экспертами завышалась, выраженность всех стилей у аутсайдеров занижалась. Обратим внимание: оценивался профессионализм борцов высокого класса, успешно в течение 3–7 лет выступающих на крупных турнирах, т. е. оценивались стили субъектов, которые систематически *проявляются* в ситуациях успеха и неудачи. Резюмируя, следует признать, что парадоксально, но *оценки стиля субъекта даже экспертами – профессионалами высокого класса – были сопряжены с разными субъективными искажениями, тогда как оценки «объективного» уровня мастерства спортсменов оказались довольно точны.*

Выводы

1. Успешность спортсменов в борьбе дзюдо определяется взаимодействием *интрасубъектных ресурсов*, или качеств спортсмена, *интерсубъектных* – эффектов взаимодействия с его тренером, *внесубъектных ресурсов* – педагогических технологий и потенциала тренера как профессионала, как личности.
2. В спортивной практике имеет место стихийный отбор спортсменов под индивидуальность тренера. Важными детерминантами успешности спортсменов в борьбе дзюдо (результативности, быстроты и меры прогресса) можно считать соответствие: а) психофизиологических особенностей тренера и спортсмена (по силе нервной системы по возбуждению); в) стилей борьбы тренера и спортсмена; с) профессиональной концепции тренера индивидуальности спортсмена. При этом более широкий и позитивный эффект дают стили работы «слабых» тренеров. У «слабых» по типологии тренеров воспитанники более резуль-

тативны во всех возрастных группах, но чаще успеха достигают «слабые» по силе нервной системы борцы.

3. Успешность спортсмена, мера и продолжительность его прогресса, его удовлетворенность тренером связаны с адекватностью представлений тренера об индивидуальности воспитанника, с адекватностью рефлексии тренером наименее обсуждаемых составляющих стиля спортсмена – *предпочитаемых, субъективно удобных условий деятельности*
4. Присущий борцам высших разрядов стиль имеет ряд субъективных «преломлений» в его восприятии квалифицированными экспертами (в психофизиологической организации человека, в его профессиональных представлениях, в профессиональном статусе оцениваемого и пр.). Проявления стиля борцов воспринимаются экспертами-тренерами менее точно, чем спортивное мастерство борца.

4.2. Эффекты направленного формирования стиля

Эффекты взаимодействия субъектов в функционально связанных группах («диадах»), прямые и косвенные, непосредственные и отдаленные, чаще фиксировались нами не целенаправленно, а как сопряженные с ожидаемыми результатами. В процессе исследований не всегда была возможность корректно учитывать все «независимые переменные» и обращаться к математической статистике для их оценки как неслучайных. Но в организованных и проведенных нами двух годичных экспериментах была возможность: 1) оценить количественно эффекты взаимодействия тренера и спортсмена; 2) ретроспективно (через 25 лет) оценить также и отдаленные эффекты и следовые процессы взаимодействия субъектов в широком социальном контексте.

Наше обращение к понятию «*эффект*» соответствует логике работ Б. Ф. Ломова, подчеркивающего, что в определенных причинно-следственных отношениях «имеется в виду результат особого вида, отражательный по характеру, существующий в виде психологического продукта, как следствие, имеющий психологическую форму и содержание. Мы пользуемся термином „*эффект*“, чтобы выделить социально-психологические явления из совокупности всех других продуктов социального процесса» (Ломов, 1999, с. 120). Одним из путей дальнейшего изучения проблемы стилей, проблемы совместной деятельности и взаимодействий людей может быть

детальный и дифференцированный анализ составляющих успешности человека, учитывающий уровень и темпы достижений, возрастные границы, методики обучения, «вклады» других субъектов. В наших исследованиях обсуждаемая тема рассматривалась на примере спортивной борьбы дзюдо, имеющей четкую 10-уровневую квалификацию профессионализма субъектов, включая уровень международного класса – от первой квалификационной ступени (III юношеского разряда) до высшей, почетного звания «Заслуженный мастер спорта».

Цель, задачи, гипотезы, методы, модели деятельности

Целью исследований были эффекты направленного формирования стиля (на примере спортивной борьбы дзюдо); задачами – изучение условий, процессов и результатов взаимодействий тренеров и юных спортсменов, сходных и различающихся по их стилям и типологии (свойствам нервной системы). Открытые вопросы изучения стиля определили задачи формирующих психолого-педагогических экспериментов и дополнительные *рабочие гипотезы*. 1. Фактором профессиональной успешности (успешности в спорте) может выступать мера адекватности индивидуальности субъекта программам обучения (тренировки). 2. Фактором профессиональной успешности субъекта может выступать мера интеграции индивидуальности (психофизиологической) партнеров (взаимодействующих субъектов, членов функциональных диад – тренера и спортсмена).

Методики диагностики индивидуально-психологических особенностей (силы нервной системы по возбуждению) тренеров и спортсменов: «Наклон кривой», ХНК-2, теппинг-тест, согласно описанным процедурам с использованием нейрохронометра, телеграфного ключа с электронным счетчиком (Ильин, 1979; Методы..., 1976). Как отмечалось (глава 3), в наших исследованиях к «сильным» относили лиц, получивших при диагностике значения по «Наклон кривой» – коэффициент «В» от 4,23 до 3,00; по ХНК-2 – от 2,01 до 1,62 и оценки по теппинг-тесту – 3–5 баллов. К «слабым» по возбуждению относились имеющие по коэффициенту «В» «Наклона кривой» от 2,02 до 1,10; по ХНК-2 – от 1,40 до 1,10 и 1–2 балла по теппинг-тесту. Лиц с промежуточными значениями, а также при несовпадений значений по разным методикам относили к группе «средних».

Таблица 4.3

Зависимость между оценками высококвалифицированных тренерами разных стилей борьбы, их личной склонности к ним, результативностью их воспитанников и числом результативных спортсменов высшей квалификации, представлятелей разных стилей

Наименование стилей	Результативность спортсменов		Число подготовленных результативных спортсменов	
	Эффективность стилей	Личная склонность тренера к стилю	Эффективность стилей	Личная склонность тренера к стилю
Атакующий-силовой	0,76	0,51	0,57	0,50
Атакующий-тепловой	0,40	0,65	0,20	0,39
Контратакующий-игровой	0,37	0,50	0,43	0,55
Защитный	0,89	0,35	0,64	0,24
Комбинированный	0,27	0,29	0,55	0,43

Примечание: Зависимость отражают коэффициенты корреляции.

Таблица 4.4
Сравнительная результативность
юных борцов-участников экспериментальных групп

Эффект тренировочного процесса	Акцентирование элементов работы «сильного» тренера		Акцентирование элементов работы «слабого» тренера	
	«Сильные» и «средние» борцы	«Слабые» борцы	«Сильные» и «средние» борцы	«Слабые» борцы
Спортивные результаты выросли	9 (82%)	1 (20%)	6 (42%)	4 (55%)
Прироста результатов нет	2 (18%)	4 (80%)	8 (58%)	3 (45%)

Согласно данным наших эмпирических исследований, стили деятельности «сильных» и «средних» сходны между собой, в отличие от стили «слабых» борцов.

В. *Процессуальный аспект отношений/интеграции субъектов.* Если в исследованиях стилей чаще констатируются *конечные эффекты проявлений стилей и взаимодействий субъектов в функциональной группе (например, в диаде «тренер–спортсмен»)*, то в формирующем эксперименте (1983–1984 учебного года) проявились некоторые динамические, промежуточные, *процессуальные эффекты*, как правило, не фиксируемые исследователями и редко описываемые в научной литературе. Испытуемыми были юноши-разрядники в возрасте 12–14 лет, дзюдоисты 2–4-го года обучения (в начале – 47, в конце эксперимента 37 чел.:10 чел. из первой группы в течение года «отсеялись»). Из них 14 получили диагноз «слабые» (оценки по теппинг-тесту 1–2, по ХНК-2 – от 1,12 до 1,40), остальные – «сильные» и «средние» (оценки по теппинг-тесту 3–5, по ХНК-2 – 1,41–2,02). Испытуемые занимались в двух группах, одна из которых в течение 1982–1983 учебного года тренировалась по «*программе 1*», в которой акцентировались элементы работы «сильного» по типологии тренера и формировался стиль «сильных» дзюдоистов (26 чел.); вторая – по «*программе 2а*», где «слабый» тренер у всех формировал стиль «слабых» (21 чел.). Поскольку, согласно литературным и нашим эмпирическим данным, стили квалифицированных борцов с большой и средней силой нервной системы по возбуждению сходны между собой (Толочек, 2000), считалось, что формирование стиля «сильных» будет адекватно и для «средних».

Формирующий эксперимент под нашим руководством проводили два тренера, различающиеся по типологии. Первую группу («*программа 1*») тренировал Л. С. с сильной нервной системой (по теппинг-тесту – 5, по ХНК-2–2,02), вторую («*программа 2а*») – Л. Г., имеющий слабую систему по возбуждению (по теппинг-тесту – 2, по ХНК-2 – 1,12). Типологические особенности тренеров, ведущих экспериментальные группы, были почти полярными в общем континууме распределения признака – выраженности силы нервной системы по возбуждению. Следовательно, помимо собственно программы наш эксперимент оказался «концентрированным» еще и в отношении влияния роли психофизиологии педагога на успех воспитанника. Кроме того, эксперимент был несколько «смещенным» по контекстным влияниям: психолог, разработчик и руководитель программы был «слабым» (оценка по теппинг-тесту – 2, по ХНК-2 – 1,32).

Тренеры были близки по возрасту (26 и 27 лет), профессиональной квалификации (2-я категория, оба были кандидатами в мастера

спорта) и педагогическим достижениям (оба имели опыт подготовки лишь призеров городских и областных соревнований). При этом они радикально различались по своим взглядам на сущность спортивной борьбы. Первый тренер, Л. С., являлся сторонником жесткой борьбы, «силового» дзюдо, отдавал предпочтение интервальному методу тренировки, концентрированному методу обучения и т. п. Его воспитанники характеризовались отличной физической, но относительно слабой технико-тактической подготовкой. У второго, Л. Г., склонного к техничному, «игровому» дзюдо, воспитанники отличались хорошей технико-тактической подготовкой, но сравнительно слабой физической. Тренер был склонен к равномерному и переменному методу тренировки, распределенному методу обучения. Первый тренер, Л. С., отличался «жестким характером», второй, Л. Г., был терпим, склонен к компромиссам.

Как отмечено выше, экспериментальные методики представляли собой акцентирование элементов уже сложившегося стиля работы двух тренеров (к слову, характерных для их типологии, согласно литературным данным). В стилях тренеров – участников формирующего эксперимента проявились те характерные особенности обусловленного типологией стиля деятельности, которые так или иначе проявлялись и у других наблюдаемых нами тренеров. В сравнении с обстоятельно описанными в социальной психологии *стилями руководства* стиль первого тренера можно уверенно назвать «авторитарным», стиль второго – «демократичным», по К. Левину; стиль первого – как «ориентированного на задачи», второго, скорее, как «ориентированного на отношения», по Ф. Фидлеру.

Сущность эксперимента состояла в том, что в двух группах, в каждой из которых были борцы с разной типологией, формировался один определенный стиль: в первой стиль «сильных», во второй – «слабых». Таким образом, моделировалась та *естественная ситуация*, когда к тренеру с определенными индивидуальными особенностями приходят дети с разными индивидуальными особенностями. Предполагалось, что у борцов с адекватной формируемому у них стилю психофизиологией прогресс будет более выражен.

Успешность, или рост результатов, оценивались согласно модифицированным нами экспертным таблицам (Фидаров, Бурдин, 1976). В качестве экспертов выступали исследователь и оба тренера. Смысл экспертизы состоял в преобразовании *качественных достижений борцов в сезоне в количественные оценки* в шкале интервалов – в сопоставлении лучших результатов спортсмена в разных

турнирах в текущем году сравнительно с предыдущим. Например, призовое место на городских соревнованиях оценивалось в 3 балла, первое место – в 4 балла; на областных, т. е. более высокого ранга, как 4 и 5 баллов соответственно и т. п.. Дважды занятые призовые места на соревнованиях одного ранга приравнялись к баллу за 1-е место. (Подобные процедуры активно используются для оценки рейтинга шахматистов, теннисистов, боксеров и др.) Таким образом, если спортсмен в результате формирующего эксперимента достигал большего – более качественных результатов, более высокой иерархической позиции среди сверстников, чем имел до эксперимента, это фиксировалось как *рост результатов*. Если *меньше или повторял* прошлогодний успех – как *отсутствие прироста результатов*, что и соответствует духу и сущности спорта. Содержание экспериментальных программ было типично для дзюдо и борцов данного возраста и квалификации.

Результаты и процессуальные эффекты направленного формирования стиля. В целом обе экспериментальные методики оказались достаточно эффективными. 20 спортсменов из 37, или 54%, превзошли свои прошлогодние достижения. Во второй группе зависимость успешности и типологии спортсменов не выявлена, в первой она имела место (различия статистически значимы, таблица 4.4). Это были ожидаемые нами результаты. Но более интересными представляются эффекты, сопровождавшие процесс эксперимента и раскрывающие некоторые психологические механизмы взаимодействия индивидуальностей в диаде «тренер–спортсмен» и состояния, порождаемые этим взаимодействием. Рассмотрим физиологические реакции спортсменов.

Разные методики обучения оказались неравнозначны по влиянию на психофизическое *состояние борцов*. Во второй группе к методике формирования стиля «слабых» хорошо адаптировались все занимающиеся. В первой группе, в которой формировался стиль «сильных», у части испытуемых имели место негативные реакции на методику обучения. К концу первого месяца занятий у юношей наблюдались сильное утомление (вялость, нежелание тренироваться), резко возросло число респираторных заболеваний и получения травм. При обследовании во врачебно-физкультурном диспансере у некоторых занимающихся отмечалось повышение артериального давления и изменения ЭЭГ сердца. После того как по причине таких массовых реакций на две недели были резко снижены нагрузки, негативные симптомы у юношей исчезли.

Можно предполагать, что вышеназванные негативные реакции были обусловлены не объемом тренировочных нагрузок, а именно акцентированием в методике элементов стиля работы тренера и стиля борьбы «сильных». 1. *Нагрузки* в обеих группах были типичные и привычные для спортсменов. 2. *Негативные реакции* (травмы, заболевания, изменения АД и ЭКГ) были выражено дифференцированы: отмечены у одного «сильного» из 9 человек (11%), у 6 «средних» из 10 (60%) и у всех 7 «слабых» (100%). 3. Последующий отсев занимающихся в течение года также был дифференцирован: ни одного «сильного» (0%), 7 «средних» (70%) и 3 «слабых» (43%); всего – 10 человек, или 37% от начального состава. Во второй экспериментальной группе негативные реакции на тренировочные занятия не зафиксированы, отсева в течение года не было (Толочек, 1992).

В плане обсуждаемой проблемы – связи успешности субъектов и их отношений – примечательно, что не только реакция на стиль работы тренера, но и результативность спортсменов также имела разное качество. Выделим еще раз, что нами фиксировались и приведены в сводной таблице 4.4 только *относительные результаты*. Из полученных данных следует, что: 1) у «сильного» тренера большего успеха достигли 10 человек из 16, или 63% воспитанников (с учетом первоначального состава группы – 38%), у «слабого» – 10 человек из 21, или 48% воспитанников; 2) у «сильного» тренера имела место выраженная зависимость успеха спортсмена от соответствия типологии с тренером (согласно критерию χ^2 при $p=0,05$), у «слабого» – статистически значимая зависимость от типологии не выявлена; 3) у «сильного» тренера имел место большой отсев занимающихся в течение года (10 человек из 26, или 38%), у «слабого» тренера отсева не было (0%); 4) но еще более показательными оказались *абсолютные результаты* воспитанников, или *качество успешности*: у «сильного» тренера трое воспитанников стали призерами Российского совета ДСО (поднявшись на два уровня выше, чем областные турниры), у «слабого» – тоже трое стали призерами Российского совета ДСО, причем один из них, С. Ч., стал еще и призером первенства РСФСР и призером первенства СССР среди юношей (поднявшись на четыре уровня выше своих предшествующих достижений; в следующем 1985 г. этот спортсмен повторил свой почти предельно высокий результат для возрастной группы юношей).

Но, пожалуй, наиболее весомым отражением эффектов в диаде «тренер – спортсмен» были не близкие, а отдаленные по времени результаты. Двое воспитанников «слабого» тренера (Г.Л.) из числа

участников эксперимента, перейдя в следующую возрастную группу, стали призерами первенства СССР среди юниоров; четверо выполнили норматив «Мастер спорта». Никто из воспитанников «сильного» тренера не имел высоких результатов при переходе в следующую возрастную группу.

В 1984–1985 гг., после завершения экспериментов (по «программе 1» и «программе 2а»), нами был проведен еще один формирующий эксперимент по «программе 2в», содержательно близкой к «программе 2а», реализованной годом ранее. Ведущим был также «слабый» по типологии тренер – А. М. (26 лет, личные достижения – кандидат в мастера спорта, оценка по теппинг-тесту – 2, по ХНК-2 – 1,29), до этого имевший опыт подготовки только лишь призеров областных и региональных соревнований. Итогом стали аналогичные результаты как в ближней, так и в отдаленной перспективе: через год один из борцов, В. О. («сильный»), стал чемпионом первенства СССР среди юношей; в 1988–1989 гг. еще четверо («сильный», «слабый» и двое «средних») – призерами первенства СССР среди юниоров, т. е. успешно выступали в следующей возрастной группе; в 1989 г. один из них, С. П. («средний»), в 19 лет, что крайне редко для спортивной борьбы, стал серебряным призером чемпионата СССР, т. е. среди возрастных спортсменов. Обобщая, отметим, что в последующие годы из 19 участников второго эксперимента четверо (21%) достигли *высших результатов* в разных возрастных группах (все призовые места на главных, всесоюзных турнирах мы рассматриваем как высшие достижения в спортивной борьбе – таблица 4.5).

Еще более сильные эффекты имели место в последующих по возрасту группах юных спортсменов, с которыми работали наши тренеры. (В силу множества условий разные учебно-тренировочные группы организуются с возрастным интервалом в 2–3–4 года; их состав обычно варьировал в пределах около 20 чел. Другими словами, разница в возрасте спортсменов, тренирующихся в разных группах, составляла около 2–4 лет.) Юные спортсмены диагностировались так же, как и в экспериментальных группах, но тренировались уже по скорректированной тренерами постэкспериментальной программе, уже без участия психолога.

Результаты постэкспериментального тренировочного процесса. Трое воспитанников «слабого» тренера (Г. Л.) из состава новой группы (условно назовем ее «постэкспериментальной, интегрированной») успешно прошли все возрастные ступени профессионального созревания, стали призерами первенств страны среди юношей

и юниоров, двое из них – призерами чемпионатов страны (среди взрослых) и чемпионатов Европы. Такой же сильный эффект имел место и в последующей по возрасту «интегрированной» группе, тренируемой А. М. Трое его воспитанников стали призерами первенств страны среди юношей, двое – среди юниоров, один из них – призером чемпионатов страны (среди взрослых) и двукратным чемпионом Европы (таблица 4.5).

Результаты наших экспериментов согласуются с литературными данными. Согласно Е. П. Ильину и А. Р. Ширинову, при формировании «своего», т. е. типологически адекватного стиля, время, необходимое на достижение более высокой спортивной квалификации умеренно продолжительное, на переходы спортсменов к новым достижениям – от 1-го разряда до мастера спорта – уходит около 1–2 лет, что поддерживает мотивацию достижений борцов. При формировании «чужого», т. е. типологически неадекватного стиля, на достижение более высокой спортивной квалификации уходит более продолжительное время – до 2–6 лет, что ослабляет мотивацию спортивных достижений, косвенно отражающуюся в уменьшении лиц, достигающих квалификации «Мастер спорта» (таблица 4.6).

В разных видах спорта динамика достижения более высокой спортивной квалификации различается (Волков, Филин, 1983), но она все же находится в оптимальных границах (таблицы 4.6 и 5.4). В сравнении с динамикой в вольной борьбе в дзюдо борцы несколько раньше выполняют нормативы мастеров спорта (18,7) и мастеров спорта международного класса (22,8), с таким же интервалом около 4 лет, как и в вольной борьбе. Но в случаях формирования у борцов не соответствующего их индивидуальности стиля выполнение норматива мастеров спорта отсрочивается на 4 года; по мнению тренеров, квалификации «МСМК» борцы с неадекватным стилем вообще не достигают.

Еще одно замечание. В исследованиях Е. П. Ильина и А. Р. Ширинова дифференцировались лишь два варианта – «свой» и «чужой» стили, сформированные у борцов. Результаты наших экспериментов дают основание считать, что в тренировочном процессе, во всяком случае, в начале спортивной карьеры – до 16–18 лет, формируются не столько стили, сколько функциональные связки компонентов стиля, в последующем выступающие в роли их структур. Если, согласно тренерской концепции, вначале «закладывается» широкая техническая база («школа»), она облегчает в последующем формирование индивидуального стиля, более адекватного индивидуаль-

Таблица 4.5
Сравнительная результативность участников экспериментальных и «интегрированных» групп

Тренеры, программы и группы	Спортивные результаты на первенствах страны, чемпионатах страны и Европы по дзюдо в разных возрастных группах			
	Первенство (юноши)	Первенство (юниоры)	Чемпионат (взрослые)	Чемпионат Европы (взрослые)
Л.Г.: «программа 1», экспериментальная группа	*1×2	2	0	0
Л.Г.: интегрированная группа	3	3	2	2
М.А.: «программа 2», экспериментальная группа	1	4	1	0
М.А.: интегрированная группа	3	2	1	**1×2

Примечание: * 1×2 – двукратный призер первенства СССР; **1×2 – двукратный чемпион Европы.

Таблица 4.6
Динамика выполнения борцами квалификационных нормативов и адекватность стиля в разных видах спортивной борьбы

Стиль борьбы	Самбо*		Вольная борьба**		Дзюдо**	
	1-й спортивный разряд	Кандидат в мастера спорта	Мастер спорта	Мастер спорта международного класса	Мастер спорта	Мастер спорта международного класса
«Свой»	4,0 (12)	5,0 (15)	6,8 (10)	4,9 (20,6)	8,7 (24,4)	4,6 (18,7)
«Чужой»	5,4 (10)	7,2 (11)	11,2 (5)	Нет данных	Нет данных	23,1

Примечание: *Данные Е. П. Ильина (2009) и А. Р. Ширинова (1988). Первое число – количество лет, затраченных борцом для достижения соответствующей спортивной квалификации, в скобках – количество борцов, достигших этой квалификации; **данные В. Н. Волкова, В. П. Филина (1983); ***данные автора.

ности борца, структурно оптимального и согласованного. Если же тренером проводится «жесткая политика» в отношении формирования стиля борьбы (чаще – своеобразной проекции стиля тренера), у молодых спортсменов меньше возможностей для выбора и индивидуализации стиля, что и отражается как в их спортивной карьере, так и в отсеве большинства из них.

Обсуждение результатов

Первоначально выделяемые как отдельные, со временем эмпирические факты стали выстраиваться в целостную картину. Обобщая итоги экспериментов и наблюдений десяти лет в спорте высших достижений, ретроспективного опроса обоих тренеров, можно констатировать следующее. Если результативность работы тренеров, представителей разных стилей и имеющих разную типологию, в короткой перспективе юношеского спорта соотносительна, то в далекой перспективе, в спорте высших достижений, чаще и более высокие достижения имели воспитанники «слабых» тренеров. В работе «сильных» тренеров часто имела место выраженная зависимость успеха борцов, физического состояния и отсева спортсменов (даже достигших высших результатов в юношеской возрастной категории) от несоответствия типологии спортсмена и тренера, тогда как у «слабых» такая зависимость успешности спортсмена от индивидуальности и стиля тренера выражена в меньшей степени. «Слабые» тренеры порою проявляли удивительную гибкость и изобретательность в управлении учебно-тренировочным процессом, приспосабливаясь к характеру спортсменов, тогда как «сильные» тренеры – в умении наказать «гордыню» спортсмена (Толочек, 1992). «Средние» и в еще большей мере «слабые» тренеры как педагоги чаще более универсальны, более психофизиологически лояльны к воспитанникам, чем «сильные».

Однако по мере профессионализации, на высших ступенях профессионализма спортсменов, психофизиологическая лояльность тренеров уменьшается у всех без исключения. Данные «срезов» в начале карьеры (юноши и молодые тренеры) и на ее вершине (в спорте высших достижений) свидетельствуют как о реальности фактора «отношения субъектов» (или «интеграция индивидуальностей»), так и об усилении его роли в процессе становления профессионализма субъектов. «Слабые» тренеры в разных возрастных категориях в 1,5–2,0 раза более результативны, чем представители других ти-

пологий. «Слабые» дзюдоисты во всех возрастных и квалификационных группах чаще достигали высоких результатов, чем представители другой типологии. Вероятно, в профессиональной успешности субъектов важную роль играет распределение разных индивидов в разных *пространствах деятельности*. В их успешности проявляется своеобразный феномен «*психологических ниш*» – освоения разных пространств деятельности и успешное взаимодействие разных по индивидуально-психологическим особенностям индивидов в разных частях, в разных сегментах пространства деятельности (Толочек, 1992, 2000).

Наличный эмпирический материал не позволяет делать однозначные выводы. Обсуждая вопросы психологических механизмов профессиональной успешности, можно предполагать, что во влиянии на профессиональную успешность субъекта скорее имеет место *тройной эффект* – *психофизиологической лояльности, соответствия (несоответствия) и согласованности (интеграции)* психофизиологии тренера и спортсмена, проявляющихся как: а) *мера психофизиологических затрат* человека для достижения результата; в) более *ранняя* результативность и более *частая* успешность на старте профессиональной карьеры; с) в апогее карьеры более *частая* и *высокая результативность* спортсменов, психофизиологически соответствующих своему тренеру и его профессиональной картине мира.

Особенностью трех вышеописанных экспериментов, в которых участвовали три тренера (один «сильный» и два «слабых») было требование психолога обязательного соблюдения формальных условий эксперимента, жесткого следования утвержденной программе (она была частью диссертационного исследования). Управление тренировочным процессом, соответственно, имело свои достоинства (научное сопровождение) и недостатки (жесткость программы, неадаптивное поведение тренеров в отношении содержания учебно-тренировочного процесса и психофизиологического состояния отдельных спортсменов; вследствие условий эксперимента некоторый догматизм психолога). Де-факто в управлении тренировочным процессом выделялись два «*полюса интеграции индивидуальностей* субъектов: 1) «психолог–тренер» и 2) «тренер–спортсмен».

К не менее интересным научным фактам можно отнести следующие по времени более сильные эффекты. После завершения экспериментов психолог был поглощен другими задачами. Напомним, что в соответствии с совокупностью обстоятельств трене-

ры ведут разные тренировочные группы с возрастным интервалом в 2–3–4 года; состав групп варьирует, в среднем составляет около 20 чел. Таким образом, в постэкспериментальной ситуации де-факто оставался один «полюс» интеграции индивидуальностей субъектов, «тренер–спортсмен», и возможности гибкого реагирования тренером на состояния спортсменов. Не было научного сопровождения, но не было и ригидности экспериментальных тренировочных программ и поведения тренеров, не было ограничений эксперимента. После эксперимента оба тренера в новых учебных группах более юных воспитанников, условно названных «интегрированными» группами, имели еще более высокие результаты.

У тренера, ранее работавшего по «программе 2а», три воспитанника стали призерами первенства страны среди юношей и первенства страны среди юниоров, двое – призерами чемпионата страны (среди взрослых) и затем – призерами чемпионата Европы (1993–1994 гг.). У тренера, работавшего по «программе 2б», три воспитанника из последующей группы стали призерами первенства страны среди юношей, двое – первенства страны среди юниоров, один – призером чемпионата страны (среди взрослых) и двукратным чемпионом Европы в 1993 г. (таблица 4.5). Оба тренера получили результаты, за которые присваивается звание «Заслуженный тренер РФ», троим их воспитанникам присвоено звание «Мастер спорта международного класса».

Становление стиля и опережающая стилевая специализация. В русле проблемы стиля открытыми остаются многие типовые вопросы дидактики: начало обучения, начало специализации в деятельности, баланс «общего» и «специального» обучения, формирование «школы» и индивидуальный подход и др. В этом контексте актуален вопрос о начале формирования индивидуального стиля. Успешное проведение трех формирующих экспериментов с юношами 2–4-го года обучения (по «программе 1» – формирование стиля «сильных», «программе 2а» и «программе 2в» – формирование стиля «слабых») побудило нас испытать возможности формирующего стиля у начинающих борцов – юношей 1–2-го года обучения. Эта экспериментальная программа («программа 2с») 1986–1987 учебного года подобна ранее реализованным и также была ориентирована на формирование стиля «слабых» (как более универсального, тактически более гибкого и разнопланового). Ведущим был также «слабый» по типологии тренер – Г. С. (27 лет, личные достижения – кандидат в мастера спорта, оценка по теппинг-тесту – 1, по ХНК-2 –

1,20), до этого имевший опыт подготовки только лишь призеров областных соревнований.

В состав 4-й экспериментальной группы входили 19 юношей, из них 11 были диагностированы как «слабые», 4 – «средние» и 4 – «сильные» по силе возбуждения. У всех начинающих борцов, как уже отмечалось, формировался стиль «слабых». В конце учебного года успешность обучения и формирования стиля оценивались по результатам выступления борцов на городском турнире «Открытые ковры». Каждый участник эксперимента участвовал в трех схватках со своими ровесниками, в том числе участниками эксперимента и воспитанниками других тренеров. Итоги эксперимента оказались хуже ожидаемых: из 57 проведенных схваток наши воспитанники выиграли 30 и проиграли 27. Заявляющая о себе типологическая дифференциация успешности выступлений спортсменов в зависимости от формируемого у них стиля, в зависимости от их индивидуально-психологических особенностей оказалась слабо выраженной.

Результаты формирующего эксперимента следует признать неуспешными. И только опыт и увлеченность тренера, его работа в ведущем ДСО областного города (то есть использование ресурсов и традиций ведущего спортивного коллектива) позволили ему «сохранить лицо»: выступление его подопечных было оценено как «удовлетворительное». Но в сравнении с неординарными спортивными достижениями некоторых участников ранее проведенных экспериментов (юношей 2–4 года обучения) мы должны признать последние результаты неудачными.

Мы склоняемся к мнению, что слишком раннее формирование стиля провоцирует субъектов (спортсменов) к выбору не столько средств и форм деятельности, обеспечивающих ее успешность, сколько к выбору предпочитаемых, субъективно удобных средств и форм деятельности, обеспечивающих субъективный комфорт, но не всегда способствующих успешности (результативности, победе в схватках). Операциональные системы, призванные опосредовать обусловленное индивидуально-психологическими особенностями субъекта его предпочтение определенных условий, режимов, средств и форм деятельности, неполноценно формируются без общей физической и технической «базы», без овладения «школой» деятельности. С одной стороны, высшие достижения спортсмена во многом определяются педагогическими технологиями, в частности вниманием тренера к индивидуальности воспитанника. С другой стороны, раннее формирование индивидуального стиля как инди-

видуализация УТП с первых шагов в спорте, опережающая общую подготовку, формирование «базы», может приводить к нежелательным последствиям (к снижению темпов становления спортивного мастерства, к высокой доле отсева занимающихся, к формированию не соответствующих индивидуальности стилей и др.).

Согласно Е. П. Ильину (1983, 2009), спонтанное формирование индивидуального стиля может идти по трем путям. 1. Приспособление деятельности к субъекту (т. е. ее реорганизация как субъективно комфортной, но не всегда успешной в плане результативности, продуктивности, надежности и т. п.). 2. Приспособление субъекта к деятельности (т. е. выбор ее средств, форм, режимов, способствующих результативности, продуктивности, надежности, но не согласующихся с индивидуальностью человека, сопряженных с чрезмерной психофизиологической «ценой» результата). 3. Взаимное приспособление деятельности к субъекту и субъекта к деятельности (т. е. формирование психофизиологически адекватного индивидуального стиля, обеспечивающего как субъективный комфорт, так и успешность деятельности). Наше предложение возможности выбора удобных условий юным спортсменам, у которых еще не сформировались необходимые технические навыки, не было еще должной специальной физической подготовленности, позволяющей «достойно» бороться на протяжении всей схватки, выдерживать ее высокий темп, бороться за победу до конца, провоцировало их к выбору облегченного варианта – тактических уклонений от обостренной борьбы. Образно говоря, их стиль деятельности тренер назвал «танцоры» (т. е. активно передвигающиеся по коврику, демонстрирующие активность, но реально не обостряющие поединок, избегающие любого напряжения и противоборства, фактически уклоняющиеся от борьбы).

Подводя итоги четвертого эксперимента, можно констатировать следующее. 1. Раннее формирование индивидуального стиля в процессе обучения, т. е. опережающая становление «школы» стилизация специализация субъекта, может производить нежелательные эффекты (приспособление деятельности к субъекту: ее реорганизация субъективно комфортна, но не всегда успешна в плане результативности, продуктивности, надежности). 2. Основанием успешности субъектов может выступать становление «полнокровных» стилей как интегральных психологических систем, в которых сформированы, взаимосвязаны и взаимодействуют подсистемы трех уровней: предпочитаемые «субъективно удобные условия

деятельности» – «операциональные системы» – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности»). 3. В спортивной борьбе нет универсальных стилей, равно пригодных для лиц с разными индивидуально-психологическими особенностями. 4. Нет универсальных стилей работы тренеров, равно пригодных для воспитанников с разными индивидуально-психологическими особенностями, равно способствующих высокой результативности спортсменов, их быстрому прогрессированию.

Некоторые детерминанты совместной профессиональной деятельности. Обратим внимание на ряд косвенных фактов, связанных с тренерами – участниками экспериментальных программ. В большом коллективе тренеров (10 чел.) психолог два года активно пропагандировал идеи дифференциальной психологии, идеи стиля. Его слушали, соглашались. Но из 10 человек лишь 7 принимали участие в обследованиях, приводили на обследование своих воспитанников (трое как-то устранились от активных взаимодействий). Из 10 человек к серьезной, планомерной работе склонились лишь четверо, трое из которых оказались «слабыми», один – «сильным». Пропорция специалистов, активно и пассивно взаимодействующих с психологом, взаимодействующих и устранившихся от взаимодействия устойчиво составляла 3 : 1. Из четырех тренеров – участников экспериментов – лишь двое (оба «слабые») оказались результативным, одними из лучших в коллективе; двое (один «слабый» и один «сильный») остались ординарными.

Один из тренеров («сильный», работавший по «программе 1») вышел из эксперимента через 6 мес. совместной работы. Эксперименты с тремя «слабыми» тренерами (работавшими по «программе 2а», «программе 2в» и программе 2с») были доведены до их завершения. Скорее, не случайно, что из четырех тренеров – участников формирующих экспериментов – трое оказались «слабыми», соответствующими по типологии психологу, инициатору и руководителю этих экспериментов. Наименее продуктивными взаимодействия оказались у субъектов с противоположной типологией – психологом («слабым») и тренером («сильным»). Из четырех тренеров – участников экспериментов лишь двое (оба «слабые») оказались высокоуспешными, иначе говоря, КПД научных инициаций составил лишь 50%.

Вероятно, во взаимодействиях людей решающими для становления их успешной совместной деятельности выступают совокупность неформализованных аспектов отдельных актов взаимодействия,

которые могут быть более или менее адекватными в зависимости от индивидуально-психологических особенностей субъектов. Логические аргументы всегда «ложатся на подготовленную почву». Такой «почвой» в данных случаях выступало сходство психофизиологических особенностей (во многом, видимо, определяющих наши ценности, предпочтения, фрагменты профессиональной картины мира и др.). Обобщая, можно утверждать, что взаимодействия субъектов совместной деятельности – людей с определенными индивидуально-психологическими особенностями – никогда не бывают внеличными. *Взаимодействия субъектов совместной деятельности личностно пристрастны, личностно и субъектно комплементарны, согласованны, дополняемы.* Взаимодействия субъектов не бывают ни «внеличными», ни «универсальными», ни безусловно успешными для всех комбинаций индивидуальностей взаимодействующих субъектов.

«Аналитичность/комплексность» критерия диагностики. Обсуждаемые выше эффекты рассматривались нами через призму силы нервной системы по возбуждению. Не отрицая значимости и статуса комплексного изучения человека, отметим, что, согласно литературному и нашему эмпирическому материалу, в сфере спорта высших достижений наиболее весомое влияние на деятельность и результативность имеет именно сила, а не другие свойства (Байметов, 1968; Вяткин, 1978; и др.). Для сравнения: например, диагностика лабильности в наших исследованиях было заметно менее информативна. Психофизиологические свойства с более общей функцией адаптации человека в среде становятся «системообразующим фактором», подчиняя себе другие свойства, выступая как основание иерархии в последующем складывающихся психофизиологических и личностных структур (Александров, Дружинин, 1998; Базылевич, 1998). Вероятно, именно сила нервной системы по возбуждению играет центральную, интегрирующую роль в становлении индивидуальности субъекта в видах деятельности с экстремальными условиями. В 1960–1980 гг. многие специалисты признавали роль этого свойства как основного, определяющего фактора поведения, на фоне которого менее значимую роль играют другие свойства (Гуревич, 1970, 1991; Небылицын, 1966; и др.). В ряде независимых исследований выделялась ведущая роль силы нервной системы по возбуждению в формировании стиля борцов (Волков, 1976; Сиротин, 1972; Сиротин, Волков, 1974; и др.). Согласно литературному материалу (Волков, 1976; Вяткин, 1978; Пра-

ведникова, 1994; Сиротин, 1972; Стреляу, Краевски, 1974; Стреляу, 1982; и др.) и нашим данным, сила нервной системы по возбуждению тесно или умеренно коррелирует с нейротизмом, экстраверсией, эмоциональной устойчивостью, тревожностью и др. свойствами темперамента и личности. Эти свойства побуждают человека к формированию развернутой ориентировочной деятельности, тщательному планированию, становлению превентивных форм адаптации в среде. Следовательно, последовательный анализ стилей деятельности у «сильных» и «слабых» борцов позволял выявлять существенные свойства разных стилей, в той или иной степени характерных и для лиц с иными индивидуальными особенностями.

Педагогические технологии и профессионализм тренера. Как уже отмечалось, к началу эксперимента все тренеры имели ограниченный профессиональный опыт. Еще не было выстроенной эффективной системы управления учебно-тренировочным процессом, отработанных технологий, позволяющих надежно выводить «на орбиту» и одаренных, и ординарных воспитанников, не выстроены «социальные сети», способствующие типовому сопровождению спортсмена: *школа–армия–вуз–трудоустройство* (позволяющие заниматься спортом). В постэкспериментальной ситуации такие системы были сформированы, но ожидаемых профессиональных результатов, увы, не было...

Типичные возрастные *стадии профессиональной эволюции* талантливой тренера в 1980-х годах были таковы: около 12–15 лет работы требовалось для подготовки первых воспитанников – призеров первенств СССР среди юношей; около 15–20 лет – призеров первенств СССР среди юниоров; около 20–25 лет – призеров чемпионатов страны (среди взрослых); 20–30 лет – призеров крупных международных турниров. Тренеры – участники наших экспериментов прошли эти этапы за 7–8, 8–10, 12–14 и 15–16 лет соответственно, т. е. в 1,5–2,0 раза быстрее типичного срока. Взаимодействие с психологом и совместный анализ результатов эксперимента несомненно обеспечивали активную рефлексию; вовлечение в анализ новых реалий, обсуждение и дискуссии с оппонентом, нетипичным для профессии, также имели соответствующие *эффекты*.

Становление профессиональных технологий, как правило, методом «проб и ошибок» у тренеров занимает около 10–15 лет. Но затем, во второй половине карьеры, именно технологии обеспечивают тренеру высокую и стабильную результативность его воспитанников. В рассматриваемых ситуациях этого «естественного кумуля-

тивного эффекта» не было. Достигнув едва ли не вершины профессионализма за первые 12–15 лет карьеры, в последующие 10–15 лет работы, с середины 1990-х по 2010-е годы, наши тренеры не имели значительных профессиональных результатов, эквивалентных достигнутым в середине 1980–начале 1990-х годов.

КПД учебно-тренировочного процесса в спорте был сравнительно низок. В 1980-х годах в нашей стране борьбой дзюдо занималось около 340–360 тыс. чел. В сборную команду СССР входили 24–30 чел. Призером чемпионата страны и, соответственно, членом сборной команды становился 1 из 10–15 тыс. «конкурентов». «Пирамида» с основанием в 340–360 тыс. чел. обеспечивала стабильные 3–4 медали на крупных международных турнирах – чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх, как правило, не более одной золотой и 2–3–4 серебряных и бронзовых медалей. Другими словами, одну медаль обеспечивали 80–100 тыс. чел., занимающихся одним видом спорта. Таким образом, эффект нашего эксперимента – один призер чемпионата страны, подготовленный из состава двух групп общей численностью 40 чел, или 1 : 40, в сравнении с типичной пропорцией 1 : 15000 можно признать многократно превосходящим «норму» (то же относится и к успехам в возрастных группах «юноши» и «юниоры»). В постэкспериментальной ситуации – три призера чемпионата страны и Европы, подготовленные из состава двух тренировочных групп (т. е. пропорция 3 : 40), эффект является еще более впечатляющим.

Возрастное созревание спортсменов всегда было болезненным и кризисным. Это остроактуальная проблема и для спортсменов, и для тренеров. В целом по *всем видам спорта* в 1980-е годы менее 5% чемпионов страны среди юношей (т. е. 16–18-летних) становились чемпионами страны среди юниоров (т. е. 19–20-летних), менее 5% среди которых в последующем были чемпионами страны (среди взрослых). Согласно нашим данным (1986–1988 гг.), из 48 обследованных нами призеров и чемпионов первенств СССР среди юношей и первенств СССР среди юниоров по дзюдо в последующие 10–12 лет 29 человек (или 60%) не состоялись в большом спорте, не показали результатов, превышающих их юношеские и юниорские достижения; 11 (23%) были призерами чемпионатов страны (т. е. открытых турниров среди взрослых), что можно оценивать как некоторый прогресс; еще 2 (4%) стали чемпионами страны и призерами чемпионатов Европы; 6 (12,5%) были чемпионами Европы, чемпионами и призерами чемпионатов мира и Олимпийских игр. Высших спор-

тивных результатов достигли лишь двое, или 4%, из числа молодых одаренных борцов. Таким образом, сложившаяся в 1980–1990-х годах практика подготовки спортсменов высших разрядов едва ли может считаться эффективной. Очевидно, что нужно искать резервы повышения ее эффективности. Один из очевидных – взаимодействие практики и науки.

Социальная мезосреда к началу экспериментов была скорее негативной. В городе и в области около 10 лет не было призеров чемпионатов страны среди юношей и juniоров. Последние результативные спортсмены общества завершили свою карьеру к началу 1980-х годов. Следовательно, к началу наших экспериментов заметно ослабели ранее актуализированные «социальные технологии», померкли вдохновляющие примеры и образцы, облегчающие следование им тренерами и юными спортсменами.

Объективный уровень профессионализма в спорте 1980-х годов был высок. СССР был первой спортивной державой в мире. Конкуренция на чемпионатах страны во всех видах была чрезвычайно высока (чаще даже выше, чем на международных турнирах). Чемпионаты России, т. е. одной из республик, были менее напряженными и менее значимыми, «проходными» ступенями. С середины 1990-х годов объективный уровень мастерства спортсменов-дзюдоистов сильно понизился (вследствие снижения привлекательности спорта и уменьшения числа занимающихся, ухода из спорта многих тренеров, потери молодыми людьми перспектив последующей профессионализации и пр.). Соответственно, ввиду снижения конкуренции понизилась и реальная квалификация последующих призеров чемпионатов новой, ослабшей России. Невероятно, но наши тренеры, умеющие выводить спортсменов на уровень международного класса при более жестких требованиях, в новых, облегченных, условиях уже не имели подобных достижений ни в одной из последующих возрастных групп. Видимо, эффекты взаимодействия практики и науки многогранны, процессуальны, существуют «здесь и теперь» и не сохраняют свою неизменную силу в бесконечности времени и пространства.

«Центры» интеграции ресурсов. Понимая учебно-тренировочный процесс в спорте как совместную деятельность, можно выделить два ключевых «центра» интеграции индивидуальности и ресурсов партнеров. *Первый «центр»*, или творческое взаимодействие психолога и тренеров, затрагивал не только собственно рабочие аспекты, но и многие жизненные планы, настоящее, будущее тренеров. Все

тренеры – участники эксперимента в прошлом были малоуспешны как спортсмены. Соответственно, у них были специфические психологические комплексы, жесткие социальные установки и профессиональные стереотипы, своеобразные ценности. Они были молоды (24–26 лет), были женаты и имели малолетних детей (следовательно, переживали типичные межличностные конфликты, преодолевали типичные семейные кризисы). Привнесение психологом мощного гуманитарного ресурса идей Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына, В. С. Мерлина, Е. А. Климова, по существу, обеспечивало «удвоение сознания» (А. Р. Лурия), становление, развитие, коррекцию их Я-концепции, утверждение новых ценностей, становление принципиально новой профессиональной картины мира молодых тренеров. Нетипичная для тренерской среды профессиональная картина мира психолога, его ценности и активная жизненная позиция могли скорее благотворно влиять на разные сферы жизнедеятельности молодых людей. В этот период имели место выраженные эффекты «инобытия личности в другом» (по А. В. Петровскому) с обеих сторон.

Второй «центр», или профессиональные взаимодействия тренеров и спортсменов, также затрагивал не только область спортивной тренировки, но и традиционно для отечественной культуры многие жизненные аспекты отношений тренеров и спортсменов. Представляется важным, что оба «центра» интеграции имели сходные ценности и цели, оба имели выраженные «векторы развития» – устремленность к вершинам профессионализма. Но в последующем непосредственные взаимодействия психолога и тренеров прекратились.

Социальные инфраструктуры. Во второй половине 1980-х годов вся система планомерной подготовки спортсменов в СССР и их социальной адаптации стала разрушаться. Наиболее уязвимыми оказались молодые тренеры, еще не закрепившие свои связи с социальными институтами. Многие талантливые спортсмены стали уходить из спорта, в т. ч. самые яркие борцы из наших экспериментальных групп – С. Ч., В. О., С. П. и др. С начала 1990-х годов тренер А. М. параллельно и преимущественно занимался другой деятельностью; де-факто он вернулся в профессию в конце 1990-х годов. Г. Л. в 1994–1995 гг. работал за рубежом. Таким образом, в первой половине 1990-х годов следовые процессы наших экспериментов, к сожалению, угадали...

Разрушение социально-экономических оснований жизни с начала 1990-х годов, затрагивающее едва ли не все профессиональные

сферы, деятельность многих людей, деформировали их отношения, ценности, смыслы, цели. Следующие из деформации кризисы и внутриличностные конфликты можно назвать *дезинтеграцией индивидуальности*, личности. Эти процессы не обошли стороной всех участников эксперимента. В конце 1990-х и в 2000-х годах социальная ситуация в спорте высших достижений была уже иной...

Постэкспериментальные эффекты. Рассматривая результаты и эффекты эксперимента в ретроспективе (через 25 лет) можно констатировать, что при всех социальных деформациях и личных жизненных проблемах тренеры – участники экспериментов сохранили более высокую продуктивность, чем их коллеги, не участвующие в экспериментах. Участники эксперимента как профессионалы были в десять раз продуктивнее своих ровесников и в 1,4 раза продуктивнее своих коллег, более зрелых по возрасту и профессионализму.

Принимая во внимание быстрое прогрессирование тренеров – участников эксперимента в период реализации экспериментальных программ, их стремительный выход в состояние зрелых профессионалов, можно было бы ожидать и последующего столь же мощного прогрессирования и стабильной профессиональной успешности. Но наши лучшие ожидания оказались несостоявшимися. Видимо, научные достижения сами по себе, без посредника-ученого, редко становятся достоянием практиков, а если и становятся – лишь в минимальной мере. Во взаимодействиях ученого и практика всегда имеют место и неформализованные эффекты межличностных взаимодействий, взаимное обогащение «личностным знанием» (по М. Полани).

В начале эксперимента (1983) психолог активно общался с девятью тренерами, работавшими в коллективе. Многие слушали, внимали, приводили своих воспитанников и сами соглашались на психодиагностику. Двое из них стали участниками наших экспериментов (условно назовем их «интегрированными молодыми» тренерами). Четверо (в возрасте 23–27 лет) ограничились обсуждениями проблемы и психодиагностикой (условно назовем их «неинтегрированными молодыми» тренерами). Еще трое (в возрасте 32–40 лет) также ограничили свои отношения с психологом (условно назовем их «неинтегрированными зрелыми» тренерами). От молодых они отличались уже сложившимся к этому времени «социально-профессиональным ресурсом»: выстроились и укрепились связи с администрацией города, районов, вузов и др., позволяющие тренерам надежно решать социальные вопросы своих воспитанников,

таким образом, значительно удлиняя спортивную карьеру молодых борцов и повышая их результативность. Другими словами, старшие по возрасту тренеры уже имели то, что в политике именуют «административный ресурс» и в чем встречали затруднения их молодые коллеги вследствие разрушения всей системы спорта высших достижений с конца 1980-х годов. За последующие 25 лет двое «интегрированных молодых» тренеров подготовили десять борцов – призеров первенств страны среди юношей, среди юниоров, чемпионатов страны (т. е. среди взрослых). Таким образом, средний КПД-1 тренера составлял один результативный спортсмен за 5 лет работы. Четверо «неинтегрированных молодых» тренеров подготовили лишь двоих результативных борцов; КПД-2 тренера – один результативный спортсмен за 50 лет ($4 \times 25 : 2$). Трое «неинтегрированных зрелых» – 11 результативных воспитанников; КПД-3 тренера – один спортсмен за 6,8 лет. Таким образом, тренеры – участники эксперимента как профессионалы были в десять раз продуктивнее своих ровесников и в 1,4 раза продуктивнее своих более зрелых коллег. Это – *первый эффект*.

Второй эффект. Парадоксальным нам представлялся *первый эффект* обоих экспериментов: у «слабых» по типологии тренеров первыми самыми результативными стали «сильные» воспитанники (у первого тренера – двукратным призером, у второго – чемпионом первенства СССР среди юношей). Эти факты явно не соответствовали всей методологии проблемы индивидуального стиля и в целом непосредственным и отдаленным результатам наших экспериментов. (Впоследствии наиболее высоких результатов, среди молодежи и среди взрослых, достигали именно «слабые» и «средние» борцы, то есть соответствующие тренерам по психофизиологии.) Время расставило «точки над і». Первый из юных одаренных борцов в последующем не имел достойных результатов ни в молодежной, ни в старшей возрастной группе, более того, оказался социально несостоятельным (стал употреблять наркотики и т. п.). Второй один раз стал призером первенства СССР среди молодежи; к настоящему времени он, увы, профессионально не состоявшийся человек. Напрашиваются выводы: а) успешность деятельности спортсменов, не соответствующих тренеру по психофизиологии, маловероятна, кратковременна, нестабильна; в) даже в случае отдельных узкопрофессиональных успехов последующая социализация спортсменов, их реализация в других сферах, в других ролях оказалась затруднительной. Очевидно, что вопросы меры соответствия и интеграции индивидуальностей

выходят далеко за пределы профессиональной сферы, за пределы проблемы «стиля деятельности».

Обобщая все материалы цикла исследований, мы имеем достаточно оснований говорить как о несомненной роли разных индивидуальных особенностей спортсмена в успехе – способностей, мотивации и др., отраженных в парадигме «свойств субъекта», что давно аргументированно доказано и признано в психологии. Но так же весома роль соответствия/несоответствия индивидуальных особенностей субъектов, объединенных в профессионально-функциональных «диадах», а также особых отношений между психофизиологически сходными индивидами (парадигма «отношений субъекта» и «интеграции индивидуальностей»). Если принять как аксиому суждение выдающегося тренера Е. А. Чайковской: «Задача тренера – 1) раскрыть самую сильную сторону спортсмена» – с дополняющими ее двумя положениями в соответствии с полученными фактами: 2) «понять, принять и раскрыть сильные стороны своей индивидуальности», 3) «построить свои самые эффективные отношения и уникальные взаимодействия со спортсменом как индивидуальностью» – мы получаем целостную картину феномена профессиональной успешности в спорте высших достижений, своего рода *триаду успешности*.

Выводы

1. Психофизиологические особенности человека являются весомым условием его социальной (профессиональной, спортивной в частности) успешности. Но психофизиологические особенности человека играют, скорее, не самодовлеющую роль, а выступают важным направляющим, системообразующим фактором в сложных процессах интеграции индивидуальности человека с условиями социальной среды (например, условий и требований спортивной деятельности), с индивидуальностью других людей.
2. В ситуациях направленного воздействия на индивидуальность человека (в частности, в учебно-тренировочном процессе в спорте высших достижений) психологические особенности человека проявляются как в аспектах результативности, успешности деятельности/обучения (в спортивных результатах), так и процессуально (в психофизиологической цене социальных достижений, в их темпоральных характеристиках). Имеет место и *тройной эффект психофизиологической интеграции индиви-*

дуальностей субъектов совместной деятельности: а) как мера психофизиологических затрат человека для достижения результата; в) на старте профессиональной карьеры как более ранняя результативность и более частая успешность; с) в апогее карьеры – как более частая и высокая результативность спортсменов, психофизиологически соответствующих своему тренеру, его профессиональной картине мира.

3. Важными детерминантами результативности спортсменов (в борьбе дзюдо) можно считать: а) соответствие психофизиологических особенностей тренера и спортсмена (сила нервной системы по возбуждению); в) стилей борьбы тренера и спортсмена; с) соответствие профессиональной концепции тренера (его представлений о стилях и их эффективности, предпочтения методов обучения, тренировки и т. п.) индивидуальности спортсмена. При этом более широкий и позитивный эффект дают стили работы «слабых» тренеров. У «слабых» по типологии тренеров воспитанники более результативны во всех возрастных группах, но чаще успеха достигают «слабые» по силе нервной системы борцы. Два центра интеграции индивидуальностей («психолог-консультант-тренер» и «тренер-спортмен») субъектов совместной деятельности привели к статистически значимому приросту спортивных результатов; один центр интеграции индивидуальностей («тренер – спортсмен») и более гибкая и адаптивная программа учебно-тренировочного процесса – к еще более весомым, предельно высоким профессиональным достижениям спортсменов и тренеров (в видах деятельности, имеющих объективные критерии международного класса, характеризующиеся как деятельность в экстремальных и особых условиях), но этот эффект был и менее продолжителен.
4. Эффективные интеграции индивидуальности человека и индивидуальностей субъектов совместной деятельности приводят к более частым и более высоким профессиональным (спортивным) достижениям (даже при сравнительно негативных или нейтральных других условиях). Напротив, дезинтеграция индивидуальности и отношений субъектов резко снижает их профессиональную успешность (даже при наличии других, «компенсирующих», условий – профессионального опыта, социальных связей и др.).
5. Мера соответствия и интеграции индивидуальностей субъектов в функционально связанных группах имеет множественные

социальные эффекты, выходящие далеко за пределы узкой профессиональной сферы, за пределы проблемы «стиля деятельности», проблемы «взаимодействия субъектов».

4.3. Взаимодействия стилей и индивидуальностей субъектов совместной деятельности: факты, обобщения, предположения

Сформулированная тема – взаимодействия стилей и индивидуальностей субъектов совместной деятельности – имеет ряд важных «пересечений», связей, общности подходов с другими проблемами, изучаемыми в смежных научных областях, значимых для социальной практики. Рассмотрим некоторые из вопросов, более общие и более частные, в отношении которых допустимы экстраполяции на основании полученных нами фактов.

Первый – вопрос взаимоотношений индивидуальностей в системе «педагог–воспитанник» (учитель–ученик, преподаватель–слушатель, тренер–спортсмен), всегда актуальный и часто признаваемый как недостаточно изученный. В частности, отмечалось, что в рамках психологического анализа «проблема взаимодействия педагога и обучающихся до последнего времени была явно обойдена вниманием» (Ляудис, 1980, с. 76). На примере спортивной деятельности нами показаны некоторые закономерные следствия стилевых взаимоотношений субъектов педагогической диады. Вероятно, исходным пунктом здесь становится сходство психофизиологических и психологических особенностей педагога и воспитанника, а влияние результата его деятельности (или его статуса в группе) на взаимоотношения с педагогом есть уже следствие и вторичный детерминирующий фактор.

Второй – вопрос взаимоотношений индивидуальностей в социальных дополняющих диадах в связи с социально ценными результатами их взаимодействий: в системе «врач–больной–выздоровление» (Решетова, 1990), «руководитель–подчиненный–успешность деятельности», «менеджер–клиент–удовлетворенный запрос» (Управленческое..., 1992), «психотерапевт (консультант) – клиент – решенная проблема клиента» (Василюк, 2009; Марасанов, 2009; Мишина, 2010; и др.), «командир–подчиненный–боеспособность подразделения», и т. п. Эти вопросы, также перманентно актуальные, недостаточно изучены и с разной полнотой представлены в разных дисциплинах, в разных методологических подходах. В рамках нашей темы

мы лишь обозначаем сходство функциональных связей между социальными объектами и вероятным спектром детерминант, что предполагает и принципиальное сходство психологических механизмов функционирования социальных объектов.

Третий вопрос – развитие человека в процессе обучения. Обращаясь к механизмам овладения человеком новой деятельностью, укажем на такие рассматриваемые в отечественной психологии феномены, как «зона ближайшего развития» (ЗБР) и «сензитивность», традиционно используемые в возрастной психологии, в изучении развития ребенка. Представляется важным, что Л. С. Выготский, Б. Г. Ананьев, Н. С. Лейтес, одними из первых начавшие изучение этих феноменов, связывали их с возрастным развитием, но не ограничивали жестко определенным возрастным периодом. Сами же периоды понимались, скорее, как моменты яркого проявления феномена.

Довольно сходные точки зрения названных ученых обобщим в следующих положениях. 1. Взаимодействие с педагогом значительно увеличивает возможности воспитания (от актуального уровня развития до уровня решения задач с помощью обучающего), обеспечивая переход «*интерпсихических функций*» в «*интрапсихически*» (Ананьев, 1968, 1977; Выготский, 1956; Лейтес, 1960, 1970). 2. Возрастная *сензитивность* как повышенная чувствительность к определенному роду воздействиям может «сохранять свою роль далеко за пределами данного периода» (Ананьев, 1977, с. 248); «чувствительность к словесным и несловесным воздействиям и соответствующее направление активности – важное и долговременное условие становления общих способностей» (Лейтес, 1960, с. 23). 3. Сензитивность проявляется как интегральный феномен, как своего рода функциональная система, как «сплетение органического и социального рядов». Сензитивность связана со способностями, с индивидуальными особенностями (типологическими свойствами нервной системы, особенностями личности) (Ананьев, 1968, 1977; Выготский, 1956; Лейтес, 1960, 1970). 4. Можно различать как *частную сензитивность*, так и «общий для данного человека способ чувствительности»; «сензитивность является общей, относительно устойчивой особенностью личности» (Ананьев, 1977, с. 104–105).

Выделяя парадигмальные границы научных подходов, можно отразить логику научного продвижения в понимании учеными обсуждаемых феноменов. В 1930-х годах психологическая рефлексия проблемы отношений человека и среды локализова-

лась в двух физических «центрах»: первый – один субъект взаимодействий («взрослый» как носитель культуры общества) и второй («ребенок» как осваивающий, присваивающий фрагменты современной ему культуры общества, овладевающий ими). «Взрослый» (любой!..) рассматривался как «необходимое и достаточное» условие для спонтанного развертывания процессов «присвоения культуры» уже вследствие ее естественной интериоризации со стороны ребенка. Этот процесс представлялся как целостный, заверченный, диффузный.

В 1960–1970-х годах понимание отношений человека и среды также локализовалась в двух «центрах» – исторических, хронологических: человек как часть человечества (в его биологической и психической эволюции «там и тогда») и человек, актуально взаимодействующий в среде «здесь и теперь» (с его потенциалом «разворачивания» и развития эволюционных накоплений). Наличие человеческого сообщества, культуры как среды также виделось «необходимым и достаточным» условием для спонтанного развертывания филогенетических программ.

В 1990–2000-х годах, как будет отмечено ниже, в отношениях человека и среды ученые стали выделять специфические опосредующие звенья – методики обучения, отношения, особенности образовательной среды, посредничество педагога, индивидуальность педагога (Асмолов, 2001; 1996; Лефевр, 200; Поддьяков, 2004, 2006; Панов, 2001, 2004; Кабардов, 2001, 2011; Толочек, 1994, 1992, 2000; и др.). Именно подобные специфические опосредующие звенья – методики обучения, особенности образовательной среды и пр. – теперь понимаются как факторы, «запускающие» процессы саморазвития. Но эти специфические опосредующие звенья, методики обучения и пр., уже не рассматриваются как «необходимые и достаточные», а, скорее, как амбивалентные, находящиеся в диалектической связи с рядом других факторов – индивидуально-психологических особенностей субъекта (ребенка), индивидуально-психологических особенностей с ним взаимодействующего другого субъекта (преподавателя), возрастного периода и пр.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, отметим содержательные параллели между в разные годы (1930-е и 1960-е) выделенными феноменами «зона ближайшего развития» («ЗБР») и «сензитивность», а также обсуждаемыми нами эффектами стилевых взаимодействий и взаимоотношений тренера и спортсмена. Мы выделяем три ключевых аспекта.

1. Использование тренером как отдельных методик обучения (тренировки), так и их комплексов (отражающих субъективные предпочтения педагога). Из полученных данных следует, что методы обучения и тренировки неравноценны для воспитанников с разными индивидуально-психологическими особенностями. Для одних спортсменов определенные методы, методики и комплексы более эффективны, для других – менее. Психологически обусловленную избирательность реакций человека на отдельные методики можно назвать *частной сензитивностью*, на комплексы методик – *общей сензитивностью*. Вероятно, данные независимых исследований отражают характер (а не только уровень) взаимодействия организма со средой, его изначальную ориентированность на разные стимулы окружения, среды (т. е. на характер отношений «субъект–среда»), а не только лишь на интрасубъектные свойства, названные сензитивностью. К такому мнению подводят и результаты исследований зависимости уровня метаболизма и реакций организма на разные режимы деятельности у лиц с различными индивидуально-психологическими особенностями (Ильин, 1980, 1983; Кадыров, 1987; Сальников, 1976; Синани, 1967; и др.). Вероятно, наиболее убедительное объяснение обсуждаемых эффектов возможно в русле *экологической парадигмы* в психологии.
2. Если в феномене ЗБР проявляются эффекты взаимодействий обучающего и обучаемого, то закономерно возникает вопрос *совместимости* ее участников. (Некоторые ученые момент совместной деятельности учителя и ученика считают принципиальным условием полноценного овладения деятельностью учеником (Артемьева, 1999; Панюшкин, 1984; и др.)
3. Диалектичность становления и развития эффектов взаимодействия субъектов. Очевидно, что ребенок растет, изменяется физически и психически; естественно признавать и за «взрослым» возможность изменений, пусть и менее выраженных. Но даже если бы социальные и психологические механизмы их взаимодействий оставались неизменными, едва ли можно ожидать неизменности эффектов этих взаимодействий на протяжении длительного времени.

Заметим, что в последние годы ученые больше внимания стали уделять аспектам динамики и хронологии феноменов «ЗБР» и «сензитивности», разным эффектам функционального взаимодействия людей, которые, вероятно, всегда характеризуются *биполярностью*

и *амбивалентностью*. Биполярность можно обозначить как наличие выраженного «положительного полюса», способствующего развитию субъекта (индивида, личности, индивидуальности), и «отрицательного полюса», препятствующего развитию и угнетающего его. В научной литературе, однако, чаще выборочно обсуждаются проявления (про-явления) одного из «полюсов». Например, ЗБР трактуется Л. С. Выготским исключительно как возрастание возможностей ребенка в процессе взаимодействий со взрослым. Воспитание и обучение традиционно рассматривается учеными как позитивный процесс формирования у ребенка или привития ему социально ценных качеств; руководство – как организующее начало, направляющее, интегрирующее, мотивирующее людей и т. п. Второй полюс, порождающий посредственность и бездарность, пассивность и инфантильность людей, заслоняется позитивным и односторонним названием эффекта: «воспитание», «руководство», «лидерство» и т. д. Еще сложнее в рамках сциентистского подхода фиксировать *амбивалентность* – периодические колебания валентности, положительного или отрицательного «знака» эффектов взаимодействия людей.

В последние два–три десятилетия феномен ЗБР все чаще рассматривается диалектически – не как постоянный и позитивный эффект, а как динамичные, неоднозначные и вариативные эффекты взаимодействия более опытного субъекта с менее опытным, осваивающим тему, предмет, дисциплину, профессию (Асмолов, 1986; Лефевр, 2000; Поддьяков, 2004, 2006; Рубцов, 1996; Смирнов, 1995; Diaz, Hernandez, 1998; и др.). Собственно, такой двойственностью характеризуются не только *эффекты*, но, видимо, и *процессы взаимодействия* людей. На примере обучения это убедительно рассматривается А. Н. Поддьяковым, В. В. Рубцовым, С. Д. Смирновым и др.

Четвертый вопрос – *развитие человека в процессе совместной деятельности*. Еще раз обратим внимание на выявленные нами интересные факты: наивысших результатов достигают только борцы, соответствующие своему тренеру по типологии; при очевидной тенденции формирования у спортсменов своего стиля тренеры весьма неточны в оценках стилей деятельности и составляющих стиля борцов. Эти факты можно объяснить тем, что, во-первых, в обучении и воспитании помимо формализованных моментов (состав действий и операций) педагогом задается поле *неформализованных деятельностных и личностных смыслов* («личное знание», по М. Полани). Во-вторых, часть взаимодействий в системе «педагог–воспитан-

ник» протекает на неосознанном уровне, вероятно, определяющем конечные, решающие, отставленные по времени результаты педагогического, учебного, учебно-тренировочного процесса. Видимо, это одна из причин, объясняющая принципиальную установку некоторых восточных философских школ на передачу информации в процессе непосредственных отношений учителя и ученика. Следует упомянуть и о значимости собственно эмоциональной составляющей общения, содержание и организация которого также дают основание для выделения ее стиливых признаков (Додонов, 1978, 1981; Дорфман, 1987, 1993).

Обратимся к материалам прямого изучения *эффектов взаимодействия субъектов*, возникающих за пределами их актуального взаимодействия. Основываясь на концепции развития личности и концепции персонализации А. В. и В. А. Петровских, В. Г. Грязева-Добшинская рассматривала становление личности как *триаду взаимно связанных процессов*: «адаптация–индивидуализация–интеграция». *Адаптация* понимается как процесс приспособления. *Индивидуализация* личности – как интерперсональный процесс, как возможность осуществления значительных вкладов в жизнь партнеров и группы; *интеграция* личности – как ее включенность в совместную деятельность, «в групповое целое, которая возможна при условии обретения личностью индивидуального своеобразия, отраженности группой этого индивидуального своеобразия и его принятия» (Грязева-Добшинская, 2010, с. 301). В цикле экспериментов были выделены три измерения активности личности в совместной деятельности на примерах решения творческих задач: *интраиндивидуальное* – «личностные стили»; *интериндивидуальное* – «интерэффекты личностного стиля»; *метаиндивидуальное* – «метаэффекты личностного стиля». Среди интерэффектов, или «инвариантов взаимной активности субъектов в отношении друг друга и в отношении преобразования объекта», выявлены две основные формы: а) «эффект восхождения к общему» – порождение встречной продуктивной активности, ориентированной на общий смысл; конечный продукт – результат спонтанного совместного преобразования первоначального продукта одного из партнеров... при создании общего смыслового поля, направляющего процесс преобразований, но не всегда обсуждаемого»; в) «эффект согласованного общего выбора» – порождение автономной продуктивной активности с независимой смысловой ориентацией и встречной «оценочной» активности при выдвижении «лучшего» общего продукта; результат – признанный лучшим продукт

одного из партнеров, удовлетворяющий ценностным ориентациям остальных» (там же, с. 304).

В аспектах обсуждаемой нами проблемы наиболее интересными представляются и выявленные учеными «метаэффекты» как следствия влияния субъекта за пределами актуального взаимодействия с партнерами: «резонанса» – «усиления тенденции продуктивной активности у реципиента после трансляции ее индуктором»; «индивидуализации» – «усиления тенденции продуктивной активности, которая была у реципиента, но которой не было у индуктора, дающего изменения по другим тенденциям реципиента»; «трансцендирования» – «появления тенденции продуктивной активности, которой не было ни у реципиента, ни у индуктора (активность в зоне повышенной сложности, неопределенности и т. д.)»; «норматизации» – «появления или усиления у реципиента тенденции продуктивной активности в зонах повышенной популярности, определенности...» и др. (там же, с. 305). Материалы экспериментов В. Г. Грязевой-Добшинской можно рассматривать как корректное научное подтверждение тех психологических эффектов, возникающих в процессах взаимодействия субъектов совместной деятельности, которые мы отмечаем, о которых нами высказываются лишь предположения, за отсутствием всех необходимых эмпирических данных.

Пятый вопрос – *личностные детерминанты межличностных взаимодействий*. В наших исследованиях внимание было сосредоточено на *первом субъекте диады*, занимающем *иерархически низкую позицию* – спортсмена, ученика. Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о сложных процессах принятия своей индивидуальности вторым субъектом, иерархом диады, – тренером и вышестоящим руководителем, их внутриличностных конфликтах, компенсации на других людях своих «комплексов», «недостатков» и пр. В психотерапии подобные эффекты взаимодействия в диаде «психотерапевт – клиент» рассматриваются как «переносы», «контрпереносы» и др. В социальной психологии особенности отношений в диаде отчасти отражаются как эффекты восприятия – «ореола», «подобия», «контраста», как психологическая дистанция, сработанность, совместимость и т. п. Очевидно, что имеет место не только статика фактора «отношений субъекта» в профессиональных связках – *диадах и триадах*, но и динамика их сопровождающих психологических и социально-психологических эффектов и связанных с ними психических состояний на протяжении профессиональной карьеры обоих субъектов.

Что стоит за «отношениями личности» к другим, какие именно ее «свойства»? В ряде исследований показана или обсуждается роль высших личностных образований в генезе профессионализма (Завалишина, 2005; Поваренков, 2008, 2012; Пономаренко, 2004; Пряжников, Пряжникова, 2001; и др.). Проявляющаяся в межличностных взаимодействиях сложная организация высших уровней личности – динамика в иерархии ее составляющих, компенсаторные функции разных составляющих, различие стратегий в частных и публичных ситуациях и пр. – представлена в работах А. Анастаси, Р. Баумейстер, Р. Вайли, Е. Дикстейна, И. С. Кона, В. В. Столина, Э. Эриксона и др. В контексте обсуждаемой нами темы можно акцентировать внимание на следующих вопросах: как согласуются личностные структуры субъектов в прогрессирующих иерархических профессиональных диадах; какова эволюция личностных образований на протяжении профессиональной карьеры партнеров? Это всегда отношения подобия, дополнительности, симметрии? Какова мера оптимальной симметрии/асимметрии взаимодействующих людей? Она динамична или инвариантна для каждой личности? Отношения в диаде неизменны/изменяются на протяжении всей карьеры партнеров? Как они связаны с периодизацией карьеры? Эти и другие вопросы пока остаются открытыми.

Шестой вопрос – тема *высшего уровня организации стиля* («идеальных регуляторов»/«типа организации деятельности»). «Тип организации деятельности», «идеальные регуляторы», когнитивные составляющие стиля, приняты нами как высший уровень активной адаптации субъекта к требованиям деятельности и среды (окружения).

Помимо общей стратегии осуществления деятельности, выбора режимов и определенных «рабочих зон» в пространстве, выстраивания особых отношений с партнерами (эффект «психологических ниш»), высший уровень отражает своеобразие подготовки к ней, коррекцию ее результатов, саморегуляцию поведения субъекта. Рассмотрим когнитивные аспекты стиля.

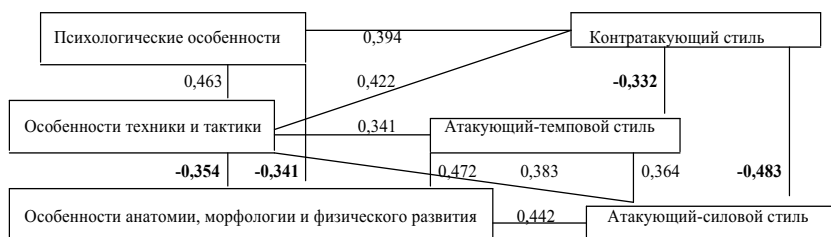
А. Образ деятельности. С ростом спортивного мастерства борцов их образы составляющих деятельности развиваются, усложняются, обогащаются и дифференцируются. Согласно нашим материалам, динамика становления образа деятельности выражается, в частности, в *количестве* противника учитываемых борцом значимых признаков противника при составлении плана предстоящей схватки. Их общее число составляет: для спортсменов-разрядников – 3–4;

для кандидатов и мастеров спорта (МС) – 5–6; для мастеров спорта международного класса (МСМК) – 5–8; для заслуженных мастеров спорта (ЗМС), чемпионов мира, Олимпийских игр – 8–15 признаков соперника.

С ростом профессионализма изменяется и общая стратегия ведения схватки. Для МС она сводится преимущественно к «навязыванию» своей тактики; для МСМК она заключается в первоначальном разрушении замыслов противника и затем – реализации своего плана, для ЗМС – в переигрывании, в использовании тактики и замыслов соперника для победы над ним (Панюшкин, 1984).

Вместе с тем образы деятельности борцов отражают их индивидуально-психологические и стилевые особенности. Например, борцы с сильной нервной системой чаще склонны к «силовому дзюдо», предпочитают атакующий-силовой стиль, обороняющегося и малоподвижного противника. Подобные предпочтения неосознанны, борцы затрудняются в их аргументации. Силевая детерминация проявляется в большей или меньшей субъективной значимости для спортсмена разных сторон подготовленности противника. Для представителей атакующего-силового стиля более значимы показатели тактико-технической подготовленности соперника; атакующего-темпового стиля – физической подготовленности; представители контратакующего-игрового стиля большее внимание уделяют психологическим особенностям и тактике соперника (рисунок 4.1). Примечательно, что «достаточные и необходимые» составляющие образа соперника с развитием мастерства борца не переходят в обобщенно-среднее состояние. Силевой и индивидуально-психологической обусловленности подчинены все аспекты планирования, прогнозирования, подготовки и реализации деятельности спортсменами.

Отметим и стилевые различия в планировании деятельности и подготовки к ней. Для борцов атакующего-силового стиля характерно заблаговременное планирование ответственных встреч (до двух месяцев) и разработка двух–трех жестких схем ведения схватки («Думать нужно до выхода на ковер!»). Борцы атакующего-темпового стиля, как правило, используют стратегию подавления темпом: высокий темп борьбы, частые одиночные действия, одна-два направленные комбинации. Борцы контратакующего стиля склонны действовать по ситуации, учитывая психическое и функциональное состояние противника на момент схватки («Мне нужно видеть его лицо»). Соответственно планированию строится и непосредственная подготовка к турниру. Борцы атакующих стилей преимущест-

Рис. 4.1. Взаимосвязи стилей борьбы и учитываемых борцами признаков соперника

венно «отрабатывают» избранные тактические схемы с квалифицированным спарринг-партнером. Представители контратакующего стиля готовят несколько связанных тактических комбинаций, нередко охотно работают с разными по квалификации и индивидуальности партнерами, подстраиваясь под них и переигрывая их.

В. Образ «Я» как субъекта деятельности. При многообразии индивидуальных вариантов адаптации борца к требованиям деятельности один из основных признаков ее успешности – адекватность образа «Я» стилю субъекта в границах избранного типового (объективированного) стиля. Например, предпочтение спортсменом игрового стиля предполагает предпочтение контратакующей тактики, среднего темпа и средней дистанции в схватке, разнонаправленных комбинаций технических действий, предпочтение таких способов решения тактических задач, как изменения захватов, блокирующих захватов, передвижений и, напротив, избегание сковывающих захватов, срывов захватов и т. п. Несоответствие отдельных компонентов индивидуального стиля борца типовому (объективированному) стилю обычно связано с его турнирной нестабильностью и сравнительно низкими спортивными достижениями.

Одной из сквозных тем нашего исследования являются *структуры (структурированность)*. Подчеркнем, что важным фактором успешности и критерием профессионализма выступает *структурированность* – мера и характер организации составляющих стиля. Согласно данным цикла наших исследований, в разных выборках борцов их профессионализм отражается в умеренно тесных положительных или отрицательных корреляционных связях ($r=0,3-0,6$) разных компонентов деятельности. Для выборки мастеров спорта (МС) сравнительно с мастерами спорта международного класса (МСМК) присущи неравномерные корреляционные связи между компонен-

тами деятельности: отсутствие одних, характерных для типовых стилей, и наличие других, но чрезмерно тесных корреляций между отдельными компонентами ($r=0,7-0,9$).

Содержательный анализ дает основание считать стили МСМК более гармоничными, гибкими, вариативно-изменчивыми; стили МС – менее внутренне согласованными, с отдельными «жесткими конструкциями», точнее, блоками жестких связей. Первый тип структур можно характеризовать как *гибкие и плотные*, второй – как *жесткие и фрагментарные*. У МСМК достаточно разнообразно, адекватно ситуации могут вовлекаться разные операциональные структуры и отдельные действия как средства деятельности. Из структуры связей составляющих стиля МС следует, что их операциональные алгоритмы более просты, их элементы жестко связаны, состав актуальных элементов ограничен, деятельность жестко алгоритмизирована.

С. Образы партнеров совместной деятельности. В спортивной борьбе мы различаем два доминирующих типа партнерских отношений: «сотрудничество (кооперация)» и «соперничество (конкуренция)». Отношения сотрудничества присущи функциональной связке «тренер – спортсмен», отношения соперничества – связке «спортсмен – соперник». Представляются принципиально важными факты, что *отношения соперничества предполагают предпочтение субъектом партнеров во многом противоположного психологического и стилового типа*, тогда как *отношения сотрудничества, напротив, предполагают предпочтение субъектами «своего» стилового и психологического типа*. Другими словами, в общем пространстве деятельности субъект выбирает разные его сегменты для успешной реализации разных стратегий поведения и деятельности. При реализации стратегии соперничества – подготовке к схватке (к борьбе, к взаимодействию с другим) – для спортсменов субъективно значимы не все, а лишь отдельные стороны индивидуальности и подготовленности соперников. Причем *с ростом спортивного мастерства борцов избирательность их восприятия не уменьшается, а возрастает*.

При реализации стратегии сотрудничества также различались более и менее «весомые», особенности партнера (спортсмена), точная рефлексия которых другим (тренером) отражалась на успешности борцов. В целом те воспитанники, индивидуальные предпочтения которых тренеры понимали более адекватно, прогрессировали более продолжительное время и достигали более высоких результатов в спорте.

Седьмой вопрос – эффект «расщепления» стилей. Содержательный анализ данных исследования, их обсуждение с тренерами дают основание констатировать появление на высших этапах спортивного мастерства своеобразного эффекта «расщепления» типового стиля. Средовые факторы «расщепления» типового стиля проявляются в следующем. Правила соревнований могут стать более жесткими. Например, при отсутствии реальной попытки проведения приема в течение 30 сек. борец наказывается. Наказания в дзюдо последовательно возрастают по величине; при определении победителя они более весомы, чем эквивалентные им по качеству броски. Но если провести бросок равного по мастерству соперника сложно, то «привести соперника к наказанию» проще – достаточно быть более активным, по мнению, судей. В этих условиях и происходит «расщепление» поощряемого правилами атакующего стиля на: а) истинный атакующий; в) квазиатакующий (де-факто контратакующий). Если цель первого – в эффективном проведении приема, весомыми условиями которого выступает «навязывание» сопернику своего захвата, своей стойки, своей тактики, то цель второго – в провоцировании ответной активности соперника, прибегая к изменениям стойки, захвата, перемещениям и пр.; *ответная активность соперника используется борцом* в его более сложных тактико-технических действиях, чем у представителей истинного атакующего стиля. Представители квазиатакующего стиля по форме, но контратакующего по содержанию, могут даже «отдавать» удобный захват сопернику, становиться в удобную для него стойку и пр.; они «уступают» противнику те тактические позиции, из-за которых и ведется предварительная борьба. Иначе говоря, они готовы делать все, что «удобно» сопернику, все, что способно побудить, спровоцировать его активность. Для сравнения, активность представителей истинного атакующего стиля всегда направлена только на подавление активности оппонента и резко снижается после получения преимущества.

«Расщепление» может вызываться и актуализацией тех или иных *интрасубъектных ресурсов*. Например, типологически обусловленный атакующий стиль может развиваться как атакующий-силовой или атакующий-темповой, вследствие развития скоростно-силовых качеств спортсмена или его выносливости. В первом варианте основой стиля будут выступать ближняя и средняя дистанция, низкий и средний темп ведения схватки, разнонаправленные комбинации технических действий; во втором – дальняя и средняя дистанция, высокий и средний темп ведения схватки, однонаправленные ком-

бинации технических действий. Типологически обусловленный контратакующий стиль может эволюционировать как контратакующий-игровой (при развитии координации, тактического мышления) или как защитный-силовой (при развитии силовых качеств борца) с им соответствующими техническим арсеналом и тактикой.

В эффекте «расщепления стилей» мы видим становление новых механизмов согласования индивидуальности человека с условиями и требованиями деятельности, отражающих эволюцию стиля как системы адаптации субъекта в условиях окружения (среды).

4.4. Дискуссионные вопросы

Последовательно проходя этапы научного объяснения феномена как концентрированные в ключевых вопросах «Что? – Как? – Почему? – Зачем?» (по Н. А. Бернштейну (2004), мы приблизились к стадии «Зачем?». Завершив описание проявлений феномена, согласовав его объяснение с доминирующими парадигмами и концепциями, в рамках которых всегда находится исследователь, нельзя не выделить ряд парадоксов и открытых вопросов, объяснения которых в исходно определенных рамках не представляются убедительными. Зачем «слабым» поддерживать довольно высокую активность с высокой психофизиологической «ценой» даже в благоприятных для них ситуациях деятельности? Напротив, зачем «сильным» резко снижать активность в благоприятных для них ситуациях, рискуя получить наказания судей (в дзюдо более весомых, чем оценки бросков)? Почему в этом решающая роль принадлежит не «логике деятельности», не целесообразности, а требованиям стиля: у первых – постоянному удержанию средних количественных параметров деятельности, у вторых – варьировать активность?

Наш ответ. Решающими для успешности деятельности субъекта являются не собственно ее «результаты» (любой из них почти никогда не бывает решающим), не организация «объективных» ее условий, а создание именно тех условий, которые наиболее благоприятны для индивидуальности субъекта, условий, предшествующих его деятельности и предопределяющих ее успешность. *Определяющим для успешности деятельности субъекта является не столько решение ее ближайших, тактических, а преимущественно стратегических задач, ключевой среди которых выступает сохранение оптимальной позиции субъекта в целостном пространстве деятельности.* Решающим условием успешности субъекта выступает не решение

тактических задач, нацеленных на достижения отдельных «целей» деятельности, а обеспечение своего «*типа организации деятельности*» – сохранение типа взаимоотношений с определенным сегментом пространства деятельности.

Зачем борцам – мастерам высокого класса отказываться от значительной части репертуара технических действий? Почему имеет место выраженная поляризация разных компонентов стиля? Почему в разных ситуациях успешной деятельности в каждом стиле использование одних компонентов непременно исключает использование других? И почему, напротив, «комплексное» использование разных компонентов сопряжено с неуспешностью деятельности?

Наш ответ. Решающим фактором успешности выступает не собственно целенаправленная «деятельность» субъекта, а преобразования «*пространства деятельности*», активная организация субъектом именно ему-удобных условий и задач данной деятельности. Реально субъекты планируют, организуют и успешно осуществляют деятельность именно в рамках своего субъективно приемлемого пространства деятельности, а не абстрагируясь от субъективно значимого, реализуя деятельность лишь согласно ее «объективным» условиям и требованиям. Напротив, *выход за пределы своеобразного субъективно удобного пространства деятельности сопряжен с неуспешностью субъекта.*

Такая же картина наблюдается и в отношении учитываемых признаков соперника. Зачем борцам игнорировать объективно важные характеристики оппонента? Почему им достаточно учитывать лишь субъективно значимые для них?

Наш ответ. Субъект не осуществляет деятельность исключительно в ее «объективных условиях». Поэтому ему важны прежде всего те ее условия, которые актуализируются согласно его целям, его активности, формируя таким образом уникальное «пространство деятельности».

Парадоксальными видятся и результаты экспертизы тренеров уровня спортивного мастерства борцов, регулярно выступающих на крупных всесоюзных турнирах, и их стилей. Представители разных весовых категорий отличаются по характеру ведения схваток, различаются «ветераны» и молодые. Тем не менее оценки тренеров высшей квалификации, выступающих в качестве экспертов, между собой были согласованными ($r=0,73-0,92$), обобщенная оценка экспертов тесно коррелировала с выделенным на основании данных наших исследований фактором «*спортивное*

мастерство борца» ($r=0,764$). Однако в решении аналогичной задачи – оценки стиля борцов – имели место сильные субъективные искажения.

Также значительные субъективные искажения имели место и в восприятии личными тренерами параметров такой характеристики стиля борцов, как предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности. Причем мера расхождения оценок тренеров и их воспитанников была связана с результативностью борцов и продолжительностью их прогрессирования как спортсменов.

Заслуживает внимания и тот факт, что весомых профессиональных успехов в период психолого-педагогических экспериментов и в постэкспериментальный период достигли лишь тренеры, сходные с экспериментатором по индивидуально-психологическим особенностям.

Материалы изучения стилевых взаимодействий субъектов в совместной деятельности предполагают разработку новой методологии их изучения и нового понятийного аппарата, наиболее полно отражающих процессы, эффекты и результаты прямых и косвенных, непосредственных и проявляемых за пределами актуальных взаимодействий партнеров. На основании анализа эмпирического материала, полученного в цикле наших исследований, можно предложить понятия, которые также должны быть включены в систему рабочих понятий. 1. «Диады» и «триады» – профессионально-функциональные и социально психологические группы. 2. «Стили профессиональной деятельности» (СПД) как психологические системы, результирующие интеграцию индивидуальных стилей субъектов, включенных в профессиональную совместную деятельность. 3. «Пространство деятельности» – актуализированные субъектами совместной деятельности условия среды.

Выводы по четвертой главе

1. Эффекты взаимоотношений и взаимодействий субъектов в системе «педагог–воспитанник», понимаемые как интересубъектные ресурсы, могут возникать вследствие большего или меньшего соответствия стилей деятельности и индивидуальности тренера и спортсмена. Такие эффекты являются факторами результативности воспитанника, не менее важными, чем благоприятные для деятельности индивидуальные качества спортсмена (интрасубъектные ресурсы).

-
2. Педагогические технологии (методики обучения и тренировка, профессиональные концепции тренера и др.) оказывают разное воздействие на психофизиологическое состояние и результаты деятельности лиц с различными индивидуально-психологическими особенностями.
  3. Образы деятельности, «Я» субъекта и партнеров у борцов высших разрядов характеризуются фрагментарностью, неполнотой, «автономностью» (при актуальной значимости одних компонентов и «выпадении» других). Особенности образов деятельности, как и других ее составляющих, отражают особенности актуализированного вследствие активности субъектов пространства деятельности.

ГЛАВА 5

ПРОБЛЕМА СТИЛЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

...каждый успех нашего познания ставит больше проблем,
чем решает

Луи де Бройль

5.1. Структуры в эволюции и функционировании психологических систем

В предшествующих циклах исследований нами было установлено, что в отношении разных составляющих стилей деятельности (в спортивной борьбе) можно выделять *структуры*, обеспечивающие функционирование стилей как психологических систем: *структуры* способов решения тактических задач, *структуры* тактико-технических действий, *структуры* предпочитаемых субъективно удобных условий деятельности, *структуры* характеристик противника, учитываемых борцами при составлении плана схватки. Под *структурами* мы понимаем устойчивые связи между компонентами деятельности, выявляемые с помощью корреляционного и факторного анализа.

Было выявлено, что в определенные структуры организованы как отдельные составляющие стиля одной группы, одного уровня (например, способы решения задач, интегральные тактико-технические действия), так и составляющие разных уровней (например, предпочтение высокоподвижного и атакующего противника сочетается с такими способами решения тактических задач, как передвижения, изменения захватов, сковывающие захваты с предпочтением контратакующей тактики, средней дистанции и др.).

Выделение учеными *структур* как особых «организующих единиц» разных систем, в том числе и психологических систем, сохранение именно *структурами* сущностных свойств данной системы,

побуждают акцентировать вопрос о ключевых функциях *структур* в эволюции и функционировании психологических систем. Некоторые из них давно общепризнанны: сохранение преемственности системы в ее развитии, интеграция системы с окружением. Но есть ли еще и другие, не описанные ранее? Возможно ли в результате анализа нашего эмпирического материала выделить и другие функции *структур*, менее изученные в психологии?

Структуры (совокупность наиболее устойчивых компонентов системы и связей между ними) и *структурированность* (характер и мера связей компонентов) выступали ключевыми понятиями в нашем исследовании стилей. В первых исследованиях систем в 1960–1970-х годах констатировалось, что именно в структуре представлены атрибуты системы, ее сущностные свойства; системы сохраняют свои свойства, пока сохраняются их структуры; при возможных вариативных изменениях состава компонентов, системы сохраняют свои свойства, если эти изменения не выходят за границы, нарушающие структуры (Боголепов, Малиновский, 1967; Веденов, Кремьянский, 1967; Кураев, 1970; Свидерский, 1962; Юдин, 1974, 1978; и др.). На рубеже 2000-х годов в исследованиях психологических систем постулировалось, что именно структуры несут в себе, сохраняют и передают основные функции данных систем (Александров, 1989, 1995; Александров, Александрова, 2009; Александров, Дружинин, 1998; Базылевич, 1998, 2012; Барабанщиков, 2005, 2007; Носуленко, Самойленко, 2005; и др.), что именно структуры выполняют функции генетической связи между образованиями на всех стадиях эволюции психологических систем (Александров, Александрова, 2009; Базылевич, 1998, 2012; и др.), что именно структуры считаются носителями психического (Веккер, 2000; Холодная, 2012; и др.). В 1990–2000-х годах в психологии труда отмечалось, что принципиальные изменения в динамике становления профессионализма и успешности субъектов происходят не в отношении состава и уровня развития отдельных компонентов профессионально важных качеств, а прежде всего в характере связей между ними, т. е. сопряжены с изменением структур (Бодров, 2000; Ломов, 1999; Пономаренко, 2004; Толочек, 2008, 2010; и др.). Также было отмечено, что принципиальный признак эволюции субъекта и его профессиональной специализации – радикальное изменение исходных структур, определяющих профессиональную пригодность субъекта (Поваренков, 2008, 2013; Стрелков, 2006; Толочек, 2007; и др.).

Итак, первый план исторических изменений научных представлений о структурах – в движении от их понимания преимущественно как организующих, скрепляющих образований к пониманию структур как моментов эволюции систем. Второй план – переход от описания структур как единичных образований (структура в единственном числе) к допущению одновременного существования множества разных структур – функциональных, временных, пространственных и др. (структур во множественном числе).

В настоящей работе обсуждаются вопросы *психологических структур (динамики и условий становления структур, меры структурированности систем, связи структурированности и успешности субъекта, соотношения структур целой системы и ее частей)*. В цикле наших исследований было показано, что не столько состав деятельности субъектов, не столько мера выраженности составляющих деятельности, сколько особенности их организации – их структуры – могут быть определяющими факторами актуальной и долговременной профессиональной успешности субъекта, характеризую его ментальные ресурсы.

Но имеют ли место и можно ли выделять структуры в более целостных «единицах» – стилях в целом и их подсистемах, их частях (ранее выделенных и названных нами как «иерархические характеристики» стиля)? Можно ли говорить о том, что имеют место не только своеобразные *устойчивые организации отдельных составляющих стилей* – произвольно или непроизвольно организующиеся структуры, но и «сквозные» структуры, отражающие сущностные свойства стилей как психологических систем, их генезис, меру их интеграции с окружением, средой? Как соотносятся между собой психологические системы, выделяемые разными исследователями, например, разные стили – стили деятельности, стили саморегуляции, стили активности (волевой активности)? Являются ли они разными психологическими системами или же взаимосвязанными, взаимно обусловленными, имеющими больше общего, чем специфического?

Ответом на эти вопросы могло бы стать выделение «глубинных», «сквозных» структур, общих или даже единых для разных стилей (таких, как перспективная задача) – стилей в целом, их подсистем или частей (иерархических характеристик). Ответы на эти вопросы могло бы дать выявление механизмов вариаций стилей и их преобразования в другие разновидности (например, стилей деятельнос-

ти в стили руководства, стилей спортивной деятельности в стили судейства или стилей тренера, стилей общения в стили лидерства и т. д.).

5.2. Задачи и организация исследования

Задачи исследования

1. Выделить свойства и особенности организации стилей деятельности субъектов высшей квалификации (борцов высших разрядов).
2. Определить меру связи структур стилей, их подсистем (частей) и успешности деятельности субъекта.

Гипотезы

1. Стили есть универсальные психологические системы. Стили во всех своих «делениях» (во всяком случае, в широком диапазоне), во всех своих «масштабах» сохраняют свойства целостных единиц, включающих компоненты разных иерархических уровней, и сохраняют их структурное подобие.
2. К сущностным свойствам стилей относится мера структурированности их составляющих. Структурированность определяет эффективность стиля (как качество психологической системы адаптации) и обуславливает успешность деятельности субъекта (результативность, стабильность, высокие результаты в отдаленной перспективе).

Организация исследования

В первой части исследования, в 1986–1989 гг., проводилась систематическая диагностика спортсменов (лучших и перспективных молодых борцов-дзюдоистов – мастеров спорта, чемпионов и призеров первенств СССР среди юношей и первенств СССР среди юниоров, призеров чемпионатов страны, входивших в сборные молодежные и «взрослые» команды СССР и ЦС «Динамо» соответственно). Всего было обследовано 48 борцов в возрасте от 17 до 24 лет ($x=19,2$ л). В качестве внешних экспертов привлекались работавшие с командами 5 тренеров в возрасте от 35 до 45 лет, имевших высокую спортивную квалификацию («Мастер спорта» и «Мастер спорта международного класса»)

и высшую квалификацию как тренеры («Заслуженный тренер РФ» и «Заслуженный тренер СССР»).

Во второй части НИР, в 2012–2014 гг., предметом исследования стала профессиональная эволюция субъекта как спортсмена и как тренера. Через 25–28 лет после проведенных исследований нами были восстановлены профессиональные биографии наших испытуемых (был проведен опрос тренеров). Из 48 обследованных в 1986–1987 гг. в последующие 10–12 лет 29 человек (60%) не состоялись в большом спорте, не показали результатов, превышающих их юношеские и юниорские достижения; 11 (23%) были призерами чемпионатов страны (т. е. открытых турниров среди взрослых), что можно оценивать как некоторый прогресс. Еще 2 (4%) стали чемпионами страны и призерами чемпионатов Европы; 6 (12,5%) были чемпионами страны и Европы, чемпионами и призерами чемпионатов мира и Олимпийских игр, т. е. достигли высоких спортивных результатов; один из них стал чемпионом мира и один – призером чемпионата мира и Олимпийских игр. Лишь двоим из 48 (4%) молодых мастеров спорта в последующем было присвоено высшее спортивное звание «Заслуженный мастер спорта».

В целом из 48 обследованных нами борцов юношеской и молодежной сборных команд лишь 8 чел. (17%) за свою спортивную карьеру совокупно завоевали 12 медалей на крупных международных турнирах (Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы).

Из 48 молодых борцов, 17–24-летних мастеров спорта, в последующем 19 спортсменов стали тренерами (40%), среди которых 3 (6%) являются старшими тренерами регионов (области, края, республики) и 6 (12,5%) в разные годы были/являются старшими тренерами сборных команд страны (мужских и женских, молодежных и «взрослых»). Лишь один из 48 (т. е. 2% от исходной выборки) достиг в дальнейшем высоких результатов как спортсмен (мастер спорта международного класса) и позже как тренер (заслуженный тренер РФ).

Статистика эволюции «вундеркиндов» в спорте соответствует аналогичной в других сферах (см. обзор: Юревич, 2001, 2005). К сожалению, немногие из молодых и одаренных в последующем стали яркими (12,5%) и выдающимися (4%) спортсменами; немногие затем состоялись как тренеры высшей квалификации (12,5%); лишь один из 48 человек (2%)

состоялся как профессионал высокого класса в двух качествах – как спортсмен (мастер спорта международного класса) и как тренер (заслуженный тренер РФ).

Аналогично проводилось исследование с двумя выборками борцов *вольного стиля*. В первой части, в 1987 году, проводилось обследование; во второй части, в 2012–2014 гг., изучалась профессиональная эволюция борцов как спортсменов (опрашивались тренеры). Мы предполагали, что успешность профессиональной эволюции субъектов находится в связи с мерой структурированности стилей и их подсистем, (иерархических характеристик).

Методы исследования. Наряду с классическими (психодиагностикой, наблюдением, опросом тренеров и спортсменов) использовался опрос спортсменов как экспертов своей деятельностью, названный методом квазиизмерений (К-измерений). К-измерения предполагают организацию особых взаимодействий с субъектом, при которых он из состояния «пассивного испытуемого» переводится в качество *активного субъекта – эксперта* своей деятельности. Борцы как эксперты оценивали выраженность своих стилей согласно шести концептам типовых стилей в спортивных единоборствах; предпочтения разных тактик, учитываемые при составлении тактического плана признаки противника; субъективно удобные условия деятельности (СУУД) при использовании борцом атакующей и СУУД при использовании им защитной тактики, а также способы решения тактических задач. Наряду с этим для оценок успешности и стабильности выступлений спортсменов привлекались тренеры сборных команд страны как внешние эксперты и консультанты. В серии предварительных исследований на разных выборках были получены удовлетворительные показатели надежности и валидности К-измерений. Методология использования в психологии подобных методов аргументированно изложена в работе С. Квале (2003).

Обращение к К-измерениям как к методу исследования было обусловлено рядом причин: 1) сложностью объективного фиксирования соревновательной деятельности всех ранее обследованных борцов; 2) необходимостью дополнения результатов наблюдения изучением профессиональной картины мира субъекта; 3) некоторым расхождением между суждением внешних экспертов (тренеров) и обследуемых спортсменов.

Дизайн исследования (организация эмпирического материала). Согласно задачам исследования, предполагалось сравнить эмпирические данные, полученные на разных выборках, на разных моделях спортивной борьбы дзюдо ($n_1=48$ чел.) и вольной борьбы ($n_2=32$ чел. и $n_3=38$ чел.), олимпийских видов спорта. Анализировались *данные выборки борцов-дзюдоистов*: а) различающихся результативностью и стабильностью выступлений в соревнованиях; в) в последующие годы разделившихся на более и менее перспективных спортсменов; с) на ставших более и менее успешными тренерами. Определялись составляющие *первого иерархического уровня* стиля – оценки борцами своих стилей и тактики, использование ими разных способов решения тактических задач (составляющих *второго уровня* стиля) в двух тактических ситуациях: при преимуществе борца/при преимуществе соперника (т. е. при использовании борцом атакующей тактики и защитной), предпочитаемых, субъективно удобных для борцов условий деятельности (составляющих *третьего иерархического уровня* стиля) также в двух тактических ситуациях: при преимуществе борца/при преимуществе соперника.

Аналогично анализировались *данные выборки борцов вольного стиля*: а) различающихся по актуальным достижениям; в) различающихся по результативности в будущем – в последующие годы разделившихся на более и менее перспективных спортсменов. Оценивались предпочтения субъектами стилей и тактики (характеризующих *первый иерархический уровень* стиля), использование разных способов решения тактических задач (составляющих *второго уровня* стиля) в двух тактических ситуациях: при преимуществе борца/при преимуществе соперника (т. е. при использовании борцом атакующей тактики и защитной), СУУД – предпочитаемых, субъективно удобных для борцов условий деятельности (характеризующих *третий иерархический уровень* стиля) также в двух тактических ситуациях: при преимуществе борца/при преимуществе соперника.

В заключение сопоставлялись результаты анализа данных выборки борцов-дзюдоистов (в большинстве юношей и юниоров) с результатами анализа данных выборки членов сборной команды СССР по вольной борьбе («взрослых») и данных выборки членов юношеской и молодежной (юниорской) сборных команд СССР по вольной борьбе («юноши» и «юниоры»), т. е. со-

поставлялись результаты анализа данных сходных и различающихся по профессиональной зрелости субъектов.

При реализации задач исследования использовались параметрические методы статистики (все анализируемые переменные имели нормальное распределение, асимметрию и эксцесс чаще в границах $<[1,00]$). В обсуждении *дизайна* также выделим *формальные* и *содержательные* аспекты организации исследования. Еще раз отметим, что для изучения проблемы стиля использовались уникальные данные (обследования членов сборных команд страны по олимпийским видам спорта, в которых отечественные спортсмены традиционно выступали успешно на крупных международных турнирах). Подобные *гомогенные выборки* по определению не могут быть большими (как, например, выборки нобелевских лауреатов, представителей редких профессий и пр.). Через 25 лет после обследования восстанавливались спортивные биографии обследуемых (понятно, что эти данные уже не могут быть дополненными, расширенными). Таким образом, использование нами *параметрических методов* статистики (факторного анализа в частности) способствовало сопоставимости литературных и наших эмпирических фактов и полученных результатов;

Одна из задач сводилась к изучению связей структур стилей борцов как детерминант их успешности. При обращении к стандартным методам параметрической статистики ключевыми выступают вопросы шкалы измерений и соотношения P (переменных) и N (случаев, испытуемых). Нами использовалась *биполярная шкала интервалов* (оценки от 0 до 8). Вопрос о соотношении P (переменных) и N (случаев, испытуемых) в факторном анализе не имеет однозначного ответа (Наследов, 2007, 2013; и др.).

Решающими для проведения *формального анализа* (ФА) выступают эмпирические и логические основания, определяемые задачами ФА. Соответственно, требования к организации данных могут быть как более мягкими, так и более жесткими. Задачи исследования и особенность наших выборок – ограниченные составы испытуемых и довольно большие перечни переменных – привели к выбору двух вариантов анализа данных, условно названных «*феноменологическим*» и «*формальным анализом*».

Уникальность данных побуждала к проведению прежде всего феноменологического анализа – обстоятельного анализа всех данных, характеризующих стили субъектов, собранных на сравнительно небольших выборках лучших спортсменов страны (членов сборных команд страны, юношеских, молодежных, и «взрослых» – основного состава). Но при этом не могло выполняться формальное требование ($N > P$ (где N – число случаев, объектов, испытуемых; P – число переменных). Поэтому как дополняющий нами используется «формальный анализ» – выборочный анализ некоторых переменных («необходимых и достаточных»), отражающих стили борцов, три их иерархических уровня, согласно авторской концепции. Использование процедур ФА при этом отвечало требованиям желательности – $N > P$, но с учетом размера выборок ($N_1=48$ чел. и $N_2=70$ чел.) набор переменных ($P=24$ параметра стиля) отражал структурно-функциональную организацию стилей, лишь обозначал контуры их организации.

Соответственно задачам и подходу нами проводились три серии статистических расчетов.

I серия. Задачи. Обстоятельный анализ всех эмпирических данных; подтверждение надежности и валидности эмпирических данных; выделение факторных структур, отражающих содержание типовых стилей деятельности в спортивной борьбе. Проверка авторской концепции типовых стилей субъектов.

II серия. Задачи. Анализ (феноменологический) всех эмпирических данных, характеризующих содержание шести выделенных факторных структур, отражающих содержание типовых стилей деятельности в спортивной борьбе. Проверка гипотезы об устойчивости (автономности) характеристик типовых стилей субъектов. Проверка гипотезы о подобии структур типовых стилей и трех их характеристик.

III серия. Задачи. Анализ (формальный) выборочных эмпирических данных, характеризующих содержание шести выделенных факторных структур, отражающих содержание типовых стилей деятельности в спортивной борьбе. Проверка гипотезы о подобии структур типовых стилей и трех их характеристик. Таким образом, сначала проводился ФА (как поисковый), результаты которого перепроверялись. Использование двух вариантов анализа, феноменологического и формального, при полу-

чении согласованных результатов в обоих вариантах и должно послужить сильным аргументом в пользу рабочих гипотез.

Для изучения отношений отдельных переменных используется корреляционный анализ и факторный анализ; для изучения отношений структур систем и подсистем можно привлечь коэффициенты значений факторов объектов (испытуемых), получаемые в процессе выделения факторов. Такие коэффициенты значений отражают меру выраженности фактора в отношении каждого испытуемого. Другими словами, на основании коэффициентов значений можно судить о том, насколько «типичными» (соответствующими данному фактору) являются испытуемые анализируемой выборки.

Последний показатель редко используется в психологических исследованиях и, видимо, нуждается в пояснении. Например, при вычислениях коэффициентов значений факторов объектов (испытуемых) мы получаем меру выраженности каждого из выделенных факторов для каждого испытуемого нашей выборки (в нашем случае для каждого из 48 борцов-дзюдоистов вычисляются значения выраженности у него, например, 1-го фактора (названного «контратакующий-защитный силовой стиль»), 2-го («атакующий-темповой»), 3-го («атакующий-контратакующий»), 4-го («защитный-силовой»), 5-го («контратакующий-силовой») и 6-го («контратакующий-темповой» – см. ниже). Каждый борец является более или менее типичным «объектом» в отношении каждого из выделенных факторов (и соответствующего стиля). Затем также вычислялись коэффициенты значений факторов объектов (испытуемых) при факторизации части данных, относящихся к одной из трех характеристик (подсистем) шести стилей.

Таким образом, каждый испытуемый получал оценки по каждому из выделенных шести факторов (отражающих выделенные типовые стили в целом) и по каждому фактору из трех характеристик стилей. Эти оценки можно было сопоставлять (в том числе коррелировать) между собой и с другими данными: текущей результативностью, стабильностью выступлений, спортивными результатами борцов, которые они имели спустя годы после обследования (данные выяснялись при опросе тренеров через 20–25 лет).

Если предполагается, что качество систем обеспечивается устойчивостью их структур, такая устойчивость должна отра-

жаться в мере соответствия структур стилей и их характеристик (подсистем); как эквивалентные понятия нами используются «соответствие», «сходство», «подобие» структур. Такая мера соответствия выявлялась корреляцией значений по объектам. Большая или меньшая эффективность каждого из шести стилей (как психологических систем, способствующих успешности субъекта) выявлялась при корреляции значений испытуемых (объектов) по факторам с переменными их успешности как спортсменов.

Еще несколько пояснений по процедурам анализа данных. В начале 2000-х годов отечественные ученые стали чаще обращаться к статистикам, производным от основных, – к разделному анализу положительных и отрицательных корреляций и т. п., к разделному анализу данных разных подвыборок (Карпов, 2011; и др.). Обращаясь к вспомогательным вычислениям, можно проводить качественный анализ полученных результатов (например, учет соотношения положительных и отрицательных корреляций переменных с данным фактором, средний «вес» переменных той или иной группы).

В качестве новых данных для качественного анализа рассматривались: а) результаты вычисления баланса положительных и отрицательных корреляций переменных с выделяемыми факторами; в) вычисления средних «весов» положительных и отрицательных корреляций переменных с факторами.

Раскроем особенность качественного анализа содержания стилей на примере обращения к оперированию *значениями по факторам для переменных* (при факторизации стилей в целом и их частей). Например, если с фактором тесно коррелирует предпочтение высокого и среднего темпа в схватке, значит, борец чаще активен, ему доступны разные режимы деятельности. Если, напротив, с фактором тесно коррелирует предпочтение низкого темпа и тесно отрицательно связано предпочтение высокого и среднего, это может свидетельствовать о том, что спортсмен избегает активной борьбы; он чаще пассивен; он не использует возможный арсенал средств; его стиль обеднен, ограничен; его стиль недостаточно интегрирован со средой; актуальное пространство деятельности для него ограничено. Следовательно, чаще ему «навязывают свою борьбу» его соперники, с вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, вычисления баланса положительных и отрицательных корреляций

ляций переменных (или «веса») с факторами позволяли оценивать части пространства деятельности, в которых тот или иной стиль, отражаемый данным фактором, более эффективен, равно как и ограничения каждого из стилей.

Итак, предполагалось, что внимание не только к «весу» разных переменных в факторах (что стало нормой в психологических исследованиях), но и к «весу» испытуемых (как объектов при статистических расчетах) в отношении анализируемого фактора (или *коэффициентам значений факторов для объектов*) позволяют, во-первых, оценивать представленность данной факторной структуры в деятельности каждого субъекта, во-вторых, сопоставлять и сравнивать представленность разных факторов в деятельности субъекта, или степень его типичности по данному фактору, в-третьих, сопоставлять типичных/нетипичных субъектов с исходными характеристиками успешности.

Учет контекстов (истории развития вида спорта в России, изменений в организации учебно-тренировочного процесса в 1990-е гг. и др.) может способствовать объяснению результатов наших исследований.

А. Дзюдо и вольная борьба. Для изучения избраны две модели деятельности, характеризующиеся высшим профессионализмом субъектов, и три выборки, представленные лицами разного возраста, прогрессирующими и нет. Первая выборка (борцов-дзюдоистов, членов юношеской и молодежной сборных команд страны) составляла 48 чел.; вторая – 32 чел. (члены сборной команды страны по вольной борьбе, основной состав, «взрослые»); третья – 38 чел. (члены юношеской и молодежной сборных команд страны по вольной борьбе).

Сборная команда страны по вольной борьбе в 1970–1980-х годах была сильнейшей в мире, стабильно успешно выступала на международной арене. Нередко в десяти весовых категориях борцы завоевывали 6–10 медалей на чемпионатах мира и Олимпийских играх, из них – до 8 золотых и 2 серебряных и бронзовых. Для сравнения, в восьми весовых категориях наши дзюдоисты на чемпионатах мира и Олимпийских играх завоевывали чаще 2–4 медали и никогда более 2 золотых. Другими словами, спортивные достижения борцов-вольников были объективно весомее достижений борцов-дзюдоистов, что и должно было проявиться в формальных характеристиках их стилей.

Поэтому для сравнительного анализа использовались аналогичные данные диагностики в 1989 г. 32 чел. – члены сборной команды СССР по вольной борьбе в возрасте от 22 до 28 лет ($x=26,5$ л.); из них 8 чел. были мастера спорта, 17 – мастера спорта международного класса, 8 – заслуженные мастера спорта, т. е. 8 чел. (или 24%) были чемпионами мира и Олимпийских игр, еще 17 чел. (52%) – чемпионами Европы, призерами чемпионатов мира и Олимпийских игр. Из 8 мастеров спорта, призеров чемпионата страны на период обследования, двое позже стали чемпионами страны и Европы; из 17 мастеров спорта международного класса 7 – чемпионами мира и Олимпийских игр (иначе говоря, из числа обследованных не самых титулованных борцов в последующем активно прогрессировали 9 спортсменов, или 27% от числа обследованных). 32 обследованных нами борца основного состава сборной команды, а вернее, лишь 15 чел. из них (т. е. 47) за свою спортивную карьеру завоевали 64 медали на крупных международных турнирах (Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы).

Для сравнительного анализа также использовались данные диагностики в 1989 году: 38 чел. – члены сборной юношеской и молодежной команд СССР по вольной борьбе в возрасте от 18 до 21 года ($x=19,5$ л.). Восстановление в 2014 г. их спортивной карьеры показало, что из 38 борцов, членов юношеской и молодежной сборных команд страны по вольной борьбе, чемпионов и призеров первенств страны среди юношей и juniоров, лишь 9 чел. (т. е. 24% исходной выборки) в последующем становились призерами и чемпионами крупных международных турниров среди «взрослых» (Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы), где за свою спортивную карьеру они совокупно завоевали 12 медалей.

Таким образом, при сравнении полученных при статистических расчетах результатов учитывалось, что члены сборной команды страны по вольной борьбе («взрослые») представляли собой профессионалов высшего класса. Они не только были лучшими в стране, но и часто – лучшими в мире. Успехи отечественных дзюдоистов были несколько скромнее; кроме того, достижения в молодежном спорте можно оценивать на ступень ниже, чем в возрастном разряде «взрослых» борцов.

При сопоставлении полученных при статистических расчетах результатов анализа данных борцов-дзюдоистов, юно-

шей и юниоров, и данных борцов-вольников, юношей и юниоров, учитывалось, что из 48 молодых талантливых дзюдоистов лишь 8 чел. (17%) в последующем состоялись в возрастной категории взрослых (были призерами крупных международных турниров); из 38 молодых талантливых дзюдоистов лишь 9 чел. (24%) в последующем состоялись как мастера международного класса (т. е. доля успешных в следующей возрастной группе – «взрослых» среди борцов вольного стиля – была выше).

С учетом возраста и реальных достижений борцов наших трех выборок можно считать, что «взрослые» представители вольной борьбы были значительно сильнее дзюдоистов как профессионалы, молодые борцы-вольники – несколько сильнее борцов-дзюдоистов. Можно было ожидать, что это *квалификационное преимущество найдет свое отражение в составе компонентов и структурах стилей борцов-вольников сравнительно со структурами стилей дзюдоистов.*

5.3. Структуры стилей как фактор успешности спортсменов (борцов-дзюдоистов)

Результаты исследования

И серия статистических расчетов. Проведение нескольких серий предварительных исследований показало, что оценки борцами особенностей своих стилей тесно коррелировали по большей части параметров ($r=0,450-0,800^*$) при тест-ретестовых испытаниях (через 5–7 дней; через 9–12 мес.). Самооценки борцов умеренно коррелировали с данными наблюдений их соревновательных схваток ($r=0,300-0,650$) и более тесно – с экспертными оценками тренерами параметров стилей их воспитанников ($r=0,200-0,750$) (Толочек, 1992).

В обсуждаемом здесь цикле исследований усредненные экспертные оценки тренеров и оценки борцами своей стабильности тесно коррелировали ($r=0,810$), что является еще одним подтверждением валидности полученных данных. Вторым дополнительным подтверждением валидности метода самооценок можно считать более

* Обычно выборки спортсменов составляли 37–45 чел.; соответственно, уровень статистической значимости линейной корреляции (по Пирсону) составляет: $p<0,05$ при $r>0,270$; $p<0,01$ при $r>0,365$; $p<0,001$ при $r>0,500$.

тесные корреляции не экспертных оценок тренеров, а именно самооценок борцов с их будущими достижениями в профессиональной сфере в последующие 5–10 лет. Третьим – в целом логичные связи всех составляющих успешности субъектов с факторными структурами стилей и их частей (ИР/ТОД, ОС, СУУД); четвертым – логичные структуры этих факторов, т. е. латентные структуры, отражающие «внутреннюю» организацию стилей. Четвертым – выраженную межиндивидуальную вариативность оценок (приложение 2, таблицы 1–2).

При факторизации эмпирических данных выделяются устойчивые факторы, хорошо содержательно интерпретируемые. Все факторы с собственным значением больше 1,00 включали в свой состав все переменные трех рассматриваемых иерархических уровней (ИР/ТОД, ОС и СУУД). Даже при выделении факторов стилей по формальным основаниям их стилевые «ядра» сохранялись. Дальнейший анализ направлялся содержательными доводами. Весомые приращения объясняемой дисперсии (более 5%) снижались после шестого фактора. Содержательно хорошо интерпретировались первые шесть факторов, объясняющих 53,0% дисперсии. Все шесть включали с большей или меньшей полнотой шесть исходных концептов стиля («атакующий», «контратакующий», «защитный», «темповой», «силовой», «игровой»), отражая разные их комбинации, обусловленные уровнем профессионализма субъектов и требованиями правил соревнований, несколько различных в разных видах спортивной борьбы – в вольной и в дзюдо (приложение 2, таблицы 3, 6). Корреляция между разными концептами стилей была умеренной – от [0,100] до [0,577], что подтверждало их относительную автономность (приложение 2, таблица 2).

Результаты исследования

1. *Распределение статистик.* Из 59 переменных, отражающих стили борцов, большая часть переменных обоих массивов (дзюдо и вольная борьба) характеризовались нормальным распределением: имели асимметрию и эксцесс меньше [1,00], оценки 33% переменных распределялись в диапазоне не менее 89% интервала предложенной шкалы, 59% переменных – в диапазоне не менее 56–67% интервала 9-балльной шкалы, т. е. оценки борцов-экспертов характеризовались выраженной вариативностью (приложение 2, таблица 1). Следовательно, распределение статистик позволяло не только выдвигать, но и надежно принимать/отклонять гипотезы исследования

(Наследов, 2007). Таким образом, полученные данные можно считать корректными и адекватно отражающими изучаемую реальность – особенности стилей гомогенной группы высококвалифицированных субъектов. В аспекте психометрических характеристик К-данные представляют собой качественный, добротный эмпирический материал.

2. *Факторный анализ (ФА) данных дзюдоистов.* Было проведено три варианта ФА (метод главных компонент), отражающих три «масштаба» стиля, включающего большее и меньшее число его составляющих. На первом этапе факторизовались все переменные. 1. Составляющие успешности, концепты разных стилей, предпочтения разных тактик, учитываемые при составлении тактического плана признаки противника – составляющие третьей иерархической характеристики стилей (ИР/ТОД). 2. Составляющие второй характеристики – «способы решения задач» как компоненты ОС. 3. Составляющие первой характеристики – «субъективно удобные условия деятельности» (СУУД) при атакующей и при защитной тактике. Итого – 69 переменных. Выделено 14 факторов с собственным значением больше [1,00], объяснявших 86,7% дисперсии. Первые 6 факторов объясняли 61,4% дисперсии (6-й вносил 5,1%, 7-й – 4,5%). *Во все 6 факторов входили составляющие из всех рассматриваемых групп признаков.*

Результаты I серии расчетов позволяли сделать несколько предварительных выводов. Согласно литературным данным, количество основных типов стилей в каждой профессиональной деятельности ограничено: 3–4–6. Даже при формальном вычленении стилей (например, факторов с собственным значением больше 1,00), их информационная «плотность» *ограничивалась* шестью факторами, т. е. практически предельным числом эмпирически выделяемых стилей, согласно литературным данным, согласно суждениям тренеров. Число «шесть» было пределом используемых в нашем исследовании концептов стиля, концентрированно отражающих особенности разных стилей, а также пределом сокращения пространства переменных при статистическом анализе как стилей в целом, так и их частей – характеристик трех иерархических уровней. Информационная плотность массивов данных для «субъективно удобных условий деятельности» (СУУД) и «типа организации деятельности/идеальных регуляторов» (ИР/ТОД) и «операциональных систем» (ОС), или «способов решения тактических задач» была несколько

выше, чем для составляющих стиля в целом, согласно объясняемой дисперсии, тесноте корреляций с факторами переменных стиля и составляющих успешности.

Согласно полученным результатам, все проявления успешности субъекта (результативность, стабильность, перспективность) связаны с мерой структурированности стиля. Успешности борца определялась не только его стилем как «индивидуально-своеобразной системой психологических средств», но и стилем как системой, органично интегрированной с частью среды – частью пространства деятельности.

Обобщая, можно констатировать. 1. Хорошо согласуются содержательные аспекты и формальные характеристики выделенных факторов, отражающих содержание стилей борцов. 2. Обращения к дополнительным вычислениям уточняли содержание рассматриваемых феноменов и были оправданны. 3. Содержательные аспекты стиля и критерии успешности субъектов согласуются. 4. Содержательно и в результативном аспекте выделенные стили несколько различаются между собой, но не «фатально», а в силу объяснимых реалий; не абсолютно, а стохастически, в зависимости от множества условий. 5. Сопоставление тесноты связей двух частей (ТОД/ИР и СУУД) между собой и с целым, стилем, позволяет констатировать: а) большее подобие частей сочетается с большей успешностью представителей данных стилей, меньшее – с меньшей; в) тесные связи между слабо структурированными частями, частью и целым, сопряжены с неэффективностью стилей, неуспешностью субъектов. 6. Есть стили и части стилей, положительно, отрицательно или не коррелирующие с критериями успешности. При этом: а) при тесных положительных связях между структурами стилей и структурами их трех характеристик, подсистем, частей (условно названных «эффективные подобные структуры») имеют место положительные связи с критериями успешности борцов; в) при тесных отрицательных связях между структурами стилей и их характеристик, подсистем (условно названных «неэффективные подобные структуры») – отрицательные корреляции с критериями успешности борцов; с) при слабых связях между стилями и частями (условно названных «аморфные структуры») – отрицательные корреляции с критериями успешности. Другими словами, как большая, так и меньшая успешность спортсменов может обуславливаться организацией их стилей (а не только составом компонентов стилей, что изучается традиционно). Если такая организация конструктивна в целом и согласована в частях

стилей (т. е. имеют место «эффективные подобные структуры»), это отражается в успешности борцов, в том числе – в их будущей успешности; если не конструктивна (выделяются «неэффективные подобные структуры») – в неуспешности (в данном классе, в сравнении с характеристиками данной выборки). 7. Мера интеграции стиля со средой (согласованность составляющих стиля между собой, баланс положительных и отрицательных корреляций переменных с фактором) сочетается с успешностью представителей данных стилей.

Профессиональная эволюция субъекта (как спортсмена и как тренера). Перспективность как спортсмена и как тренера слабо связаны между собой и со стилевыми факторами, за исключением отдельных отрицательных связей. Есть четкие стилевые ограничения – «стилюпики» профессиональной эволюции субъекта, но нет однозначных стилевых предопределений для прогресса субъекта.

II серия статистических расчетов. Феноменологический анализ

На 2-м этапе факторизовались переменные, полученные в одной метрической шкале – шкале интервалов: переменные, характеризующие разные стили, и предпочтения разных тактик (9 переменных), способы решения задач при атакующей тактике (10 переменных) и при защитной тактике (10 переменных), а также 15 параметров субъективно удобных условий при атакующей и 15 при защитной тактике, всего – 59 переменных. Выделено 17 факторов с собственным значением больше 1,00, объяснявших 86,9% дисперсии. Первые 6 факторов объясняли 53,0% дисперсии (6-й вносил 5,2%, 7-й – только 4,4%). Во все 17 факторов входили составляющие из всех рассматриваемых групп признаков. При выделении фиксированных факторов, содержательно лучшим признано 6-факторное решение, объясняющее 53,0%* дисперсии (17,4; 9,7; 7,8; 6,7; 6,0 и 5,2% соот-

* Показательными для понимания рассматриваемых нами вопросов выступают объемы объясняемой дисперсии при выделении факторов стилей (в целом) и факторов их подсистем. Если при феноменологическом анализе первые шесть факторов объясняли лишь 53,0% дисперсии, то при проведении ФА их подсистем значительно больше: ИР/ТОД – 92,2%; СУУД – 64,5%; ОС – 69,7%. Если при формальном анализе первые шесть факторов стилей также объясняли сравнительно немного – лишь 66,1% дисперсии, то при проведении ФА их подсистем также значительно больше: ИР/ТОД – 100,0%; СУУД – 89,0%; ОС – 92,3%.

ветственно). Во все 6 факторов входили составляющие из всех рассматриваемых групп признаков.

На 3-м этапе факторизовались отдельно переменные, входящие в три иерархических характеристики (ИР/ТОД, ОС – «способы решения задач» и СУУД), при атакующей и при защитной тактике. Выделено от 8 до 11 факторов с собственным значением больше 1,00, объяснявших не менее 80,0% дисперсии. Первые 6 факторов объясняли 64–69% дисперсии. При выделении фиксированных факторов во всех трех случаях содержательно лучшим признавалось 6-факторное решение. Фиксированные факторы, выделенные на 2-м и на 3-м этапе, содержательно были сходны между собой (приложение 2, таблица 3).

Эти факты мы объясняем сравнительно слабой согласованностью всех составляющих стилей, формирующихся у борцов стихийно. Составляющие одного вида (например, предпочитаемые условия), с одной стороны, лучше рефлексированы субъектом, с другой – они выступают не отдельными «элементами», а согласованными между собой плеядами, группами, блоками, что облегчает их упорядочивание в подсистемах стилей. Сравнительно невысокая доля объясняемой дисперсии при выделении факторов стилей (в целом) также связана с неоднородностью выборки в плане анализа стилей. Примечательно, что даже среди спортсменов высших разрядов есть основания говорить о разной мере адекватности их стилей условиям среды, согласованности компонентов, соответствия стилей индивидуальным особенностям борцов.

Другим объяснением невысокой дисперсии (53,0%) при факторизации всех переменных стилей можно назвать низкую валидность методики, систематические ошибки и промахи при обследовании и т. п. Но такое объяснение не согласуется с чрезвычайно высокими долями объясняемой дисперсии при раздельной факторизации переменных подсистем стилей (к слову, эти же зависимости повторились и при анализе данных борцов-вольников). Признавая некоторые несовершенства методики и просчеты при обследовании, мы все же считаем, что доли объясняемой дисперсии при разных вариантах анализа как раз и отражают состояние стилей как психологических систем (напомним, рассматриваются стили субъектов высокой квалификации).

В плане выявления связи меры структурированности стиля и его частей, их согласованности со средой, или пространством деятельности, рассмотрим содержание и организацию выделенных факторов более обстоятельно.

Приведем описание стилевых факторов.

1-й фактор, в соответствии с его образующими, назван «*контратакующий-защитный силовой стиль*»: гибкий, многогранный стиль, в разных тактических ситуациях ориентированный на надежную защиту в сочетании с контратаками, на активного, атакующего и контратакующего, высоко- и среднеподвижного противника, на высокий и средний темп схватки, активность на средней и ближней дистанции, на силовую борьбу, подавление темпом, на активное использование разных зон пространства деятельности; в целом стиль «жесткий», его структурными компонентами выступают изменения стойки, дистанции, темпа, срывы захватов, сковывающие захваты, прямые атаки.

2 фактор – «*атакующий-темповой*» стиль (подавляющий активностью): в разных тактических ситуациях ориентирован на борьбу с активным, высоко- и среднеподвижным противником, в высоком и среднем темпе, на дальней и средней дистанции; структурными компонентами выступают передвижения, изменения темпа, срывы захватов, борьба на краю ковра.

3-й фактор – «*атакующий-контратакующий*» стиль (ориентированный на средние параметры борьбы): в разных тактических ситуациях, ориентированных на малоактивного и малоподвижного противника, контратакующего и защищающегося; структурные компоненты – изменения захватов, темпа, дистанции, срывы захватов; при преимуществе противника структура стиля может нарушаться; при защитной тактике использование разных зон резко ограничено.

4-й фактор – «*защитный-силовой*» стиль (тактически и технически обедненный), ориентированный на средние параметры борьбы, на борьбу с малоактивным, контратакующим и защищающимся соперником; структурные компоненты – изменения захватов, стойки, темпа, срывы захватов.

5-й фактор – «*контратакующий-силовой*» стиль (тактически и технически обедненный), ориентированный на средние параметры борьбы, на борьбу с атакующим, активным и подвижным соперником на дальней и средней дистанции; структурные компоненты – изменения дистанции и захватов, срывы

захватов, сковывающие захваты; при преимуществе соперника структура может нарушаться.

6-й фактор – «контратакующий-темповой» стиль (тактически и технически обедненный), ориентирован на борьбу с атакующим и подвижным соперником; структурные компоненты – передвижения и блокирующие захваты; при преимуществе соперника структура может нарушаться.

Качественные характеристики содержания факторов согласуются с количественными – с корреляциями параметров успешности с факторными «весами», полученными борцами по каждому из шести факторов (приложение 2, таблица 3). Из шести выделенных факторов 3-й, 4-й и 6-й нужно признать функционально ограниченными, согласно составу их компонентов, несогласованности компонентов и требований правил соревнований, нетипичных связей между компонентами, связей с «неэффективными» параметрами деятельности (предпочтений низкого темпа, защищающегося противника и т. п.).

Факторы, выделенные в пространстве всех переменных, или *стилевые* факторы с разным знаком и теснотой, коррелировали с факторами, выделенными раздельно в пространствах переменных, относимых к трем характеристикам стилей, или факторами *характеристик, или подсистем стилей: ИР/ТОД, ОС и СУУД*. Принимая во внимание корреляции стилиевых факторов и факторов подсистем с критериями успешности, можно определить роль структур стилей, их связей со структурами подсистем в успешности борцов.

Корреляции шести стилиевых факторов с шестью факторами *ИР/ТОД* (с учетом эффективности факторов, т. е. их связей с успешностью субъектов) таковы: 0,332; 0,709; 0,226; 0,532; 0,322; 0,508 (в трех случаях теснота корреляции достигает порога $p=0,001$, в двух – $p=0,05$). Корреляции шести стилиевых факторов с шестью факторами «способов решения задач» (с учетом эффективности факторов) следующие: 0,199; 0,219; 0,279 ($p=0,05$); 0,052; 0,629 ($p=0,001$); 0,120. Корреляции шести стилиевых факторов с шестью факторами *СУУД* (с учетом эффективности факторов): 0,710; 0,520; 0,770; 0,648; 0,900 ($p=0,001$); 0,256 ($p=0,05$); (для $n=48$ чел., уровень статистической значимости $p=0,05$ при $r=0,240$, $p=0,01$ при $r=0,335$, $p=0,01$ при $r=0,425$).

Среди шести стилиевых факторов выраженно различаются два более эффективных – 1-й и 2-й; три неэффективных – 3-й, 4-й и 6-й и один не коррелирующий с критериями успешности борцов – 5-й.

(Напомним, нами анализируются стили чемпионов и призеров первенств страны среди юношей и среди юниоров; все они – лучшие в своей возрастной группе; тем не менее их стили были более или менее согласованными с ранее достигнутыми результатами и успешностью выступлений в будущем. Стил – лишь одно из условий успешности субъекта; в спорте помимо стиля важную роль играют физическая одаренность спортсмена, здоровье, «школа» и др.).

Выделим и рассмотрим отдельно корреляции двух эффективных стилевых факторов (1-го и 2-го) с эффективными факторами частей – двумя факторами *ИР/ТОД*, двумя – «способов решения» и двумя *СУУД*: 0,3320, 709; 0,201, 0,219; 0,710, 0,520 (в четырех случаях связи статистически значимы).

Корреляции трех неэффективных стилевых факторов (3-го, 4-го, 6-го) с факторами их частей – тремя факторами *ИР/ТОД*, тремя – *ОС* и *СУУД*: 0,226, 0,532, 0,508; 0,279, 0,052, 0,120; 0,770, 0,256, 0,900 (в четырех случаях связи статистически значимы) также достаточно тесные. Таким образом, как в отношении эффективных стилевых факторов, так и неэффективных факторов мы констатируем их тесные связи с аналогичными факторами частей стилей. Следовательно, есть основания говорить о феномене сходства их организаций, или о *подобии структур* стиля и его частей.

Качественный анализ феномена «стиль». Рассмотрим другой важный аспект – меру *интеграции стилей со средой*, отражающую особенности использования борцами *пространства деятельности*. Как выше отмечалось, нами подсчитывались величины коэффициентов корреляции переменных с фактором. Обратим внимание: почти все рассматриваемые переменные с высокими нагрузками входят в одни факторы и отрицательно умеренно коррелируют с другими факторами. Чаще величина положительных корреляций составляет для разных факторов $r=0,400-0,500$, величина отрицательных $r=-0,250-0,400$. Иначе говоря, в отношении каждой из рассматриваемых переменных имеет место ее выраженное «позиционирование» у представителей разных стилей: каждая из переменных более адекватна и органична для представителей одних стилей, сравнительно индифферентна для других и нежелательна для третьих.

Сопоставляя тесноту положительных и отрицательных корреляций переменных с шестью стилевыми факторами дзюдоистов, можно видеть, что в отношении тех факторов, которые, в свою очередь, положительно коррелируют с критериями успешности борцов,

величины положительных корреляций переменных теснее, а отрицательных – слабее. В отношении факторов, отрицательно коррелирующих с критериями успешности борцов, наоборот – величины положительных корреляций переменных с фактором слабее, а отрицательных – теснее. Следовательно, для стилей более успешных борцов характерна большая свобода в пространстве деятельности, где они активны, и в этом пространстве то, что для них субъективно неудобно, чего они склонны избегать, занимает меньшие доли. Стили менее успешных, менее результативных борцов характеризуются более ограниченными зонами их активности и большими ограничениями области субъективного комфорта.

Обращаясь к анализу баланса положительных и отрицательных корреляций переменных со стилевыми факторами (например, рассматривая корреляции переменных при $r > [0, 200]$), мы видим ту же картину. Для эффективных факторов характерно большое число положительно коррелирующих переменных (для 1-го – 29, для 2-го – 25) и меньшее число отрицательно коррелирующих (3-го и 4-го соответственно). Другими словами, с 1-м фактором положительно коррелируют 29 переменных (или 49% от их общего числа переменных с $r > 0,200$) и три – отрицательно (или 5% переменных с $r < -0,200$), со 2-м фактором – 25 переменных (42%) и четыре (7%) соответственно. В трех неэффективных факторах отмечено меньшее преобладание положительных связей переменных с фактором над отрицательными: с 3-м положительно коррелируют 21 переменная (35% от их общего числа) и четыре отрицательно (или 7%), с 4-м фактором – 13 (22%) и 11 (19%), с 6-м – 19 (32%) и шесть (10%) соответственно. А так как корреляции факторов с критериями успешности борцов не зависят от их порядка (соответственно, и объясняемой дисперсии), мы видим не статистические эффекты вследствие большего или меньшего числа тесных корреляций переменных – параметров стилей – с фактором, а именно устойчивое соотношение положительных и отрицательных корреляций. Можно сделать вывод, что преобладание положительных корреляций составляющих стиля с факторами сопряжено с актуальной результативностью, стабильностью и перспективностью борцов; высокие доли отрицательных корреляций связаны с неуспешностью спортсменов – актуальной и перспективной. Балансы положительных и отрицательных корреляций отражают полноту, «полноценность» стилей, меру их насыщенности операциональными компонентами, меру активности спортсмена в том или ином пространстве деятельности.

III серия статистических расчетов. Формальный анализ. В завершение изучения связей структур стилей и их подсистем на выборке борцов-дзюдоистов проводился факторный анализ ограниченного числа переменных (для обеспечения весомого преимущества $N > P$, где N – число испытуемых, P – переменные). Все процедуры ФА были идентичны. Также выделялись шесть фиксированных факторов в стилях в целом и его подсистемах. Принципиально важный факт: и в 3-й серии расчетов все переменные также были распределены в 6-ти выделенных факторах. Образно говоря, «все позиции были заполнены». Следовательно, даже при минимизации числа анализируемых переменных какие-то важные сущностные свойства стилей как систем сохранялись.

1-й фактор, объясняющий 18,7% дисперсии, согласно содержанию и «весу» переменных можно определить как «*темповой-атакующий стиль*», ориентированный на борьбу с активным и высокоподвижным противником; «опорными» способами решения задач здесь выступают передвижения (приложение 2, таблица 7). *2-й фактор* (14,5% дисперсии) был назван «*комбинированный стиль*», ориентированный на поединок с активным и разносторонним соперником; «опорными» в данном стиле выступают прямые атаки. *3-й фактор* (10,5% дисперсии) назван «*атакующий-прямолинейный стиль*», ориентированный на подавление сравнительно пассивного и малоподвижного соперника; «опорными» выступают изменения захватов. *4-й фактор* (8,4% дисперсии) – «*комбинированный (атакующий-контратакующий) стиль*», ориентированный на «жесткий прессинг», на подавление пассивного соперника; «опорными» выступают срывы захватов. *5-й фактор* (7,6% дисперсии) – «*защитный-игровой стиль*», относительно успешный в схватках с активным и подвижным соперником; выраженных «опорных» действий не выделено. *6-й фактор* (6,4% дисперсии) назван «*игровой стиль*», ориентированный на поединок с довольно активным соперником; «опорными» выступают передвижения, изменения и срывы захватов.

В отношении перспективных достижений борцов наиболее эффективным можно считать 1-й стиль, сравнительно эффективным – 3-й; самым неэффективным – 2-й, выражено неэффективными – 6-й (приложение 2, таблица 7).

Приведем данные о тесноте корреляции структур стилей и их подсистем для двух конструктивных (эффективных) сти-

лей: первого (2-го фактора): 0,540 ($p < 0,001$), 0,447 ($p < 0,001$) и 0,563 ($p < 0,001$) и второго стиля (3-го фактора): 0,176, 0,205 и 0,873 ($p < 0,001$).

Наиболее интересными результатами 3-й серии расчетов мы считаем следующие: 1) выделяемые при уменьшенном составе переменных факторы раскрывают то же содержание стилей и их подсистем (ИР/ТОД, ОС и СУУД), что и ранее выделенные при полном наборе переменных; 2) объемы дисперсии, объясняемые шестью фиксированными факторами, при разных наборах переменных близки по величинам; 3) по количественным параметрам (мера корреляции структур стилей и их подсистем, мера корреляции факторов и критериев успешности) результаты, полученные в трех сериях расчетов, близки по величинам.

Итак, согласно результатам трех серий статистических расчетов, структуры стилей в целом и структуры их частей (характеристик, подсистем) были хорошо согласованными как в стилях результативных и перспективных спортсменов, так и в стилях наименее результативных борцов в данной выборке. В эффективных, конструктивных стилях согласованность структур целого и частей способствовала дальнейшему прогрессу спортсменов; в неэффективных, «неправильных», неконструктивных стилях тесная согласованность структур целого и частей препятствовала, тотально блокировала возможности дальнейшего прогрессирования спортсмена, как и в аморфных стилях (в смысле подобия структур стиля и его частей). Если за подобием структур стоит мера интеграции систем и их подсистем, то можно утверждать, что оптимальные характеристики систем («преимущества систем») и подсистем взаимно усиливаются, тогда как неоптимальные характеристики систем («недостатки систем») и подсистем ослабляют их связи с ресурсами так же, как слабая взаимная интеграция.

Выводы

1. В стилях борцов высших разрядов имеет место сходство, подобие, структур стиля и его частей, подсистем («идеальных регуляторов/типа организации деятельности», «операциональных систем» и «субъективно удобных условий деятельности»).
2. При факторизации переменных они распределялись в выделяемые факторы не согласно их «природе» – виду переменных (стили и виды тактики; предпочтения темпа, дистанции и т. п.), а согласно сущностной организации стилей – их содержательной

структурированности, только в их целостности и совокупности сохраняющих существенные свойства стиля как системы адаптации, выступая таким образом как своеобразные «единицы» стиля.

3. Мера согласованности структур стиля и его частей сопряжена с успешностью деятельности субъектов (соревновательной деятельности борцов).

5.4. Феномен стиля: подобие структур стиля и его подсистем (борцов-вольников)

И серия статистических расчетов. Феноменологический анализ

Формальные критерии анализа данных представителей вольной борьбы. 1. *Распределение статистик.* Описательные статистики (минимум, максимальные, средние, эксцесс и асимметрия), полнота использования шкалы оценок были аналогичны таковым в выборке борцов-дзюдоистов. 2. *Факторный анализ (ФА).* Было проведено два варианта ФА (метод главных компонент), отражающих два «масштаба» стиля, включающего большее и меньшее число его составляющих.

На 1-м этапе факторизовались переменные, полученные в одной метрической шкале: характеристики разных стилей и предпочтения разных тактик, способы решения задач и СУУД при атакующей и при защитной тактике, всего – 63 переменных. Выделено 19 факторов с собственным значением больше 1,00, объяснявших 94% дисперсии; все 19 включали составляющие всех рассматриваемых групп признаков; первые шесть объясняли 56% дисперсии. Содержательно лучшим признано 6-факторное решение (21,7; 10,1; 8,5; 7,1; 6,0 и 5,1% дисперсии соответственно); все шесть факторов включали составляющие всех рассматриваемых групп признаков.

На 2-м этапе также факторизовались только переменные трех групп стилей *борцов-вольников*: ИР/ТОД, операциональные системы (способы решения тактических задач) и СУУД при атакующей и при защитной тактике, всего – 63 переменных. Выделено 7–10 факторов с собственным значением больше 1,00. Содержательно лучшими признавались 6-факторные решения, объясняющие 58,3%* дисперсии; при факторизации

* Показательными для понимания стилей как психологических систем мы считаем объемы объясняемой дисперсии при выделении факторов

трех частей стилей 68–74% дисперсии (приложение 2, таблица б). В целом в двух массивах данных – дзюдо и вольной борьбе – нами получены очень близкие значения всех первичных статистик и выделенных факторов, что выступает аргументом в пользу качества К-данных и рабочих гипотез. Содержательно факторы-стили представителей вольной борьбы несколько отличались, что отражало специфику вида спорта и уровень их мастерства.

Рассмотрим содержание *стилевых факторов*. 1-й фактор, согласно входящим в него переменным, назван «*защитный-силовой стиль*» (ориентированный на средне- и малоподвижного соперника, характерный для менее результативных борцов в данной выборке, избегающих борьбы в партере, т. е. борьбы лежа, где действия могут быстро приводить к «чистой победе», имеющей более высокую «стрессовую цену»). Для стиля характерны предпочтения соперников с разными стилями, избегающих активной борьбы, борющихся в низком темпе, на ближней дистанции; структурные компоненты *защитного-силового стиля*: блокирующие захваты, срывы и сковывающие захваты, изменения захватов и стойки.

2-й фактор: *атакующий-темповый стиль* (сравнительно прямолинейный, с невыраженной вариацией стиля и тактики): ориентирован на активного, атакующего, подвижного противника, борющегося в разном стиле и подавляемого силой и высоким темпом, т. е. преимуществом в функциональных качествах, в уровне физической подготовленности; структурные компоненты стиля: срывы и сковывающие захваты, изменения дистанции; при преимуществе соперника структура стиля может нарушаться. 3-й фактор: *комбинированный (универсальный) стиль* (ориентированный на борьбу с активным и подвижным соперником, на его тактическое переигрывание, на гибкую ва-

---

стилей (в целом) и факторов их подсистем. Если при феноменологическом анализе первые шесть факторов объясняли лишь 58,3% дисперсии, то при проведении ФА их подсистем значительно больше: ИР/ТОД – 74,5%; СУУД – 68,1%; ОС – 72,9%. Если при формальном анализе первые шесть факторов стилей также объясняли сравнительно немного – лишь 61,0% дисперсии, то при проведении ФА их подсистем – намного больше: ИР/ТОД – 100,0%; СУУД – 89,9%; ОС – 96,0%. Эти факты мы объясняем сравнительно слабой согласованностью всех составляющих стилей, формирующихся у борцов стихийно.

риацию возможных технических и функциональных средств); для данного стиля характерны борьба на краю ковра, переводы противника в партер, преследование в партере; структурные компоненты стиля функционально взаимосвязаны (все типичны для данного класса): изменения захватов, темпа, стойки, изменения дистанции. 4-й фактор: *игровой стиль* (но тактико-технически обедненный, избегающий борьбы в партере, ориентированный на соперника умеренно активного, подвижного); структурные компоненты стиля: сковывающие захваты и срывы захватов, изменения дистанции и темпа; при преимуществе соперника структура стиля может нарушаться. 5-й фактор: *комбинированный (вариативный) стиль* (ориентированный на борьбу с активным, среднеподвижным соперником, гибко используется широкий арсенал средств; при защитной тактике часто используются переводы противника в партер и преследование в партере); структурные компоненты стиля функционально взаимосвязаны (все типичны для данного класса): прямые атаки, срывы и сковывающие захваты, изменения дистанции. 6-й фактор: *защитный-темповой стиль* (тактико-технически обедненный, избегающий борьбы в партере, ориентированный на борьбу с соперником малоактивным и малоподвижным); структурные компоненты стиля: прямые атаки, срывы и сковывающие захваты, изменения дистанции; при преимуществе соперника структура стиля может нарушаться (приложение 2, таблица 1).

Выделенные стилевые факторы с разным знаком и теснотой коррелировали с факторами ИР/ТОД, ОС («способов решения тактических задач») и СУУД («субъективно удобных условий деятельности»). Как и в выборке дзюдоистов, в выборке борцов-вольников часть стилевых факторов, эксплицирующих стили, положительно коррелировала с критериями успешности (3-й и 5-й), часть – коррелировала отрицательно (1-й, 4-й, 6-й – приложение 2, таблица б), так же как и части стилей коррелировали положительно или отрицательно. С учетом «знака» факторов приведем данные о мере корреляций выделенных стилевых факторов с их частями, или с мерой связи подобных структур стиля.

Корреляции шести стилевых факторов с шестью факторами ИР/ТОД таковы: 0,277, 0,598, 0,602, 0,282, 0,797, 0,810 (в четырех случаях $p < 0,001$). Корреляции шести стилевых факторов с шестью факторами «способов решения задач» следующие: 0,417, 0,424, 0,551, 0,713,

0,452, 0,497, 0,096 (в двух случаях $p < 0,001$, в двух – $p < 0,05$). Корреляции шести стилевых факторов с шестью факторами СУУД: 0,676, 0,647, 0,705, 0,782, 0,227, 0,422 (в четырех случаях $p < 0,001$, в одном – $p < 0,05$. Для $n=32$ $p=0,05$ при $r > 0,290$; $p=0,01$ при $r > 0,390$; $p=0,001$ при $r > 0,525$).

Как в отношении эффективных стилевых факторов (т. е. при положительных корреляциях фактора с критериями успешности борцов), так и неэффективных (неконструктивных) факторов мы констатируем их тесные связи с аналогичными факторами частей стилей, их подсистем. Есть достаточные основания говорить о фактах сходства их организаций, их структур, или *подобии структур* стилей и их частей.

II серия статистических расчетов. Качественный анализ. Рассмотрим важный аспект – меру интеграции стилей со средой, особенность использования борцами-вольниками пространства деятельности. В качестве первой группы «вторичных статистик», дополняющих содержание полученных результатов, выступали величины коэффициентов корреляции переменных с фактором. Так же как и в выборке дзюдоистов, при факторизации данных борцов вольного стиля большая часть переменных с высокими нагрузками входят в одни факторы и отрицательно умеренно коррелируют с другими факторами. Чаще величина положительных корреляций для разных факторов была в диапазоне $r=0,400-0,700$, величина отрицательных $r=-0,250-0,400$.

Анализ балансов положительных и отрицательных корреляций переменных со стилевыми факторами (например, корреляции переменных при $r > [0,200]$) дал ожидаемые, согласно гипотезам, результаты. Для эффективных, конструктивных факторов характерно большое число положительно связанных переменных (для 3-го – 27, для 5-го – 21) и кратно меньшее число отрицательно связанных (три и пять соответственно). Другими словами, с 3-м фактором положительно коррелируют 27 переменных (или 43% от их общего числа) и три – отрицательно (или 5%), с 5-м фактором – 21 переменная (33%) и пять (8%) соответственно.

Баланс положительных и отрицательных корреляций в трех неэффективных, неконструктивных факторах был иным: с 1-м положительно коррелировали 28 переменных (44% от их общего числа) и семь отрицательно (или 11%), с 4-м фактором – 26 (41%) и 3 (5%), с 6-м – 12 (19%) и 12 (19%) соответственно. Таким образом,

при качественном анализе знака факторных нагрузок и «факторных весов» в стилях борцов вольного стиля мы находим меньше контрастирующего и негативного, чем в стилях дзюдоистов. Наши гипотезы подтвердились.

Обобщая, констатируем, что как формальные, так и результаты содержательного анализа данных, полученных на двух выборках борцов, были сходными. Формальные критерии анализа данных представителей *вольной борьбы* (описательные статистики, объясняемая дисперсия, корреляции стилевых факторов и факторов условий и др.) были аналогичны рассмотренным выше данным дзюдоистов.

III серия статистических расчетов. Формальный анализ. Результаты формального анализа данных обследования двух выборок представителей вольной борьбы (70 чел.) также оказались согласованными с результатами феноменологического анализа: иерархические характеристики всех стилей, выраженных шестью фиксированными факторами, сравнительно ровно были «закрыты» переменными, включенными в анализ. Вместе с тем можно констатировать, что при формальном анализе стили борцов-вольников и части стилей также обеднены вследствие уменьшения числа рассматриваемых переменных. Характеризуя стили, также можно лишь обозначать их контуры, угадывая в «абрисах» то содержание стилей, которое раскрывалось при феноменологическом анализе (т. е. при анализе всех собранных данных). Но даже при уменьшении числа переменных выделенные факторы отражают соответствующие стили борцов-вольников «логично» и содержательно согласованно в составах трех подсистем – ИР/ТОД, ориентированных на соответствующие СУУД (характеристики предпочитаемого противника), при должных операциональных структурах (способах решения тактических задач).

1-й фактор, объясняющий 18,2% дисперсии, соответственно содержанию и «весу» переменных, назван «*контратакующий-защитный стиль*», ориентированный на борьбу с активным, разносторонним и подвижным противником; «опорными» способами являются изменения захватов. *2-й фактор* (12,1% дисперсии) назван «*функциональный стиль*» (*силовой и темповой*). Стиль ориентирован на единоборство с пассивным и малоподвижным соперником, который приводится к субъективно удобным параметрам изменениями и срывами захватов, прямыми атаками. *3-й фактор* (9,4% дисперсии) может быть определен как «*силовой стиль*», настроенный на борьбу с сравнительно

пассивным и малоподвижным соперником (защищающимся, контратакующим); «опорными» выступают изменения захватов. 4-й фактор (9,0% дисперсии) – «комбинированный (контратакующий-защитный игровой) стиль», ориентированный на «работу» с разносторонним соперником, который предпочитает в схватке «средние параметры» – средний темп, дистанцию и пр.; «опорными» выступают прямые атаки. 5-й фактор (6,4% дисперсии) – «атакующий-темповой стиль», не подкрепленный четкой ориентацией на предпочитаемые условия борьбы; «опорными» способами решения задач выступают передвижения. 6-й фактор (5,9% дисперсии) – «силовой стиль», ориентирован на умеренно активного, чаще контратакующего соперника; «опорными» являются прямые атаки. Шесть выделенных факторов объясняли 61% дисперсии. В плане перспективных достижений борцов эффективными являются два стиля: наиболее эффективным – 2-й стиль (представленный 2-м фактором), менее эффективным – 4-й; самым неэффективным – 5-й, умеренно неэффективными – 3-й и 6-й (приложение 2, таблица 7).

Вследствие ограниченности состава переменных мы не приводим описание содержания стилей, выделенных при отдельном факторном анализе переменных, относимых, согласно нашей концепции, к каждому из трех иерархических уровней стиля, рассматриваемых нами как сравнительно автономные подсистемы – ИР/ТОД, ОС и СУУД. Приведем лишь данные о тесноте корреляции структур стилей и их подсистем для двух наиболее эффективных стилей: первого (1-го фактора): 0,184, 0,772 ($p < 0,001$) и 0,699 ($p < 0,001$) и второго стиля (3-го фактора): 0,269 ($p < 0,05$), 0,777 ($p < 0,001$) и 0,699 ($p < 0,001$)

Как в отношении данных борцов-дзюдоистов, так и в отношении данных борцов-вольников задачи формального анализа можно считать решенными: 1) выделяемые при меньшем наборе переменных факторы раскрывают содержание соответствующих стилей и их подсистем (ИР/ТОД, ОС и СУУД); 2) объемы дисперсии, объясняемые выделенными шестью фиксированными факторами, как при феноменологическом, так и при формальном анализе близки по величинам; 3) по количественным параметрам (мера корреляции структур стилей и их подсистем, мера корреляции факторов и критериев успешности) результаты, полученные как при феноменологическом, так и при формальном анализе, близки по величинам.

Однако самым важным и интересным было сопоставление выделенных статистик в двух выборках спортсменов – дзюдоистов и вольников, различающихся по их успешности на международной арене. Проведя несколько статистических расчетов, опираясь как на общепринятые процедуры, так и на качественный анализ статистик, мы получили подтверждения рабочих гипотез. Но решающие аргументы, согласно дизайну исследования, связаны с сопоставлением статистик в двух группах спортсменов, различающихся по их успешности, причем не «текущей», имеющей место на момент проведения обследования, а успешности как состоявшейся или не состоявшейся профессиональной карьеры, спортивной карьеры. (Как упоминалось выше, даже очень высокие достижения молодых спортсменов определяются рядом факторов: одаренность, здоровье, роль тренера и др.; адекватный стиль – один из этих факторов). Такое сопоставление показывает, что *приближение меры подобия структур стиля и его частей к некоторому «идеалу» всего лишь на $r=0,100$ дает возрастание успешности в пять – шесть раз* (в качестве критерия успешности выступало число медалей, выигранных на международных турнирах класса «А»).

В полученном соотношении «коэффициенты корреляции / число медалей» могут быть статистические промахи (сопоставлялись представители сходных, но все же разных видов борьбы, имеющих в нашей стране разную историю становления и развития; все статистики могут рассматриваться как условности вычисления; не очевидно, что линейные зависимости преобладают в эволюции психологических систем, более вероятно, что они находятся в узких интервалах, и пр.). Приведем несколько замечаний по феноменологии разных видов спорта. 1. Критерии успешности в одном виде деятельности нельзя непосредственно сопоставлять с критериями успешности в других видах (даже если речь идет о близких видах спорта, олимпийских видах). 2. В успешность субъекта латентно включена «история» – история развития вида в данном регионе (для сравнения, борцы вольного стиля впервые участвовали в Олимпийских играх в 1952 г., дзюдоисты – в 1972 г.; федерация вольной борьбы создана в 1950-х годах, дзюдо – в 1970 г.); педагогические технологии, опыт и квалификация тренеров, формируемые не протяжении десятилетий; система турниров и др. 3. В успешность субъекта латентно включена «социальная среда». (Вольная борьба популярна у многих народов

бывшего СССР. В стране была высокая конкуренция. Популярность вида и успехи на международной арене способствовали аккумуляции мастерства тренеров. Популярность вида спорта в разных регионах, у разных народов способствовала разнообразию стилей, их «шлифовке», становлению высокого технического и тактического мастерства отечественных борцов. С другой стороны, это значительно облегчало успешное выступление наших борцов на крупных международных турнирах – они часто были неудобны, непривычны как соперники для зарубежных спортсменов).

Но при всех возможных погрешностях вычислений мы получили неожиданно высокие значения связи меры подобия структур стиля и успешности деятельности субъекта. Это подтверждает наши предположения: структуры стилей как психологических систем выполняют множество функций, при этом одна из главнейших – обеспечение согласования стиля как целого с его подсистемами, а также обеспечение интеграции стиля со средой (вернее, частью среды, актуализированной в процессе активности субъекта).

Таблица 5.1

Соотношение меры подобия структур стилей и их частей и успешности выступления на крупных международных турнирах борцов-дзюдоистов и борцов вольного стиля («феноменологический анализ»)

Параметры: статистики и критерии успешности	Вольная борьба	Борьба дзюдо
Корреляции структур эффективных стилей и трех их частей*	0,563	0,447
Корреляции структур неэффективных стилей и трех их частей*	0,500	0,405
Корреляции структур частей эффективных стилей	0,319	0,222
Корреляции структур частей неэффективных стилей	0,315	0,131
Выборка	32 чел.	48 чел.
Число медалей, завоеванных борцами на чемпионатах Европы, мира и на Олимпийских играх	64	12
Успешность спортсменов на международной арене (число медалей/размер выборки)	2,0/64: 32	0,25/12: 48

Примечание: *Средние из трех корреляций: структуры стиля и структуры ИР/ТОД; структуры стиля и структуры ОС, структуры стиля и структуры СУУД.

Таблица 5.2

Соотношение меры подобия структур стилей и их частей и успешности выступления на крупных международных турнирах борцов-дзюдоистов и борцов вольного стиля («формальный анализ»)

Параметры: статистики и критерии успешности	Вольная борьба	Борьба дзюдо
1. Корреляции структур эффективных стилей и трех их частей*	0,567	0,468
2. Корреляции структур неэффективных стилей и трех их частей*	0,405	0,384
3. Выборка 1: члены сборных команд страны (юноши, юниоры, основной состав)	70 чел.	48 чел.
4. Число медалей, завоеванных борцами на чемпионатах Европы, мира и на Олимпийских играх	76	12
5. Успешность спортсменов на международной арене (число медалей/размер выборки)	1,1	0,25
6. Выборка 2: члены сборных команд страны (юноши и юниоры)	38 чел.	48 чел.
7. Число медалей, завоеванных борцами выборки 2 на чемпионатах Европы, мира и на Олимпийских играх	12	12
8. Успешность спортсменов на международной арене (число медалей/размер выборки)	0,32	0,25

Таблица 5.3

Соотношение меры подобия структур отдельных стилей, различающихся по эффективности, и их частей у борцов-дзюдоистов и борцов вольного стиля («формальный анализ»)

Параметры: статистики и критерии успешности	Вольная борьба	Борьба дзюдо
1. Корреляции структур наиболее эффективного стиля и трех его частей*	0,552	0,517
2. Корреляции структур эффективного стиля и трех его частей*	0,582	0,418
3. Корреляции структур наименее эффективного стиля и трех его частей*	0,410	0,388
4. Корреляции структур неэффективного стиля и трех его частей*	0,400	0,380
Среднее:	0,486	0,426

Наряду с решением главных задач исследования – изучением процессов *интеграции стилей как психологических систем* (рассматриваемых через феномен меры подобия структур стиля и его подсистем, или его иерархических характеристик) – нужно рассмотреть и «полярные» процессы: дифференциации стилей как систем. Для этого нами сопоставлялись корреляционные матрицы в двух разных квалификационных группах борцов (как борцов-дзюдоистов, так и борцов-вольников): 1) сравнительно успешно выступавших на международной арене (призеров и чемпионов крупных международных турниров, условно обозначенных как «МСМК»), 2) сравнительно малоуспешных (высшие достижения которых «ограничились» занятием 1–3 места на чемпионатах страны, условно отмеченных как «МС»).

В выборке борцов-дзюдоистов мы находим разительные отличия в корреляционных плеядах рассматриваемых переменных у МСМК (мастеров спорта международного класса) и МС (мастеров спорта). Так, предпочтение атакующего стиля у МС отрицательно коррелирует с предпочтением ими защитного стиля ($-0,280$) и слабо – контратакующего стиля ($0,285$), а последнего – с защитным ($0,129$), что отмечалось нами и ранее как типичное явление на примере изучения разных выборок борцов (Толочек, 1992, 2000). У МСМК же предпочтения атакующего и защитного стиля «нелогично» связаны ($0,756$) и «логично», легко объяснимо связаны с предпочтениями контратакующего и защитного ($0,630$) как обоих «защитных» по существу организации деятельности.

Предпочтение атакующего стиля у МС коррелирует с предпочтением ими темпового стиля ($0,666$), поощряемого действующими правилами соревнований, отражающего исторические тенденции развития спортивной борьбы, и слабо связано с предпочтением силового и игрового стиля ($0,181$ и $0,132$); предпочтение контратакующего и защитного стиля связано с выбором силового варианта ведения схватки ($0,588$ и $0,229$), что отмечалось нами и ранее. У МСМК характеристики стилей – атакующего, контратакующего и защитного – независимы или отрицательно коррелируют с характеристиками стилей, выделяемых по выраженности физических качеств – силового, темпового и игрового ($-0,905$, $0,000$ и $-0,270$ соответственно). Также различаются и корреляционные плеяды отношений других составляющих – связей предпочитаемых условий и используемых технических действий борцами разной квалификации.

Другими словами, стили МС, согласовывая индивидуальные особенности спортсмена и требования деятельности, выступают своеобразным *«непосредственным преломлением»* действия «внешних условий» на субъекта. Стили МСМК как психологические системы организованы сложнее, включают не только компоненты деятельности, непосредственно связанные с их индивидуальностью, но и компоненты, позволяющие создавать более сложные комбинации действий; образно говоря, стили МСМК более основательно преобразуют *«действие внешних причин через внутренние условия»* и создают возможности для разнообразия «ответов» субъекта, не ограниченных его индивидуальностью и стилем. Стили спортсменов более высокой квалификации организованы не однозначно, в их организации и функционировании проявляются иные «закономерности, обуславливающие психический эффект внешних воздействий», что, по мнению С. Л. Рубинштейна, и составляет *фундаментальную задачу психологии* (Рубинштейн, 2003, с. 209).

В выборке борцов-вольников мы находим сходные отличия в корреляционных плеядах переменных у МСМК (мастеров спорта международного класса) и МС (мастеров спорта). Обобщая, можно говорить, что предпочтения разных стилей у МСМК несколько менее «контрастны», связи между переменными ниже, чем у МС; что стили МСМК менее «жестко завязаны» на соперника определенного типа, что их технический арсенал менее жестко определяется стилем, чем у МС. Таким образом, стили борцов-вольников МСМК как психологические системы, так же как и у МСМК борцов-дзюдоистов, в большей степени преобразуют непосредственные «действия внешних причин через внутренние условия»; подсистемы их стилей, так же как и у МСМК борцов-дзюдоистов, более автономны от состава других подсистем.

Вопросы дифференциации психологических систем отражают другую психологическую проблему (Волкова, 2012; Холодная, 2013; и др.). Мы лишь констатируем, что две группы «полярных» процессов – интеграции и дифференциации психологических систем (на примере стилей деятельности борцов) – определенным образом сопряжены. В настоящей работе задачи исследования концентрируются на проблеме интеграции психологических систем, рассматриваемых нами в ракурсе меры подобия структур стиля и его подсистем.

Обобщая результаты трех серий статистических расчетов, можно констатировать следующее.

1. При значительном сокращении числа анализируемых переменных, в целом до 38–41% от первоначального набора, в том числе составляющих ИР/ТОД до 67%, ОС – до 20%, СУУД – до 33%, принципиальные структуры стилей сохраняются. При значительном сокращении числа анализируемых переменных – составляющих стилей – сохраняются принципиальные отношения структур стилей и их частей (подсистем, их иерархических характеристик), рассматриваемых нами как меры их подобия.
2. При анализе достаточного и сокращенного состава переменных отношения структур стилей и их частей (подсистем, их иерархических характеристик) также сохраняются в выявленных количественных параметрах. Следовательно, важную роль играют не только наборы переменных как количественные характеристики стилей, но и инварианты отношений переменных, которые и можно понимать как структуры психологических систем, как структуры стилей.
3. Как при анализе достаточного состава переменных, так и сокращенного сохраняются меры количественных различий между эффективными стилями и менее эффективными (типичными для более и менее результативных борцов), между стилями выборок спортсменов с большей и меньшей успешностью (выступлений на международной арене).
4. Определенное сходство и отличие результатов статистических расчетов в двух массивах данных борцов, различающихся по спортивной специализации, возрасту, стажу, опыту, реальному уровню спортивного мастерства, позволяет сопоставлять полученные статистики с реальной успешностью субъектов. Более «плотные», цельные и гармоничные, стабильные (менее изменяющиеся структуры в разных тактических ситуациях), лучше структурированные стили выявлены у субъектов более высокой профессиональной квалификации (у более результативных, у более перспективных дзюдоистов, а также у «вольников» в сравнении с дзюдоистами).
5. Большее подобие структур стилей и их частей у более результативных спортсменов сочетается с мерой полноты интеграции стиля со средой (как полнотой актуализированного спортсменом пространства деятельности). Стили более результативных борцов характеризуются и большей полнотой использования ими пространства деятельности – большими диапазонами параметров использования дистанции, темпа, характеристик

удобного соперника и т. п. Детерминантой неперспективности субъекта (отсутствия прогресса у борцов) выступила «плохая» структура его стиля (неполная, слабо интегрированная с пространством деятельности), резко изменяющаяся в разных тактических ситуациях, т. е. теряющая типовую организацию составляющих стиля.

6. Сходство структур стилей и их частей (подсистем, их иерархических характеристик) как мера их подобия, отражающая процессы интеграции систем, сочетается с усилением дифференциации стилей как психологических систем (т. е. увеличением различий между составляющими стилей), с усилением различий между стилями более и менее результативных спортсменов.
7. Преобразования стилей спортсменов происходят не только на первых ступенях их профессионализации, но и на высших: на стадии перехода от квалификационного уровня «Мастер спорта» к уровню «Мастер спорта международного класса» и далее – «Заслуженный мастер спорта». Стили на всех ступенях профессионального становления субъекта изменяются и развиваются. Одним из условий, способствующих более полноценному становлению стилей, выступают темпоральные характеристики (в частности, временные интервалы перехода спортсмена от одной квалификации к последующей).

Выводы

1. При анализе данных выборки борцов вольного стиля получены результаты, в целом соответствующие аналогичным, полученным на выборке борцов дзюдоистов.
2. При анализе данных, полученных на выборке борцов вольного стиля, выявлена несколько большая мера подобия структур стиля и его частей («идеальных регуляторов/типа организации деятельности»; «операциональных систем», «субъективно удобных условий деятельности»), а также большая согласованность стилей с пространством деятельности; стили борцов-вольников полнее «вписаны» в него, полнее интегрированы со средой деятельности субъекта.
3. Средние по тесноте значения коэффициентов корреляции стлевых факторов и факторов условий (СУУД) у представителей обоих видов борьбы свидетельствуют о наличии выраженных закономерностей в организации стилей как целостной психологической системы и их частей.

4. Как в дзюдо, так и в вольной борьбе даже в выборках наиболее талантливых и результативных спортсменов выделяются разные стили, что свидетельствует об их потенциальной равнозначности, о возможности для субъекта достигать высоких и предельно высоких спортивных результатов посредством стиля.
5. Как в дзюдо, так и в вольной борьбе спонтанно сформированные стили даже наиболее талантливых и результативных спортсменов чаще не являются эталонными, образцовыми и гармоничными. Возможности совершенствования и развития спортсменов остаются открытыми, даже когда спортсмены достигают своих высших результатов (но потенциально не предельных).
6. Разные стили деятельности как психологические системы являются психологическими инструментами, позволяющими субъектам полнее использовать интерсубъектные и внесубъектные ресурсы.

5.5. Структурно-функциональная организация стиля и пространство деятельности

Как уже отмечалось, стиль как феномен есть психологическая система адаптации человека к среде своего организма, индивидуально-психологических особенностей – к социальной среде. Стиль как научная проблема есть отражение некоторых сущностных свойств феномена посредством разработанных концепций, актуального понятийного аппарата дисциплины в рамках доминирующей научной парадигмы. Проблема стиля в психологии изучается более полувека в разных, слабо связанных между собой подходах: как когнитивные стили, эмоциональные, индивидуальные стили деятельности, стили делового общения, стили руководства, стили жизни, саморегуляции и др. При бесконечном различии внешних проявлений феномена представители разных подходов к проблеме, как правило, констатируют довольно сходные качественные характеристики стиля и его атрибуты. При описании разных по онтологии стилей, по-разному проявляющихся в разных социальных сферах, в независимых исследованиях констатируются довольно сходные их признаки (Толочек, 2013).

Переходя к рассмотрению стиля как феномена, еще раз обратим внимание на «*субъективные предпочтения*» – принципиально важную характеристику в объяснении сущности феномена. Спустя два де-

сятилетия после начала изучения ИСД Е. А. Климовым (1954, 1969) В. С. Мерлин выделяет как критерий в становлении стиля переживание человеком «субъективного комфорта» (Мерлин, 1986). В то же время, в середине 1970-х годов, Е. П. Ильин настаивает как на более точном и более адекватном, по его мнению, определении стилей именно как «предпочитаемых», а не просто «используемых» (например, «типологически предпочитаемый индивидуальный стиль деятельности») (Ильин, 1983, 2009, 2011). М. А. Холодная (2004) в критическом анализе состояния проблемы КС постоянно фиксирует такую характеристику когнитивного стиля, как «предпочитаемый способ переработки информации». С начала 1980-х годов мы акцентировали внимание на «предпочитаемых, субъективно удобных условиях деятельности» (СУУД) как на первой иерархической, базовой характеристике стиля, определяющей всю его последующую структурную и функциональную организацию (Толочек, 1984, 1985, 1987, 1992). Эту характеристику в структуре стиля позже, в 1990-х годах, выделяли Л. Я. Дорфман (1992), А. В. Либин (1994), М. Р. Щукин, (1994).

Сущность первого уровня адаптации субъекта к среде (*предпочитаемые, «субъективно удобные условия деятельности», СУУД*), в следующем. В первом активном жизненном опыте происходит спонтанное формирование предпочтений отдельных условий среды как их симультанное восприятие, как неосознаваемые предпочтения, как мгновенное «кодирование» условий своего комфортного психологического и физического состояния, как эмоциональная память об этих состояниях (Jacoby, Lindsay, Toth, 1992; Jonson, Sherman, 1990; и др.).

Становление этого базового уровня адаптации к среде (т. е. общей и диффузной) происходит *спонтанно*, как первоначальная ориентация, как первоначальная адаптация человека к среде с учетом его возможностей и соответствующих предпочтений во взаимодействиях с разными условиями среды и их изменениями (быстро/медленно; вариативно/стабильно, дальше/ближе, активно/пассивно и т. п.). Первоначальная адаптация человека к среде регулируется императивом индивидуальности, она жестко не направляется и не управляется социальными технологиями. Совокупность индивидуально избранных условий и их параметров могут быть хаотичными, не всегда согласованными как с критериями успешности деятельности, так и индивидуальностью (которая в разной мере адекватности может отражаться субъектом в зависимости от его психологической культуры, «интрасубъектной компетентности»).

Предпочтение субъектом каких-то определенных компонентов и параметров деятельности, некоторых ее условий часто не осознается человеком, но проявляется сразу же, в начале обучения и овладения деятельностью. Т. Ф. Базылевич, Е. П. Ильин и другие объясняют неосознанное предпочтение человеком определенной деятельности влиянием его психофизиологии. Так, например, в контексте эволюционно-системного подхода к изучению индивидуальности подчеркивается, что «каждый момент осуществления индивидуальной деятельности характеризуется отражением в ее психофизиологических механизмах обобщенного прошлого опыта, с которым „сличается“ потребность настоящего момента в целях достижения „потребностного будущего“» (Базылевич, 1998, с. 128). С одной стороны, психофизиологические механизмы нового опыта складываются на основе ранее сложившихся прасистем, с другой – индивидуумом предпочитают определенные типы биоэлектрических активаций «исходя из прошлого опыта» и «наиболее благоприятны для „режима работы“ в данного рода взаимодействиях со средой» (там же, с. 81). В другой работе индивидуальное развитие человека понимается как «целостность, где интегрированы свойства, идущие из прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (компарация прогноза и реальности) и будущего (информационный эквивалент образа потребного будущего)» (Базылевич, 2013, с.23).

Ю. И. Александров подчеркивает, с одной стороны, преемственность генетически первых образований, их интегрирование в становлении более поздних психологических систем, с другой – активное влияние первоначальных образований на адаптацию к среде, к культуре сообщества в том числе. При этом показательно, что новые образования не замещают более ранние, а сосуществуют параллельно с ними (Александров, 1998; Александров, Александрова, 2010). Сходно роль семантик разной иерархии рассматривается в работах Е. Ю. Артемьевой: «...мир воспринимается субъектом пристрастно, структурированным и характеристики этой структуриации существенно связаны с опытом пережитых деятельностей» (Артемьева, 1999, с. 11); «...следы деятельностей, зафиксированные в виде отношений, являются результатами всех трех ступеней генеза следа: сенсорно-перцептивного, представленческого, мыслительного» (там же, с. 20).

«Глубокое интегрирование» жизненного опыта человека в его состояниях и регуляторная роль последних отмечается А. О. Прохоровым: «Внутренние ощущения и впечатления, вызванные событиями и ситуациями, переживанием прошлого опыта, превращаются в образ... Образ психических состояний фиксируется и закрепляется в структурах памяти во время переживания человеком данного состояния, формируя субъективный опыт», который «раскрывается в трех проекциях: прошлое (в представлении о состоянии), настоящее (образ актуального состояния, возникающий вследствие восприятия собственного состояния „здесь и сейчас“) и будущее (образ будущего, например, желаемого состояния)». «Содержание образа представляет собой результат отражения накопленного опыта переживания данного состояния при различных обстоятельствах, ситуациях и событиях, в которых находился субъект. Отраженные компоненты психического состояния закрепляются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру, изоморфную реальному состоянию. Закрепляясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного опыта переживания состояний» (Прохоров, 2013, с. 109).

Итак, под «субъективно удобными условиями деятельности» (СУУД) мы понимаем сплав осознанного и неосознанного, одну из первых структур и в последующем один из первичных факторов формирования стиля как целостной и завершенной системы адаптации человека к среде, детерминирующий его последующие «этажи» (уровни, характеристики). СУУД есть эмоциональная память, своего рода «прошлое» субъекта, его «зоны комфорта», эмоциональные оценки успешности, играющие заметную роль в адаптации субъекта к требованиям деятельности и направляющие эту адаптацию на определенную часть ее условий и требований.

В процессе изучения динамических и инвариантных, функциональных аспектов и генеза стиля определилась иерархическая схема описания и анализа структурно-функциональной организации стилей (рисунок 5.1), реализованная в концепции *стилей профессиональной деятельности* – СПД (Толочек, 2000). Согласно концепции СПД, первым иерархическим уровнем стиля являются «субъективно-удобные условия деятельности» (СУУД).

Вторым, срединным, блоком стиля выступают «операциональные системы» (ОС) – психологические системы, реализующие практические компоненты деятельности, конкретные и когнитивные

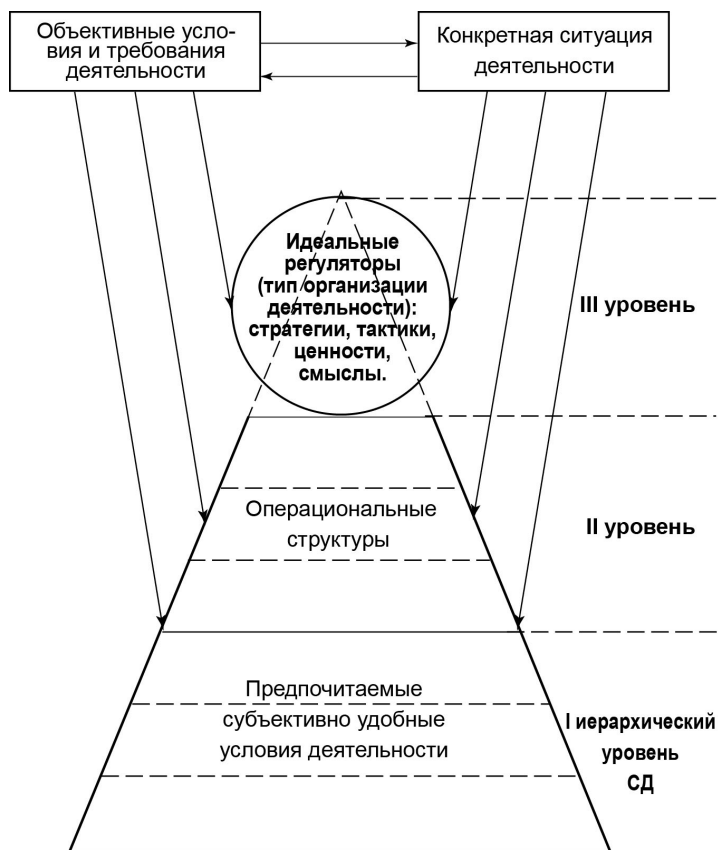

Рис. 5.1. Трехуровневая модель стиля деятельности

предметные действия, опосредующие взаимодействия субъекта с объектом (например, техника данного вида спорта, приемы профессиональной деятельности) и с субъектами. В качестве таких действий могут выступать и системы когнитивных действий, и образы эмоциональных состояний, когда подразумевается профессионально зрелая, сложившаяся деятельность. Такие *операциональные системы* могут развиваться, обретать иерархическое строение, становиться мета-процессами и мета-свойствами (Карпов, 2011; Холодная, 2012). Это – «настоящее» состояние субъекта. Сущностные свойства составляющих второго иерархического уровня стиля нами рассматривались в главе 4.

Третья иерархическая характеристика, третий уровень образований стиля – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД) – рассматривается нами как высший уровень адаптации субъекта к требованиям среды. К этому уровню можно отнести разные «идеальные регуляторы», отражающие когнитивные, мыслительные составляющие поведения и деятельности, ценностные и смысловые приоритеты: тактики, стратегии, планирование, оценки ситуации, коррекция результатов, прогнозы. Следование субъектом этим «идеальным регуляторам» побуждает его не только отражать действительность, но и активно преобразовывать часть ее условий, направляя по возможности их в «русло» ему субъективно удобных (например, в спортивной борьбе «навязывать» сопернику высокий темп или подавлять его активность, срывая захваты; борцы, для которых удобен атакующий соперник, могут даже «отдавать» удобный для него захват, становиться в удобную для него стойку, то есть активно создавать условия, побуждающие соперника атаковать). Поэтому другое определение третьей иерархической характеристики стиля – *тип организации деятельности*. Посредством этой подсистемы стиля субъект управляет условиями деятельности. В известном смысле это «будущее» системы, точнее, устремленность субъекта к будущему состоянию, отраженному в «идеальном», которое характеризуется лишь вероятностью воплощения, частичным соответствием избранным критериям.

Определяющими в выделении нами трех иерархических уровней стиля как психологической системы выступали не только представления об универсальности «фундаментальной психологической триады» (Л. М. Веккер), включающей когнитивные, аффективно-мотивационные и поведенческие компоненты (Веккер, 1998), но прежде всего феноменология объекта – сущностные свойства стилей, компоненты стилей и особенности их организации, связи последних с успешностью субъекта. Так, выявленные в цикле исследований (1981–1999) на разных выборках борцов интеркорреляции, составляющие три характеристики их стилей, заметно различались по тесноте и плотности. Для ИР/ТОД они находятся в пределах $r = [0,000-0,500]$ и связи имеют место лишь между отдельными переменными; для ОС, связи существуют при $r = [0,100-0,600]$; для СУУД при $r = [0,200-0,800]$ между собой коррелируют почти все анализируемые переменные, одни из них положительно, другие – отрицательно (Толочек, 1992, 2000). При этом влияние меры изменения структур разных иерархических уровней стиля на успеш-

ность деятельности спортсмена также было разным: наиболее негативно на успешности отражались изменения в структуре СУУД; наибольший диапазон вариаций, не разрушающих деятельность, был присущ ИР/ТОД (Толочек, 1987, 1992, 2000). Вероятно, «ключевым звеном» ИСД, определяющим его эффективность и потенциал как системы, выступает первый иерархический уровень организации стиля – «предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности» (СУУД). Состав, структуры, динамика третьего уровня стиля – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ТОД) – наименее изучены; это – ближайшие научные задачи исследований стиля в психологии.

Предложенная нами схема описания стиля (Толочек, 1984, 1987, 1992) соответствует типовым психологическим схемам, выделяющим когнитивные – эмоциональные – практические компоненты. Как трехкомпонентную описывают структуру деятельности многие исследователи. Например, выделяют «фундаментальную психологическую триаду», включающую когнитивные, аффективно-мотивационные и поведенческие компоненты (Л. М. Веккер); практические, гностические, аффективные компоненты (А. А. Бодалев); поведенческие, когнитивные, аффективные (Я. Л. Коломинский); регулятивные, аффективные, информационные (Б. Ф. Ломов); поведенческие, аффективные, гностические (Н. Н. Обозов). Повторим, что аналогичную схему описания стиля также использовали Л. Я. Дорфман (1992), М. Р. Щукин (1994), А. В. Либин (1994).

Таким образом, три обобщенные характеристики стилей не есть лишь простая и удобная концептуальная схема. Характер взаимосвязей составляющих трех характеристик различается, составляющие трех иерархических уровней в разной степени влияют на успешность деятельности субъекта. Предложенная концептуальная схема анализа и объяснения стилей как многоуровневых систем адаптации субъектов к требованиям и условиям деятельности (СУУД–ОС–ИР/ТОД) может использоваться при решении как научных, так и практических задач.

Выводы

1. В структурно-функциональной организации стилей деятельности (в спорте) можно различать характеристики трех иерархических уровней активной и пассивной адаптации человека к среде. Первый иерархический уровень выступает как «субъективно удобные условия деятельности» – система пассивной

адаптации; второй – «операциональные структуры» и третий – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» – системы активной адаптации.

2. Становление первого уровня адаптации субъекта к среде – «субъективно удобных условий деятельности» – происходит спонтанно, с учетом его индивидуальности. Вторую иерархическую характеристику стиля – «операциональные системы» – образуют психологические системы, реализующие практические компоненты деятельности, конкретные предметные и когнитивные действия, опосредующие взаимодействия субъекта с объектом (например, техника данного вида спорта, приемы профессиональной деятельности) и с субъектами. Третий уровень образований стиля – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД) – рассматривается как высший уровень адаптации субъекта к требованиям среды. К этому уровню можно отнести все «идеальные регуляторы», все, что отражает когнитивные аспекты деятельности, ценностные и смысловые приоритеты (тактики, стратегии, планирование, прогнозы, оценки ситуации, коррекцию результатов).

5.6. Психологические механизмы становления, развития, функционирования стилей

Резкое снижение интереса ученых к проблеме стиля к 1990-м годам во многом объясняется ограниченностью первоначальных концепций (Толочек, 2013). Для понимания закономерностей становления, развития, функционирования и видоизменения стиля желательно выйти за пределы психологических научных конструкций, сложившихся в 1950–1979-х годах, и обратиться к более широким контекстам, к новой научной методологии – к положениям *экологического* (Дерябо, Ясвин, 1998; Панов, 2001, 2004; Pawlik, 1998; и др.), *системогенетического* (Карпов, 2011; Поваренков, 2012; Шадриков, 2004, 2012; и др.), *синергетического* подхода (Пригожин, 2002; Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2003; и др.). Нами предложен подход к разработке интегральной концепции стилей в русле исследований научной школы В. С. Мерлина–Е. А. Климова. Сущностные свойства стилей раскрываются в движении от частного к общему, от частных стилей – к общему стилю человека как бытию частных систем в общих, в цепочке «индивидуальные стили деятельности – стили профессиональной деятельности – стили деятельности –

стили жизни – стили человека»: ИСД<СПД<СД<СЖ<СЧ (Толочек, 2013).

Первым психологическим механизмом становления, генеза и функционирования стилей, вероятно, выступает механизм *само-развития*. В исследованиях стилей – КС, ИСД, СР, СЖ и др. – этот механизм, как правило, не упоминается. Но во всех исследованиях констатируются факты наличия у людей как субъектов деятельности, как личностей, того или иного стиля до начала его научного изучения. В современной методологии науки *саморазвитие* признается определяющим моментом в становлении сложных систем, социальных, социально-психологических и психологических в том числе.

Вторым ключом к объяснению функционирования и развития стилей можно назвать механизм *транзитивности*. Множество описанных в научной литературе стилей едва ли можно убедительно объяснять и классифицировать, если пренебрегать вероятной иерархией (или гетерархией) их генетических и функциональных взаимодействий, последовательностью становления, большей или меньшей специфичностью. Эти отношения и определяются нами как цепочки разных по «масштабу» и мере специфичности психологических систем – ИСД<СПД<СД<СЖ<СЧ.

Третьим ключом к объяснению функционирования и развития стилей мы считаем предположение о сходных, согласованных, взаимно интегрированных, *подобных структурах* стиля и его подсистем. Такое предположение позволяет объяснять как механизмы генеза разных стилей (когнитивных, эмоциональных, психомоторных, стилей деятельности, общения, руководства, поведения, стилей жизни), так и «корни» их вероятного единства. Близким аналогом могут служить рассматриваемые в естественных науках механизмы *самоподобия*, или *фракталов*, проявляющиеся в становлении новых образований систем живой и неживой природы (Мандельброт, 2005; Мандельброт, Хадсон, 2006; Патген, Рихтер, 1993; Кроновер, 2000; др.)*. Именно эти механизмы обеспечивают воспроизведение струк-

* Понятие «фрактал» обозначает широкий класс топологических форм, главной особенностью которых являются самоподобные иерархически организованные структуры. Фрактальным строением обладают множество объектов и процессов окружающего мира. Хрестоматийные примеры фракталов – кровеносная система (артерии и капилляры), бронхи, ветви и корни деревьев и пр. Сущность механизма самоподобия по Б. Мандельброту – экономичность функционирования программ

тур в становлении новых систем и частей систем как идентичных с исходными «матрицами» при взаимодействиях «объекта» и «среды». Безусловно, психическое – иная, более сложная реальность. Признание активности человека как субъекта своей деятельности и жизнедеятельности (Абульханова-Славская, 1980, 1991; Брушлинский, 2002; Рубинштейн, 2002; др.) не отрицает действия как уникальных, специфических, так и более общих механизмов, определяющих взаимодействия субъекта и среды, окружения, обеспечивающих, с одной стороны, его сохранность, с другой – развитие.

Если в независимых исследованиях описаны разные стили, если в их организации и функционировании угадываются сходные черты, можно ли искать основания их сходства и, возможно, даже, единства? Феномен стилей и разные его проявления можно описывать посредством разных синонимов – подобие, сходство, интеграция, согласованность... Вопрос – не в понятии как таковом, а в его адекватности, в использовании понятия если не для отражения сущностных свойств, то для выделения новых важных свойств явления, в нашем случае – в попытке описать сами моменты сходства, согласованности разных стилей и их подсистем. Речь не идет о пассивности субъекта, об инертности и механистичности стилей как психологических систем, не о «точности» воспроизведения целого в его частях и т. п.

Однако на разном эмпирическом материале установлены и подтверждаются факты согласованности структур стилей и их подсистем, наличия определенной меры сходства, подобия этих структур, подобия, далеко не достигающего абсолютной идентичности (равных 1,00). Но при корреляции значений для объектов мы получаем в среднем тесноту связи порядка 0,400–0,600, причем в случаях более тесных связей в данном интервале, характерном для психологических систем, мы констатируем более высокую эффективность деятельности субъектов, успешность субъектов в будущем (что само по себе представляет принципиально важный факт).

Согласно механизму подобия структур, при становлении новых стилей и их подсистем именно структуры обеспечивают сохранность сущностных свойств системы, согласованность этих свойств

природы: воспроизводство системы и ее частей происходит как повторение исходных структур в соответствии с конфигурацией пространства (Мандельброт, 2002). Этот механизм обеспечивает управление эволюцией сложного как принципиально простое и двустороннее взаимодействие объекта и среды.

со свойствами новых образований (подсистем, иерархических уровней системы). Например, становление подсистемы ОС – «операциональных структур», т. е. компонентов, присущих данной сфере жизнедеятельности, данной специфической деятельности, происходит с учетом особенностей базового уровня стиля – СУУД («субъективно удобных условий деятельности») и вершинного – ИР/ТОД («идеальных регуляторов/типа организации деятельности»). Но становление подсистемы «операциональных систем» не может быть хаотичным, происходит исключительно методом «проб и ошибок», либо исключительно как буквальное следование требованиям наставника, методике обучения, либо как подбор отдельных элементов с учетом своей индивидуальности и т. п. Становление «операциональных систем» происходит «под управлением» структур СУУД и структур ИР/ТОД, не только сохраняющих сущностные свойства стиля как системы, но и активно влияющих на становление сходных, подобных, согласованных структур в новообразованиях, обеспечивающих согласованность психологической системы в масштабе целого.

В процессе развития субъекта, становления его профессионализма мера четкости организации стилей, мера согласованности индивидуальности, компонентов деятельности и условий среды выступает индикатором эффективности и стабильности деятельности, профессиональной успешности и перспективности субъекта. Вероятно, мера адекватности воспроизводства стилей в их разных формах (про-явлениях) есть воплощение универсальности стилей как психологических систем. Мера адекватности воспроизводства стилей также есть отражение уровня профессиональной зрелости субъекта, не утрачивающего своих достоинств как профессионала при реорганизациях стиля.

Итак, феномен стиля можно представить как психологическую систему, строящуюся на трех основаниях: а) субъективно предпочитаемых условиях деятельности; в) специфических для данной деятельности действиях и способах; с) идеальных регуляторах/типе организации деятельности – когнитивных схемах, стратегиях, ценностях, способах управления средой и т. п. Воспроизводство психологической системы в разных социальных сферах при решении человеком разных задач может протекать сравнительно легко и быстро, как спонтанно (если он руководствуется преимущественно субъективными предпочтениями), так и направленно, под давлением социальных технологий, побуждающих субъекта осваивать более широкий и более эффективный технический репертуар специфи-

ческой деятельности и, таким образом, реорганизовывать, изменять и развивать свои «операциональные системы». Раньше или позже субъектом рефлексированы и общие регуляторы его деятельности, становящиеся особой частью стиля – «идеальными регуляторами/типом организации деятельности».

Выделим еще раз особенность наших моделей и задач исследования сравнительно с отечественной традицией, заложенной работами Е. А. Климова и В. С. Мерлина в 1950–1970-х годах, активно поддерживаемой (прежде всего – в пермской научной школе) до настоящего времени. Ввиду особенностей изучаемых нами стилей и субъектов (спорт высших достижений, спортивные единоборства, деятельность с вариативно изменчивыми условиями, стили высококвалифицированных спортсменов, высокая конкуренция, нестабильность результатов субъектов, ограниченное число лучших – призеров крупных турниров и множество аутсайдеров, объективно представленная дифференцированная шкала профессионального мастерства – от новичка до мастера международного класса и др.) в зону внимания сразу же попадали нетипичные для традиционных исследований факты.

Поясним одну из вышеназванных особенностей, а именно: нами изучались стили высококвалифицированных спортсменов. К высококвалифицированным спортсменам специалисты относили не более 20–30 чел. (чаще – некоторых членов сборной команды страны); каждым из видов спортивных единоборств в нашей стране в 1980-х годах занимались около 300–360 тыс. чел., в мире – несколько миллионов; лучшими – чемпионами Европы, мира и Олимпийских игр – были единицы из сотен тысяч непосредственно конкурирующих субъектов; в каждом виде спорта выделялись несколько квалификационных и возрастных «страт». Таким образом, в спорте высших достижений объективно четко как подгруппы выделялись «эталонные», «лучшие», «средние», «худшие»; «стабильные» и «нестабильные», «прогрессирующие» и «непрессирующие» в каждой квалификационной и возрастной страте, что едва ли было возможно объективно и этически различать в других ситуациях – при изучении стилей воспитателей, учителей, врачей, инженеров и др. Выделим ключевые для обсуждаемых вопросов эмпирически установленные нами факты.

Полученные данные позволяют критически оценить и уточнить адекватность множества разных характеристик стиля, представленных в научной литературе. Обобщая литературный материал и ре-

зультаты нашего исследования, можно выделить сущностные свойства стилей, в единстве которых они выступают как эффективные психологические системы адаптации субъекта в среде: 1) инструментальные, операциональные функции (в соответствии с которыми стиль выступает как устойчивая система предметных, когнитивных действий и действий по саморегуляции); 2) согласованность с индивидуальностью субъекта («индивидуально своеобразные психологические системы»); 3) адаптация субъекта к среде, окружению, построенная на «фундаментальной стилевой триаде»: «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» – «операциональные структуры» – «предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности»; 4) адаптация, ориентированная на часть условий среды (нацеленная, встроенная, согласованная с нею); 5) система, согласованная с организацией пространства деятельности, подчиненная законам целого; 6) система, эффективность и функционирование которой определяется оптимальностью, сохранением меры ее структурированности и проявляется как успешность субъекта; 7) система, становление и развитие которой происходит согласно механизму воспроизводства подобных структур.

5.6. Открытые вопросы и перспективы исследований стилей в спорте

Рассматриваемые в разделах 5.1–5.5 вопросы относились главным образом к собственно проблеме стиля. Как отмечалось ранее (глава 1), в независимых исследованиях стилей, в том числе индивидуальных стилей деятельности, в 1950–1980-х годах были получены хорошо согласующиеся результаты. В разных видах трудовой деятельности (ткачих, слесарей-наладчиков, водителей, токарей и др.), в разных видах спорта (единоборствах, циклических, сложнокоординированных, игровых) стили проявлялись в типичных способах организации ориентировочной основы деятельности, ее контроле, устранении нарушений, в типичных раскладах сил на дистанции, в большей или меньшей эффективности деятельности в начале или в финальной части и пр. Обширный материал, накопленный за несколько десятилетий, дает основание для более полного раскрытия феномена стиля, его функций, его возможностей как психологической системы.

Обобщая, можно предполагать, что стиль выступает не только психологическим средством организации поведения и деятельнос-

ти, не только одним из факторов успешности деятельности и жизнедеятельности. Стиль является одним из психологических механизмов организации человеком среды, своего окружения. Очевидно, что ценность научных концепций во многом определяется возможностью экстраполяции результатов изучения стиля на познание других явлений. Серьезными социальными и психологическими проблемами остаются учебная и профессиональная успешность человека, его профессиональная эволюция как субъекта (развитие, деструкции), профессиональное долголетие, сработанность и совместимость в процессе общей деятельности, прогноз поведения человека в сложных жизненных ситуациях и др. Во многих случаях методология изучения стилей может способствовать разрешению многих научных и практических проблем. Обсудим эвристический потенциал концепции «стили профессиональной деятельности» (СПД) в двух планах – научно-исследовательских и научно-практических работ.

*Эвристический потенциал концепции
«стили профессиональной деятельности»: научные аспекты*

С позиции *деятельностного подхода* (а именно в этом русле происходило становление концепции ИСД) в концепции СПД интегрируется как значительный материал исследований ИСД и других сопряженных проблем. С позиции *субъектно-деятельностного подхода* (в этом русле происходила многогранная разработка проблемы субъекта, активности, совместной деятельности и др.) рассматривались процессуальные моменты становления, генеза и функционирования стиля, не отраженные и не отражаемые в традиции деятельностного подхода. Таковыми можно считать: активность всех взаимодействующих субъектов, их взаимодействия в совместной деятельности, формируемые вследствие их взаимодействий пространства, его структурированность, субъективно значимые условия. Стиль рассматривается в совокупности многообразных форм его проявления – как активная и пассивная адаптация человека к среде, а не только традиционно, как к требованиям деятельности.

Объектно-детерминистический подход в изучении стилей. Подход к изучению стилей, сложившийся в 1980–1990-х годах, был назван объектно-детерминистическим подходом (Толочек, 1992, 2000). Его особенность состоит в признании объектной организации среды – состава и связей компонентов и условий деятельности,

биомеханических параметров деятельности, социально-психологических условий (или интерперсонального пространства) в качестве исходных, определяющих становление и проявления стиля. Эмпирическим основанием служили результаты наблюдений соревновательной деятельности спортсменов высших разрядов на крупных всесоюзных и международных турнирах.

Напомним, что для Е. А. Климова индивидуальный стиль есть «интегральный эффект взаимодействия субъекта и объекта» (Климов, 1969, с. 248); В. С. Мерлин понимал стиль как систему взаимодействия совокупности индивидуальных особенностей человека и условий его деятельности, в последующем выступающей уже в качестве опосредующего механизма в процессах интеграции свойств индивидуальности разных иерархических уровней (Мерлин, 1986). Для нас в качестве исходного момента всех психологических новообразований субъекта (стиля, профессионализма, отдельных профессионально важных качеств и пр.) выступает организация развитой профессиональной деятельности, существующая задолго до вступления в нее изучаемого нами субъекта (даже если он мыслится как активная субстанция). Профессиональная деятельность формируется и развивается вследствие активности многих субъектов, включенных в нее (в том числе, в прошлом), побуждающая каждого отдельного субъекта занимать определенные, локальные функциональные и психологические «ниши» в целом пространстве деятельности. Примерами таких «ниш» в спортивной борьбе дзюдо выступают: а) высокий темп, дальняя и средняя дистанция, однонаправленные комбинации тактико-технических действий (ТТД); в) средний темп, средняя дистанция, разнонаправленные комбинации ТТД; с) ближняя дистанция, низкий темп, силовое противоборство, разнонаправленные ТТД.

Мы различаем две стороны явления: стили как индивидуально-своеобразные психологические системы отдельных лиц и стили как совокупности компонентов деятельности. Последние обычно соотносят со стилями в искусстве, типовыми стилями руководства и т. п. Генезис вторых стилей таков. Они возникают в процессе становления и развития профессии, закрепляются в ее продуктах, закрепляются в логике используемых средств труда. Являясь результатом общественной практики и достижений выдающихся профессионалов, эти стили в дальнейшем существуют безотносительно к своим творцам. Они становятся своеобразными примерами, эталонами, нормативами, определяющими «предпосылками» станов-

ления индивидуального стиля для лиц, овладевающих данной деятельностью. Эти две стороны единого феномена можно различать посредством видового признака – как «типовой» («объективированный») и «индивидуальный» (субъективно представленный) стиль. *Типовой («объективированный») стиль – это устойчивая, внутренне организованная совокупность компонентов профессиональной деятельности. Индивидуальный стиль – динамичная индивидуально-своеобразная психологическая система согласования (сопряжения, уравнивания) индивидуальности человека с частью условий деятельности и среды, образованная стилевыми механизмами разной общности, ориентированная на достижение конкретного результата и регулируемая им; система, внешне проявляющаяся как «система приемов и способов деятельности».*

Отличительные признаки двух видов стилей: *типовые (объективированные) стили* существуют безотносительно к отдельному субъекту, отражают объективные закономерности организации деятельности и среды, являются устойчивыми и логически завершенными образованиями; *индивидуальные стили* выполняют функцию организации и согласования индивидуальности человека с условиями деятельности в специфической среде; они отличаются индивидуальным своеобразием, вариативной изменчивостью, иерархией уровней адаптации, разной степенью развития и адекватности, формируются спонтанно и направленно, осознанно и бессознательно.

В исследованиях индивидуального стиля деятельности (ИСД) и в нашей концепции стилей профессиональной деятельности (СПД) используются положения, общие для *деятельностного подхода* и *субъектно-деятельностного*. Согласно *субъектно-деятельностному* подходу, становление личности происходит в процессе ее деятельности, вследствие активности самой личности в процессе преобразования ею мира: «индивид в предметной деятельности изменяет окружающий мир и посредством этого изменения изменяет себя, становится личностью» (Рубинштейн, 1999, с. 84). В этом процессе цикл развития «индивид–деятельность–личность» дополняется циклом «личность–деятельность–личность». Формирование личности в деятельности дополняется обратным движением, вследствие которого возникает способность личности к саморазвитию, к направленному формированию своих качеств посредством регулируемых ею процессов совместной деятельности (Ломов, 1984, 1999). Это движение в специфических условиях предопределяет индивидуализацию личности и далее – выбор ею форм и видов деятельности, обуслов-

ливающих ее дальнейшее развитие. Ключевое понятие «субъект» с его атрибутами (активностью, самоорганизацией, самоопределением и т. п.) позволяет более детализированно проследить становление психического в процессах становления самой деятельности.

Аналогичные отношения и взаимопереходы постулируются в системе «субъект–деятельность» в русле *деятельностного подхода*. Еще раз отметим, что становление концепции ИСД в отечественной психологии проходило в русле деятельностного подхода. Поэтому и «исходные посылки», и получаемые результаты, и сохраняемые традиции в подходах к объяснению феномена органично слиты с методологией, послужившей руководящим началом.

В контексте проблематики СПД общие положения деятельностного и субъектно-деятельностного подходов конкретизируются. Мы различаем два взаимосвязанных процесса: а) генезис профессиональной деятельности и б) генезис субъекта. Эти два процесса отражают становление деятельности отдельного субъекта, а также совокупного, коллективного субъекта. Субъект овладевает структурами деятельности в большем или меньшем их объеме, привнося и другие составляющие, как рациональные, необходимые, обеспечивающие его развитие, его успешность, так и нетипичные, нелогичные, не согласованные с другими, препятствующие успешности. Сформировавшаяся у него психологическая система и есть индивидуальный стиль (профессиональной) деятельности, который во взаимодействии с другими субъектами видоизменяется.

Одно из перспективных направлений развития концепции стилей связано с разработкой *ресурсного подхода*, то есть изучения стилей человека в широком контексте его *взаимодействия со средой, окружением*, в частности – при решении задач *совместной деятельности* (соответственно, в ситуациях взаимодействия с другими людьми как субъектами и как личностями). Предполагается, что *условия совместной деятельности* и взаимодействий людей не есть фиксированные, как-то и кем-то единожды определенные, а *активно создаются и воссоздаются в процессах взаимодействия* людей. В условиях и в процессах взаимодействия людей как субъектов и как личностей воссоздаются не все потенциально возможные, а лишь актуально необходимые условия деятельности и среды, в их целостности понимаемые нами как *пространство деятельности*. В условиях и в процессах взаимодействия субъектов (личностей) большую или меньшую актуальную значимость могут приобретать те или иные свойства

субъекта (личности), условия среды и особенности партнеров, которые так или иначе могут интегрироваться в активности субъекта (личности). В процессах такой интеграции формируются новые психические структуры, в которых ранее не задействованные свойства субъекта могут становиться *интрасубъектными ресурсами*, ранее нейтральные среды – *внесубъектными ресурсами*, особенности партнеров – *интерсубъектными ресурсами*.

Согласно *ресурсному подходу*, активность человека как субъекта деятельности и жизнедеятельности проявляется, в частности, в том, что его стили выступают психологическими средствами, не только функционирующими как «устойчивые психологические системы» в заданных условиях, но также и обеспечивающими актуализацию новых ресурсов, интра-, интер- и внесубъектных.

На данном этапе изучения проблемы мы предпочитаем использовать понятие «*стили профессиональной деятельности*» (СПД) как интегральные, иерархические биполярные образования с постоянной вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных–неудобных» условий деятельности). Они детерминированы как индивидуальностью субъектов и требованиями деятельности, так и организацией среды, пространства деятельности, определяемого активностью взаимодействующих субъектов и составляющими деятельности.

В видах деятельности, которые изучались Е. А. Климовым и В. С. Мерлиным, устойчивость и изменчивость компонентов, вариативность стиля явно не различались, тогда как методология изучения проблемы закладывалась, главным образом, в их работах. Вообще анализ стиля во временном измерении решался крайне условно: признавалось, что стиль формируется направленно или стихийно, что стиль может перестраиваться при радикальном изменении внешних условий деятельности (например, у ткачих при переходе на работу с трех на четырех тяжелых станках), что стиль изменяется при его направленном формировании – «коррекции стиля», вызывая параллельные изменения в структуре связей индивидуальности и самой «интегральной индивидуальности» субъекта. Во второй половине 1980-х годов М. Р. Щукин рассматривает вопросы связи структуры стиля и успешности деятельности рабочих и учащихся ПТУ, т. е. опять же вида деятельности со сравнительно стабильными, инвариантными условиями (Щукин, 1966, 1992).

В сравнении с концепцией ИСД Е. А. Климова–В. С. Мерлина в концепции СПД выделяются и рассматриваются новые аспекты

адаптации человека в среде. В качестве исходного момента анализа выступает *совместная деятельность*, а не индивидуальная. Акцентируются особенности совместной профессиональной деятельности (необходимость согласованности стиля субъекта со стилями, индивидуальностью и активностью других субъектов как становление «совместного стиля деятельности», как формирование взаимодействий в функционально связанных группах, как необходимость выбора части пространства деятельности и др.).

Ключевым моментом в объяснении феномена выступают отношения «человек–среда (окружение)». Акцентируется детерминирующая *роль среды*, отмечается ее *неоднородность*, факторы *самоорганизации стилей*, рассматриваются социально-психологические феномены адаптации взаимодействующих субъектов («диада», «триада», «психологическая ниша»). Единицей анализа совместной деятельности субъектов выступают их профессионально-психологические группы – «триады» и «диады» (или неполные «триады»).

Для объяснения содержания и эволюции стилей вводятся новые понятия (пространство, диады, триады, психологические ниши и др.), отражающие аспекты совместной деятельности и взаимодействий субъектов в ограниченном пространстве ситуативно актуализируемых условий среды, отражающие разные масштабы проявления феномена и разные влияния на него социально-психологических и социальных детерминант.

Определяющим моментом в эволюции стилей мы считаем деятельностьную детерминанту – обусловленность стилей прежде всего организацией («блоками, подсистемами) специфической деятельности (профессиональной, спортивной, учебной), превосходящей по влиянию детерминацию стилей индивидуально-психологическими особенностями субъекта (как это традиционно понималось). Следствием этого и стало предложение нового – «объектно-детерминистического» подхода – концепции *стилей профессиональной деятельности* (СПД), согласно которой в обусловленности стиля различаются *четыре главные детерминанты*: а) «объектная» («профессионально-деятельностная»); в) «субъектная» («индивидуально-психологическая»); с) «интерсубъектная» («социально-психологическая»); d) «средовая».

Объяснение зарождения, развития и функционирования стиля строится на выделении его иерархической организации. Предполагается, что первоначально определяются и организуются предпочитаемые «субъективно удобные условия деятельности», затем – «опе-

рациональные системы», становление стиля венчается «идеальными регуляторами/типом организации деятельности». В *структурно-функциональной организации стиля, в иерархии психологических механизмов активной и пассивной адаптации субъектов в среде* можно различать «стилевые» и «уровневые» характеристики. В *функционировании стиля* различаются вариативные реорганизации при изменении условий деятельности, в *развитии* – изменения на протяжении профессиональной карьеры субъекта.

Стили понимаются нами как множество включенных друг в друга психологических систем, актуализируемых в зависимости от ситуации (поэтому мы предпочитаем использовать понятие «стили», т. е. множественное число, а не традиционное «стиль» как единичное явление).

Оперирование в наших исследованиях понятиями «типологический» стиль, психофизиологически обусловленный стиль и т. п. есть дань научной традиции, есть исходный пункт наших исследований, есть то отражение научной преемственности, с которой и должно начинаться каждое новое исследование. Но принципиально важным в наших работах стало выделение «внутренних» связей между компонентами деятельности и закономерностей их изменений у успешных/неуспешных субъектов. Такие отношения мы и раскрываем через понятия «структура», «структуры», «структурированность», «пространство» и др. Стили разделяются и рассматриваются как операционально-деятельностные системы (« типовые стили», «объективные стили», де-факто представленные теми составляющими, которые мы называем «операциональные структуры» и относим к одному из трех иерархических характеристик стиля) и как индивидуально-психологические системы («индивидуальные стили», включающие все три иерархические характеристики).

Если рассматривать стили в логике *ресурсного подхода* как психологические системы, способствующие актуализации разных ресурсов (*интра-, интер- и внесубъектных ресурсов*), становится очевидной необходимость изучения стиля на примере операционально сложных видов деятельности, деятельности субъектов высокой квалификации (в спорте высших достижений, в управленческой деятельности и т. п.), а не только на моделях представителей массовых профессий. В поведении и деятельности профессионалов высокого класса реализуются более сложные психологические системы, чем в поведении и деятельности ординарных работников. Так же неизбежно будут дифференцироваться особенности

адаптации субъектов к социотехническим и социоэкономическим системам.

Таким образом, в концепции СПД, с одной стороны, интегрируются теоретические разработки и накопленный эмпирический материал, с другой стороны, дифференцируются и рассматриваются в единстве разные стилевые явления. Концепция СПД формировалась как обобщающий методологический подход, дополняющий уже существующие. Данная концепция рассматривается нами как опыт разработки методологии и методического инструментария решения нового класса научных и практических задач.

Исторически исходными реалиями, с учетом которых описывались и изучались стили (ИСД в том числе), были индивидуальность субъекта и его отдельная от других деятельность. Стиль объяснялся как эффект взаимодействия индивидуальности субъекта и требований и условий деятельности. Постулировалось, что в параллельных, сопряженных и следовых процессах формирования ИСД происходит и формирование индивидуальности человека («интегральной индивидуальности», по В. С. Мерлину). Невозможность игнорирования социального окружения позже привела к введению понятия «метаиндивидуальность» (Мерлин, 1986), включающего понятия «интегральная индивидуальность» и «контактная социальная группа» (Вяткин, 2000; Дорфман, 1993; Шукин, 2010; и др.), или «социальное окружение». Последовательное изучение неизменно обнаруживало новые качества, аспекты, эффекты, порождаемые взаимодействием стиля и социальной среды, от которых первоначально абстрагировались.

В сравнении с концепцией ИСД, концепция СПД строится с учетом приоритетов «объектной» и средовой детерминации стиля субъекта: субъект не выбирает отдельные элементы деятельности исходя из своих индивидуально-психологических особенностей, а ориентирован на целостные структуры деятельности и использует их. Его стиль формируется и функционирует в согласовании со стилями других – всех участников совместной деятельности; само становление стиля субъекта изначально ориентировано на законы целого – пространства деятельности.

Соотнесение деятельности человека с большим или меньшим пространством – со средой – сразу же обнаруживает новые аспекты в ее процессуальной и результативной сторонах. Так, очевидно, что в совместной профессиональной деятельности человек зависит от других, реализуя не только свои собственные потребности, до-

стигая своих целей. Он должен соотносить их с интересами других людей, их прямыми и косвенными действиями, периодически согласовывать, постоянно корректировать их. Среда как актуальная реальность задает новые качества деятельности и взаимодействиям субъектов. Следовательно, «зона неопределенности» не характеризуется «однозначно детерминированными границами», согласно В. С. Мерлину. Напротив, ее границы изменчивы, определяются конкретными обстоятельствами («здесь и теперь»), активностью, индивидуальностью и стилями взаимодействующих субъектов.

Если проблема ИСД решалась в русле и средствами классической парадигмы в психологии, при обращении к совместной деятельности и понятию «среда» (окружение), мы должны обращаться к ресурсам, ценностям и методологии неклассической и постнеклассической парадигм (Мамардашвили, 1996; Степин, 2000; и др.). Переосмысление в концепции СПД проблемы стиля как СПД привело к необходимости введения понятий «пространство», «пространство деятельности», «среда» как особое измерение деятельности, «ресурсы», обусловленных взаимодействием «профессионально-технологической», «индивидуально-психологической» и «социально-психологической», «социальной» составляющих. Очевидно, что, выступая в качестве субъекта деятельности, человек всегда остается в поле сил социально- психологических взаимодействий людей.

Совместная профессиональная деятельность не только не отменяет, но даже усиливает воздействие названных сил на поведение и деятельность человека. Именно *совместная* профессиональная деятельность обретает новое качество – уникальную организацию, структурированность ее пространств (физических, гигиенических, технических, технологических, социально-психологических, социальных); совместность определяет «зоны предопределенности» вследствие активности взаимодействующих субъектов. Поэтому попытки увеличения субъектом своей свободы действий, исполнения деятельности посредством ранее сформировавшегося *индивидуального стиля* могут потребовать более значительных усилий с его стороны и могут вызывать сопротивление других субъектов, стремящихся к своим «субъективно удобным условиям», к сохранению своей свободы действий.

Как предмет исследования СПД объединяет стили II (стили деятельности) и III групп (стили взаимодействия – руководства, лидерства, общения и т. п.), согласно нашей классификации (Толочек,

2000, 2013), близкие традиционным, хорошо разработанным подходам «индивидуальный стиль деятельности» и «стиль руководства», т. е. стили субъекта в заданных и жестко организованных внешних условиях профессиональной деятельности. В концепции СПД стили рассматриваются как многоуровневые и многомерные образования, в разных контекстах проявляющие разные качества. С одной стороны, стили выступают как индивидуально-своеобразные системы адаптации субъекта, с другой – как органические части более общего целого (организации совместной деятельности, физической и социальной среды, функционально связанных групп). С одной стороны, стили специфически про-являются в разных сферах, с другой – сохраняют свои сходные, согласованные, взаимно интегрированные подобные структуры. Эти внешние противоречия есть отражение внутреннего единства феномена. В этом противоречии разрешается и функциональная многозначность стиля, которую мы характеризуем, с одной стороны, как единство структурно-функциональной организации разных стилей, с другой – как единство стиливого пространства субъекта. Поэтому самое общее определение может быть следующим: *стили есть устойчивые, универсальные, сквозные, целостные психологические системы, включающие сознательные и бессознательные механизмы пассивной и активной адаптации человека к среде*. Стили своеобразно проявляются в зависимости от организации внутренней («интегральная индивидуальность») и внешней среды (организации деятельности и взаимодействий субъектов); допускается возможность развития стилей и их взаимных переходов. Стили обеспечивают интеграцию психической сферы человека, его взаимодействий с внешней средой, выступая как опосредующее звено, как один из его поведенческих механизмов. Стиль – одновременно и причина и следствие психического развития человека.

Рассматривая стили как универсальные психологические системы адаптации человека в среде, по-разному проявляющиеся в ее разных условиях, в разных сферах жизнедеятельности, более частным случаем можно считать *стили профессиональной деятельности (СПД) – интегральные, иерархические, биполярные образования с вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных»/«субъективно неудобных» условий деятельности)*. СПД детерминированы как индивидуальностью субъекта и условиями деятельности, так и организацией среды, «снимающей» некоторые детерминации индивидуальностью субъекта.

Напомним, что в анализируемых нами других подходах (когнитивных, индивидуальных стилей деятельности, руководства и др.) в строгом смысле слова *индивидуальные стили* еще не изучались (поскольку требуют идеографического подхода), а являются, скорее, общей целью методологического и методического движения (Толочек, 2013). Под *индивидуальными стилями* мы понимаем индивидуально-своеобразные психологические системы субъектов, включающие как активные – собственно предметные, когнитивные, эмоциональные действия – операциональные системы (ОС), так и бессознательные механизмы пассивной адаптации, проявляющиеся как предпочтения определенных, субъективно удобных условий деятельности (СУУД), а также «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД) – механизмы выбора ценностных предпочтений и смыслов, механизмы саморегуляции поведения и деятельности, выделения ее целей, рефлексии условий решения задач.

В приведенном выше определении СПД акцентируется динамический, процессуальный аспект – вариативная изменчивость в определенных границах, детерминированная как индивидуальностью субъекта и условиями деятельности, так и организацией среды. Акцентируя пространственный и энергетический аспекты функционирования СПД, нужно выделить такие его свойства, как подчиненность, детерминированность организацией среды (субъект функционирует в определенном пространстве деятельности, вследствие активности других субъектов), своеобразии включенности субъекта в стилевые взаимодействия с партнерами в социально неравнозначных взаимодействиях «по вертикали» (диады, триады) и равнозначных – «по горизонтали» (психологические ниши).

Сделаем несколько замечаний о подчеркивании в наших определениях множественности *стилей*. Е. А. Климов дает два определения стиля – в широком и в узком смысле слова (Климов, 1969, с. 49). Другие исследователи чаще обходятся одним определением. Из результатов наших исследований следуют предположения о «многоликости» стилей, о единстве разных стилей, об их проявлении как множества возможных форм, как *проявлений стилей*. Вследствие этого мы предпочитаем использовать понятие «*стили*» (во множественном числе, а не в единственном), полагая, что это более адекватно отражает реальность. Из результатов наших исследований следует, что разные стили, вероятно, имеют общую структурно-функциональную организацию, а их генезис может протекать как своеобразное трансформирование, как транслирование в новые

образования сходных, или подобных, структур. Кроме того, стили как психологические системы адаптации человека к среде и в среде нужно соотносить с другими системами адаптации, описанными в психологической литературе.

Таким образом, ограничить наши представления о стилях одним-единственным определением (*о-предел-ением*) на данной стадии его изучения нам представляется неверным шагом, закрывающим горизонт исследований. Более важной нам видится необходимость обозначить новые грани феномена, выделить новые возможные перспективы в его изучении.

Обобщая опыт изучения стилей, приведем рабочие понятия, отражающие особенности авторского подхода к проблеме стиля.

Ресурсный подход – изучение психических явлений как процессов активного взаимодействия субъекта с окружением (средой), процессов, в которых субъектом актуализируется часть условий внешней и внутренней среды, инициируемых вследствие активности субъекта процессов установления новых связей и становления новых психических структур.

Ресурсы – такие условия среды (внесубъектные ресурсы), процессы взаимодействия людей (интерсубъектные ресурсы) и индивидуальные особенности субъекта (интрасубъектные ресурсы), актуализация которых может приводить к становлению новых психических структур с особыми системными связями, повышающими успешность деятельности, и в восприятии субъекта связанных с успешностью.

Эффекты – внешние проявления интеграции множества актуализированных условий внешней и внутренней среды субъекта, проявления процессов становления новых психических структур и возникновения новых возможностей субъекта вследствие мобилизации систем на решение задачи, становления синергии в функционировании разных систем и др.

Среда – окружение, окружающая действительность, множество условий, значимых для поведения и деятельности человека, прямо и косвенно влияющих на него, в том числе, на активность взаимодействующих людей как субъектов.

«Пространство» есть часть среды в совокупности ее актуализированных условий и свойств, влияющих на поведение и деятельность человека.

«Пространство деятельности» – особое состояние, качество актуального и доступного для субъекта деятельности про-

странства, определяемого отношениями условий и задач деятельности, условий среды и активности взаимодействующих субъектов. *Пространство деятельности* определяется и формируется вследствие актуализации некоторых условий и составляющих деятельности, среды, качеств субъектов совместной деятельности и может описываться как взаимодействия «субъектной» («индивидуально-психологической»), «деятельностной» («профессионально-технологической»), «интерсубъектной» («социально-психологической», «интерперсональной») и «средовой» («социальной») составляющих.

В «*социально-психологическом пространстве*» («интерперсональном», «интерсубъектном»), выступающем как часть, как составляющая *пространства деятельности*, помимо изученных явлений формальной и неформальной организации (руководство, лидерство, совместимость, сработанность и др.) мы выделяем феномены «психологической ниши», «диады» и «триады» как следствия активности взаимодействующих субъектов, как эффекты организации и структурирования ими пространства деятельности (совместной деятельности). К более широкому «*социальному пространству*» можно относить феномены социальной мезо- и макросреды (корпоративную культуру организаций, стиль управления высшего руководства, актуальные цели организации, субкультуру социальных групп).

Под «*психологической нишей*» понимается «горизонтальное» (отношения координации) устойчивое распределение разных стилевых и психологических типов субъектов совместной деятельности в ее зонах, определяемых временными, пространственными, энергетическими и информационными параметрами, обусловленное организацией физической, профессионально-технологической, социально-психологической и социальной среды. «Психологические ниши» формируются вследствие активности всех взаимодействующих субъектов. Аналогом «психологической ниши» могут служить более изученные феномены «неформальной» и «внеформальной организации».

«*Триада*» («*диада*») есть иерархическая (отношения субординации) организация взаимодействующих субъектов, характеризующаяся асимметрией их статусных, функциональных, ролевых позиций.

Под *совместной деятельностью*, вслед за Б. Ф. Ломовым, мы подразумеваем широкое понятие, включающее «любые про-

явления жизни общества», где «любая индивидуальная деятельность является составной частью деятельности совместной» (Ломов, 1984, с. 232). В контексте наших исследований под *совместной деятельностью* понимаются взаимодействия субъектов, обусловленные их профессиональными задачами и личностными особенностями. Участниками совместной деятельности могут выступать как реальные субъекты, члены контактных социальных групп, так и субъекты виртуальных групп (референтных, предполагаемых).

Под *взаимодействиями* понимаются отношения людей как индивидов, субъектов, личностей, индивидуальностей, опосредующие их совместную деятельность. Прямыми критериями взаимодействий будут мера интеграции деятельности субъектов (их целей, ценностей, активности и пр.), мера повышения успешности совместной деятельности сравнительно с индивидуальной. Обратные критерии – мера изменения индивидуальной деятельности субъектов при ее включении в деятельность совместную, мера ограничений на проявления индивидуальности.

Подобные структуры – структуры разных систем (подсистем системы большей общности), характеризующиеся сходством (по оцениваемым критериям), которое можно понимать как меру их взаимного соответствия, согласованности, вероятно, связанную с соответствующей мерой взаимной интеграции разных систем и подсистем.

Аналогом и «предельным вариантом» *подобных структур* можно считать *самоподобные структуры*, разрабатываемые в математике, выделяемые в живой и неживой природе (Мандельброт, 2002; Мандельброт, Хадсон, 2006; Пайтген, Рихтер, 1993; Кроновер, 2000; и др.). В случаях сравнения *психологических систем* можно ожидать лишь умеренное сходство как *подобие структур* рассматриваемых систем. Вместе с тем предполагается, что в случаях большего *подобия структур* психологических систем и их подсистем можно ожидать и большей успешности деятельности субъекта (эффективности, продуктивности, надежности и т. п.). Например, выделяя структуру профессионализма в целом, сопоставляя ее со структурой профессиональной компетентности, саморегуляции психического состояния, можно было ожидать, что те субъекты, у которых эти структуры более согласованны, будут более успешны-

ми как профессионалы. В нашем случае предполагалось, что те борцы, у которых структуры стиля в целом и его подсистем (ИР/ТОД, ОС и СУУД) более согласованны, состоялись как более результативные спортсмены. Мету выраженности структур каждого из стилей у борцов мы рассматривали через «веса факторов для объектов», т. е. как степень выраженности данного фактора (следовательно, и стиля) для каждого из борцов выборки.

Стили (в широком смысле слова) – постоянные, устойчивые, универсальные, «сквозные», целостные психологические системы, включающие сознательные и бессознательные механизмы пассивной и активной адаптации человека к среде.

Стили профессиональной деятельности (СПД) – интегральные, иерархические биполярные образования с вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных»/«субъективно неудобных» условий деятельности), детерминированные как индивидуальностью субъекта и условиями деятельности, так и организацией среды (окружения), снимающей некоторые детерминации индивидуальностью субъекта.

Индивидуальные стили – индивидуально-своеобразные психологические системы субъектов, включающие как активные, собственно предметные, когнитивные, эмоциональные действия – операциональные структуры (ОС), так и бессознательные механизмы пассивной адаптации, проявляющиеся как предпочтения определенных, субъективно удобных условий деятельности (СУУД). Третья составляющая – «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД) – механизмы саморегуляции поведения и деятельности, выделения ее целей, выбора ценностных предпочтений и смыслов.

Иерархические характеристики стиля – устойчивые конфигурации компонентов одной природы, взаимодействующих и находящихся между собой в определенных типах связей (функциональных, генетических), отличающихся определенной силой. В исследовании такие иерархические характеристики выявляются как корреляционные плеяды с характерными для них теснотой и направленностью связей между компонентами стиля, мерой устойчивости этих связей и мерой влияния на успешность деятельности – как актуальной, так и перспективной.

Сопоставляя особенности концепции «стили профессиональной деятельности» (СПД) как реализации экологического подхода с работами наших коллег, отметим еще раз, что в отечественной психологии, как правило, стили изучались как обусловленные индивидуальностью субъектов. Наше внимание было сосредоточено на малоизученной области «пересечения» четырех детерминант стиля. Реализация экологического подхода в концепции СПД позволяет рассматривать стили: 1) в более широком аспекте их средовой и деятельностной детерминации; 2) в единстве многообразия форм их проявлений и взаимопереходов (как транслирование сходных, подобных структур, как своеобразные «стилевые циклы»); 3) в совместной профессиональной деятельности с учетом активности всех взаимодействующих субъектов, их стилей и индивидуальности; 4) выделяя общую структурно-функциональную организацию стиля и уровни пассивной и активной адаптации субъекта; 5) как вариативно-изменчивые системы, имеющие количественные и качественные границы; 6) в непосредственной связи с успешностью (результативностью, эффективностью, удовлетворенностью) деятельности субъектов; 7) как открытые, эволюционирующие, самоорганизующиеся системы.

*«Гармоничные» стили «гармоничных» субъектов:
исторические доминанты и методологические ограничения*

Как ранее отмечалось, принципиально важным моментом в развитии психологической науки в середине XX в. были поиски «идеала» – идеала личности, стиля, образа жизни, состояния человека. Предлагаемые научные концепции притязали на универсальность и всеобщность (Мазилов, 1999; Юревич, 2001, 2004; и др.). «Идеал» описывался в немногих четких характеристиках, качествах, критериях как стабильный, однажды и навсегда найденный образ, вариант, путь, смысл и ценность. От всего, что не соответствовало идеалу, чаще абстрагировались. Так, например, в концепции ИСД более 20 лет де-факто не обсуждались связи стиля и успешности деятельности субъекта. Определяющими были положения, что «неэффективным психофизиологически адекватный стиль быть не может», что стили компенсируют недостатки отдельных способностей, что благодаря стилю любой человек способен достигать высших вершин в профессии и т. п. Динамичность, нестабильность, нередко неадекватность стиля индивидуальности человека, конфликт-

ность разных составляющих стиля, далекие от гармонии его состав и структура просто еще не изучались, еще не воспринимались психологами как «нормальные» явления. Весь комплекс подходов к изучению проблемы получал реализацию в рамках теорий «малых систем», их методологии и понятийного аппарата, отражающего сравнительно небольшое число видов связей компонентов системы – ее стабильность, предсказуемость поведения и др. В конце XX в. психология стала осваивать методологию «больших систем». Психологические объекты стали чаще рассматриваться как открытые, нестационарные, диссипативные структуры, способные изменять траектории эволюции под действием «слабых сил».

Эвристический потенциал концепции «стили профессиональной деятельности»: научно-практические аспекты.

Возможности концепции «стили профессиональной деятельности» (СПД) в решении научно-практических задач рассмотрим в трех преломлениях, в русле трех научно-прикладных дисциплин: *психологии труда, организационной психологии и психологии спорта.*

А. Психология труда. Профессиональное развитие, надежность профессиональной деятельности, профессиональное долголетие до настоящего времени чаще рассматриваются в их экстенсивных характеристиках: насколько выражены, как изменяются профессионально важные качества субъекта труда. Наши работы продолжают и поддерживают еще сравнительно немногочисленные исследования организации и отношений отдельных качеств, динамики изменения их отношений, их роли в успешности и стабильности деятельности субъекта, рассматриваемых нами как «структура», «структуры», «структурированность» стиля, как мера интеграции стиля субъекта с окружением, как полнота использования условий деятельности и среды, называемых нами «пространство деятельности».

В. Организационная психология. Последовательная разработка проблемы СПД предполагает возможность продуктивных переходов к ряду смежных научных и практических вопросов. Выявленные факты и разработанная система понятий (пространство, психологическая ниша, триада и др.) позволяют по-новому подойти к таким крупным проблемам психологии, как совместная деятельность, к разработке вопросов успешности взаимодействий субъектов (руководителей в управленческих структурах, руководителей

и подчиненных, преподавателей и обучающихся, взаимодействия в рабочих группах, экипажах, в управленческих и креативных командах и др.).

В свою очередь, разработка вышеназванных вопросов позволит продвигаться в решении таких задач, как управление человеческими ресурсами. Стили взаимодействующих субъектов могут предопределять как потенциальные ресурсы, так и возможные эффекты взаимодействия людей. Эффекты, порождаемые взаимодействием субъектов в функциональных связках – в «диадах» и «триадах», представляются нам устойчивым социально-психологическим явлением, отражающим неоднородность контактных социальных групп. «Триады» и «диады» отражают взаимопроникновение предметной, профессиональной деятельности и личностной «включенности» ее субъектов, которые в психологии личности изучаются более обстоятельно и именуются «инобытие личности в других», «метаиндивидуальность» и др. (Вяткин, 2000, 2010; Дорфман, 1993; Петровский, 1996). Устойчиво наблюдаемая асимметрия восприятия субъектами профессионально важных качеств своих партнеров, более выраженная (в пределах оптимального диапазона) в более продуктивных подразделениях (Толочек, 2001), нетождество в предпочтениях стилей и психологических качеств руководителей в управленческих структурах (Толочек, 2000) дают основание ставить вопросы об условиях порождения и использования людьми интересующих ресурсов в процессах их совместной деятельности.

С. *Психология спорта*. Специалисты чаще выделяют три детерминанты высших спортивных достижений: физическую одаренность спортсмена, особенности его личности (характер, мотивация, саморегуляция и др.) и профессионализм тренера (Волков, Филин, 1983; Ильин, 2011; Сопов, 2010; Стамбулова, 1999; и др.). Все три наиболее изученные детерминанты являются *интрасубъектными ресурсами*, т. е. условиями, определяющими успешность спортсмена и принадлежащими исключительно отдельному человеку как субъекту деятельности. К названным трем детерминантам можно обоснованно добавить по крайней мере еще четыре: согласованность индивидуально-психологических особенностей тренера и его воспитанника; согласованность стиля деятельности и индивидуальности спортсмена; качество структур стиля (адекватность требованиям деятельности, их интегрированность с окружением и др.); меру подобия или согласованности структур стиля и его подсистем (структур стиля как целого и структур его частей).

Ресурсы первых трех детерминант высших спортивных достижений (физической одаренности и свойств личности спортсмена, профессионализма тренера) очевидны, а сложившиеся социальные технологии позволяют их максимально использовать. Результаты наших исследований примечательны и ценны тем, что *интерсубъектные ресурсы* (процессы, эффекты, условия, возникающие в процессах взаимодействия людей), а также *внесубъектные ресурсы* (ресурсы внутренней организации деятельности) субъекта всегда были, остаются и, вероятно, всегда будут весомыми факторами успешности. Однако они «трудноуловимы», наименее доступны для тренера и спортсмена. Принципиальное качество *интерсубъектных* и *внесубъектных ресурсов* заключается в том, что они порождаются, существуют и могут использоваться исключительно в уникальных условиях, вследствие процессов взаимодействия субъектов совместной деятельности, отличающихся своеобразием их индивидуальных особенностей.

Эти ресурсы достаточно полно могут быть использованы лишь при активном творческом взаимодействии представителей науки и практики, тренера–спортсмена–ученого. В 1970–1980-х годах в нашей стране формировались методы, правила, принципы и организационные формы таких взаимодействий, в поисках, находках и ошибках нарабатывался конструктивный опыт. В 1990-х годах этот опыт был разрушен, потерян.

В новых исторических условиях (снижение в 1990–2000-х годах статуса спорта, снижение массовости, дальнейший рост нагрузок, удорожание подготовки квалифицированного спортсмена, сохраняющаяся сравнительно невысокая результативность деятельности тренера и др.) требуется актуализация новых ресурсов. Требуется переход к научно обоснованному управлению тренировочным процессом, к индивидуализации подготовки; необходим поиск методических и организационных средств повышения качества работы тренера и КПД его педагогической деятельности, поиск возможностей обеспечения стабильности выступлений спортсменов в ответственных турнирах, снижения остроты переживаний кризиса завершения спортивной карьеры и др.

Одним из возможных направлений научно-практической работы может стать оптимизация темпоральных характеристик профессиональной (спортивной) карьеры. Можно предполагать, что есть оптимальное время «вызревания» спортсмена и его перехода на новые квалификационные ступени, разное для разных видов спорта.

Через призму проблемы стиля это вопрос времени и условий апробации стиля, его развития, «огранки» и совершенствования. Сопоставляя динамику квалификационного роста спортсменов и успешность их выступлений на крупных международных соревнованиях (чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх) в разных видах спорта можно выделить наиболее оптимальные темпоральные характеристики (таблица 5.4, 5.5). Анализируя небольшой фрагмент статистических данных по единоборствам (ввиду ограниченной статистики мы привлекли и данные по современному пятиборью), можно заметить, что в тех видах спорта, где отечественные спортсмены на протяжении многих лет успешно выступали на главных турнирах, время вызревания спортсменов до достижения ими квалификации «Мастер спорта международного класса» больше (8,7–11,1 года). В тех же видах, где наши успехи были нестабильны и скромны (в боксе, в дзюдо), спортсмены сравнительно быстро (6,4–6,7 года) выполняли норматив МСМК. Норматив выполняли, но не подтверждали его на чемпионатах мира и Олимпийских играх.

Сопоставляя время «вызревания» и переходы на новые квалификационные ступени борцов двух выборок, рассматриваемых в НИР, или темпоральные характеристики их профессиональной карьеры, можно предполагать, что эти характеристики имеют большое значение.

Таблица 5.4

Возраст начала занятий и выполнения нормативов мастеров спорта и мастеров спорта международного класса в разных видах спорта

Виды спорта	Возраст начала занятий	МС	Стаж1	МСМК	Стаж ²
Борьба вольная	15,7	20,6	4,9	24,4	8,7
Фехтование (мужчины)	13,3	19,7	4,4	24,4	11,1
Современное пятиборье	13,7	20,3	6,6	23,6	9,9
Бокс	15,0	20,3	5,3	21,4	6,4
Дзюдо	14,1	18,7	4,6	22,8	6,7
Среднее	14,4	19,9	5,2	23,3	8,6

Примечание: Данные по первым четырем видам – литературные (Волков, Филин, 1983); по пятому (дзюдо) – автора; стаж 1 – время от начала занятий до выполнения норматива «Мастер спорта»; стаж 2 – время от начала занятий до выполнения норматива «Мастер спорта международного класса».

Таблица 5.5
Факторы актуальной и перспективной успешности дзюдоистов
(юношей и юниоров – 48 чел.)

Переменные	1	2	3	4	5	6
1. Спортивные достижения (актуальные результаты на время исследования)	–	0,350	0,558	0,363	0,693	0,708
2. Стабильность (экспертные оценки)		–	0,788	0,394	0,137	0,197
3. Стабильность (самооценки)			–	0,441	0,218	0,360
4. Перспективная успешность (последующие достижения в возрастной категории взрослых)				–	0,055	0,332
5. Возраст					–	0,768
6. Стаж занятий борьбой						–

ние и для апробации стиля. Более продолжительные у «вольников», чем у дзюдоистов стадии профессионального вызревания, видимо, ближе к оптимальным.

Анализ связей относительного стажа занятий борьбой и возраста высоких достижений в юношеском и молодежном спорте в выборке дзюдоистов также говорит о необходимости таких научно-практических исследований. Переходя от обобщений и оперирования средними к анализу связей переменных, можно видеть целостную картину взаимосвязей детерминант. Объяснимо, что более высокие достижения – призовые места на чемпионатах страны среди юношей и юниоров – тесно коррелируют с возрастом (0,693) молодых спортсменов, но не обещают им успехов среди «взрослых» борцов (0,055). Напротив, стаж занятий борьбой как *накопленный опыт, как прочность сформированных структур деятельности, как фактор профессиональной рефлексии* не только весомо влияет на актуальные достижения молодых (0,708), но, что важнее, и на их достижения в следующей возрастной группе (0,332).

На первый взгляд, парадоксально, что оценки экспертов (пяти тренеров, работающих со сборными командами, имеющих квалификацию «Заслуженный тренер СССР» и «Заслуженный тренер РФ»), оценивающих стабильность молодых спортсменов, сравнительно слабо согласованы с потенциалом

борцов, проявленным как в текущих достижениях (0,350), так и будущих (0,394), тогда как оценки своей стабильности самими борцами теснее связаны с их успехами (0,558), в том числе и будущими (0,441) (таблица 5.5). Даже опытные тренеры, увы, не точны в прогнозах, тогда как объяснением более адекватного понимания спортсменами своего потенциала выступает именно фактор «стаж занятий», коррелирующий со всеми рассматриваемыми переменными. Следовательно, в управлении темпоральными характеристиками (соотношение возраста начала занятий, жесткости требований в квалификационном продвижении и др.) также можно находить как скрытые ресурсы спортивного мастерства, так и надежности выступлений спортсменов на международной арене.

Обобщая материал последнего раздела, можно констатировать следующее.

1. Проблема стилей на протяжении второй половины XX в. решалась в русле и средствами классической парадигмы в психологии, была ориентирована на индивидуальную деятельность, массовые профессии, сравнительно невысокую профессиональную квалификацию субъектов.
2. Совместная деятельность (сложная, развитая, предполагающая высокую профессиональную квалификацию субъекта) требует обращения к новой методологии, к новым научным концепциям, к привлечению понятий «среда», «пространство», «ресурсы», «диады», «триады», «психологические ниши» и др.
3. Концепция «стили профессиональной деятельности» (СПД) является развитием и дальнейшей разработкой отечественной концепции стиля – индивидуального стиля деятельности (ИСД). Можно выделить четыре детерминанты стиля: 1) объектная (профессионально-деятельностная); 2) субъектная (индивидуально-психологическая); 3) интересубъектная (социально-психологическая, интерперсональная); 4) средовая.
4. При спонтанном формировании стилей даже у талантливых молодых спортсменов (чемпионов и призеров чемпионатов страны среди юношей и juniоров) ограничены возможности прогрессирования, возможности состояться как мастер спорта международного класса (т. е. успешно выступать на крупных международных турнирах).

Выводы по пятой главе

1. Стили профессиональной деятельности есть интегральные, иерархические биполярные образования с постоянной вариативной изменчивостью в границах двух полюсов («субъективно удобных/неудобных» условий и параметров деятельности), детерминированные не только индивидуальностью субъектов, но и организацией среды (интерперсонального пространства, определяемого активностью взаимодействующих субъектов, компонентами и структурами деятельности).
2. К сущностным свойствам стиля как психологической системы можно относить следующие: 1) инструментальная функция; 2) согласованность с индивидуальностью субъекта; 3) единство «фундаментальной стилевой триады»: идеальных регуляторов – специфических для деятельности действий и способов – субъективно удобных условий деятельности; 4) ориентация на часть условий среды (окружения); 5) подчиненность законам целого; 6) сохранение меры структурированности; 7) эволюция согласно механизму воспроизводства самоподобных структур.
3. Феномен «стиль» характеризуется двуединством отношений со средой. Стили эволюционируют и функционируют в едином пространстве деятельности (т. е. в едином, целостном, завершенном пространстве активно взаимодействующих и противодействующих субъектов), подчиняясь его свойствам, и всегда ориентированы на часть этого пространства, с одной стороны. С другой стороны, разные стили, по-разному проявляясь в разной социальной среде, сохраняют свои структурные и функциональные особенности, воспроизводят, актуализируют предпочитаемое для субъекта пространство деятельности. Иными словами, выбирая, изменяя и регулируя условия деятельности и среды, субъекты управляют этими условиями так, чтобы они оставались постоянными, типичными для представителей стиля, своего рода инвариантами их деятельности и поведения.
4. Воспроизводимость принципиальной организации (подобных структур), оптимальности и меры структурированности составляющих стиля сопряжена с успешностью деятельности субъекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше обсуждение проблемы стилей в психологии начиналось с вопросов взаимодействия науки и практики, вопросов детерминант развития науки, которые Б. Ф. Ломов определял как триединство: *теория–эксперимент–практика*. В изучении стилей это триединство было нарушено: первоначально эксперименты были характерной частью исследований, неизменно имевшей положительные результаты, но что-то мешало сделать их обычной практикой; теоретическое осмысление феномена замыкалось в рамках первоначального описания стиля.

Одна из причин сложившейся ситуации в изучении стилей и утраты интереса к проблеме – преимущественное понимание разных стилей как относительно независимых феноменов, как психологических систем отдельных, изолированно функционирующих субъектов, чаще изучаемых в искусственной среде – образовательной, воспитательной, в лабораторных условиях. Понятно, что при таком подходе даже фиксируемые влияния среды и других людей, а также эффекты, возникающие в процессе их взаимодействий, воспринимались и описывались как частные, случайные, как «внешние», как «слабые» воздействия. Будучи отделенной от активной социальной практики, без учета реальной социальной успешности человека, без отслеживания его эволюции как субъекта деятельности, без учета многих реалий взаимодействия людей как активных субъектов психологическая наука так же много упускала, как и социальная практика.

Обсуждаемые в книге исследования стилей проводились нами на моделях *спорта высших достижений* (СВД), который можно рассматривать как вероятное будущее многих видов профессиональной деятельности. В СВД можно найти многое из тех проявлений

социальных отношений людей, которые в других сферах сглажены, присутствуют латентно, отсрочены по времени. Рассматривая эволюцию СВД на протяжении XX в. (начиная от первых Олимпийских игр 1896 г.) и эволюцию многих видов трудовой профессиональной деятельности (большая часть современных профессий появилась в XX в.), можно находить много общих тенденций. Есть основания предполагать, что в СВД если не реализуются, то апробируются варианты развития фрагментов разных профессий, подготовки специалистов, варианты подчинения всего образа жизни человека задачам его самореализации в профессиональной сфере.

Цель наших исследований состояла в изучении структурно-функциональной организации стилей, закономерностей их функционирования и развития, в изучении обусловленности стилей «профессионально-функциональной», «индивидуально-психологической», «социально-психологической» и «средовой» (социальной) детерминантами (на модели спортивных единоборств). Предполагалось, что формирование и функционирование стилей определяется не столько индивидуальностью субъекта, сколько организацией среды (профессионально-функциональных, социально-психологических и других детерминант). В совместной деятельности стили субъектов выступают как психологические системы, согласованные с особенностями стилей партеров. Частными гипотезами были предположения о неоднородности организации деятельности (профессиональной); о согласованности индивидуальности и стилей субъектов как с требованиями деятельности, так и с индивидуальностью, стилями и активностью других субъектов и о мере организации (структурированности) деятельности субъектов (спортсменов) как факторах их успешности; о подобии структур систем и подсистем.

Особое внимание было уделено структурам стилей и соответствия (похожести, подобия) структур стиля в целом и структур его подсистем. *Структуры* (совокупность наиболее устойчивых компонентов и связей системы) и *структурированность* (характер и мера связей компонентов) выступали ключевыми понятиями в нашем исследовании стилей. В первых широких исследованиях систем в 1960–1970-х годах констатировалось, что именно в структуре представлены атрибуты системы, ее сущностные свойства. При возможных вариативных изменениях состава и функций системы сохраняют свои свойства, если сохраняются их структуры (Боголепов, Малиновский, 1967; Веденов, Кремьянский, 1967; Кураев, 1970;

Свидерский, 1962; Юдин, 1974, 1978; и др.). На рубеже 1990–2000-х годов в исследованиях психологических систем постулировалось, что именно структуры несут в себе, сохраняют и передают основные функции систем (Александров, 1989, 1995; Александров, Александрова, 2009; Александров, Дружинин, 1998; Базылевич, 1998, 2012; Барабанщиков, 2005, 2007; Носуленко, Самойленко, 2005; и др.); что именно структуры выполняют функции генетической связи между образованиями на всех стадиях эволюции психологических систем (Александров, Александрова, 2009; Базылевич, 1998, 2012; и др.); что именно структуры считаются носителями психического (Веккер, 2000; Холодная, 2012; и др.). В 1990–2000-х годах в психологии труда отмечалось, что принципиальные изменения в динамике становления профессионализма и успешности субъектов происходят не в отношении состава и уровня развития отдельных компонентов профессионально важных качеств, а именно в характере связей между ними, т. е. сопряжены с изменением структур (Бодров, 2000; Ломов, 1999; Пономаренко, 2004; Толочек, 2008, 2010; и др.); что принципиальный признак эволюции субъекта и его профессиональной специализации – радикальное изменение исходных структур, определяющих профессиональную пригодность субъекта (Поваренков, 2008, 2013; Толочек, 2007; Шадриков, 1982; и др.).

Итак, первый план исторического изменения представлений ученых о структурах выстраивался в движении от их понимания преимущественно как организующих, скрепляющих образований к пониманию структур как моментов эволюции систем; второй план – от описания структур как единичных образований (структура в единственном числе) к допущению одновременного существования множества разных структур: функциональных, временных, пространственных и др. (структур во множественном числе).

Тема настоящей работы: *психологические структуры как мера организации (структурированности) систем, связей структурированности и успешности субъекта, соотношения структур системы и ее подсистем*. В цикле наших исследований было показано, что не столько состав деятельности субъектов, не столько мера выраженности составляющих деятельности, сколько, прежде всего, особенности их организации – их структуры – могут быть определяющими факторами актуальной и долговременной успешности субъекта.

К исследованиям структур мы относим и анализ структурно-функциональной организации стилей. В *структурно-функциональ-*

ной организации стилей мы различаем три иерархических уровня их становления как систем, обеспечивающих и поддерживающих три уровня адаптации человека: подсистема первого уровня – субъективно удобных условий деятельности (СУУД) – выступает как «общая», как изначальная саморегуляция, обеспечивающая оптимальную и адекватную адаптацию индивида к типичной социальной среде; на втором уровне адаптация субъекта подкрепляется и усиливается возможностью операциональных систем (ОС), обеспечивающих организацию и управление деятельностью в разных профессиональных ситуациях; третий уровень адаптации обеспечивает подсистема «идеальных регуляторов/типа организации деятельности» (ИР/ТОД) – выбор субъектом (личностью) идеальных ориентиров (ценностей, эталонов поведения и т. п.), позволяющих ему активно управлять некоторыми условиями деятельности и среды. Эволюция подсистемы ИР/ТОД происходит как становление метакогнитивных процессов и метакогнитивных структур.

Исследования стилей деятельности начинались с анализа связей отдельных свойств индивидуальности субъекта и используемых им компонентов деятельности. В наших исследованиях (Толочек, 1984, 1985, 1992, 2000) внимание переносилось на выявление связей между компонентами деятельности. Именно эти связи, изменчивые и устойчивые, отражающие организацию деятельности, были наиболее прогностичными в отношении эффективности деятельности субъекта. Так, например, важным фактором успешности и критерием профессионализма борцов высших разрядов (мастеров спорта, мастеров спорта международного класса) выступала мера интеграции/дифференциации систем – мера и характер организации составляющих стиля. Согласно нашим предшествующим исследованиям, на выборках борцов – мастеров спорта международного класса (МСМК) их профессионализм отражался в умеренно тесных положительных или отрицательных корреляционных связях ($r=0,200-0,500$) разных компонентов стилей деятельности (Толочек, 1992). Для выборки мастеров спорта (МС) сравнительно с мастерами спорта международного класса (МСМК) присущи неравномерные корреляционные связи между компонентами деятельности: отсутствие одних, характерных для типовых стилей, и наличие других, но чрезмерно тесных корреляций между отдельными компонентами ($r=0,500-0,700$). Содержательный анализ давал основание считать стили МСМК более гармоничными, гибкими, вариативно-изменчивыми; стили МС – менее согласованными, с отдель-

ными «жесткими конструкциями», точнее, блоками жестких связей. Первый тип структур можно характеризовать как *гибкие и плотные*, второй – как *жесткие и фрагментарные*. У МСМК достаточно разнообразно, адекватно ситуации могут вовлекаться разные операциональные структуры и отдельные действия как средства деятельности. Из структуры связей составляющих стиля МС следует, что их операциональные алгоритмы более просты, их элементы жестко связаны, состав актуальных элементов ограничен (Толочек, 1992).

Анализ взаимосвязей составляющих стилей в выборках лучших спортсменов страны, борцов-дзюдоистов и борцов-вольников (обсуждаемых в главе 5), подтвердил ранее полученные данные. С одной стороны, слабые связи между составляющими стилей МС, с другой – отдельные чрезмерно тесные (0,500–0,700) в меньшей степени «*преломляют*» воздействия «внешних условий» на субъекта, чем стили МСМК, отличающиеся более слабыми корреляциями между составляющими (0,200–0,400), но и более частыми. Образно говоря, стили борцов-дзюдоистов и борцов-вольников более высокой квалификации – МСМК – в большей степени преобразуют «*действие внешних причин через внутренние условия*», создают возможности для большего числа возможных «ответов» субъекта; их стили в меньшей степени ограничены индивидуальностью субъекта, в меньшей степени определяются жесткими алгоритмами деятельности (тактическими схемами, стереотипами связей «*стиль–тактика–соперник*»).

Такие факты – разные типы связи компонентов психологических систем у более и менее успешных субъектов, объясняемые как интеграция и дифференциация систем (Волкова, 2012, 2014; Карпов, 2012; Холодная, 2013; и др.), хорошо согласовывались с данными независимых исследований. Поставив вопрос более радикально – не об отдельных связях отдельных компонентов систем, а об организации систем в целом как факторах эффективности деятельности субъекта, мы вышли к проблеме структур, несущих и сохраняющих основные свойства систем, обеспечивающих согласование целостных систем и их подсистем, их новообразований.

Подводя итоги цикла исследований, представленных в данной книге, можно утверждать, что одним из объяснений психологических механизмов функционирования и развития стилей выступают механизмы согласования, достижения сходства, взаимной интеграции структур стилей и их подсистем (в настоящей работе названных *подобными структурами* стиля и его подсистем). Вероятно, именно воспроизводящееся и сохраняющееся подобие структур стилей

и их подсистем обеспечивает сохранность сущностных свойств системы, согласованность этих свойств со свойствами новых образований (подсистем, иерархических уровней системы), а также согласование стиля субъекта с изменяющимися условиями деятельности и среды. Механизм становления подобных структур позволяет объяснять как генез разных стилей (когнитивных, эмоциональных, психомоторных, стилей деятельности, общения, руководства, поведения, стилей жизни), так и «корни» их вероятного единства.

Можно предположить также, что наряду со становлением подобных структур важную роль играет и механизм *саморазвития* (не рассматриваемый нами в настоящей работе, не обсуждаемый и другими исследователями), когда становление новых стилей происходит вследствие сущностных свойств психического и необходимости согласования всех систем адаптации с индивидуальностью субъекта (индивида). Так, например, составляющие базового уровня – субъективно удобных условий деятельности (СУУД) – проявляются спонтанно, как первоначальная ориентация и адаптация человека к среде с учетом его возможностей и соответствующих предпочтений во взаимодействиях с разными условиями среды (быстро/медленно; вариативно/стабильно, дальше/ближе, активно/пассивно и т. п.).

Можно предположить также, что важную роль играет и механизм *транзитивности* (не обсуждаемый нами и другими исследователями), определяющий становление новых стилей в русле сохранности исходной упорядоченности организации стилей при последовательном снижении доли «общих» свойств и возрастании специфических, отражающих назначение нового стиля, специфические задачи и условия деятельности субъекта. Примером такого преобразования стилей могут служить реорганизации индивидуального стиля деятельности субъектов, включенных в активные взаимодействия в совместной деятельности, в качественно новый по ряду свойств стиль профессиональной деятельности (Толочек, 2000).

Обобщая особенности авторского подхода к проблеме стиля, отличающие его от концепции ИСД (индивидуального стиля деятельности) Е. А. Климова–В. С. Мерлина, а также от других концепций в исследованиях Е. А. Климова, В. С. Мерлина и их сотрудников, признанных классическими, следует отметить, что разработка проблемы стиля проводилась в русле теории деятельности, согласно которой нет принципиальных различий в структуре индивидуальной и совместной деятельности (Леонтьев, 1975). Сам фено-

мен своеобразной организации деятельности субъекта был назван «индивидуальный стиль деятельности» (ИСД) и рассматривался как уникальная система деятельности отдельного субъекта. Ни прямо, ни в контекстах работ Е. А. Климова, В. С. Мерлина и др. не обсуждался вопрос взаимодействия субъектов с их ИСД с другими субъектами. Отчасти это было связано с первыми моделями, чаще с профессиями типа «человек–техника»: ткачихи, токари, слесари-наладчики (Климов, 1958, 1968; Щукин, 1966; Копытова, 1965; и др.). Но даже когда рассматривался стиль на моделях профессий «человек–человек»: учителя–ученики, тренер–спортсмены (Вяткина, 1976; Петрова, 1967; Якубчик, 1964; и др.), схема анализа не претерпевала изменений. Главная причина этого – проблема стиля деятельности в 1950–1980-х годах еще «не вызрела», методология ее изучения еще не оформилась.

Таким образом, первое принципиальное отличие авторской концепции стиля деятельности от «классической» концепции индивидуального стиля деятельности в том, что деятельность субъектов рассматривается нами в контексте их совместной деятельности с другими, а их стили, соответственно, как интегрированные с учетом активности всех взаимодействующих субъектов, как «стили профессиональной деятельности» (СПД), т. е. как стили совместной профессиональной деятельности. (В наших работах используется понятие СПД, а не стили совместной профессиональной деятельности, так как мы исходим из того, что профессиональная деятельность по определению является совместной, за немногими исключениями.)

Второе важное отличие авторской концепции стиля деятельности от классической вытекает из первого: в качестве детерминант стилей субъектов рассматриваются не только их «индивидуально-психологические особенности» и требования деятельности, но и роль других субъектов и факторы среды, в которой они взаимодействуют, условия которой они частично активно формируют. За признанием этих фактов следует обращение к понятиям, отражающим эти эффекты совместной активности людей и их активного воздействия на среду их взаимодействий: «пространство деятельности», «психологические ниши», «диады» и «триады». В настоящей работе показано, что актуализируемые вследствие активности субъектов условия деятельности и среды (пространство деятельности) и психологические ниши играют важную роль в стабилизации, типизации и сохранности типовых стилей деятельности. Ранее было показано (на модели управленческой деятельности), что в диадах

и триадах как профессионально-функциональных и социально-психологических «единицах» происходят изменения индивидуальных стилей субъектов и их интеграция в новые образования – стили профессиональной деятельности (Толочек, 2000).

Обращение к понятиям, обозначающим эффекты взаимодействия субъектов, – «пространство деятельности», «психологические ниши», «диады», «триады», позволило выявить ряд интересных фактов, в классической концепции просто не рассматриваемых как «не входящих в круг понятий». В частности, следовало признать и качественное различие стилей субъектов в социотехнических и социально-экономических профессиях.

Третье отличие: проблема стиля нами изучается в видах деятельности с вариативно-изменчивыми условиями (спортивные единоборства, управленческая деятельность). Соответственно, и стили понимаются как вариативно-изменчивые системы. Эмпирическое подтверждение этого факта привело к постановке вопроса о структурно-функциональной организации стилей, об их устойчивых и изменчивых характеристиках (подсистемах), о множественности стилей. От предположений о структурно-функциональной организации стилей следовал естественный переход к вопросам генеза стиля субъекта и многообразия его возможных стилей. В рамках классической концепции этот вопрос разрешался схематически: есть «ядро» стиля и «пристройки» к нему (Климов, 1969).

Четвертое отличие: Выделение устойчивых и изменчивых характеристик (подсистем) стилей поставило вопрос об их иерархической организации, а также о типовых и индивидуальных стилях. В «классическом» подходе становление стиля понимается как подбор субъектом отдельных элементов деятельности «осознанно или неосознанно» с учетом своей индивидуальности. Мы полагаем, что в становлении стиля имеет место выбор, предпочтение исторически сложившихся целых «блоков» взаимосвязанных компонентов деятельности, согласованных с условиями деятельности и среды (поэтому мы пользуемся понятиями не «элементы», а «компоненты», «составляющие» деятельности). Как выше отмечалось, важную роль в становлении и сохранности типовых стилей, наряду с организацией деятельности, играет активность взаимодействующих субъектов и порождаемые ею феномены – диады, триады, психологические ниши.

В нашем подходе акцентировано следующее: стили деятельности выступают не только и не столько как «индивидуальные» стили

деятельности (СД), а прежде всего как типовые стили деятельности СД, так как их детерминация определяется не только индивидуальностью человека и совокупностью условий деятельности («усредненными требованиями»), а специфическими – преобладающими в данный исторический период, в решении данного класса задач и пр., а также влиянием стилей всех взаимодействующих субъектов совместной деятельности и их активностью. В настоящей работе рассматривается именно то, как вышеуказанные факторы влияют на эффективность типовых СД, какие особенности можно выделять.

Пятое отличие: классическая концепция стиля опиралась на изучение стилей представителей массовых профессий в 1950–1970 годы (и не могла быть независимой от идеологии социалистического общества). Нами изучаются стили в видах деятельности с высокой «планкой» профессионализма, имеющей объективную дифференцированную шкалу профессионализма (в спорте – 10 уровней от юношеских разрядов до звания «Заслуженный мастер спорта»). Если в массовых профессиях человек на первую квалификацию поднимался через несколько недель или месяцев обучения, а на третью – шестую как высшую мог подняться через 3–5 лет работы по специальности, то в спорте аттестация субъектов несравненно жестче и объективнее. Например, если в спортивных единоборствах для аттестации на первых ступенях достаточно было одержать 4–6 побед над ровесниками в течение года, то на высшей необходимо стать лучшим в мире, на открытом турнире показать, что спортсмен является объективно лучшим среди сотен тысяч и миллионов соперников.

Следствием изучения стилей с дифференцированной шкалой профессионализма стали актуальными вопросы успешности субъектов, эффективности их стилей и факторов, их определяющих. Вопрос об эффективности деятельности представителей разных стилей чаще замалчивался (пожалуй, прямо об этом стал писать только Е. П. Ильин в конце 1970-х годов; из школы Климова–Мерлина – М. Р. Щукин в конце 1980-х стал рассматривать вопрос разной эффективности стилей). Согласно концепции ИСД стили рабочих-станочников и других представителей массовых профессий понимались как эффективные и завершенные психологические системы («неэффективным типологически адекватный стиль быть не может»). В наших исследованиях установлено, что даже в стилях лучших спортсменов страны, имеющих звание «Мастер спорта международного класса», можно выявлять множество «несовершенств»,

ограничений, устранение которых будет способствовать дальнейшему прогрессу спортсмена.

Шестое отличие: в рамках классической концепции стиль рассматривается как ИСД, как единственный стиль субъекта, который мог измениться в некоторых признаках при радикальном изменении условий деятельности, скажем, при переходе ткачих на работу на четырех тяжелых станках. Но при этом типичный для «подвижных» реактивный стиль оставался реактивным, а «инертные» преобразовывали отдельные элементы и сохраняли свой превентивный стиль (Климов, 1969). Мы исходим из того, что стилей у каждого субъекта квалифицированной деятельности может быть несколько; что их вариативные реорганизации могут проходить в широких пределах; что между разными стилями есть генетические и функциональные связи; что между частями (или подсистемами) стилей есть связи. Это означает, что стили вернее понимать во *множественном числе*, как множество образований, умозрительно разделять которые едва ли правомерно, и не только как «психологическую систему» (Е. А. Климов, В. С. Мерлин и др.), а как «систему систем».

В границах функционирования стилей как целостных систем относительно автономно существуют их подсистемы, подчиненные специфической природе их составляющих, с одной стороны, с другой – согласованные со стилем как общей системой. Двусторонность воздействия компонентов и структур выше- и нижележащих подсистем и есть важнейшее свойство стиля как психологической системы, определяющей как его устойчивость, так и пластичность, способность быть интегрированной с динамичными условиями среды и индивидуальностью и вариативной активностью со-субъектов.

Едва ли успешные решения субъектом множества разных задач могут обеспечиваться одной универсальной психологической системой. Более вероятно, что ее универсальность есть следствие множества ситуативно актуализирующихся психологических систем и подсистем, подключающихся к решению новых задач, задач в новых условиях, при реорганизациях «базовой» системы в таких пределах, когда уже трудно однозначно утверждать, что это та же самая система.

Седьмое отличие: в рамках «классической» концепции стиль рассматривается как *индивидуальный стиль деятельности* (ИСД); В. С. Мерлин дает также возможную классификацию разных стилей (элементарной активности, деятельности, жизни и т. д.), но им рассматривается и обсуждается только ИСД. В наших работах допуска-

ется существование множества стилей – как в плане вариативных реорганизаций стилей, их изменений, так и в плане их переходов в стили разной общности (индивидуального стиля деятельности в стиль наставника производственного обучения, стиля спортсмена в стиль тренера, стиля деятельности – в стиль общения, стиль поведения и т. п. – Толочек, 2000). Из признания множества детерминант стилей следует допущение о множестве пространств их функционирования, следовательно, актуальными становятся вопросы общности их структурно-функциональной организации, генетических отношений стилей разной общности и др.

Восьмое отличие: в рамках «классической» концепции стиль рассматривается в системе отношений «субъект–деятельность». Наш анализ проводится в более широком контексте, как отношения «человек–среда (окружение)». Иначе говоря, при новой постановке вопроса в сферу анализа вбирается все многообразие форм адаптации человека к среде и в среде. При новой постановке проблемы можно было обобщать близкий литературный материал, отражающий разные формы адаптации человека к среде (личностные типы, стили поведения, манеры ведения поединка, образы жизни и др.). Не обязательно, чтобы сами авторы называли эти формы адаптации стилями – достаточно, если в них угадываются основные, типовые механизмы адаптации к среде. Не обязательно, чтобы сами авторы в этих формах адаптации выделяли разные иерархические уровни, достаточно, если они угадывались в описаниях или в контекстах (как СУУД, операциональные структуры, ИР/ТОД). Другими словами, в понимании стилей как механизмов адаптации индивидуальности человека к среде возможна более широкая трактовка, чем это имело место в «классической» концепции, в которой стиль рассматривается как ИСД (также и в других, в которых рассматривается и анализируется какой-то определенный вид стилей – когнитивные, эмоциональные, руководства, поведения и пр.).

Таким образом, новые факты, полученные при изучении стилей в видах деятельности с вариативно-изменяемыми условиями, в деятельности с высокой «планкой» и объективной дифференцированной шкалой профессионализма, с одной стороны, с другой – накопленный опыт изучения стилей в 1950–1980-х годах и позволили по-новому представить проблему *стилей* – уже не только как *стиля*. Критическая рефлексия методологии отечественной психологии в 2000-х годах также способствовала переосмыслению проблемы (Толочек, 2013).

Обсуждая перспективу дальнейших исследований стилей в психологии, выделим несколько сравнительно независимых проблем.

1. *Структуры как фактор успешности субъекта.* Начало обсуждения этой темы положено в настоящей книге. Признаем, что оно не было исчерпывающим и нуждается в дальнейших исследованиях. Как правило, чаще раздельно рассматриваются структуры разных типов, которые можно и должно рассматривать в их единстве: функционально-организационные (традиционно выявляемые посредством корреляционного и факторного анализа составляющих стиля), пространственные (как структурное подобие, рассматриваемое нами в монографии), временные (отражающие механизмы вариативных реорганизаций), генетические (раскрывающие механизмы зарождения, становления, развития и разрушения стилей).
2. *Подсистемы первоначальной адаптации: предпочитаемые, субъективно удобные условия деятельности (СУУД).* Оценка, выбор, предпочтение определенных СУУД рассматриваются нами как проявление изначальной саморегуляции индивида (еще не в качестве «субъекта», как его понимают в отечественной психологии) в его отношениях с окружением. Подобная «общая» и универсальная адаптация к окружению происходит на бессознательном уровне, при ориентации на критерии эмоциональной привлекательности, психофизиологических затрат для поддержания функционирования в данном режиме, успешности деятельности в данных условиях.

Первоначальная адаптация индивида строится по универсальным параметрам пространства, времени, информации, энергии: близко–далеко, высоко–низко, быстро–медленно, часто–редко, интенсивно–умеренно, мощно–слабо, целостно–дробно и т. п. Такая адаптация закрепляется как симультанное, эмоциональное реагирование человека на сходные ситуации деятельности и жизнедеятельности. Она устойчива и характерна для разных видов деятельности субъекта. В структурно-функциональной организации стилей СУУД выступают первым, базовым уровнем. Функционирование таких общих и генерализованных психологических механизмов, которые проявляются не только в становлении стилей, требует отдельного изучения.

3. *Подсистемы «универсальной» адаптации: «идеальные регуляторы/тип организации деятельности» (ИР/ТОД).* Есть достаточ-

ные основания пересмотреть вопрос «идеальных регуляторов», в частности, в профессиональной деятельности. В контексте проблемы стилей «идеальные регуляторы» деятельности и поведения не являются универсальными и едиными для всех людей. Напротив, идеальные регуляторы отражают выраженную субъективную пристрастность, обусловленность индивидуальными особенностями человека, не только осознаваемыми, но и неосознаваемыми, что также может и должно быть предметом отдельного исследования, и не только в русле проблемы стилей.

4. *Психологические ниши как адаптация субъекта в контактных группах.* Для объяснения содержания и эволюции стилей нами вводятся новые понятия («пространство», «триады», «психологические ниши» и др.), отражающие аспекты совместной деятельности и взаимодействий субъектов в ограниченном пространстве ситуативно актуализируемых условий среды. Феномены «триады», «диады», «психологические ниши» отражают разные влияния на человека социально-психологических и социальных детерминант, следствием которых и является каскад систем адаптации к разным «масштабам» фрагментов среды. По меньшей мере можно выделять адаптацию человека в контактных рабочих группах (названных нами «триады» и «диады») и в масштабе профессионального сообщества («психологические ниши»).

Все реальные взаимодействия субъектов, субъекта и среды всегда протекают в ограниченном пространстве и времени; все отношения человека и его окружения двусторонни, взаимозависимы. Следовательно, именно отношения и взаимодействия «субъект–субъект» и «субъект–среда» могут порождать спектр эффектов – от синергии до разрушения деятельности; именно в таких взаимодействиях порождаются и актуализируются разные ресурсы.

5. *Адаптация в масштабе деятельности (профессии) как выбор специализации.* В адаптации к окружению, наряду с формированием стилей, могут иметь место и цепочки последовательной рефлексии человеком своей индивидуальности и типичных условий среды. Звеньями таких цепочек, как ступени или этапы сопряжения, могут быть: 1) ориентация в представленном множестве и выбор определенной деятельности; 2) выбор специализации или ее разновидности (например, в спорте, в классе сложнокоординированных видов, предпочтение может отда-

ваться спортивной или художественной гимнастике, акробатике, прыжкам в воду или прыжкам на батуте; в единоборствах – боксу, фехтованию или борьбе, далее – классической или вольной борьбе, дзюдо или самбо, а в фехтовании – на рапире, шпаге или сабле); 3) специализация и формирование стиля; 4) ориентация в стилях партнеров и выбор «ниши», амплуа, роли (в единоборствах, в спортивных играх и др.); 5) формирование особых интеграций с партнерами, с тренером.

6. *Цепочки стилей*. Для понимания закономерностей становления, развития, функционирования и видоизменения стиля оправданно выйти за пределы устоявшихся психологических научных конструкций и обратиться к более широким контекстам, к новой научной методологии – *экологическому* (Панов, 2004; и др.), *системогенетическому* (Карпов, 2012; Поваренков, 2012; Шадриков, 2004, 2012; и др.), *синергетическому* подходам (Пригожин, 2002; Капица, Курдюмов, Малинецкий, 2003; Крылов, 1993; и др.).

Нами предложен подход к разработке интегральной концепции стилей в русле исследований научной школы В. С. Мерлина – Е. А. Климова. Сущностные свойства стилей раскрываются в движении от частного к общему, от частных стилей – к «общему» стилю человека как бытию частных систем в общих, в цепочке разных проявлений стилей: *индивидуальные стили деятельности – стили профессиональной деятельности – стили деятельности – стили жизни – стили человека*. Выделенные стили различаются по их обобщенности, их обусловленности частными задачами отдельной деятельности или более общими детерминантами, по их подчиненности отдельным целям отдельных субъектов или целям социальных групп и могут рассматриваться согласно механизму транзитивности как ИСД<СПД<СД<СЖ<СЧ (Толочек, 2013).

7. Перспективным направлением можно назвать изучение стилей как психологических систем, обеспечивающих доступ субъекта к разным ресурсам. При реализации *ресурсного подхода* стили рассматриваются в широком контексте *взаимодействия человека со средой, окружением*. Согласно *ресурсному подходу*, активность человека как субъекта деятельности и жизнедеятельности проявляется, в частности, в том, что его стили выступают психологическими средствами, не только функционирующими как «устойчивые психологические системы» в заданных усло-

---

виях, но также как обеспечивающие актуализацию субъектом новых ресурсов – интра-, интер- и внесубъектных.

Разработка возможных подходов к дальнейшему изучению стиля, привлечение новых идей для объяснения получаемого материала позволит выйти на объяснение *целостного цикла эволюции стилей: зарождения, становления, развития, инволюции, их обращений и взаимных переходов.*

Автор надеется, что проведенные им сбор и обобщение уникальных фактов, опыт разработки концепции стилей могут внести в актив психологической науки и практики определенный вклад, отвечающий критериям актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости, оправдывающий публикацию этой книги.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Алексеев А. В.* Себя преодолеть! М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Аркадьев А. В.* Тактика в фехтовании. М.: Физкультура и спорт, 1969.
- Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.
- Александров Ю. И.* Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
- Александров Ю. И.* Макроструктура деятельности и иерархия функциональных систем // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 26–30.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Дружинин В. Н.* Теория функциональных систем в психологии // Психологический журнал. 1998. Т. 10. № 6. С. 4–19.
- Аллахвердов В. М.* Когнитивные стили в структурах процесса познания // Когнитивные стили / Под ред. В. В. Колга. Таллин, 1986. С. 17–20.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2002.

- Анохин П. К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
- Анцыферова Л. И.* К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Артемяева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, 1999.
- Асмолов А. Г.* Психология индивидуальности. Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
- Асмолов А. Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
- Афанасьев В. Г.* Системность и общество. М.: Политиздат, 1980.
- Афанасьев В. Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. М.: Политиздат, 1986.
- Базылевич Т. Ф.* Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Базылевич Т. Ф.* Дифференциальная психология и психофизиология. М.: Инфра-М, 2012.
- Баландин В. И., Блудов Ю. М., Плахтиенко В. А.* Прогнозирование в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1986.
- Байметов А. К.* Некоторые особенности индивидуального стиля в учебной деятельности у старшеклассников, обусловленные силой возбуждательного процесса: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1968.
- Барабанщиков В. А.* Принцип системности в современной психологии: основания, проблемы, тенденции развития // Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–17.
- Безносков С. П.* Особенности оценочного стиля личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1982.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. СПб.: Лениздат, 1992.
- Белоусов С. Н.* Индивидуальная манера ведения боя и пути ее формирования у фехтовальщиков: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1976.
- Бернштейн Н. А.* Биомеханика и физиология движений // Избранные психологические труды. М.: Изд-во МПСИ, 2004.

- Битехтина Л. Д.* Исследование зависимости поведения в экстремальных ситуациях от некоторых свойств личности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1977.
- Благуш П.* Категории тестирования двигательных способностей. М.: Физкультура и спорт, 1982.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
- Бодров В. А.* Психология профессиональной пригодности. М.: Пер Сэ, 2001.
- Бодров В. А., Журавлев А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей. М.: ИЦ «Академия», 2002.
- Боголепов В., Малиновский А.* Организация // Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967. С. 160–161.
- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ, 2004.
- Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
- Бойченко С. Л., Тышлер Л. А.* Методика тактической подготовки фехтовальщика. Минск: Высшая школа, 1983.
- Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина, 1988.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. СПб.: Алетейя, 2003.
- Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта. М.: Корвет, 2008.
- Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995
- Булгакова Н. Ж.* Отбор и подготовка юных пловцов. М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Варга А. Я.* Структура и типы родительского отношения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
- Васильюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия: Опыт построения психотерапевтической системы // Гуманитарные исследования в психотерапии. М.: МГППУ–ПИ РАО, 2007. С. 1159–2003.
- Веденов М. В., Кремьянский В. И.* Специфика биологических структур // Структура и форма материи / Отв. ред. М. Э. Омеляновский. М.: Наука, 1967. С. 616–643.
- Веккер Л. М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.

- Винокуров Л. В. Эмоциональный интеллект // Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь. СПб.: Питер, 2007. С. 641–643.
- Волков В. Н., Филин В. П. Спортивный отбор. М.: Физкультура и спорт, 1983.
- Волков Н. К. Динамика предстартового эмоционального состояния у борцов и методика его регуляции. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1976.
- Волочков А. А. Активность субъекта бытия: Интегративный подход. Пермь: ПГПУ, 2007.
- Воронин Е. В. Формирование индивидуального стиля игры в настольном теннисе: дис. ... канд. пед. наук. Л., 1984.
- Воскобойников А. Э. Формирование понятия «структура» в системно-структурных исследованиях: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1967.
- Вяткин Б. А. Роль темперамента в спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1978.
- Вяткин Б. А. Управление психическим стрессом в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1981.
- Вяткин Б. А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во ПГУ, 2000.
- Вяткин Б. А. Метаиндивидуальность как одно из проявлений полисистемного взаимодействия // Полисистемное исследование индивидуальности человека / Под ред. Б. А. Вяткина. М.: Пер Сэ, 2005. С. 9–16.
- Вяткина З. И. Индивидуальный стиль деятельности учителя физического воспитания на уроке и его формирование у студентов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1976.
- Галковский Н. М. Принципы тактико-технического мастерства в вольной борьбе // Братство богатырей. М.: Физкультура и спорт, 1976. С. 31–45.
- Голицын Г. А., Петров В. М. Факторы асимметрии творческого процесса: отбор существенных признаков музыкального творчества // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3.
- Гапонова С. А. Комплексная оценка психофизиологической пригодности водителей автомобилей: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Геодакян В. А. Эволюционная теория пола // Природа. 1991. № 8. С. 60–69.
- Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

- Голубева Э. А. Индивидуальные особенности памяти человека. М.: Педагогика, 1980.
- Голубева Э. А. Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993.
- Горбачев А. И. Некоторые социально-психологические аспекты судейства игры в волейбол // Психофизиологические основы физического воспитания и спорта. Л.: ЛГПИ, 1972. С. 118–126.
- Горбунов Ю. Я. Индивидуальный стиль волевой активности и его формирование у старших школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1992.
- Горская Г. Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. Краснодар: КГАФК, 1995.
- Грачев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Институт практической психологии, 2008.
- Грязева-Добшинская В. Г. Синергия взаимодействий субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидерства // Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина. ИП РАН, 7–8 окт. 2010. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 298–308.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
- Гуревич К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы человека. М.: Наука, 1970.
- Данилов В. А., Козлова В. А. Шахматная деятельность и индивидуально-психологическое своеобразие шахматистов // Проблемы деятельности в современной психологии. Тезисы докладов к V Все-союзному съезду Общества психологов СССР. М., 1977. С. 176–181.
- Дембо А. Г. Причины и профилактика отклонений в состоянии здоровья спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 1981.
- Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Джапаралиев В. Г. Индивидуализация тактической подготовки борцов в связи с особенностями соревновательной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982.
- Джероян Г. О. Тактическая подготовка боксера. М.: Физкультура и спорт, 1970.
- Дикая Л. Г. Регулирующая роль образа функционального состояния в экспериментальных условиях деятельности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 1. С. 55–65.
- Дмитриев А. В. Факторы, определяющие индивидуальную манеру боя в боксе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1980.

- Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978.
- Додонов Б. И. В мире эмоций. Киев: Политиздат Украины, 1987.
- Дорфман Л. Я. Индивидуальный эмоциональный стиль // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 88–95.
- Дорфман Л. Я. Эмоциональные стили: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994.
- Дружинин В. Н. Психология способностей. Избранные труды / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Еганов А. В. Эффективность средств повышения технического мастерства борцов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1985.
- Егорова М. С. Природа индивидуальной вариативности показателей когнитивного стиля: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.
- Жданова С. Ю. Психология познания индивидуальности человека. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2005.
- Жилкин В. П. Эффективность действий баскетболистов // Психофизиологические особенности спортивной деятельности / Под ред. Е. П. Ильина. Л., 1975. С. 29–35.
- Житлов В. В. Индивидуально-типичные реакции фехтовальщиц на тренировочные нагрузки // Психология спортивной деятельности / Под ред. П. А. Жорова и др. Казань, 1985.
- Журавлев А. Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность: методология, теория, практика. М.: Наука, 1988. С. 19–36.
- Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия (Теоретические и прикладные аспекты). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Завадский К. М. Учение о виде. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
- Завалишина Д. Н. Практическое мышление: специфика и проблемы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Зайцев В. П. Формирование готовности к соревнованиям с учетом индивидуальных особенностей спортсменов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1979.
- Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Иванов Л. Ю. Взаимодействия тренера-капитана и спортсменов в теннисе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
- Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

- Илларионов Г. Г. Индивидуальные особенности предпочитаемого стиля спортивной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1978.
- Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология физического воспитания и спорта. Л., 1979.
- Ильин Е. П. Изучение свойств нервной системы. Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1979.
- Ильин Е. П. Психофизиология физического воспитания: Деятельность и состояния. М.: Просвещение, 1980.
- Ильин Е. П. Психофизиология физического воспитания: Факторы, влияющие на эффективность спортивной деятельности. М.: Просвещение, 1983.
- Ильин Е. П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–93.
- Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2008.
- Ильин Е. П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2009.
- Ильин Е. П., Драчук Н. С. Психологическая характеристика фехтовальщиков // Спорт и возрастная психофизиология / Под ред. Е. П. Ильина. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 80–89.
- Ильин Е. П., Рыбакова Н. П. Эффективность игровых действий баскетболистов в связи с типологическими особенностями проявления свойств нервной системы // Психофизиология / Под ред. Е. П. Ильина. Л.: ЛГПИ, 1975. С. 31–35.
- Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б. А. Вяткина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Исмагилова А. Г. Стиль педагогического общения в исследовании индивидуальности: полисистемный подход: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Пермь, 2002.
- Кабардов М. К. Коммуникативные и когнитивные составляющие языковых способностей: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2001.
- Кабардов М. К. Актуальные проблемы психофизиологии индивидуальных различий и дифференциальной психофизиологии // Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня. Материалы конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б. М. Теплова, 10–11 ноября 2011 г. / Под ред. М. К. Кабардова. М.: Смысл, 2011. С. 18–28.
- Кадыров М. Р. Аэробная работоспособность лиц с сильной и слабой нервной системой // Психофизиологические аспекты спортивной и учебной деятельности / Под ред. Е. П. Ильина. Л., 1987. С. 35–38.

- Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Карпман В. Л., Белоцерковский З. Б., Гудков И. А. Тестирование в спортивной медицине. М.: Физкультура и спорт, 1988.
- Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Келлер В. С. Деятельность спортсменов в вариативных конфликтных ситуациях. Киев: Здоровье, 1977.
- Клецев В. Н. Свойства темперамента как условие эффективной деятельности спортсменов высшей квалификации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
- Клецев В. Н., Джероян Г. С., Родионов А. В. О соотношении свойств темперамента у боксеров высшей квалификации // Бокс. Ежегодник / Сост. Н. А. Худадов. М.: Физкультура и спорт, 1979. С. 44–47.
- Клецев В. Н., Родионов А. В. Показатели сенсомоторного реагирования в связи с индивидуальной манерой боя и уровнем достижений боксеров // Научно-спортивный вестник, 1988. № 2. С. 12–15.
- Климов Е. А. Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопросы психологии. 1959. № 2. С. 66–76.
- Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969.
- Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство // Исследования по общей теории систем / Отв. ред. М. В. Садовский, Э. Г. Юдин. М.: Наука, 1969. С. 287–319.
- Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия / Под ред. М. В. Фаликман, В. Ф. Спиридонова. М.: Ломоносовъ, 2011.
- Колга В. А. Дифференциально-психологическое исследование когнитивного стиля и обучаемости: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.
- Колга В. А. Возможные миры когнитивных стилей // Когнитивные стили / Под ред. В. В. Колга. Таллин, 1986. С. 32–37.
- Коломейцев Ю. А. Межличностные отношения в спортивном коллективе / Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ярославль, 19–21 мая 2011 г. В 3 ч. Ч. III / Отв. Ред. А. В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 178–181.

- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Копытова Л. А. Индивидуальные особенности трудовой деятельности наладчиков в спокойных ситуациях и при простоях станков в зависимости от силы нервной системы относительно возбуждения. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1964.
- Кочетков В. В., Скотникова И. Г. Индивидуально-психологические проблемы принятия решения. М.: Наука, 1993.
- Кравченко Л. С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
- Краткий словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988.
- Крейг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
- Кроновер Р. М. Фракталы и хаос в динамических системах. Основы теории. М.: Постмаркет, 2000.
- Кулиев О. А. Поэтапная программа обучения и совершенствования ударов ближнего боя в боксе // Теория и практика физической культуры. 1986. №9. С. 20–23.
- Кураев В. Форма // Философская энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1970. С. 382.
- Кучменко А. Н. Влияние различных учебных ситуаций на продуктивность учебной деятельности старших школьников в зависимости от силы и уравновешенности нервных процессов // Вопросы психологии. 1974. №4. С. 52–58.
- Лебедев В. М. Проявление симметрии–асимметрии в некоторых функциях спортсмена // Теория и практика физической культуры. 1970. №10. С. 23–26.
- Леевик Г. Е. Личность и деятельность спортсмена-парашютиста. М.: Изд-во ДОСААФ, 1986.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев Д. А. Совместная деятельность, общение, взаимодействие // Вестник высшей школы. 1989. №11. С. 39–45.
- Ленц А. Н. Тактика в спортивной борьбе. М.: Физкультура и спорт, 1967.
- Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Лефевр В. А. Рефлексия. М: Когито-Центр, 2003.
- Либин А. В. Стилиевые и темпераментальные свойства в структуре индивидуальности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.

- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования. М.: Наука, 1999.
- Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.
- Люсин Д. В., Ушаков Д. В. Введение // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 3–9.
- Ляхов И. И. Структурность – всеобщее и существенное свойство материи // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. 1965. № 1. С. 61–70.
- Ляудис В. Я. Структура продуктивного учебного взаимодействия // Психологические проблемы взаимодействия учителя с учащимся / Под ред. А. А. Бодалева, В. Я. Ляудис. М., 1980. С. 37–52.
- Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: МАНП, 2007.
- Максаков А. Ю. Стили педагогического общения тренеров детских команд и их оптимизация: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1990.
- Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
- Мандельброт Б. Б. Фрактальная геометрия природы. М.: Институт компьютерных исследований, 2002.
- Мандельброт Б., Хадсон Р. Л. (Не) послушные рынки: фрактальная революция в финансах. М.: «Вильямс», 2006. С. 400.
- Марков В. Н. Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М.: РАГС, 2001.
- Маркелов В. В. Типологические различия во влиянии некоторых форм педагогического воздействия на формирование двигательных навыков // Темперамент и спорт / Под ред. В. С. Мерлина. Вып. 1. Пермь: ПГПИ, 1972. С. 19–53.
- Мартиросов Э. Г. Морфофункциональная организация и спортивные достижения борцов высокой квалификации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1968.
- Маслаков И. А. Экспериментальное исследование взаимосвязи между выбором спортсменами-боксерами манеры ведения боя и особенностями времени их сложных двигательных реакций: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1973.

- Маслова Н. Ф.* Стиль педагогического руководства и оптимальность сочетания воспитывающих воздействий учителя // Психолого-педагогические проблемы взаимодействия учителя и учащегося / Под ред. А. А. Бодалева, В. Я. Ляудис. М.: НИИОП АПН СССР, 1980. С. 131–137.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Мерлин В. С.* Типологически обусловленные особенности в труде и производственном обучении ткачих // Проблемы психологии личности и психологии труда / Под ред. В. С. Мерлина. Пермь, 1960. С. 5–57.
- Мерлин В. С.* Очерк теории темперамента. М.: Просвещение, 1964.
- Мерлин В. С.* Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Мерлин В. С., Климов Е. А.* Формирование индивидуального стиля деятельности в процессе обучения // Советская педагогика. 1967. № 4. С. 110–118.
- Мерлинкин В. П.* Некоторые типологически обусловленные особенности формирования начального навыка у спортсменов-акробатов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1968.
- Методы и портативная аппаратура для исследования индивидуально-психологических различий человека / Под ред. Н. И. Пейсахова.* Казань: Изд-во КГУ, 1976.
- Мишутин Д. А.* Профессионально-педагогическое общение учителя и ученика на уроке физической культуры: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Мэй Р.* Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Моргунов Ю. А.* Экспериментальное обоснование выбора атакующих действий, средств и методов их совершенствования в борьбе дзюдо в зависимости от пропорций тела спортсменов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1974.
- Москвин В. А., Москвина Н. В.* Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М.: Смысл, 2011.
- Небылицын В. Д.* Основные свойства нервной системы. М.: Наука, 1966.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.

- Никитюк Б. А. Интегративные подходы в возрастной и спортивной антропологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Овсянникова В. В. Типы сензитивности наблюдателя при распознавании эмоций // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 114–124.
- Овчинников Н. Ф. Структура // Философская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 140–141.
- Ожиганова Г. В. Зарубежные концепции духовного интеллекта // Психология интеллекта и творчества: традиции и инновации. Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина. ИП РАН, 7–8 октября 2010 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 236–246.
- Огуренков В. И., Родионов А. В. Двигательная асимметрия в боксе по показателям психомоторики // Теория и практика физической культуры. 1975. № 6. С. 15–17.
- Оленик В. Г., Каргин Н. Н., Рожков П. А. Специфика физической подготовленности борцов различных тактических манер ведения схватки // Спортивная борьба. Ежегодник / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 21–24.
- Оленик В. Г., Рожков П. А., Каргин Н. Н. Специфика мастерства борцов различных манер ведения поединка // Спортивная борьба. Ежегодник / Сост. С. А. Преображенский. М.: Физкультура и спорт, 1984. С. 8–11.
- Омырзакова Б. Ж. Некоторые варианты взаимокompенсации психических качеств у фехтовальщиков // Психологические, психогигиенические и физиологические аспекты обучения и воспитания. Фрунзе, 1981. С. 54–56.
- Ошанин Д. А. К вопросу вариативности вспомогательного времени при работе на металлорежущих станках // Доклады АПН РСФСР. М.: Педагогика, 1957. Т. 4. С. 105–108.
- Пайтген Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. М.: Мир, 1993.
- Панов В. И. Введение в экологическую психологию. Ч. 1. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001.
- Панов В. И. Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Панюшкин В. П. Развитие тактического мышления и планирование схватки // Спортивная борьба. М., 1984. С. 8–12.
- Панюшкин В. П. Функции и формы сотрудничества учителя с учащимся: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.

- Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
- Петров В. М.* Количественные методы в искусствознании. Пространство и время художественного мира. М.: Смысл, 2000.
- Петрова Н. И.* Некоторые особенности индивидуального стиля трудовой деятельности учителя на уроке: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1970.
- Пилюян Р. А., Джапаралиев В. Т.* Совершенствование тактики ведения поединка // Спортивная борьба / Под ред. А. А. Новикова. М.: Физкультура и спорт, 1984. С. 54–57.
- Поваренков Ю. П.* Проблемы психологии профессионального становления личности. Ярославль: Канцлер, 2008.
- Поваренков Ю. П.* Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2013.
- Поддьяков А. Н.* Психодиагностика интеллекта: подавление и выявление способностей, выявление и подавление способных // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 2. С. 75–80.
- Поддьяков А. Н.* Методологический анализ парадигм конкуренции в обучении. М.: Пер Сэ, 2006.
- Позняков В. П.* Исследование социально-психологических и личностных факторов деловой активности российских предпринимателей с позиций концепции социально-психологических отношений // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ярославль, 19–21 мая 2011 г. В 3 ч. Ч. III / Отв. Ред. А. В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. С. 308–311.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 3–11.
- Полисистемное исследование индивидуальности человека / Под ред. Б. А. Вяткина.* М.: Пер Сэ, 2005
- Пономаренко В. А.* Психология духовности профессионала. М.: Пер Сэ, 2004.

- Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ, 2008.
- Поторока Г. Г. Начальное обучение тактико-техническим действиям в дзюдо с учетом типологических свойств нервной системы и темперамента занимающихся: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1986.
- Праведникова И. Е. Индивидуальный стиль моторной активности спортсмена в структуре интегральной индивидуальности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1994.
- Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Приставкина М. Д. Исполнительский стиль как разновидность индивидуального стиля деятельности (на материалах художественной гимнастики): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1984.
- Пространство // Математическая энциклопедия. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1984. Т. 4. С. 712–713.
- Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Прохоров А. О. Образ психического состояния // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 108–122.
- Прохорова М. В. Особенности коммуникативной деятельности тренера ДЮСШ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
- Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2001.
- Пуни А. Ц. Очерки психологии спорта. М.: Физкультура и спорт, 1959.
- Пуни А. Ц. О психологических особенностях соревновательной борьбы в различных видах спорта // Теория и практика физической культуры. 1970. № 6. С. 7–9.
- Решетова Т. В. Влияние когнитивного стиля на взаимоотношения врача и больного // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 1. С. 124–130.
- Родионов А. В. Психодиагностика спортивных способностей. М.: Физкультура и спорт, 1979.
- Родионов А. В. Влияние психологических факторов на спортивный результат. М.: Физкультура и спорт, 1983.
- Роджерс К. Консультирование и психотерапия. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Розе Н. А. Психомоторика взрослого человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976.

- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
- Рубцов В. В.* Основы социально-генетической психологии. М.: Изд-во ИПП, 1996.
- Руденко И. Л.* Стиль общения и его детерминанты: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.
- Рунион Р.* Справочник по непараметрической статистике. Современный подход. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Русалов В. М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Русимов В. Г.* Влияние физических нагрузок на психическое состояние лыжников-гонщиков в зависимости от типа нервной системы // Темперамент и спорт / Под ред. В. С. Мерлина. Пермь, 1976. С. 78–84.
- Рыбалко Е. Ф.* Возрастная и дифференциальная психология. СПб.: Питер, 2001.
- Сальников В. А.* Влияние тренировочных нагрузок по методу больших и максимальных усилий на рост результатов у тяжелоатлетов, различающихся по типологическим особенностям проявления свойств нервной системы // Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена / Под ред. Е. П. Ильина. Л., 1976. С. 78–84.
- Самарин Ю. А.* Стиль умственной работы старшеклассников // Известия АПН. М.–Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1948. Вып. 17. С. 103–151.
- Свидерский В. И.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М.: Соцэкгиз, 1962.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А., Ветрова И. И.* Эмоциональный интеллект: модель, структура теста (MSCEIT V2.0), русскоязычная версия // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 308–331.
- Синани Н. Д.* Анализ тренировочной нагрузки с учетом типологических особенностей спортсменов // Теория и практика физической культуры. 1967. № 2. С. 25–28.
- Сиротин О. А.* Экспериментальное исследование психофизиологической природы эмоциональной устойчивости: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.

- Сиротин О. А., Волков Н. К.* Дифференциальная психофизиология в спорте // Спортивная борьба. Ежегодник / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1974. С. 39–41.
- Смирнов С. Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Аспект-Пресс, 1995.
- Соловьев А. В.* Исследования познавательных стилей в американской психологии // Зарубежные исследования по психологии познания / Под ред. Г. Я. Розена. М.: ИНИОН, 1977. С. 235–249.
- Сопов В. Ф.* Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. М., 2010.
- Стамбулова Н. Б.* Психология спортивной карьеры. СПб.: Центр карьеры, 1999.
- Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Стиль жизни личности. Киев: Наукова думка, 1982.
- Стреляу Я.* Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982.
- Стреляу Я., Краевски А.* Индивидуальный стиль и сила нервной системы // Психофизиологические вопросы становления профессионала / Под ред. К. М. Гуревича. М.: Советская Россия, 1974. С. 176–185.
- Субханкулов М. Г.* Индивидуально-типологические различия в скоростных приемах труда у учащихся токарей-универсалов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1965.
- Сухарева А. И.* Об использовании индивидуальных особенностей в процессе формирования индивидуального стиля работы учащихся-токарей // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б. М. Теплова. М., 1967. Т. 5. С. 176–213.
- Сурков Е. Н.* Психомоторика спортсмена. М.: Физкультура и спорт, 1984.
- Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Толочек В. А.* Влияние силы НС и эмоциональной устойчивости на формирование индивидуального стиля дзюдоистов // Теория и практика физической культуры. 1981. № 12. С. 22–23.
- Толочек В. А.* Дифференциальная психофизиология и резервы повышения эффективности учебно-тренировочного процесса // Научно-спортивный вестник. 1987а. № 2. С. 7–9.
- Толочек В. А.* Индивидуальный стиль деятельности: устойчивость и изменчивость // Вопросы психологии. 1987б. № 4. С. 100–108.

- Толочек В. А. Дискретность тактико-технического пространства спортивной борьбы // Теория и практика физической культуры. 1988. № 9. С. 45–47.
- Толочек В. А. Исследования индивидуального стиля деятельности // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 53–60.
- Толочек В. А. Стили деятельности: модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М.: Измайлово, 1992.
- Толочек В. А. Влияние стиля тренера на результат спортсмена // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 147–153.
- Толочек В. А. Стилиевые характеристики и взаимодействия руководителей в управленческой структуре // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1995. № 3. С. 11–19.
- Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности: организация компонентов и взаимодействий субъектов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 3. С. 51–60.
- Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности в условиях взаимодействия субъектов // Психологический журнал. 2000а. Т. 21. № 3. С. 96–103.
- Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл, 2000б.
- Толочек В. А. Квазидиагностика и проблемы целостного изучения человека // Мир психологии. 2004. № 4. С. 100–111.
- Толочек В. А. Адаптация субъекта к социальной среде: парадоксы, парадигмы, психологические механизмы // Мир психологии. 2006. № 4. С. 131–146.
- Толочек В. А. Интерсубъектные, интрасубъектные и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2008а. № 2 (40). С. 155–161.
- Толочек В. А. Квазиизмерения в изучении профессиональных способностей субъекта // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН / Отв. Редакторы А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008б. С. 203–217.
- Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27–61.
- Толочек В. А. Профессиональные способности: интер-, интра- и внесубъектные ресурсы профессиональной успешности // Тенденции развития современной психологической науки. Тезисы

- юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. Ч. 1. С. 368–371.
- Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Толочек В. А., Александрова Н. И. Иерархические характеристики индивидуального стиля деятельности // Теория и практика физической культуры. 1985. № 2. С. 20–21.
- Толочек В. А., Голубева Э. А. Развитие концепции интегральной индивидуальности В. С. Мерлина в Пермском госпедуниверситете // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 138–141.
- Толочек В. А., Горская Г. Б., Шулика Ю. А. Индивидуальный подход в обучении // Спортивная борьба. Ежегодник. 1981 / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1981. С. 53–55.
- Толочек В. А., Дахновский В. С. Влияние тактической ситуации схватки на стиль борьбы дзюдоистов // Спортивная борьба. Ежегодник. 1983 / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 74–76.
- Толочек В. А., Дахновский В. С. Типологические особенности ВНД и структура тактических действий дзюдоистов // Спортивная борьба. Ежегодник. 1984 / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1984. С. 11–13.
- Толочек В. А., Журавлева Н. И. Динамика актуализации ресурсов субъекта на протяжении профессиональной карьеры // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 91–107.
- Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975.
- Турецкий Б. В. Совершенствование тактической подготовки фехтовальщиков в связи с индивидуальным стилем принятия решения в боевых взаимодействиях: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1981.
- Турецкий Б. В. Поединок фехтовальщиков. Киев: Здоровье, 1985.
- Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсины, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 11–30.
- Ушаков Д. В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

- Фарфель В. С. Управление движениями в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1975.
- Фетискин Н. П. Влияние типологических особенностей в проявлении основных свойств нервной системы на возникновение состояния монотонии // Психофизиологические основы физического воспитания и спорта / Под ред. Е. П. Ильина. Л., 1972. С. 150–154.
- Фидаров М. С., Бурдин И. Ф. Определение уровня мастерства борцов // Спортивная борьба. Ежегодник / Сост. А. А. Новиков. М.: Физкультура и спорт, 1976. С. 18–20.
- Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2014.
- Чумаков Е. М. Тактика борца-самбиста. М.: Физкультура и спорт, 1976.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
- Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М.: Аспект-Пресс, 2007.
- Шадрин В. М. Психологические основы формирования двигательного навыка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978.
- Ширинов А. Р. Формирование стиля ведения схватки у борцов-самбистов: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1999.
- Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1994.
- Шукин М. Р. Особенности усвоения начальных трудовых навыков в зависимости от типологических свойств нервной системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1966.
- Шукин М. Р. О структуре индивидуального стиля трудовой деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 6. С. 26–32.
- Шукин М. Р. Структура индивидуального стиля деятельности и условия формирования: дис. ... докт. психол. наук. Новосибирск, 1994.
- Эммонс Р. Психология высших устремлений. М.: Смысл, 2004.
- Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000.
- Югай Г. А. Общая теория жизни: диалектика формирования. М.: Мысль, 1985.
- Юдин Э. Г. Организация // Большая сов. энциклопедия. Т. 18. 1974.
- Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978.
- Юдина Р. Н. Стиль общения тренера и эффективность соревновательной деятельности спортсменов в художественной гимнастике

- тике // Интегральное исследование индивидуальности. Пермь, 1992. С. 88–93.
- Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Якубчик Б. И. Некоторые типологические различия в деятельности спортсменов-акробатов // Вопросы психологии. 1964. № 5. С. 20–30.
- Якубчик Б. И. Некоторые индивидуальные различия в деятельности спортсмена-акробата и учет их в процессе учебно-тренировочных занятий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1965.
- Чуприкова Н. И. Умственное развитие: Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
- Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Изд-во ИПП, 1996.
- Adler A. Understanding Human Nature. N. Y.: Garden City Publ. Co., 1927.
- Allport G. W. Personality: a psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937.
- Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behavior. London, 1967.
- Barker R. G. Ecological psychology. Stanford Univ. Press, 1968.
- Bar-On R. The Bar-On Emotional Quotient Inventory (EQ-i): Technical Manual. Toronto: Multi-Health Systems, 1997.
- Barrow I., Tipler J. The anthropic cosmological principle. Oxford: Clarendon Press, 1986.
- Bass A. H., Plomin R. A. Temperament Theory of Personality Development. N. Y.: Wiley, 1975.
- Blacker E. The generality of cognitive complexity in the perception of people and inkblots // Journal Abnorm. and Social Psychol. 1956. V. 53. № 1. P. 112–117.
- Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979.
- Broverman N. M. Dimensions of cognitive style // Journal of Personality. 1960. V. 28 (2). P. 167–185.
- Buhler Ch. Basic Tendencies of Human Life: Theoretical and Clinical Considerations. In Sinn and Sean / Ed. by R. Wisser. Tubingen: Max Niemeyer Verlag, 1960. S. 475–494.
- Buhler Ch. Meaningful living in the nature years // Aging and leasure. N. Y., 1965.
- Caruso D. R., Mayer J. D., Salovey P. Relation of an ability measure of emotional intelligence to personality // Journal of Personality Assessment. 2002. V. 79. P. 306–320.

- Child D.* Cognitive styles: some recent ideas of relevance to teachers // Personality, Cognition and Values. London, 1986. P. 171–195.
- Clauss G.* Zur Psychologie Kognitiver Style: Neuere Entwicklungen im Grenzenbereich von allgemeiner und Persönlichkeitspsychologie // Zur Psychol. Persönlichkeitsforschung. Berlin, 1978. P. 122–137.
- Eliasz A.* Broadening the concept of temperament: From disposition to hypothetical construct // European Journal of Pers. 1990. № 4. P. 287–302.
- Gardner H.* Frames of mind. N. Y.: Basic Books, 1983.
- Gardner H.* Intelligence reframed. N. Y.: Basic Books, 1999.
- Gardner R. W., Loherenz L. J., Shoen R. A.* Cognitive control of differentiation in perception of persons and objects // Percept and Motor Skills. 1968. V. 26. № 1. P. 311–330.
- Gardner R. W., Holzman P. S., Klein G. S., Linton H. B., Spence D. P.* Cognitive control: A study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychol. Iss. 1959. V. 1. № 4. P. 1–186.
- Goldsmith H. H., Campos J. J.* Toward a theory of infant temperament // The Development of Attachment and Affiliative Systems. N. Y., 1982. P. 161–193.
- Goleman D.* Emotional intelligence. N. Y.: Bantam Books, 1995.
- Jacoby L., Lindsay D. S., Toth J. P.* Unconscious influences revealed: Attention, awareness and control // American Psychologist. 1992. V. 47. P. 802–809.
- Kagan J.* Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnorm. Psychol. 1966. V. 71. № 1. P. 17–24.
- Kagan J., Moss H. A., Sigel I. E.* Psychological significance of styles of conceptualization // Child Development. 1963. V. 28. № 1. P. 73–112.
- Kegan R.* In over our heads: The mental demands of modern life. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
- Kelly G. A.* The psychology of personal constructs. N. Y.: Horton, 1955.
- Klein G. S., Gardner R. W., Schlesinger H. J.* Tolerance for unrealistic experience // British Journal of Psychology. 1962. V. 53. № 1. P. 41–55.
- Kogan N.* Cognitive styles in infancy and early childhood. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Assoc., 1976.
- Kretschmer E.* Körperbau und Charakter. 1. Ausg. Berlin: Springer, 1921.
- Levin C., Lippett R., White R. K.* Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates // Journal of Social Psychology. 1939. V. 10. P. 271–301.
- Lewin K.* Principles of topological psychology. N. Y.–London: McGraw-Hill Books Co., 1936.

- Matthews G., Zeidner M., Roberts R. D.* Emotional intelligence: Science and myth. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- Mayer J. D., Salovey P.* What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators / Eds P. Salovey, D. Sluyter. N.Y.: Basic, 1997.
- Mayer J. D., Caruso D. R., Salovey P.* Emotional Intelligence meets traditional standards for an intelligence // *Intelligence*. 1999. V. 27. P. 267–298.
- Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R., Sitarenios G.* Emotional intelligence as a standard intelligence // *Emotion*. 2001. V. 1. P. 232–242.
- McKenna F. P.* Field dependence and personality: a reexamination // *Social Behavior and Personality*. 1983. V. 11 (2). P. 51–55.
- Noble K.* Spiritual intelligence. A new frame of mind // *Advanced Development Journal*. 2000. №9. P. 1–28.
- Noe R. A., Noe A. W., Bachuber J. A.* An investigation of the correlates of career motivation *Journal of Vocational Behavior*. 1990. V. 37. №3. P. 340–356.
- Nosal Cz.* Psychologiczne modele umuslu. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990.
- Pawlik K., Stapf K.* Okologische Psychologie: Entwicklung, Perspektive und Aufbauenes Forschungsprogramms // *Umwelt und Verhalten*. Bern, 1992. P. 9–24.
- Petrides K. V., Furnham A.* On the dimensional structure of emotional intelligence // *Personality and Individual Differences*. 2000. V. 29. P. 313–320.
- Roberts R. D., Zeidner M., Matthews G.* Does emotional intelligence meet traditional standards for an intelligence? Some new data and conclusions // *Emotion*. 2001. V. 1. P. 196–231.
- Royce J. R., Powell A.* Theory of personality and individual differences: factors, systems and processes. Englewood Cliffs–London: Prentice-Hall, 1983.
- Salovey P., Mayer J. D.* Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. V. 9. P. 185–211.
- Sheldon W. H., Stevens S. S., Turker W. B.* Varieties of Human Physique. N.Y.: Harper, 1940.
- Stagner R.* Individual Style. N.Y., 1962.
- Stern W.* Die differentielle Psychologie in ihren methodischen Grundlagen. Leipzig: Joh. Ambr. Barth, 1911.
- Stogdill R. M.* Personal factors associated with leadership: a survey of literature // *Journal of Psychology*. 1948. V. 25. P. 35–71.

- Thomas A., Chess S.* Temperament and Development. N. Y.: Brunner/Mazel, 1977.
- Trist E., Higgen G., Murray H., Pollock A.* Organizational Choice. Capabilities of groups at the coal face. London: Tavistoch Publications, 1963.
- Vaughan F.* What is Spiritual Intelligence? // *Journal of Humanistic Psychology*. 2002. V. 42. № 2. P. 16–33.
- Vroom V., Yetton P.* Leadership and decision-making. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1973.
- Wardell D. M., Royce J. R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect // *Journal of Personality*. 1978. V. 46 (3). P. 474–505.
- Witkin H. A., Lewis H. B., Hertzman M., Machover K., Bretnall P. M., Wapner S.* Personality through perception. N. Y.: Harper, 1954.
- Witkin H. A., Godenough D. R.* Field dependence and interpersonal behavior // *Psychological Bulletin*. 1977. V. 84. № 4. P. 661–689.
- Zohar D., Marshall I.* Spiritual Intelligence: the Ultimate Intelligence. London: Bloomsbury Publishing, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Зависимость частоты использования способов решения задач, попыток проведения бросков и эффективности попыток в разных тактических ситуациях у борцов-дзюдоистов, различающихся по силе нервной системы

Типологические группы и ситуация	Активность	Передвижения	Блокирующие захваты	Изменение захватов	Сквозящие захваты	Срывы захватов	Прямые атаки	Эффективность прямых атак	Попытки бросков в движении	Эффективность попыток
«Сильные» 1	247	38	37	22	25	19	20	08	10	02
«Сильные» 2	196	33	35	14	21	13	18	04	08	01
«Сильные» 3	233	58	50	14	13	10	28	00	06	00
«Слабые» 1	196	77	48	27	04	05	14	01	27	15
«Слабые» 2	238	83	53	31	06	05	12	04	20	07
«Слабые» 3	192	45	36	18	08	08	22	02	12	01

Таблица 2
 Зависимость частоты использования способов решения задач в разных тактических ситуациях у борцов-дзюдоистов, различающихся по силе нервной системы в долях (%)

Типологические группы и ситуация	Передвижения	Блокирующие захваты	Изменения захватов	Сковывающие захваты	Срывы захватов	Прямые атаки	Изменения дистанции	Изменения стойки	Изменения темпа	Край ковра
«Сильные» 1	16,4	14,9	9,0	10,4	8,1	8,5	9,6	11,4	4,1	6,0
«Сильные» 2	16,2	16,7	8,5	10,9	6,9	10,2	9,8	10,9	1,0	5,9
«Сильные» 3	29,2	18,9	17,6	7,7	2,8	16,0	5,5	6,9	0,1	6,2
«Слабые» 1	39,0	24,4	14,6	2,3	3,0	3,6	4,4	4,3	1,1	4,7
«Слабые» 2	35,9	21,1	13,3	2,5	2,0	5,3	8,5	5,4	0,0	5,3
«Слабые» 3	30,8	25,0	10,5	6,0	2,3	12,5	3,3	4,7	0,0	5,2

Примечание: I. Тактические ситуации: 1 – нейтральная, 2 – после выигранного борцом технического действия, 3 – после проигранного технического действия. II. Доли способов (%) – частное от деления частоты использования данного способа к сумме всех способов (в расчете на 1 с схватки).

Таблица 3
Степень изменения активности и эффективности деятельности борцов
при изменении тактической ситуации схватки (%)

Типологические группы и ситуация	Передвижения	Блокирующие захваты	Изменения захватов	Сковывающие захваты	Срывы захватов	Прямые атаки	Эффективность прямых атак
«Сильные» 1-2	26	15	6	57	19	46	10
«Сильные» 2-3	16	57	70	0	38	30	35
«Сильные» 1-3	6	66	74	57	92	90	29
«Слабые» 1-2	18	7	9	13	33	0	17
«Слабые» 2-3	24	16	47	37	25	37	45
«Слабые» 1-3	2	71	33	50	50	37	36

Примечание: I. Тактические ситуации: 1 – нейтральная, 2 – после выигранного борцом технического действия, 3 – после проигранного технического действия. II. Активность – сумма движений, используемых способов в расчете на 1 схватки (поскольку продолжительность фрагментов в разных схватках была различной, расчеты частоты использования способов проводились как частное от числа используемых способов на продолжительности фрагмента схватки). III. Все числовые значения умножены на 1000. IV. «Прямые атаки» отражают попытки проведения броска без предварительного использования какого-либо способа подготовки. V. Эффективность – доля успешных бросков ко всем попыткам. VI. Степень изменения активности и эффективности деятельности рассчитывалась как мера изменения активности в целом и в использовании каждого способа в процентах в сравнении двух тактических ситуаций как частное от деления: 1-2 – первой и второй, 2-3 – второй и третьей, 1-3 – первой и третьей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1
Описательные статистики (борьба дзюдо: 48 чел.)

ИД (ТОД)	М	СД	Субъективно удобные условия деятельности (СУУД)	М	СД
Стиль атакующий	6,35	1,252	Противник атакующий – АТ	4,97	1,590
Стиль контратакующий	5,30	1,869	Противник контратакующий – АТ	4,46	1,502
Стиль защитный	4,41	2,242	Противник защищающийся – АТ	5,97	1,424
Стиль силовой	4,81	1,777	Противник высокоподвижный – АТ	3,35	1,670
Стиль темповой	5,19	1,713	Противник среднеподвижный – АТ	5,49	1,096
Стиль игровой	5,49	1,865	Противник малоподвижный – АТ	6,51	1,283
Тактика атакующая	6,24	1,300	Противник-силовик – АТ	4,62	1,639
Тактика контратакующая	5,43	1,573	Противник-темповик – АТ	4,35	1,567
Тактика защитная	3,35	1,296	Противник-игровик – АТ	4,89	1,410
			Темп высокий – АТ	5,68	1,442
			Темп средний – АТ	5,76	1,164
			Темп низкий – АТ	3,46	1,464
Способы решения задач	М	СД			
Изменения дистанции – АТ	5,19	1,198	Дистанция дальняя – АТ	5,05	1,615
Изменения стойки – АТ	4,38	1,516	Дистанция средняя – АТ	5,57	1,168
Передвижения – АТ	5,76	1,164	Дистанция ближняя – АТ	4,68	2,056

Блокирующие захваты – АТ	4,43	1,365	Противник атакующий – ЗТ	4,11	1,622
Изменения захватов – АТ	4,41	1,322	Противник контратакующий – ЗТ	4,11	1,745
Срывы захватов – АТ	5,38	1,479	Противник защищающийся – ЗТ	4,30	1,579
Сковывающие захваты – АТ	4,73	1,539	Противник высокоподвижный – ЗТ	4,97	1,708
Прямые атаки – АТ	5,32	1,355	Противник среднеподвижный – ЗТ	3,35	1,358
Изменения темпа – АТ	4,57	1,385	Противник малоподвижный – ЗТ	5,24	1,442
Край ковра – АТ	5,30	1,351	Противник-силовик – ЗТ	6,14	0,918
			Противник-темповик – ЗТ	4,35	1,767
Изменения дистанции – ЗТ	4,92	1,460	Противник-игровик – ЗТ	4,19	1,266
Изменения стойки – ЗТ	4,62	1,705	Темп высокий – ЗТ	4,73	1,446
Передвижения – ЗТ	5,30	1,077	Темп средний – ЗТ	4,08	1,362
Блокирующие захваты – ЗТ	5,22	1,456	Темп низкий – ЗТ	5,32	1,002
Изменения захватов – ЗТ	4,97	1,323	Дистанция дальняя – ЗТ	4,22	1,828
Срывы захватов – ЗТ	5,24	1,553	Дистанция средняя – ЗТ	5,27	1,610
Сковывающие захваты – ЗТ	5,11	1,430	Дистанция ближняя – ЗТ	5,32	1,180
Прямые атаки – ЗТ	5,19	0,938			
Изменения темпа – ЗТ	4,46	1,538			
Край ковра – ЗТ	5,43	1,168			

Примечание: 1. Противник атакующий – АТ, и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом атакующей тактики. 2. Противник силовик – ЗТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом защитной тактики. 3. Изменения дистанции – АТ – способы решения тактических задач при использовании борцом атакующей тактики. 4. Изменения дистанции – ЗТ – способы решения тактических задач при использовании борцом защитной тактики.

Таблица 2
Корреляция шести концептов стиля и видов используемой
тактики (дзюдо)

Концепты стиля	Переменные							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Стиль атакующий	1,000	0,298	-0,290	0,056	0,577	0,008	0,731	0,005
Стиль контратакующий	0,298	1,000	0,103	0,511	0,190	0,149	0,118	0,541
Стиль защитный	-0,290	0,103	1,000	0,138	-0,143	0,144	-0,178	0,232
Стиль силовой	0,056	0,511	0,138	1,000	0,240	0,003	0,129	0,418
Стиль темповой	0,577	0,190	-0,143	0,240	1,000	0,066	0,553	-0,052
Стиль игровой	0,008	0,149	0,144	0,003	0,066	1,000	-0,165	0,135
Тактика атакующая	0,731	0,118	-0,178	0,129	0,553	-0,165	1,000	0,151
Тактика контратакующая	0,005	0,541	0,232	0,418	-0,052	0,135	0,151	1,000
Тактика защитная	-0,101	0,541	0,232	0,232	0,418	-0,052	0,135	0,412

Таблица 3
Факторная матрица переменных – составляющих стилей
(стилей борцов-дзюдоистов) и объясняемая дисперсия

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Стиль атакующий		0,631	0,418	-0,206		
Стиль контратакующий	0,278		0,389		0,297	0,327
Стиль защитный	0,503	-0,177	-0,280	0,282		
Стиль силовой	0,470		0,151	-0,239	0,323	
Стиль темповой	0,269	0,820	0,214			0,206
Стиль игровой				0,520		0,527
Тактика атакующая	0,199	0,492	0,431	-0,351		
Тактика контратакующая	0,478		0,280		0,230	
Тактика защитная	0,606	-0,327				
Противник атакующий – АТ	0,391				0,560	0,346

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Противник контратакующий – АТ	0,479	0,396	0,200	0,393		-0,218
Противник защищающийся – АТ	-0,303		0,641	0,380	-0,170	-0,235
Противник высокоподвижный – АТ	0,604	-0,484	-0,277			0,400
Противник среднеподвижный – АТ	0,316	0,152			0,182	0,646
Противник малоподвижный – АТ			0,783	0,216	-0,229	
Противник-силовик – АТ	0,718	0,225				
Противник-темповик – АТ	0,226	0,265	0,207	-0,404	0,307	0,495
Противник-игровик – АТ		0,228	0,243			0,722
Темп высокий – АТ	0,274	0,556	0,338	-0,230	0,171	0,164
Темп средний – АТ			0,177	-0,163	0,517	0,452
Темп низкий – АТ		-0,463			0,246	0,429
Дистанция дальняя – АТ		0,498			0,233	
Дистанция средняя – АТ		0,437			0,433	
Дистанция ближняя – АТ	0,714	-0,175	0,150	-0,197		
Противник атакующий – ЗТ	0,651				0,316	
Противник контратакующий – ЗТ		0,247	0,596			0,226
Противник защищающийся – ЗТ	-0,207		0,302	-0,171	-0,151	
Противник высокоподвижный – ЗТ	0,639	0,256		0,156		0,195
Противник среднеподвижный – ЗТ	0,508				0,213	0,332
Противник малоподвижный – ЗТ	0,327		0,207	-0,240		
Противник-силовик – ЗТ	0,722	0,208			0,190	
Противник-темповик – ЗТ	0,451	0,361	-0,232		-0,184	0,437
Противник-игровик – ЗТ						0,780
Темп высокий – ЗТ	0,333	0,621		0,165		
Темп средний – ЗТ	0,362	0,155	0,245	-0,276	0,596	0,206
Темп низкий – ЗТ		-0,397	-0,152	0,220	-0,307	
Дистанция дальняя – ЗТ	-0,238	0,351		0,195		
Дистанция средняя – ЗТ	0,368	0,225		0,182	0,560	

Продолжение таблицы 3

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Дистанция ближняя – ЗТ	0,750			-0,156		0,184
Изменения дистанции – АТ			0,723		0,375	
Изменения стойки – АТ	0,436			0,456		-0,268
Передвижения – АТ	-0,155	0,674		0,151		
Блокирующие захваты – АТ				0,153	0,406	0,336
Изменения захватов – АТ			0,385	0,369	0,530	
Срывы захватов – АТ	0,167	0,300	0,178	0,233	0,531	-0,253
Сковывающие захваты – АТ				-0,783		
Прямые атаки – АТ	0,581	-0,339		-0,266		0,153
Изменения темпа – АТ		0,228	0,551		-0,218	
Край ковра – АТ		0,466				
Изменения дистанции – ЗТ	0,309	-0,190	0,591	0,243	0,260	
Изменения стойки – ЗТ	0,341		0,373	0,317	0,267	
Передвижения – ЗТ		0,323	-0,159	0,181	0,169	0,483
Блокирующие захваты – ЗТ			-0,280		0,791	
Изменения захватов – ЗТ				0,566	0,390	
Срывы захватов – ЗТ		0,334	0,226		0,276	-0,461
Сковывающие захваты – ЗТ	0,152			-0,729		-0,233
Прямые атаки – ЗТ			-0,183	-0,540	0,340	0,215
Изменения темпа – ЗТ	0,195		0,188	0,673		0,210
Край ковра – ЗТ		0,261				
Дисперсия (%)	17,5%	9,7%	7,8%	6,7%	6,0%	5,2%
Достижения	0,085	0,039	-0,038	-0,415	0,032	-0,340
Стабильность	0,523	0,141	0,031	-0,028	0,027	-0,127

Примечание: 1. Противник атакующий – АТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом атакующей тактики. 2. Противник-силвик – ЗТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом защитной тактики. 3. Изменения дистанции – АТ – способы решения тактических задач при использовании борцом атакующей тактики. 4. Изменения дистанции – ЗТ – способы решения тактических задач при использовании борцом защитной тактики.

Таблица 4
Описательные статистики (вольная борьба: 32 чел.)

ИД (ТОД)	М	CD	Субъективно удобные условия деятельности (СУУД)	М	CD
Стиль атакующий	6,13	1,621	Противник атакующий – АТ	6,31	1,615
Стиль контратакующий	5,63	1,431	Противник контратакующий – АТ	5,00	1,295
Стиль защитный	4,22	1,518	Противник защищающийся – АТ	4,38	1,913
Стиль силовой	4,03	1,823	Противник высокоподвижный – АТ	3,81	1,203
Стиль темповой	5,41	1,757	Противник среднеподвижный – АТ	6,16	1,322
Стиль игровой	4,74	2,170	Противник малоподвижный – АТ	5,59	2,227
Тактика атакующая	6,56	1,105	Противник-силовик – АТ	5,13	1,913
Тактика контратакующая	6,00	1,191	Противник-темповик – АТ	4,75	1,705
Тактика защитная	3,91	1,924	Противник-игровик – АТ	5,72	1,922
			Темп высокий – АТ	5,69	1,667
			Темп средний – АТ	6,41	1,411
Способы решения задач	М	CD	Темп низкий – АТ	3,31	1,635
Изменения дистанции – АТ	5,03	1,750	Дистанция дальняя – АТ	4,56	1,950
Изменения стойки – АТ	5,41	1,500	Дистанция средняя – АТ	6,59	1,456
Передвижения – АТ	5,88	1,289	Дистанция ближняя – АТ	5,69	1,854
Блокирующие захваты – АТ	5,44	1,625	Противник атакующий – ЗТ	7,13	1,745
Изменения захватов – АТ	5,41	1,500	Противник контратакующий – ЗТ	5,91	1,422

Продолжение таблицы 4

Срывы захватов – АТ	3,92	3,392	Противник защищающийся – ЗТ	3,91	1,400
Сковывающие захваты – АТ	6,45	1,696	Противник высокоподвижный – ЗТ	5,06	1,813
Прямые атаки – АТ	4,94	2,047	Противник среднеподвижный – ЗТ	5,38	1,476
Изменения темпа – АТ	5,81	1,554	Противник малоподвижный – ЗТ	5,22	1,791
Край ковра – АТ	3,97	1,959	Противник-силовик – ЗТ	5,09	2,053
			Противник-темповик – ЗТ	5,19	1,401
Изменения дистанции – ЗТ	5,31	1,575	Противник-игровик – ЗТ	5,44	2,213
Изменения стойки – ЗТ	4,47	1,900	Темп высокий – ЗТ	5,78	1,862
Передвижения – ЗТ	5,84	1,439	Темп средний – ЗТ	6,22	1,641
Блокирующие захваты – ЗТ	6,38	1,289	Темп низкий – ЗТ	4,84	1,462
Изменения захватов – ЗТ	5,19	1,203	Дистанция дальняя – ЗТ	5,50	1,586
Срывы захватов – ЗТ	6,34	1,990	Дистанция средняя – ЗТ	5,13	1,401
Сковывающие захваты – ЗТ	6,34	1,066	Дистанция ближняя – ЗТ	5,59	2,077
Прямые атаки – ЗТ	4,97	1,694			
Изменения темпа – ЗТ	5,59	1,775			
Край ковра – ЗТ	4,72	1,508			

Примечание: 1. Противник атакующий – АТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом атакующей тактики. 2. Противник-силовик – ЗТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом защитной тактики. 3. Изменения дистанции – АТ – способы решения тактических задач при использовании борцом атакующей тактики. 4. Изменения дистанции – ЗТ – способы решения тактических задач при использовании борцом защитной тактики.

Таблица 5
Корреляция шести концептов стиля
и видов используемой тактики (дзюдо)

Концепты стиля	Переменные							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Стиль атакующий	1,000	0,188	-0,090	0,348	0,219	0,092	0,175	0,167
Стиль контратакующий	0,188	1,000	0,395	0,005	-0,220	0,270	0,260	0,530
Стиль защитный	-0,090	0,395	1,000	0,137	-0,071	0,144	0,462	0,303
Стиль силовой	0,348	0,005	0,137	1,000	0,107	-0,218	0,215	-0,089
Стиль темповой	0,219	-0,220	-0,071	0,107	1,000	0,078	0,111	-0,354
Стиль игровой	0,092	0,270	0,144	-0,218	0,078	1,000	0,155	0,250
Тактика атакующая	0,462	0,260	0,175	0,215	0,111	0,155	1,000	0,147
Тактика контратакующая	0,167	0,530	0,303	-0,089	-0,354	0,250	0,147	1,000
Тактика защитная	-0,088	-0,044	0,310	0,254	0,077	0,333	-0,177	0,387

Таблица 6
Факторная матрица переменных – составляющих стилей
(стилей борцов-вольников) и объясняемая дисперсия

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Стиль атакующий	-0,255	0,429	0,180		0,174	-0,521
Стиль контратакующий		-0,187	0,221		0,753	
Стиль защитный	0,198		0,250		0,214	0,551
Стиль силовой	0,263	0,471		-0,437		
Стиль темповой	-0,198	0,556			-0,329	0,176
Стиль игровой				0,346	0,263	
Тактика атакующая		0,268	0,647		0,166	0,311
Тактика контратакующая					0,744	
Тактика защитная						0,830
Противник атакующий – АТ		0,648	0,483			

Продолжение таблицы 6

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Противник контратакующий – АТ	0,434		0,193		0,541	
Противник защищающийся – АТ	0,687					0,363
Противник высокоподвижный – АТ	-0,237	0,615	0,261		-0,216	
Противник среднеподвижный – АТ			0,271	0,692	0,155	-0,262
Противник малоподвижный – АТ		-0,647	0,269	0,234		
Противник-силовик – АТ	0,281		0,207	0,468	0,404	-0,466
Противник-теповик – АТ	0,156	0,711	0,396	0,155		
Противник-игровик – АТ	0,618	0,230	0,338	0,417	0,152	
Темп высокий – АТ		0,461	0,212		-0,175	-0,200
Темп средний – АТ		-0,183	0,212	0,297	0,626	
Темп низкий – АТ	0,529				0,268	
Дистанция дальняя – АТ		0,398		0,166	0,636	
Дистанция средняя – АТ	-0,152	0,319	0,504		0,530	
Дистанция ближняя – АТ	0,642			0,255	-0,239	
Противник атакующий – ЗТ.		0,478			0,213	0,365
Противник контратакующий – ЗТ		0,362	-0,168		0,472	
Противник защищающийся – ЗТ	0,712	0,196		-0,185	0,273	-0,207
Противник высокоподвижный – ЗТ		0,435		0,430	0,292	-0,265
Противник среднеподвижный – ЗТ	0,157		0,186	0,778	-0,171	
Противник малоподвижный – ЗТ			0,516	0,363		
Противник-силовик – ЗТ	0,187	0,313	,635	0,431	0,252	-0,210
Противник-теповик – ЗТ		0,569		0,220	0,536	-0,204
Противник-игровик – ЗТ	0,352			0,532		
Темп высокий – ЗТ	0,344	0,704	-0,185	0,159		
Темп средний – ЗТ	0,543	0,226	-0,247	0,467	0,369	
Темп низкий – ЗТ	0,451		-0,170			
Дистанция дальняя – ЗТ	-0,400	0,381			0,360	-0,183

Составляющие стилей деятельности борцов	Компонента					
	1	2	3	4	5	6
Дистанция средняя – ЗТ	0,558	0,226		0,432	0,150	-0,237
Дистанция ближняя – ЗТ	0,625	0,210		0,540		
Изменения дистанции – АТ		0,215	0,604	0,349	0,155	0,379
Изменения стойки – АТ	0,627		0,260			0,329
Передвижения – АТ			-0,425	-0,179	-0,191	
Блокирующие захваты – АТ	0,642	-0,191				
Изменения захватов – АТ	0,256		0,599	0,374		0,154
Срывы захватов – АТ	0,486	0,452		0,397	-0,183	0,328
Сковывающие захваты – АТ	0,365	0,191	0,273	0,422		
Прямые атаки – АТ	-0,328		-0,374	-0,243	0,500	0,450
Изменения темпа – АТ	0,256		0,599	0,374		0,154
Край ковра – АТ	0,284	0,543	0,495			0,247
Изменения дистанции – ЗТ	-0,221		0,169	0,678	0,211	0,324
Изменения стойки – ЗТ	0,436	0,215		0,436	-0,339	
Передвижения – ЗТ	-0,324	-0,241				-0,353
Блокирующие захваты – ЗТ	0,773					
Изменения захватов – ЗТ	0,453	0,373		0,153		
Срывы захватов – ЗТ	0,386	0,508		0,295	0,202	0,311
Сковывающие захваты – ЗТ	0,375	-0,213	0,517	0,397	0,187	
Прямые атаки – ЗТ	0,312			0,504	0,156	
Изменения темпа – ЗТ			0,442	0,603		
Край ковра – ЗТ	0,542	0,625				0,180
Дисперсия (%)	21,7%	10,1%	8,6%	7,1%	6,0%	5,0%
Достижения	-0,193	-0,040	0,138	-0,230	0,157	-0,160
Стабильность	-0,202	0,027	0,208	-0,192	0,142	-0,099

Примечание: 1. Противник атакующий – АТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом атакующей тактики. 2. Противник-силовик – ЗТ и др. – характеристики предпочитаемых условий при использовании борцом защитной тактики. 3. Изменения дистанции – АТ – способы решения тактических задач при использовании борцом атакующей тактики. 4. Изменения дистанции – ЗТ – способы решения тактических задач при использовании борцом защитной тактики.

Таблица 7

Матрицы факторных нагрузок после вращения: стили деятельности и подсистемы стилей представителей вольной борьбы (70 чел.) и борьбы дзюдо (48 чел.) («Формальный анализ»)

Стили деятельности	Факторы стилей деятельности: вольная борьба						Факторы стилей деятельности: борьба дзюдо					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
	Идеальные регуляторы/ тип организации деятельности											
Атакующий					0,653		0,549		0,290	0,245	-0,439	
Контратакующий	0,206	-0,216		0,497	-0,341			0,640		0,267		
Защитный	0,222			0,593			0,272				0,815	
Силовой		0,203	0,253			0,552	0,694					
Темповой		0,342	-0,236		0,553		0,819	0,215				-0,212
Игровой				0,689		-0,290	-0,239				0,508	0,527
Предпочтения противника												
Атакующий – АТ	0,805						0,253	0,316	-0,410		0,360	0,510
Контратакующий – АТ	0,258		0,473	0,387		0,277	0,474	0,206	0,358			
Защитающийся – АТ		0,207	0,751	0,230				-0,278	0,831			
Высокоподвижный – АТ	0,509		-0,402				0,715	0,380	-0,240		0,315	
Малоподвижный – АТ	-0,283			0,203		-0,743			0,869			
Атакующий – ЗТ	0,779			0,324				0,533	-0,337		0,437	
Контратакующий – ЗТ	0,496		0,419	0,308		0,203	0,204	0,235	0,527	0,378		0,349

Защищающийся – ЗТ		0,810							0,336	0,233	-0,334	
Высокоподвижный – ЗТ	0,646		0,421			0,427	0,543				0,355	
Малоподвижный – ЗТ		0,264				-0,817		0,472	0,325	-0,470		
Способы решения задач при атакующей (АТ) и защитной тактике (ЗТ)												
Передвижения – АТ	-0,207			0,769		0,780	-0,274					
Изменения захватов – АТ	0,628	0,348	0,363					0,211			-0,219	0,819
Срывы захватов – АТ		0,925							0,758			0,379
Прямые атаки – АТ			0,376		0,435		0,636					
Передвижения – ЗТ		-0,390		0,703		0,646						0,269
Изменения захватов – ЗТ	0,663	0,278	0,324	-0,215								0,610
Срывы захватов – ЗТ		0,866							0,891	-0,201		
Прямые атаки – АТ		0,262	0,485				0,286	-0,440	-0,505	-0,532		
Дисперсия (%)	18,2	12,1	9,4	9,0	6,9	5,9	18,7	14,5	10,5	8,4	7,6	6,4
Достижения	-0,082	0,184	-0,202	0,079	-0,493	-0,164	0,473	-0,170	0,104	0,076	-0,023	-0,098
Стабильность	0,125	0,421	-0,164	0,283	-0,191	0,002	0,566	-0,282	0,220	0,188	0,093	-0,010
Идеальные регуляторы/ тип организации де- ятельности (ИР/ТОД)	Факторы ИР/ТОД: вольная борьба						Факторы ИР/ТОД: борьба дзюдо					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Атакующий			0,980				0,310					0,927
Контратакующий						0,956				0,249		0,953
Защитный					0,970			0,972				

Продолжение таблицы 7

Силовой		0,984												0,957	0,247	
Темповой			0,973						0,944							0,292
Игровой	0,983											0,990				
Дисперсия (%)	27,9	23,9	17,6	13,4	10,3	6,9	31,7	26,3	16,5	11,2	8,8	5,1				
Достижения	-0,098	-0,127	-0,483	0,066	-0,211	0,360	0,017	0,074	0,167	-0,117	0,180	0,165				
Стабильность	0,250	-0,103	-0,198	0,227	0,166	0,145	0,099	0,138	0,094	-0,133	0,217	0,129				
Способы решения задач	Факторы ОС: вольная борьба						Факторы ОС: борьба дзюдо									
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6				
Передвижения – АТ		0,942				0,288		-0,641	0,553	-0,293	0,228					
Изменения захватов – АТ	0,933						0,893					0,242				
Срывы захватов – АТ	0,931															
Прямые атаки – АТ				0,995				0,928								
Передвижения – ЗТ	-0,227		0,413			0,860			0,968							
Изменения захватов – ЗТ	0,890					0,218				0,240				0,938		
Срывы захватов – ЗТ	0,945						0,910									
Прямые атаки – АТ					0,981						0,948					
Дисперсия (%)	33,5	19,8	14,8	13,7	9,4	5,0	26,5	19,3	17,6	12,1	9,9	6,9				
Достижения	0,219	0,147	-0,224	-0,198	0,372	0,114	-0,095	0,289	-0,228	0,119	-0,140	0,210				
Стабильность	0,272	0,226	-0,064	0,004	0,079	0,163	-0,180	0,368	-0,096	0,144	0,000	0,346				

Предпочтения противника	Факторы СУУД: вольная борьба						Факторы СУУД: борьба дзюдо					
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
Атакующий – АТ	0,882				0,277	-0,215	0,483		0,672	-0,217		-0,268
Контратакующий – АТ			0,934				0,300	0,237				0,877
Защищающийся – АТ		0,922					-0,213	0,850	-0,245			
Высокоподвижный – АТ	0,241			-0,221	0,889		0,867					
Малоподвижный – АТ				0,850		0,294		0,926				
Атакующий – ЗТ	0,870					0,261	0,239	-0,230	0,873			
Контратакующий – ЗТ	0,376		0,774			0,325		0,406	0,525	0,616	0,287	
Защищающийся – ЗТ		0,928							-0,304	0,888		
Высокоподвижный – ЗТ	0,354		0,327		0,703	0,406	0,872		0,223			
Малоподвижный – ЗТ				0,870		-0,304						0,986
Дисперсия (%)	31,7	21,7	14,1	10,9	6,1	5,2	31,5	22,9	10,8	9,3	8,7	5,8
Достижения	-0,254	-0,373	-0,089	-0,044	0,234	0,298	0,478	0,035	0,099	0,118	0,035	0,189
Стабильность	0,178	-0,294	0,144	0,072	0,069	0,098	0,537	0,125	0,221	0,036	0,083	0,386

Примечания: 1. Дисперсия: доли объясняемой дисперсии (%). 2. Достижения: корреляции уровня спортивных достижений борцов с факторами (коэффициентами значений факторов для объектов). 3. Стабильность: корреляции самооценок стабильности выступлений борцов в соревнованиях (коэффициентами значений факторов для объектов). 4. Факторы ИР/ТОД: матрицы факторных нагрузок подсистемы «идеальные регуляторы/ тип организации деятельности». 5. Факторы ОС: матрицы факторных нагрузок подсистемы «операциональные системы». 6. Факторы СУУД: матрицы факторных нагрузок подсистемы «субъективно удобные условия деятельности». 7. Передвижения – АТ и т. п. – частота использования способа при атакующей тактике; передвижения – ЗТ и т. п. – частота использования способа при защитной тактике; противник атакующий – АТ и т. п. – предпочтение атакующего противника при использовании борцом атакующей тактики; атакующий – ЗТ и т. п. – предпочтение атакующего противника при использовании защитной тактики.

Научное издание

Толочёк Владимир Алексеевич

СТИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД

Редактор – *Н. А. Калинина*

Художник – *Л. Ш. Гаришвили*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 25.02.15. Подписано в печать 10.03.15
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГТС СНАРТЕР. Уч.-изд. л. 19,8; усл.-печ. л. 23
Тираж 500 экз. Заказ № 116

ООО «Аквариус», 300062,
г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а
Тел./факс: (4872) 49-73-73
aquarius-press@mail.ru

Книги издательства «Институт психологии РАН»

- Психология человека и общества: Научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 332 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 6 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 528 с. (Труды Института психологии РАН)
- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 384 с.
- Психологические исследования. Вып. 7 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 215 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 318 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 400 с. (Труды Института психологии РАН)
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 352 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 882 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 349 с. (Психология социальных явлений)

- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 448 с.
- Резников Е. Н.* Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 510 с.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 156 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 208 с.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 496 с.
- Купрейченко А. Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 463 с.
- Харитонова Е. В.* Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 411 с.
- Корнилов Ю. К.* На пути к психологии практического мышления / Под ред. А. В. Карпова, Е. В. Коневой, Е. А. Сергиенко. Сост. С. Ю. Коровкин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 407 с. (Достижения в психологии)
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 944 с. (Труды Института психологии РАН)
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с. (Перспективы психологии)
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 416 с. (Психология социальных явлений)
- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В.* Регистрация и анализ направленности зора человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 316 с. (Методы психологии)
- Психология – наука будущего. Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, К. Б. Зуев.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 746 с. (Материалы конференции)